Российская академия наук

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 1 2009

Журнал основан в январе 1957 г.
Выходит 4 раза в год

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

Главный редактор
Л.А. Беляев

Редакционный совет:

Р.М. Мунчаев (председатель),
А.П. Деревянко, И.С. Каменецкий,
Ю.Ф. Кирюшин, Н.А. Макаров, Н.Я. Мерперт, В.И. Молодин,
М.Г. Мошкова, Е.Н. Носов, А.Д. Пряхин,
А.И. Шкурко, В.Л. Янин

Редакционная коллегия:

Х.А. Амирханов, А.П. Бужилова, П.Г. Гайдуков,
А.Н. Гей, В.И. Гуляев, Е.Г. Дэвлет, Д.С. Коробов (ответственный секретарь),
Г.А. Кошеленко, Н.А. Кренке,
А.В. Чернецов, Ю.Б. Цетлин (зам. главного редактора)

Заведующая редакцией
Т.С. Волкова

Адрес: 117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19
Телефон 124-34-42
E-mail: rosarkh@newmail.ru

Москва
Научно-производственное объединение
«Издательство “Наука”»

© Российская академия наук, 2009 г.
© Редколлегия журнала “Российская археология” (составитель), 2009 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 1, 2009

Стоянка Заозерье – памятник начальной поры верхнего палеолита на северо-востоке Европы
Павлов П. Ю. 5

О культурной принадлежности Большого Синташтинского кургана
Стефанов В. И. 18

О западносибирских зольниках эпохи поздней бронзы
Корочкова О. Н. 25

Этнокультурная ситуация в Восточных Карпатах в позднеримское время
Вакуленко Л. В. 36

Позднесарматская культура: верхняя хронологическая граница
Малашев В. Ю. 47

Керамический комплекс Смольнинского городища в Приморье: новая культурная традиция
Жущиховская И. С., Шавкунов В. Э. 53

К вопросу о расселении аланских племен Северного Кавказа по данным археологии и письменным источникам
Коробов Д. С. 64

Новые материалы по археологии Татарстана

Кремневая скульптура эпохи неолита–энеолита зоны водохранилищ Волго-Камского каскада
Шипилов А. В. 77

Проблема генезиса и хронологии ананьинских (постмаклашеевских) стел
Чижевский А. А. 81

Хозяйство населения Золотой Орды
Недашковский Л. Ф. 91

Некоторые итоги археологического изучения кремля ханской Казани (по материалам раскопок 1994–2005 гг.)
Ситдиков А. Г., Хузин Ф. Ш. 99

Кожевенное дело ханской Казани (по материалам раскопок 1994–2005 гг.)
Валиев Р. Р. 112

Публикации

Сельментаузенский раннесредневековый могильник в Чечне
Багаев М. Х., Мамаев Х. М. 125

Новые данные по радиоуглеродной хронологии Зауралья средневековой эпохи
Матвеева Н. П., Орлова Л. А., Рафикова Т. Н. 140

Строительные растворы русских крепостей XVI–XVII вв.
Носов К. С. 152

О датах смерти Е.Ф. Пожарской и В.П. Пожарского: эпиграфические заметки
Беляев Л. А. 162

История науки

Г.А. Бонч-Осмоловский: путь в археологию
Платонова Н. И. 166

Рецензии

David Lewis-Williams. The Mind in Cave. Consciouness and the Origins of Art. Thames & Hudson. New York, 2002
Шер Я. А., Волкова Ю. С. 175

Эрлих В.Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века: протомеотская группа памятников. М., 2007
Дударев С. Л. 178

Новая литература по археологии Таджикистана (2005–2007 гг.)
Соловьев В. С. 182

А.В. Жук. Василий Алексеевич Городцев в рязанский период его жизни, службы и научной деятельности. Омск, 2005.
Щавелёв С. П. 184

Хроника

Первый Международный конгресс по археологии Евразии (Турция, Измир. 21–23 мая 2007 г.)
Худяков Ю. С. 186

Межрегиональная научная конференция "Курский край в эпоху раннего металла и средние века" (Курск, 2007)
Шпилев А. Г. 189

Список сокращений 192

Сдано в набор 09.10.2008 г. Подписано к печати 22.12.2008 г. Формат бумаги $60 \times 88^1/_8$
Цифровая печать Усл. печ. л. 24.0 Усл. кр.-отт. 18.1 тыс. Уч.-изд. л. 25.6 Бум. л. 12.0
Тираж 740 экз. Зак. 864

Учредители: Российская академия наук, Институт археологии РАН

Издатель: Академиздатцентр "Наука", 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90

Оригинал-макет подготовлен МАИК "Наука/Интерпериодика"

Отпечатано в ППП "Типография "Наука", 121099 Москва, Шубинский пер., 6

Contents

Number 1, 2009

Zaozer'e: an early Upper Paleolithic site in the European Northeast
Pavlov P. Yu. 5

On the cultural identity of the Bolshoi Sintashtinskij kurgan
Stefanov V. I. 18

On West Siberian ash-pits of the Late Bronze Age
Korochkova O. N. 25

The ethnic and cultural situation in the East Carpathians in the Late Roman times
Vakulenko L. V. 36

Late Sarmatian culture: upper chronological boundary
Malashev V. Yu. 47

Pottery complex from the Smol'ninskoye hillfort in Primorye: a new cultural tradition
Zhuschikhovskaya I. S., Shavkunov V. E. 53

On the areas of the Northern Caucasus settled by Alanic tribes according to archeological data and written sources
Korobov D. S. 64

New materials on the archeology of Tatarstan

Neolithic–Eneolithic flint sculptures of the Volga-Kama reservoir cascade zone
Shipilov A. V. 77

Genesis and chronology issues of Anan'yino (post-Maklasheevka) stelae
Chijevsky A. A. 81

Economy of the Golden Horde population
Nedashkovsky L. F. 91

Archeological study of Khan's Kazan (on the basis of data from the 1994–2005 excavations)
Sitdikov A. G., Khuzin F. Sh. 99

Leather industry in Khan's Kazan (on the basis of data from the 1994–2005 excavations)
Valiev R. R. 112

Publications

Selmentausen Early Medieval cemetery in Chechnya
Bagaev M. Kh., Mamaev Kh. M. 125

New data on the radiocarbon chronology of Medieval Trans-Urals
Matveyeva N. P., Orlova L. A., Rafikova T. N. 140

Mortars of Russian fortresses of the 16th – 17th cc.
Nossov K. S. 152

On the history of the Prince Dmitry Pozharsky Family: epigraphic notes
Beliaev L. A. 162

History of science

G.A. Bonch-Osmolovsky: the path to archeology
Platonova N. I. 166

Critics and bibliography

David Lewis-Williams. The Mind in Cave. Consciousness and the Origins of Art. Thames & Hudson. New York, 2002
Sher A. Ya., Volkova Yu. S. 175

Erlich V.R. The Northwestern Caucasus at the beginning of the Iron Age: the proto-Maeotic group of sites. Moscow, 2007
Dudarev S. L. 178

New literature on the archeology of Tadjikistan (2005–2007)
Solovyov V. S. 182

A.V. Zhuk. Vassiliy Alekseevich Gorodtsev during the Ryazan period of his life, service and scientific work. Omsk, 2005
Schavelyov S. P. 184

Chronicle

The First International Congress of Eurasian Archeology (Izmir, Turkey, May 21–23, 2007)
Khudiakov Yu. S. 186

Interregional conference "Kursk Region in the Early Iron Age and Middle Ages" (Kursk, 2007)
Shpilev A. G. 189

List of abbreviations 192

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2009, № 1, с. 5–17

СТОЯНКА ЗАОЗЕРЬЕ – ПАМЯТНИК НАЧАЛЬНОЙ ПОРЫ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ ЕВРОПЫ

© 2009 г. П. Ю. Павлов

Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар

Одним из важных результатов изучения палеолита Восточной Европы в 90-х гг. прошлого столетия и в начале текущего века явилось открытие на северо-востоке континента новых памятников начальной и ранней поры верхнего палеолита – стоянок Мамонтова Курья, Гарчи I и Заозерье (Павлов, 2002) (рис. 1). Значительный интерес среди этих стоянок представляет Заозерье – один из немногих памятников начальной поры верхнего палеолита, известных в настоящее время в Восточной Европе. Его научная значимость определяется географическим положением, ранним возрастом, хорошей сохранностью культурного слоя, выразительными особенностями каменного и костяного инвентаря, а также украшений. Материалы раскопок памятника ранее были кратко опубликованы (Денисов, Павлов, 1993; Pavlov, 2002; Павлов, 2004; Pavlov et al., 2004). В статье изложены основные результаты комплексных исследований стоянки, проведенных под общим руководством автора в 2001–2005 гг.

Однослойная верхнепалеолитическая стоянка Заозерье находится на левом берегу р. Чусовая (в настоящее время Чусовского плеса Камского водохранилища) в 1.5 км восточнее д. Заозерье Чусовского р-на Пермского края. Географические координаты памятника 58°09' с.ш. и 56°59' в.д. (рис. 1). Памятник был открыт В.П. Денисовым в 1973 г. (Денисов, 1976). Стоянка расположена в нижней части крупного речного меандра на мысе 15–18 м (до заполнения водохранилища 27–30 м) III террасы р. Чусовая и приурочена к устью обширного лога, прорезающего борт речной долины.

Площадь памятника составляет не менее 2500 м^2 (рис. 2). В 1986–2005 гг. культурный слой стоянки был изучен на площади около 150 м^2 (рис. 2).

Стратиграфия отложений и возраст памятника. Культурный слой стоянки Заозерье залегает в покровных отложениях III террасы р. Чусовая и приурочен к средней части погребенной почвы мощностью до 1, 20 м. Почву перекрывают лёссовидные суглинки мощностью от 2.5 до 3.5 м. В них также зафиксированы маломощные погребенные почвы (рис. 3).

По данным Ю.Н. Грибченко (Gribchenko, 2006), разрез отложений четко подразделяется на четыре литолого-стратиграфические толщи: 1 – покровные лёссовидные суглинки, сформированные в позднем валдае; 2 – пачка гумусированных отложений среднего валдая; 3 – лёссовидные суглинки и супеси раннего валдая; 4 – гравийно-галечные отложения, вероятно, микулинского времени.

В толще отложений террасы зафиксирована система трещин сброса, образование которых связано скорее всего с карстовыми просадками ее цоколя, выполненного известняками палеозоя. Существенные криогенные деформации культурного слоя и перекрывающих отложений не выявлены.

Возраст памятника был установлен радиоуглеродным (AMS и конвенциальным) датированием образцов костей, отобранных из культурного слоя памятника.

Результаты датирования приведены в табл. 1.

Среднее значение конвенциальных датировок составляет 31000 лет, в то время как AMS-даты дают более древний возраст и распределены в интервале 33150–35140 лет со средним значением в 33900 лет. AMS-даты составляют единый кластер в пределах двойного доверительного интервала и относят формирование культурного слоя стоянки к хронологическому интервалу 33000–35000 лет.

Для разреза четвертичных отложений на стоянке Заозерье получена также серия термолюминесцентных (OSL) датировок слоя погребенной почвы, подстилающих и перекрывающих ее отложений. Для культурного слоя памятника имеется OSL-дата в 41000 л.н. Отложения, непосредственно перекрывающие культурный слой датируются в интервале от 39 до 36000 л.н. Подстилающие погребенную почву лёссовидные суглинки и супеси имеют уже значительно более древний возраст – около 90000 л.н.

Таким образом, стоянка Заозерье – один из древнейших памятников верхнего палеолита Восточной Европы.

Фауна и флора. В ходе раскопок в культурном слое были собраны сравнительно многочисленные (свыше 1500 экз.) кости животных, большая часть которых имеет хорошую сохранность. Определен следующий видовой состав (определе-

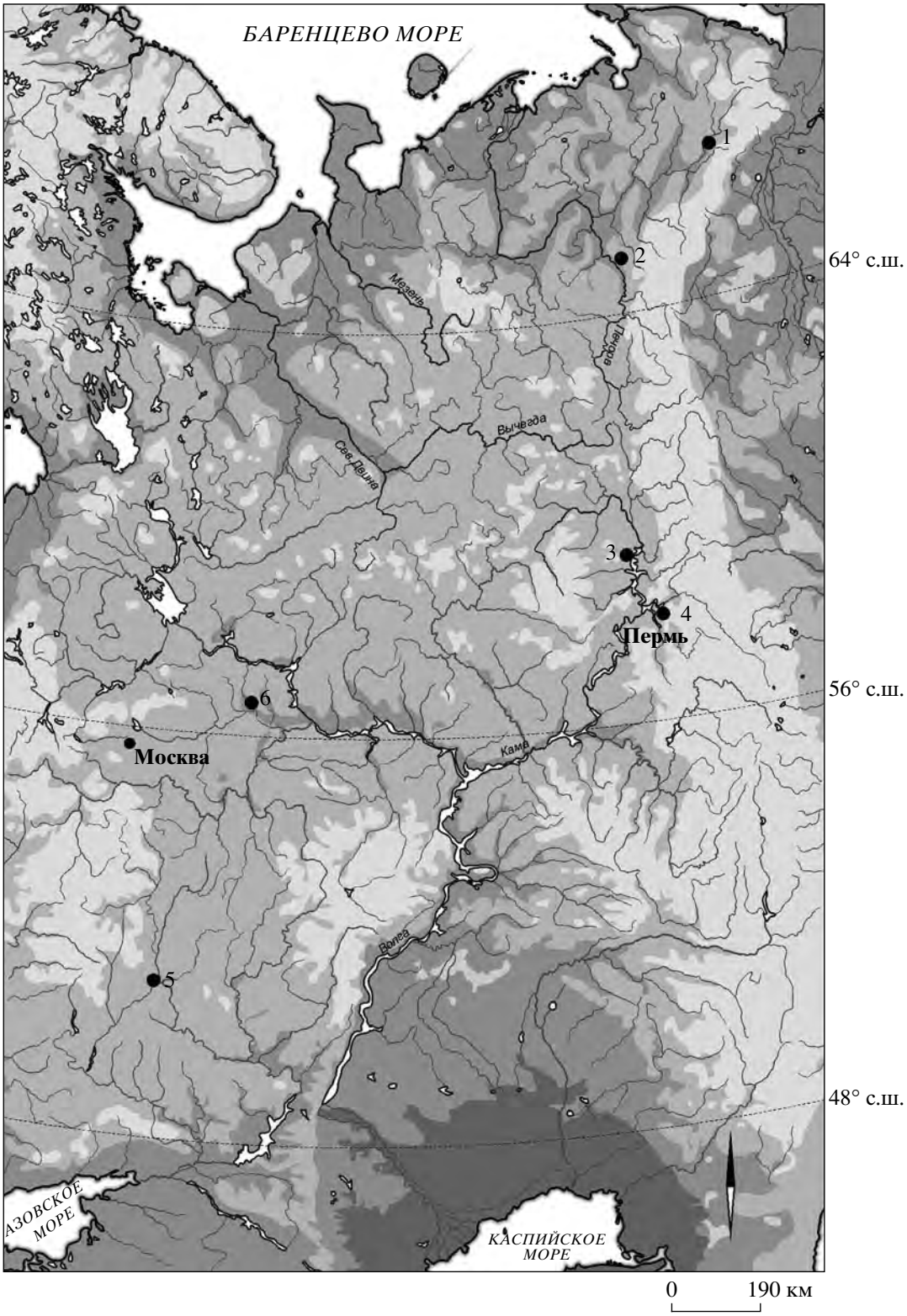

Рис. 1. Карта памятников начальных этапов верхнего палеолита в центре и на северо-востоке Русской равнины. *1* – Мамонтова Курья; *2* – Бызовая; *3* – Гарчи I; *4* – Заозерье; *5* – Костенки; *6* – Сунгирь.

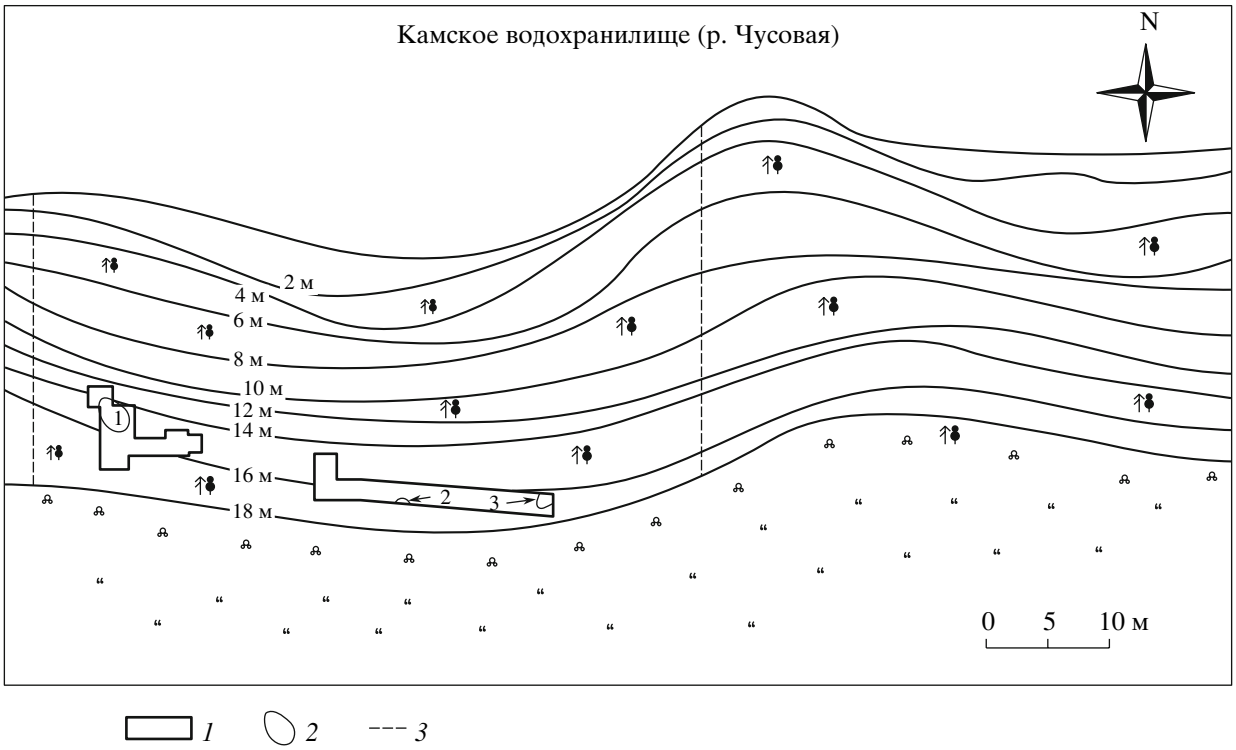

Рис. 2. Стоянка Заозерье. План. Условные обозначения: *1* – раскопы; *2* – скопления культурных остатков; *3* – установленные границы распространения культурного слоя.

ния С.А. Кузьминой, ЗИН РАН, и П.А. Косинцева, ИЭРЖ УрО РАН), который приведен в табл. 2.

Кости, найденные в культурном слое стоянки Заозерье, очень сильно фрагментированы. Среди определимых костных фрагментов представлены преимущественно кости конечностей широкопалой лошади. На некоторых из них хорошо заметны следы разделки туш в виде тонких параллельных нарезок, группирующихся, как правило, у суставных сочленений.

Палинологический анализ образцов из культурного слоя стоянки Заозерье, проведенный В.В. Писаревой (ИГ РАН), дал следующие результаты. Доминирует пыльца древесных пород – 40, при содержании пыльцы травянистых и кустарничковых растений – 33, а спор – 27%. В составе древесных пород преобладают ель (*Picea abies*) и сосна (*Pinus silvestris, Pinus sibirica*), встречаются и лиственные деревья – береза (*Betula alba, Betula humilius, Betula nana*), ольха (*Alnus incana*) и ольховник (*Alnaster fruticosus*). Травянистые и кустарничковые растения представлены большой группой сорных и рудеральных видов из родов *Artemisia, Cichoriaceae, Onagraceae, Lamiaceae*.

Согласно заключению В.В. Писаревой, во время формирования культурного слоя в окрестностях стоянки, вероятно, в долине реки была развита бореальная и северобореальная растительность. Локальная растительность состояла из

Таблица 1. Стоянка Заозерье. Результаты радиоуглеродного датирования культурного слоя

Материал	Дата	Лабораторный номер
Кость (AMS)	33 150 ± 410 BP	Poz-5075
Кость (AMS)	33 450 ± 420 BP	Poz-5076
Кость (AMS)	33 720 ± 310/–280 BP	(GrA-28191)
Кость (AMS)	35 140 ± 390/–310 BP	(GrA-28187)
Кость	31 000 ± 400 BP	ГИН-11499
Кость	31 000 ± 500 BP	ГИН-11500
Кость	31 000 ± 700 BP	ГИН-11501
Кость	31 500 ± 500 BP	ГИН-11498

Таблица 2. Стоянка Заозерье. Видовой состав фауны

Вид	Количество костей	Количество особей
Лошадь (*Equus cf. latipes*)	191	Min 8
Носорог (*Coelodonta antiquitatus Blum.*)	11	1
Мамонт (*Mammuthus primigenius Blum.*)	2	1
Северный олень (*Rangifer tarandus L.*)	2	1
Заяц (*Lepus tanaiticus Gureev*)	27	Min 2
Неопределимые	1278	–

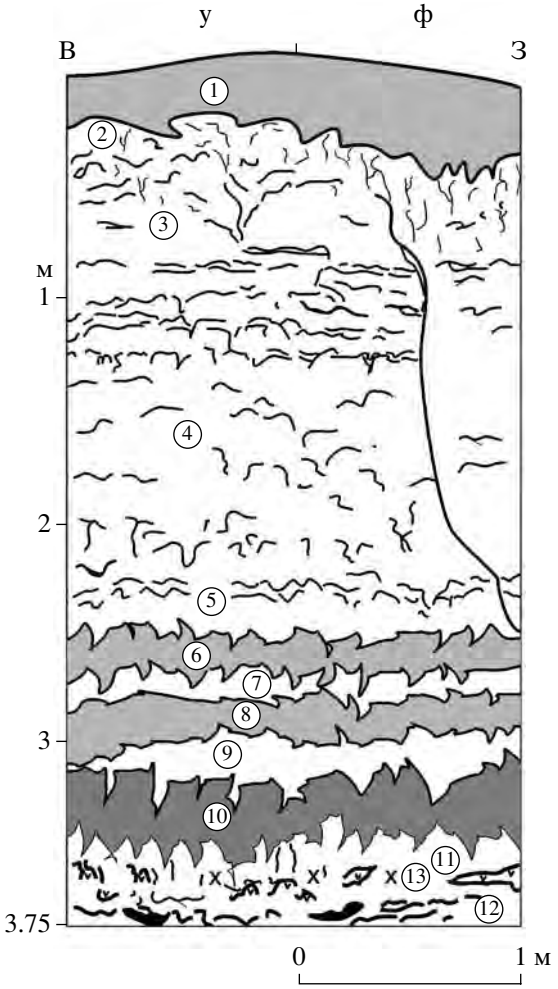

Рис. 3. Стоянка Заозерье. Разрез отложений: *1* – современная почва; *2* – суглинок буровато-коричневый; *3* – суглинок коричнево-бурый; *4* – суглинок буровато-коричневый; *5* – суглинок коричнево-серый; *6* – суглинок коричнево-бурый, горизонт почвообразования; *7* – суглинок серовато-бурый; *8* – суглинок буровато-серый, горизонт почвообразования; *9* – суглинок светло-серый; *10* – суглинок серовато-бурый – почва; *11* – суглинок буровато-серый; *12* – суглинок светло-серый; *13* – культурный слой.

болотных, водных и рудеральных группировок, характерных для формирующихся террасовых участков речных долин и речных пойм. Территория была местами заболочена.

Состав фауны памятника (лошадь, носорог) свидетельствует о существовании в ближайших окрестностях памятника обширных открытых пространств. Результаты палинологического анализа и видовой состав фауны памятника указывают на существование стоянки в умеренно холодном климате и в условиях лесостепных ландшафтов.

Культурный слой. Культурный слой стоянки мощностью до 0.45 м залегает в средней части погребенной почвы (слой 11 разреза отложений) и связан с верхней частью горизонта линз оглеения (рис. 3). Он представлен серо-коричневым гумусированным суглинком с древесным углем, крошками охры, каменными изделиями и костями животных.

Культурные остатки на стоянке залегают скоплениями, имеющими различный состав и структуру. Они разделены участками, на которых встречались лишь отдельные кости животных и каменные изделия (рис. 4).

Тафономия культурного слоя. Культурный слой стоянки подвергался разнообразным деформациям. Наибольший разрушающий эффект оказали вымораживание находок и локальные размывы культурного слоя. На большей части исследованной площади культурный слой четко подразделялся на два горизонта: в верхней части слоя мощностью 0.25–0.35 м встречались преимущественно мелкие каменные изделия и небольшие фрагменты костей животных, находившиеся во “взвешенном” состоянии. В нижней части слоя мощностью около 0.05–0.10 м располагались крупные фрагменты костей и каменные изделия, залегавшие горизонтально или слабо наклонно. По простиранию эти находки образовывали более или менее выраженный горизонт, ниже которого находок не было. Очевидно, что формирование верхней части культурного слоя связано с вертикальными криогенными смещениями в слое – “вымораживанием находок”. На отдельных участках культурный слой размыт небольшими локальными потоками во время или сразу после его формирования (рис. 4). К постгенетическим деформациям относятся разрывы культурного слоя на крупные блоки и их вертикальное смещение (до 0.50 м) трещинами сбросов, образовавшихся при карстовых просадках участков цоколя террасы.

Большое количество подборок каменных предметов как между скоплениями, так и внутри них (последние преобладают) свидетельствует об отсутствии существенных горизонтальных смещений в культурном слое.

Все изложенное выше позволяет утверждать, что культурный слой на стоянке залегает *in situ*, но на некоторых участках исследованной площади первичный контекст его залегания частично нарушен.

В раскопах 2002–2005 гг. были выявлены три скопления культурных остатков (рис. 2). Только одно скопление (I) изучено практически полностью (рис. 4). Его площадь составляла около 15 м^2. В плане оно имело овальную форму (5 × 2.5–3 м) и было ориентировано параллельно древнему склону террасы (рис. 4).

Восточный край скопления ограничивался кострищем, частично разрушенным локальным размывом в древности, от которого сохранились

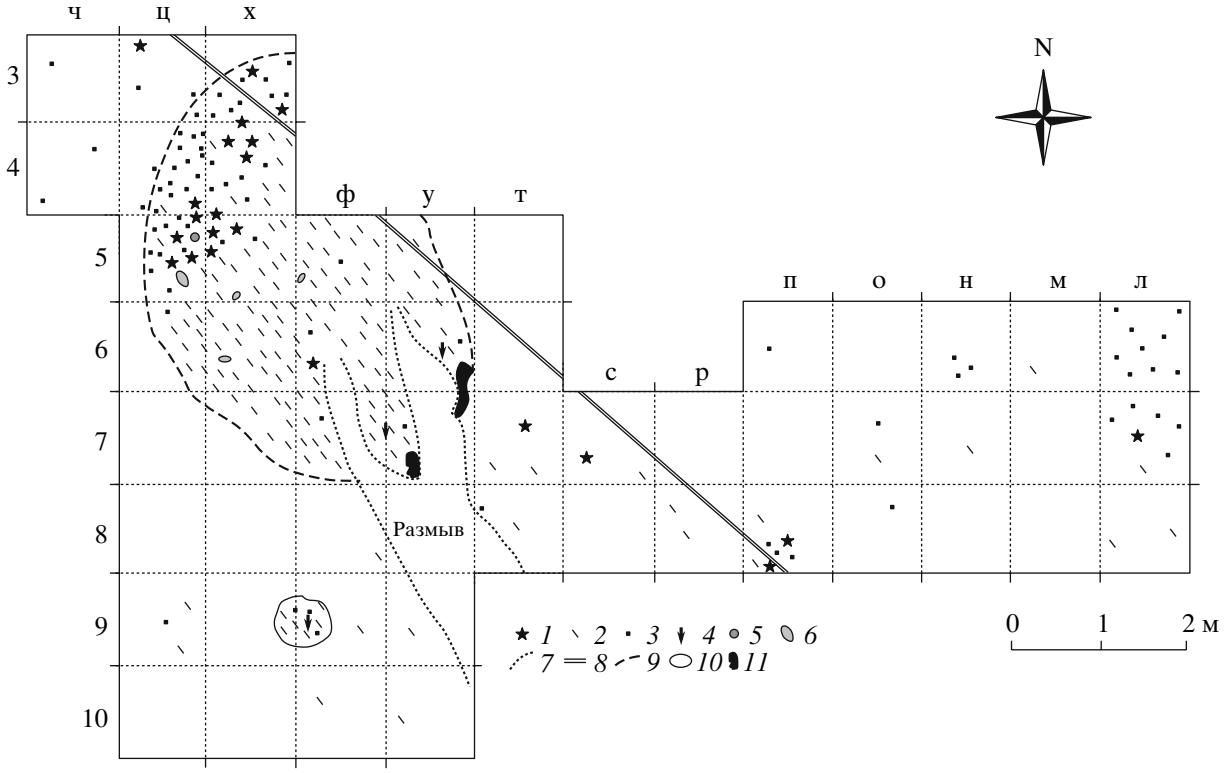

Рис. 4. Стоянка Заозерье. Раскопы 2002–2003 гг. План-схема скопления культурных остатков. Условные обозначения: *1* – каменное орудие; *2* – кость; *3* – кремень; *4* – костяное орудие; *5* – подвеска; *6* – кварцитовый валун – наковальня; *7* – граница размыва культурного слоя; *8* – трещина сброса; *9* – границы скопления находок; *10* – яма (?); *11* – кострище.

два овальных зольно-углистых пятна черно-серого цвета мощностью 0.05–0.08 м, содержавших древесную золу и уголь, обожженные кости животных, крошки охры, фрагменты неопределимых изделий из рога северного оленя и многочисленные мелкие кремневые чешуйки. Рядом с очагом были найдены костяные проколки и большое количество костей зайца, включая анатомические группы дистальных костей конечностей.

В центральной части структуры залегало скопление фрагментированных костей лошади. Единично представлены раздробленные кости носорога и небольшие фрагменты рогов северного оленя. Кости залегали горизонтально или с небольшим наклоном и образовывали хорошо выраженный горизонт мощностью от 0.05 до 0.10 м. В нем были встречены многочисленные древесные угли, крошки и комочки малиновой и красной охры, плитки и обломки известняка (около 40 экз.) и два десятка каменных изделий. В центре его располагался ряд крупных валунов кварцитопесчаника, использовавшихся, вероятно, в качестве наковален.

С противоположного очагу края структуры выявлено скопление расщепленного камня. В плане оно также имело овальную форму, но было ориентировано перпендикулярно склону террасы – с северо-востока на юго-запад. Всего в нем найдено около 150 каменных изделий, среди них 10 орудий (острия, резцы, ножи – все со следами сработанности и неоднократных подправок рабочего края) и многочисленные (более 100 экз.) плитки и обломки известняка. Здесь же обнаружено украшение – овальная подвеска, вырезанная из стенки раковины *Unio* с двумя просверленными отверстиями.

Таким образом, в структуре скопления можно выделить три основных элемента (рис. 4): 1 – кострище; 2 – зону накопления пищевых отбросов (расколотых костей); 3 – зону хозяйственной деятельности.

Скопление II располагалось в 35 м к юго-востоку от первого. Основная его часть уходит в южную стенку раскопа. Исследованная часть скопления также представляла часть овала. Находки представлены расколотыми костями животных, преимущественно лошади. В его центре располагалось углистое пятно, вероятно остатки размытого кострища. В пределах углистого пятна найдены кости зайца и два фрагмента подвесок из раковины *Unio*, один из них – с двумя сверлеными отверстиями. Каменный инвентарь немногочислен. Интерес представляют три небольших абразива округлой формы, изготовленные из мелкозернистого песчаника.

Скопление III, также изученное частично, располагалось в 10 м к востоку от второго и в 45 м к

Таблица 3. Основные категории каменного инвентаря стоянки Заозерье

Категории	Раскопы 1997, 2001–2005 гг.	Подъемный	Всего
Отщепы	563 (31.73%)	23	586
Пластины и их фрагменты	134 (7.55%)	6	140
Чешуйки	751 (42.3%)	–	751
Осколки и обломки	215 (12.12%)	2	217
Расколотые гальки	17 (0.9%)	1	18
Нуклеусы и нуклевидные	9 (0.65%)	1	10
Резцовые сколы	5 (0.35%)	–	5
Абразивы	3 (0.25%)	–	3
Изделия с вторичной обработкой	77 (4.35%)	3	80
Всего	1774 (100%)	36	1810

юго-востоку от скопления I. Каменный инвентарь, обнаруженный в этом скоплении, немногочислен. Скопление сильно повреждено локальными размывами культурного слоя и карстовыми просадками. Его форма не установлена. В этом скоплении обнаружен очаг с искусственной конструкцией – канавкой глубиной около 0.10 м, выкопанной по части его периметра, расположенной выше по древнему склону. В профиле канавка имела клиновидную форму и была заполнена зольным очажным слоем. Западная и северная части очага размыты в древности. Сохранилась его юго-восточная часть. Размеры сохранившейся части объекта 110 × 100 см. Первоначальные размеры очага составляли, по-видимому, не менее 200 × 200 см. Мощность его заполнения, состоявшего из древесной золы с мелкими углистыми частицами, около 0.10–0.15 м. В зольном слое найдены многочисленные мелкие обожженные и сырые кости, крошки и кусочки охры, каменные изделия, в основном кремневые чешуйки, а также мелкие фрагменты неопределимых шлифованных костяных изделий и кости с нарезками и зарубками. В очажном слое найдены две бусины с одним сверленым отверстием, изготовленные из члеников палеозойских криноидей, и три заготовки таких бусин.

Рядом с очагом была обнаружена частично размытая яма, заполненная расколотыми костями животных (лошадь, носорог). Форму ямы установить не удалось, ее глубина составляла около 0.35 м.

Таким образом, культурные остатки на стоянке Заозерье располагаются скоплениями, представляющими, очевидно, жилые площадки. Все они могут быть интерпретированы как остатки кратковременных стоянок небольшого коллектива охотников. Основные виды деятельности – разделка принесенных на стоянку с места добычи наиболее ценных в пищевом отношении частей туш лошади (задние и передние конечности), приготовление и потребление пищи, шитье из шкур пушных животных, изготовление костяных орудий и украшений.

Каменный и костяной инвентарь. Прежде чем перейти к анализу каменного инвентаря памятника, отметим, что коллекция каменных и костяных изделий происходит из единого культурного слоя и является полностью гомогенной (см. выше). Данные о составе каменного инвентаря приведены в табл. 3.

Сырье. Стоянка Заозерье – единственный известный в настоящее время палеолитический памятник в бассейне верхней Камы с сырьевой базой, ориентированной на сравнительно высококачественный кремень из коренных месторождений. Основной его разновидностью на стоянке (более 50%) является темно-коричневый конкреционный и плиточный кремень из отложений верхнего карбона, точное месторасположение которых пока не локализовано. В то же время в культурном слое стоянки найдено большое количество плиток и обломков известняка (свыше 300 экз.). На некоторых из них сохранились отпечатки и внешние части кремневых конкреций. Это, безусловно, указывает, что коренные выходы сравнительно высококачественных кремневых конкреций располагались в непосредственной близости от памятника.

Скорее всего обитатели стоянки нуждались в высококачественном сырье в виде крупных разностей для воспроизводства присущей им традиционной техники первичного расщепления. В то же время следует отметить, что галечный материал из аллювиальных отложений – абсолютно доминирующий тип сырья на верхнепалеолитических памятниках региона – также использовался достаточно широко (39%). К нему прежде всего относятся изделия из черного кремнистого сланца карбона (фоновая разновидность сырья на всех палеолитических местонахождениях бассейна верхней Камы) (около 30%). Значительно реже использовался кварцитопесчаник (около 7%), серо-голубой галечный кремень девонского возраста (1%) и горный хрусталь (1%). Источник происхождения оставшейся доли (11%) каменного сырья не установлен. В основном это разнообразные кремнистые породы. При использовании сырья из аллювиальных отложений предпочтение также отдавалось породам, имеющим крупные размеры исходных разностей. Это, например, черный кремнистый сланец и серо-голубой кварцитопесчаник, нередко встречающиеся в аллювии р. Чусовая в виде крупных валунов диаметром до 0.50 м.

Техника первичного расщепления. Судя по сколам систематического расщепления, нукле-

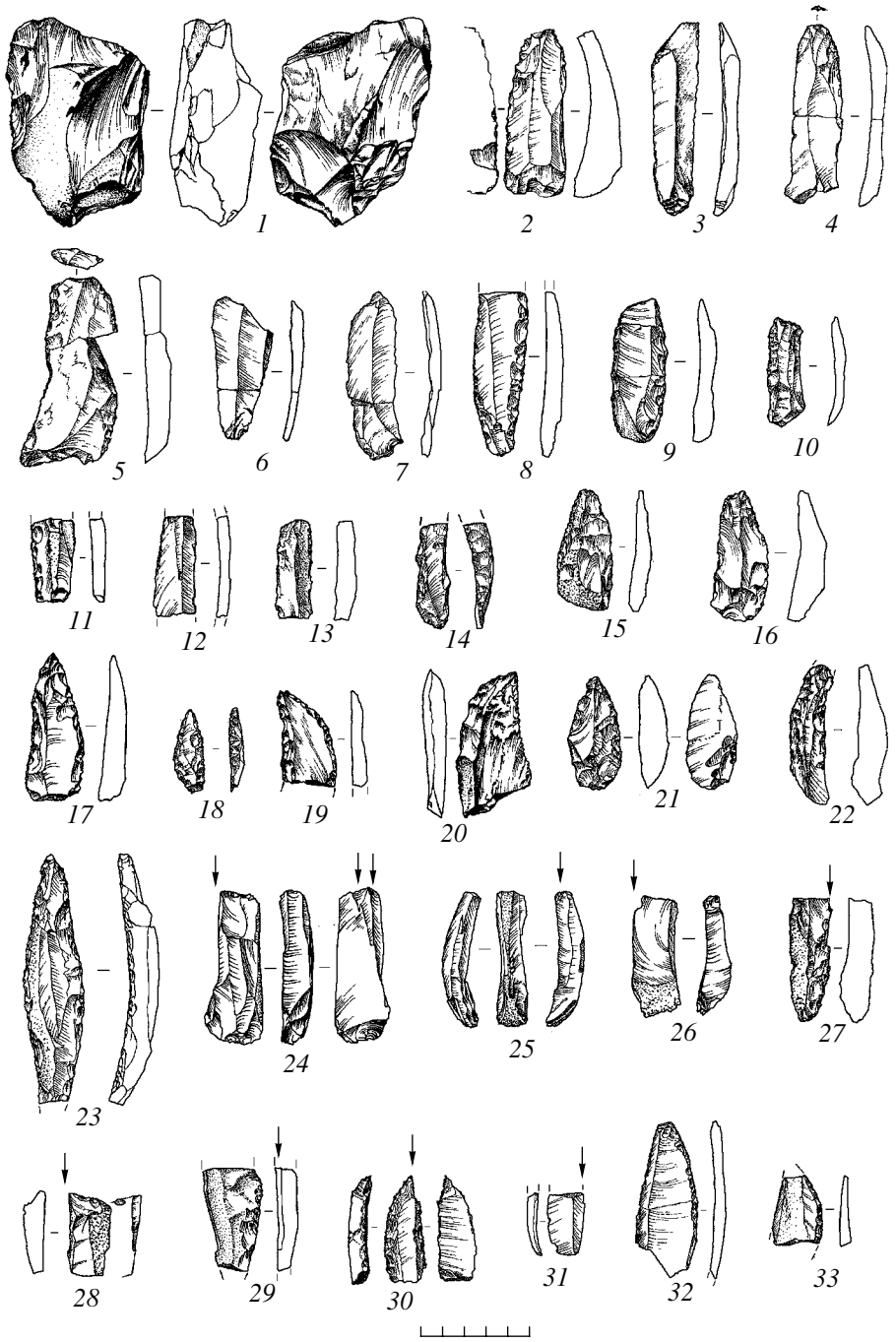

Рис. 5. Стоянка Заозерье. Каменный инвентарь. *1* – преформа нуклеуса; *2–15, 32* – пластины с ретушью; *16–23, 33* – острия; *24–31* резцы.

видным формам и сколам с нуклеусов, в приемах первичного расщепления преобладала техника получения пластинчатых заготовок с использованием мягкого отбойника. Среди сколов систематического расщепления доминируют продукты объемного расщепления. Представлены также сколы обработки бифасов.

В коллекции имеются три преформы призматических нуклеусов из кварцитопесчаника и кремнистого сланца, брошенные в начальной стадии обработки из-за дефектов сырья. У преформ поперечными сколами подготовлены ударные площадки (у двух изделий – прямая, у третьего – скошенная), сформированы ребра и произведены первичные пластинчатые снятия, образующие выпуклый фронт (рис. 5, *1*). Кроме того, в коллекции представлены продольные сколы с призматических нуклеусов (рис. 5, *2*).

Таблица 4. Основные категории орудий стоянки Заозерье

Категории орудий	Количество	Процент от всех орудий (%)
Пластины с ретушью	19	23.75
Скребки	19	23.75
Скребла	5	6.25
Овальные бифасы и унифасы	7	8.75
Резцы	9	11.25
Острия	10	12.5
Единичные формы	11	13.75
Всего	80	100

Видимо, для каменного инвентаря стоянки характерны снятые с одноплощадочных призматических нуклеусов крупные (длиной до 13 см) пластины (рис. 5, *3–7*). Микропластин в коллекции нет, хотя имеются миниатюрные изогнутые пластинчатые сколы без вторичной обработки – это скорее всего сколы оформления лезвий скребков высокой формы.

Подчеркнем, что, хотя в составе инвентаря стоянки пластины составляют незначительный процент (около 6%), на пластинах и удлиненных сколах изготовлено примерно 50% изделий с вторичной обработкой, что указывает на их целенаправленный отбор в качестве заготовок для производства орудий.

Орудийный набор. Сведения о категориях орудийного набора памятника приведены в табл. 4.

В качестве заготовок для производства орудий использовались пластины – 37, отщепы – 40 и гальки – 3 экз.

Орудийный инвентарь стоянки состоит из двух различных технико-морфологических групп изделий – пластинчатой и бифасиальной.

Выразительную группу составляют массивные пластины с крутой чешуйчатой ретушью (рис. 5, *8*). Наряду с ними представлены пластины и фрагменты пластин с краевой ретушью, в том числе отвесной, формирующей затупленный зубчатый край (рис. 5, *14*).

Яркая отличительная черта коллекции – наличие в ней острий и их фрагментов с дугообразно отретушированным (в одном случае затупленным) краем (рис. 5, *17–20, 32, 33*). Среди этой категории выделяется специфический тип (рис. 5, *17*). Острие образовано схождением выпуклого и прямого ретушированных краев. Выпуклый край обработан крутой ретушью, прямой – краевой распространенной чешуйчатой. Изделия этого типа представлены двумя экземплярами. Один сильно редуцирован, но сохранил все детали оформления (рис. 5, *18*). Представлены также острия на пластинах, оформленные крутой ретушью, в том числе двуконечное на крупной массивной пластине (рис. 5, *22, 23*).

Резцы – угловые и боковые с ретушированной площадкой на пластинах и пластинчатых сколах. Отличительной чертой этой категории изделий является применение техники плоского резцового скола (рис. 5, *24–31*).

К бифасиальной группе относятся скребла и ножи.

Скребла представлены изделиями овальной формы с плоско-выпуклой ретушью (рис. 6, *2, 4*) и с ядрищным утончением корпуса на пластинчатой заготовке (рис. 6, *25*).

Бифасиальные ножи, близкие типам Kielmesser, отличает от скребел наличие диагонального обушка, скошенного по отношению к лезвию (рис. 6, *6*). Характерная особенность техники изготовления большинства бифасов – уплощение вентрального фаса заготовки широкими сколами, с которой производилась обработка дорсальной поверхности (плоско-выпуклая ретушь) (рис. 6, *1*). В то же время некоторые бифасы имеют форму диска и линзовидное сечение (рис. 6, *7, 8*). Считается, что подобные изделия представляют крайнюю степень редукции плоско-выпуклых бифасов (Коэн, Степанчук, 2001).

Наряду с бифасами в коллекции памятника представлена сопряженная с ними группа унифасиально обработанных изделий преимущественно овальной формы (рис. 5, *9*). Их отличие от бифасов состоит в том, что сплошной ретушной обработке подвергалась только дорсальная поверхность отщепа-заготовки, вентральная подправлялась только у дистального или проксимального конца. Кроме изделий овальной формы в коллекции представлены скребок высокой формы и острие с подобной обработкой (рис. 5, *21*; 6, *10*).

Элементы бифасиальной обработки (вентральная подтеска) характерны и для скребков стоянки Заозерье. Все они изготовлены на отщепах, представлены разнородными изделиями (рис. 6, *3, 5, 11–24, 27–29*). Преобладают крупные орудия с вентральной подтеской, среди них есть изделия высокой формы с прямым лезвием, но большая часть скребков имеет выпуклое лезвие, оформленное пологой ретушью. Найдены мелкие скребки с ретушью по одному из продольных краев, изготовленные на отщепах горного хрусталя (рис. 6, *29*). Концевых скребков на пластинах в коллекции нет.

Среди единичных форм отметим галечное орудие – чоппер на гальке кварцитопесчаника, пластинчатые сколы с выемчатым краем (рис. 6, *26*), а также крупное рубящее орудие, изготовленное из валуна кремнистого сланца. Остальные изде-

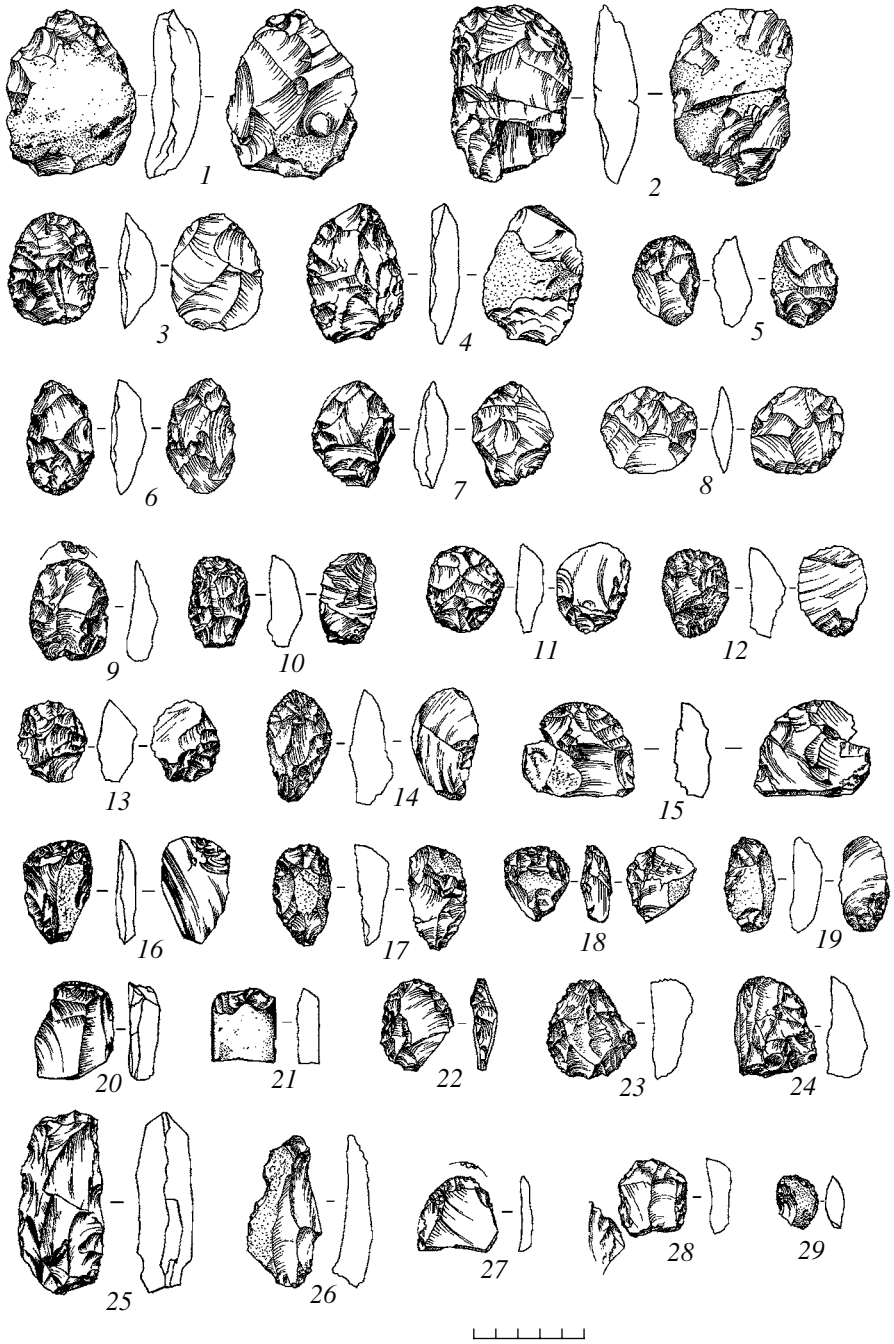

Рис. 6. Стоянка Заозерье. Каменный инвентарь. *1* – заготовка плоско-выпуклого бифаса; *2–4, 25* – скребла; *5* – бифас-скребок; *6* – нож Kielmesser; *7, 8* – овальные бифасы; *9* – скребло-унифас; *10–19* – скребки с вентральной ретушью; *20–24, 27–29* – скребки; *26* – изделие с выемкой.

лия этой категории представлены незаконченными бифасами (рис. 6, *1*) и фрагментами орудий.

Следует особо отметить интенсивную редукцию многих орудий, подвергавшихся многократной подправке рабочего края (сообщение Е.Ю. Гири, ИИМК, Санкт-Петербург).

Костяной инвентарь. Костяные и роговые изделия немногочисленны и представлены острием, шилом и заготовкой наконечника. Острия изготовлены в одной технике – диагональным срезом оформлен рабочий конец орудий. Острие сделано из ребра лошади (рис. 7, *2*), миниатюрное шило – из трубчатой кости зайца. Из отростка рога северного оленя изготовлена заготовка наконечника копья (?) (рис. 7, *1*). Кроме того, в коллекции имеются пять фрагментов рога северного оленя, обрезанных с одной или двух сторон

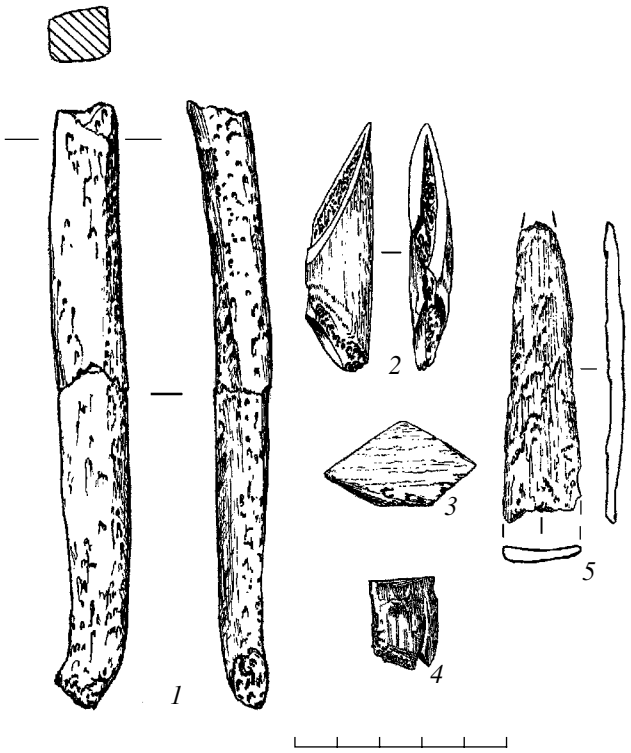

Рис. 7. Стоянка Заозерье. Костяной инвентарь. *1* – заготовка наконечника из рога северного оленя; *2* – острие; *3* – фрагмент изделия из рога северного оленя; *4* – обработанный фрагмент бивня мамонта; *5* – фрагмент острия (?) из бивня мамонта.

(рис. 7, *3*). Скорее всего это отходы производства орудий. В культурном слое найден также фрагмент плоского острия (?) из бивня мамонта (рис. 7, *5*). По пропорциям сохранившейся части изделие напоминает острия ольшевского типа. Выделяются фрагменты крупных трубчатых костей, использовавшихся в качестве ретушеров.

В культурном слое стоянки обнаружены фрагменты пластинок бивня мамонта со следами резания (11 экз.) (рис. 7, *4*).

Украшения. Украшения представлены двумя овальными перламутровыми подвесками и бусинами. Подвески изготовлены из стенок раковины пресноводного моллюска *Unio* размерами 2 × 1.4 см. Одна подвеска имеет два просверленных отверстия, расположенных рядом практически по центру изделия (рис. 8, *1*). Сверление коническое одностороннее. Вторая подвеска представлена крупным фрагментом с сохранившимся отверстием (рис. 8, *2*). В коллекции имеется и заготовка подобной подвески без отверстий. Среди украшений есть бусины с одним сверленым отверстием, изготовленные из ископаемых морских лилий (криноидея) (рис. 8, *3, 4*) и заготовки таких бусин (рис. 8, *5*). В коллекции имеются фрагмент тонкой костяной пластинки с двумя прорезанными отверстиями (рис. 8, *6*) и мелкие обломки шлифованных изделий из бивня (2 экз.).

Тип памятника. Стоянка Заозерье, вероятно, относится к числу охотничьих лагерей, постоянно посещавшихся в течение одного или нескольких сезонов. Несмотря на сравнительно небольшую раскопанную на стоянке площадь ее общую планировку можно установить вполне определенно. На памятнике культурные остатки располагаются скоплениями, которые были, очевидно, жилыми площадками. Все преднамеренные скопления имеют в целом одинаковую структуру. Ее центральный элемент – очаг. В приочажной зоне концентрировались пищевые отбросы в виде расколотых костей животных. Зона производственной и хозяйственной деятельности располагалась вне зоны накопления пищевых отбросов. Скопления имели очень четкие границы в приочажной зоне, что позволяет предполагать наличие вблизи очага конструкций типа ветровых заслонов.

Состав фаунистических остатков в культурном слое указывает, что основным объектом охоты для обитателей стоянки являлась лошадь. Отметим, что на стоянку приносились наиболее ценные в пищевом отношении части туш лошадей – задние и передние конечности и головы. Это, в свою очередь, предполагает, что место охоты располагалось в непосредственной близости от памятника. Скорее всего место добычи животных находилось в устье обширного лога, в непосредственной близости от которого расположена стоянка. Наряду с лошадью постоянным объектом охоты было и такое мелкое животное, как заяц. Кости этого грызуна найдены в приочажных зонах всех исследованных жилых площадок. Скорее всего это животное добывалось ради меха, который использовался для изготовления теплой одежды.

Вероятно, место стоянки было привлекательно удобным расположением и доступом к источникам каменного сырья.

Культурная принадлежность. Радиоуглеродный возраст и основные черты каменного и костяного инвентаря, а также типы украшений стоянки Заозерье позволяют уверенно отнести ее индустрию к начальной поре верхнего палеолита, что уже было сделано рядом исследователей (Sinitsyn, 2003; Vishnyatsky, Nehoroshev, 2004). Достаточно представительная коллекция каменного инвентаря стоянки позволяет охарактеризовать основные особенности ее индустрии и определить позицию этого памятника в культурно-хронологической систематике верхнего палеолита сопредельных территорий (центр Русской равнины и Западная Сибирь).

В центре Русской равнины к памятникам начальных этапов верхнего палеолита относятся стоянки древней хронологической группы (38–

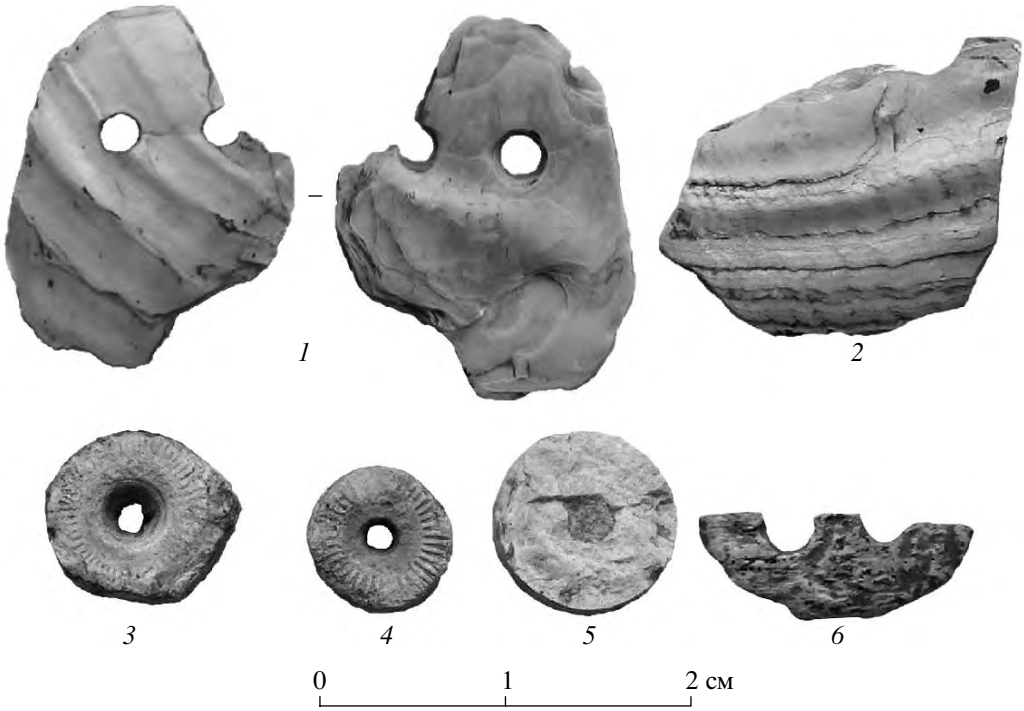

Рис. 8. Стоянка Заозерье. Украшения. *1, 2* – подвески из раковин *Unio*; *3, 4* – бусины из ископаемых криноидей; *5* – заготовка бусины; *6* – фрагмент украшения из кости.

32000 лет) костенковско-борщевского района на Верхнем Дону. Надежно датированы и наиболее представительны коллекции стоянок Костенки XVII, слой II; Костенки XIV, слой IVb и Костенки XII, слой III (Аникович,1997).

Для каменного инвентаря одного из древнейших памятников верхнего палеолита Восточной Европы – стоянки второго слоя Костенки XVII, датированного по ^{14}C 36400 + 1700 – 1400 (GrN 12596) (Синицын, Праслов, 1997), характерна призматическая техника раскалывания. Изделия с вторичной обработкой состоят из концевых скребков на пластинах с неретушированными краями, представлены отдельные удлиненные скребки высокой формы. Основную часть коллекции составляют боковые косоретушные резцы. Есть долотовидные изделия и острия, а также микропластины и пластины с притупленной спинкой. Каменный инвентарь второго слоя Костенок XVII совершенно лишен каких-либо архаичных черт и, по основным технико-морфологическим и типологически характеристикам, относится к оринькоидному технокомплексу (Аникович, 1991). Некоторые существенные элементы этого технокомплекса, прежде всего развитое объемное расщепление, направленное на производство крупных пластин, характерны и для каменного инвентаря стоянки Заозерье. Этим, видимо, объясняется определенное сходство их каменного инвентаря, имеющее, по мнению автора, технологический характер.

Для небольшой коллекции каменного инвентаря IVb слоя стоянки Костенки XIV (возраст по ^{14}C – 37–32000 лет) также характерна пластинчатая техника первичного расщепления с применением нуклеусов объемного, плоского, торцового и радиального расщепления. Типологический состав определяется сочетанием скребков, двугранных резцов, долотовидных орудий и двусторонне обработанных изделий овальной и подтреугольной формы (Синицын, 2002). Характерные для Заозерья типы изделий отсутствуют, за исключением овальных бифасов, которые имеют иную морфологию. Следует заметить, что коллекция IVб слоя стоянки Костенки XIV сравнительно немногочисленна, и поэтому нельзя исключить, что впоследствии, с пополнением нашей коллекции, черты сходства этого памятника со стоянкой Заозерье могут усилиться.

Все эти памятники объединяет еще одна очень важная черта – наличие украшений в их коллекциях.

По технике изготовления наиболее близки украшениям стоянки Заозерье изделия из второго слоя Костенок XVII. Для изготовления подвесок и бусин применялось одностороннее коническое сверление. В Костенках XVII широко представлены подвески, изготовленные из белемнитов, уплощенных галек, ископаемых раковин, кораллов и клыков песца (Палеолит.., 1982). Для стоянки Заозерье характерно изготовление подвесок из раковин *Unio*, кости и члеников ископаемых

криноидей. В Костенках XVII для изготовления украшений использовались только естественные формы, тогда как на стоянке Заозерье подвескам и бусинам специально придавалась овальная или округлая форма. Эта технология предполагает более сложный процесс изготовления украшений, состоявший из двух операций – подготовки заготовки специальной формы, а затем изготовления самого изделия. Типы украшений также различны. Все подвески на стоянке Костенки XVII имеют одно отверстие, в то время как для стоянки Заозерье наряду с бусинами, имеющими одно сверленое отверстие, характерны также подвески с двумя отверстиями, расположенными в ряд. Подобные изделия на памятниках начальной и ранней поры верхнего палеолита европейского континента неизвестны.

Использование в качестве украшений ископаемых раковин *Columbellidae* с пробитыми отверстиями отмечено для IVb слоя стоянки Костенки XIV (Синицын, 2002).

С древнейшими памятниками костенковско-стрелецкой культуры (Костенки XII, слой III и Костенки I, слой V) прослеживается значительно меньшее сходство. Оно выражается только в наличии в их коллекциях плоско-выпуклых бифасов мустьерской морфологии. Технико-типологический состав коллекций резко различен.

Таким образом, каменный инвентарь стоянки Заозерье не имеет прямых аналогов среди одновозрастных памятников центра Русской равнины.

Памятники ранних этапов верхнего палеолита известны также на юге Западной Сибири, на Алтае. Детально опубликованы такие опорные памятники, как Денисова пещера (Деревянко и др., 2003), Кара-Бом (Деревянко, Шуньков, 2004), Усть-Каракол (Деревянко, 2001), возраст которых определяется в 42–28000 лет. Каменный инвентарь этих стоянок в значительной степени сохраняет черты, характерные для предшествующих им хронологически мустьерских памятников. Техника первичного раскалывания базируется на леваллуазских нуклеусах. Основная категория орудий – ретушированные пластины, скребки на пластинах, остроконечники, скребла. В технике вторичной обработки полностью отсутствуют плоско-выпуклая ретушь и вентральная подтеска, хотя бифасиальная техника представлена. Большее сходство прослеживается в украшениях. В 11 слое Денисовой пещеры, датированном ранней порой верхнего палеолита (29000 лет), собрана представительная коллекция бусин и подвесок (Деревянко и др., 2003). Они изготовлены из кости, камня и ископаемых раковин. Характерная черта всей группы – одно сверленое отверстие. Для украшений наряду с естественными формами использовались и специальные заготовки округлой формы. В целом по структуре комплексов и типологии орудийного набора сибирские памятники ранних этапов верхнего палеолита также значительно отличаются от стоянки Заозерье.

На северо-востоке Европы определенное сходство с заозерской индустрией имеет коллекция значительно более поздней (28000 лет) стоянки Бызовая (Павлов, 2004). Прежде всего, оно проявляется в одинаковой структуре комплексов каменного инвентаря, состоящих из двух технико-морфологических групп изделий – мустьерской и верхнепалеолитической. Мустьерский компонент представлен изделиями с плоско-выпуклой ретушью – ножами типа Kielmesser и скреблами. Верхнепалеолитическая группа состоит из орудий на пластинах и пластинчатых заготовках – скребков, резцов и острий. Близость между памятниками прослеживается и в стратегии эксплуатации сырьевых ресурсов. На обеих стоянках отмечено широкое использование кремня из коренных месторождений, расположенных на довольно значительном расстоянии (до 60 км на стоянке Бызовая) от памятников.

По мнению автора, имеется достаточно оснований для выделения индустрии стоянки Заозерье в особый культурный тип начальной поры верхнего палеолита Евразии. Все же отметим, что данный вывод носит характер рабочей гипотезы, так как коллекция стоянки пока недостаточна для его детальной технико-типологической характеристики. Основная особенность каменного инвентаря памятника – это сочетание в нем верхнепалеолитических и среднепалеолитических элементов. Среднепалеолитические формы (плоско-выпуклые бифасы) имеют аналогии в индустриях восточноевропейской ветви восточного микока. Подобное сочетание известно в комплексах ранней поры верхнего палеолита Русской равнины, возрастом около 30000 лет (городцовская культура, стоянка Мира) (Степанчук, 2005), однако впервые отмечается для индустрии, датирующейся хронологическим интервалом в 35–33000 лет. По мнению автора, каменный и костяной инвентарь, типы украшений стоянки Заозерье, несмотря на ряд значительных отличий, имеют большие черты сходства с памятниками начальной и ранней поры верхнего палеолита Восточной Европы, чем с одновременными стоянками Северной Азии. Вероятно, стоянка Заозерье входит в круг восточноевропейских индустрий ранних этапов верхнего палеолита, формировавшихся при участии локальных среднепалеолитических индустрий восточного микока.

Раскопки стоянки Заозерье в 2002–2005 гг. финансировались за счет гранта фонда The Wenner Gren Foundation, ICRG41 “Colonization of the Northern World” (2002–2006 гг.). Работа выполнена при финансовой поддержке Программы Президиума РАН “Адаптация народов и культур к изменени-

ям природной среды, социальным и техногенным трансформациям" (П-21), проект "Основные этапы освоения человеком северо-востока Европы в каменном веке".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аникович М.В. Проблема становления верхнепалеолитической культуры и человека современного вида в свете данных по палеолиту Восточной Европы // Человек заселяет планету Земля. Глобальное расселение гоминид. М., 1997.

Аникович М.В. Ранняя пора верхнего палеолита Восточной Европы: Автореф. дис. … д-ра ист. наук. СПб., 1991.

Денисов В.П. Новые палеолитические местонахождения и памятники на Камском водохранилище // АО–1975. 1976.

Денисов В.П., Павлов П.Ю. Заозерье – новый верхнепалеолитический памятник в низовьях р. Чусовой // Взаимодействие культур в древности и средневековье. МАЕСВ. 1993. Вып. 12.

Деревянко А.П. Переход от среднего к верхнему палеолиту на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. № 3(7).

Деревянко А.П., Шуньков М.В. Становление верхнепалеолитических традиций на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 3(19).

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Агаджанян А.К. и др. Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая. Новосибирск, 2003.

Коен В.Ю., Степанчук В.М. Переход от среднего к верхнему палеолиту в Восточной Европе: проблемы таксономии и хроностратиграфии // VITA ANTIQUA. № 3–4. Киев, 2001.

Павлов П.Ю. Древнейшие этапы заселения севера Евразии: северо-восток Европы в эпоху палеолита // Северный археологический конгресс 9–14 сентября 2002, Ханты-Мансийск. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2002.

Павлов П.Ю. Ранняя пора верхнего палеолита на северо-востоке Европы (по материалам стоянки Заозерье). Науч. докл. // Коми научный центр УрО РАН. Вып. 467. Сыктывкар, 2004.

Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. Л., 1982.

Синицын А.А. Нижние культурные слои Костенок 14 (Маркина Гора) (раскопки 1998–2001 гг.) // Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы. СПб., 2002.

Синицын А.А., Праслов Н.Д. Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии. Проблемы и перспективы. СПб., 1997.

Степанчук В.Н. Вопросы перехода к верхнему палеолиту в свете новых данных по Крыму и югу Восточно-Европейской равнины // Проблемы ранней поры верхнего палеолита Костенковско-Борщевского района и сопредельных территорий. Тр. Костенковско-Борщевской археол. экспедиции. Вып. 3. СПб., 2005.

Gribchenko Yu.N. Lithology and Stratigraphy of loess-soil series and cultural layers of Late Palaeolithic campsites in Eastern Europe // Quaternary International. 2006. № 152–153.

Pavlov P. Zaozer'e, New Early Upper Palaeolithic site in Northeast of Europe (Preliminary report) // L'Antropologie. 2002. 106.

Pavlov P., Roebroeks W., Svendsen J.-I. The Pleistocene Colonization of Northeastern Europe: A Report on Recent Research // Jr. Human Evolution. 2004. V. 47. № 1–2.

Sinitsyn A. The most ancient sites of Kostenki in the context of the Initial Upper Palaeolithic of Northern Eurasia // The Chronology of the Aurignacian and of the Transitional Technocomplexes. Dating, Stratigraphies, Cultural Implications. Trabalhos de Arqueologia. 33. Lisboa, 2003.

Vishnyatski L., Nehoroshev P. The Beginnig of the Upper Palaeolithic on the Russian Plain // The Early Upper Palaeolithic beyond Western Europe / Eds Brantingham P.J., Kuhn S.L., Kerry K.W. Berkeley, 2004.

Zaozer'e: an early Upper Paleolithic site in the European Northeast

P. Yu. Pavlov

Summary

The article presents and discusses some of the data from comprehensive archeological and geological field investigations at one of the oldest Upper Paleolithic sites in Eastern Europe, – Zaozer'e, situated in the western foothills of the Middle Urals. Rich archeological material, radiocarbon-dated to around 33–34 ^{14}C ka, was uncovered from a well-defined cultural layer underneath a thick cover of loess. The artifact assemblage displays some typical Upper Paleolithic traits, such as an advanced blade technology and a bone/antler inventory. Of special importance are some personal ornaments, including perforated pendants of freshwater mollusks. This unique assemblage, which has no direct analogies in other known Paleolithic cultures, displays several classical Upper Paleolithic characteristics. However, some of the stone artifacts, especially the small bifacial tools, resemble finds from clear Middle Paleolithic contexts. This latter group of artifacts would fit well into Middle Paleolithic, Eastern Micoquian assemblages from Southeastern Europe. This, the assemblage from Zaozer'e site supports the idea that there was substantial continuity in stone technology across the boundary between the Middle and Upper Paleolithic in Eastern Europe.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2009, № 1, с. 18–24

О КУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ БОЛЬШОГО СИНТАШТИНСКОГО КУРГАНА

© 2009 г. В. И. Стефанов

Уральский государственный университет, Екатеринбург

Уникальный комплекс памятников эпохи бронзы, получивший название Синташтинский, едва ли нуждается в особом представлении. Специалистам он известен по публикациям в научных и научно-популярных изданиях, информационным сообщениям, докладам на различных конференциях и семинарах, но в первую очередь по монографии В.Ф. Генинга, Г.Б. Здановича и В.В. Генинга (Генинг и др., 1992). Комплекс включал укрепленное поселение (СП), большой грунтовой могильник (СМ), курганно-грунтовой могильник (С I), малый грунтовой могильник (С II), малый курган (С III) и большой курган-святилище (СБ) (Генинг и др., 1992. С. 13, 376). Все памятники располагались компактной группой на левом берегу р. Синташта (левый приток Тобола) в 3 км к востоку от пос. Рымникский Брединского р-на Челябинской обл. Их археологическое изучение проводилось в 1971–1976 и 1983–1985 гг.

Самым загадочным среди перечисленных памятников остается большой курган (рис. 1), он же – "Шишка" (местное название), большой курган-святилище, памятник СБ, открытый в 1967 г. В каталожных списках полевых материалов, отчетов и коллекций, хранящихся в Уральском университете (г. Екатеринбург), он значится под своим первоначальным названием – Рымникский I (Большой) курган (Чебакова, 1968. С. 11). Внешний вид кургана был весьма впечатляющим – высота 4.5 м, диаметр 85–87 м, северные склоны крутые, южные – пологие, многочисленные ямы и впадины вокруг насыпи (Генинг, 1973). При его исследовании "…выявлены остатки двух последовательных сложных сооружений: погребального комплекса и храма-святилища, возведенного на его руинах" (Генинг и др., 1992. С. 342–374, 385–387). В погребальном комплексе авторы монографии выделяют три основных структурных объекта: погребальную камеру, толос и периферийные конструкции. Само погребение в древности было ограблено, причем неоднократно. Храм-святилище был построен над остатками погребального комплекса после его частичного разрушения. По завершении строительных работ сооружение приобрело вид девятиступенчатой усеченной пирамиды высотой более 9 м (Генинг и др., 1992. С. 386, 387).

Принадлежность данного памятника к синташтинскому культурному комплексу специальным образом не обосновывалась (обобщения археологических данных, культурно-хронологические характеристики памятников авторы публикации предполагали дать во второй ее части), однако сомнений на этот счет не оставляет сам факт включения СБ в рассматриваемый комплекс и фраза на с. 387 книги: "Этот храм-святилище был величественным сооружением и возводился длительное время. По-видимому, в его строительстве принимало участие все взрослое население поселка" (памятника СП – *В.С.*). Ни одного довода в подтверждение гипотезы о захоронении в этом месте выдающегося представителя *синташтинского* общества – вождя (Генинг и др., 1992. С. 360), верховного жреца (Потемкина, 1995. С. 151), Учителя и Пророка (Зданович Г.Б., 2004. С. 80) и возведении его соплеменниками над могилой грандиозного ритуального сооружения (типа храма огня – см.: Зданович Д.Г., 1995. С. 53; Кызласов, 1999. С. 108), не приведено до настоящего времени. Есть реконструкции и интерпретации, но нет фактов, доказывающих правомерность соотнесения памятника СБ с укрепленным поселением и некрополями "Синташты". Напротив, есть факты, дающие повод усомниться в предложенном толковании Большого Синташтинского кургана как единственно верном. Рассмотрим их.

В отчете об археологической разведке Т.Н. Чебакова отмечает, что "на поверхности кургана собраны многочисленные фрагменты керамики, кусочки кремня. Все находки сосредоточены на юго-восточном склоне кургана, обращенном к поселению (Рымникское II – памятник СП. – *В.С.*). Очевидно, с него брали землю для насыпки кургана, тем более что керамика аналогична керамике поселения" (Чебакова, 1968. С. 11). Последняя характеризуется ею как андроновская двух типов – алакульская и федоровская. Несколько черепков без орнамента с грубо обработанной поверхностью не удалось определить до типа ввиду их фрагментарности (Чебакова, 1968. С. 9, 10). Предположение Т.Н. Чебаковой не лишено оснований, так как на поселении помимо основного, синташтинского, комплекса "…сохранились следы материальной культуры алакульского, федо-

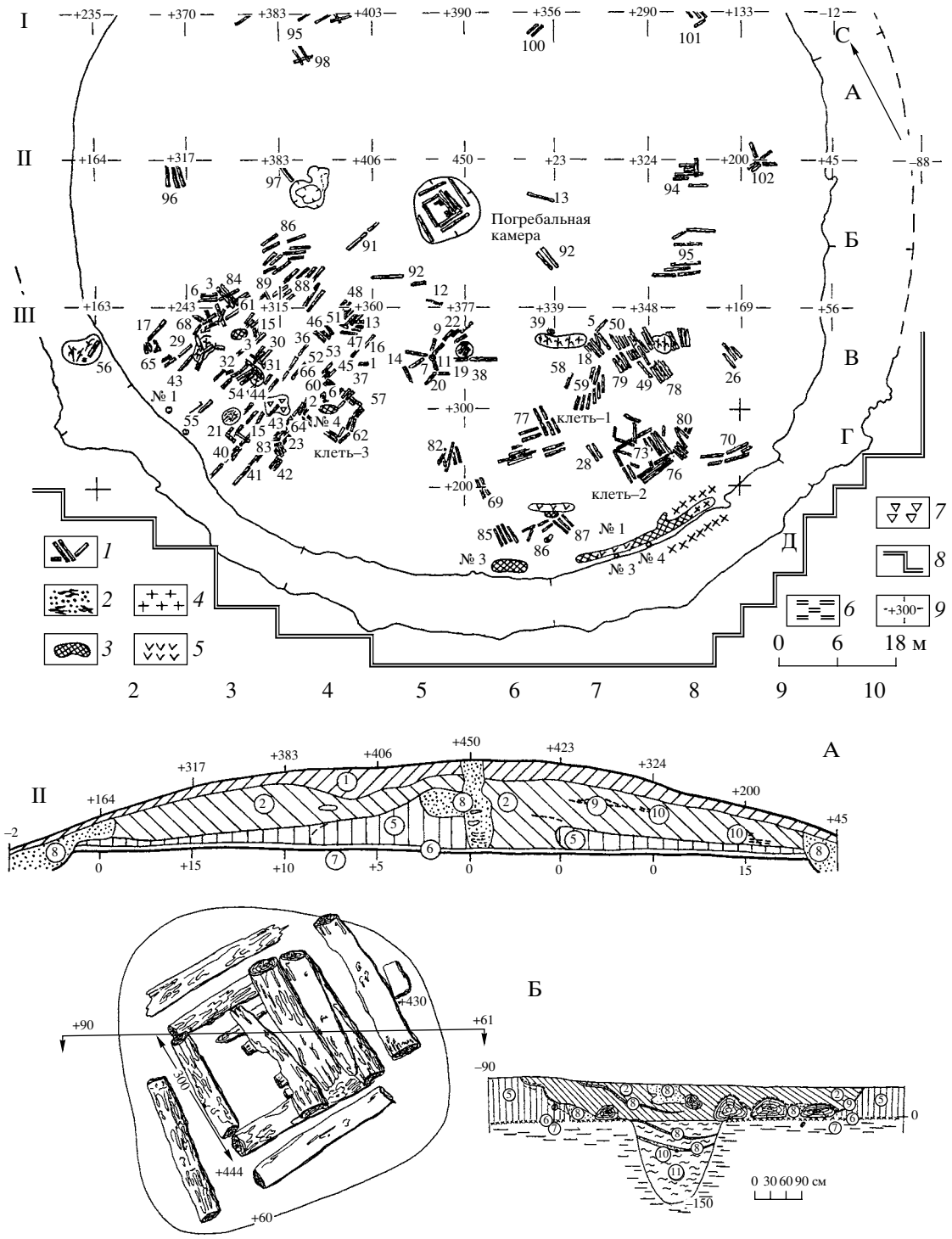

Рис. 1. Памятник СБ. А – общий план раскопок 1972, 1976 гг., профиль разреза II. Б – погребальная камера: план и профиль разреза (по: Генинг и др., 1992. Рис. 201, 205).

ровско-бишкульского и саргаринско-алексеевского типов” (Генинг и др., 1992. С. 18). Следовательно, среди залегавших на кургане фрагментов керамики, кроме алакульских и федоровских вполне могли присутствовать синташтинские и даже саргаринско-алексеевские. Наличие керамики на вершине и склонах кургана подтверждают и мои личные наблюдения; мне довелось много раз бывать в этом месте в годы работы на Синташте. Из приведенного факта, впрочем,

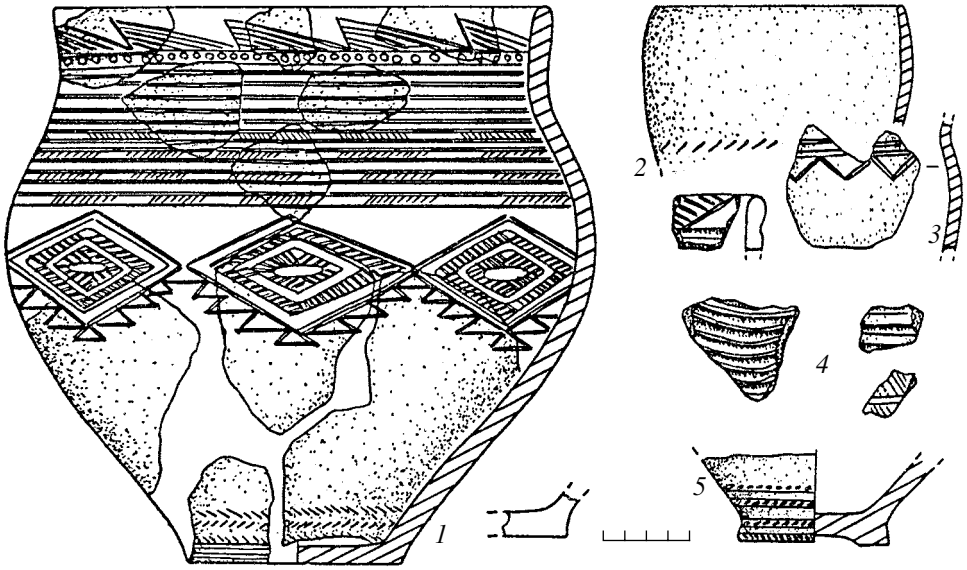

Рис. 2. Памятник СБ. Сосуды из заполнения камеры (по: Генинг и др., 1992. Рис. 208).

совершенно не следует, что черепки "оставлены" на кургане-святилище его строителями, они могли оказаться здесь и в более поздние периоды. Вероятно, по этой причине о них нет упоминаний в монографии. Но в ней ничего не говорится и о находках из насыпи кургана, хотя таковые были. Как много их было и как они распределялись в толще конструкции, можно только гадать. Примечательно, что при выборке центральной части насыпи (30 × 90 м), когда использовалась строительная техника – скреперы, бульдозер, автогрейдер, находок обнаружено не было, однако при зачистке южной стенки раскопа "…в насыпи найдено несколько обломков андроновских сосудов и бронзовый крючок" (Алексашенко и др., 1973. С. 153; Генинг, 1973. С. 3). Их точные координаты не указаны. Известно лишь, что происходят они из слоя светло-желтой глины со значительными включениями темного грунта, залегавшего под слоем насыпи темно-серого цвета (Генинг, 1973. С. 3). Судя по коллекционной описи находок, при зачистке южного профиля обнаружено, кроме того, семь костей. Южная пола кургана на ширину 33 м вскрывалась также при помощи землеройной техники, выявленные остатки расчищались вручную. Тогда было обнаружено еще 28 фрагментов керамики, в том числе 22 – в приповерхностном слое, пять – в насыпи и один – на погребенном черноземе. Во рву найден нуклевидный кусок кремня. Информация о точном местоположении этих находок в описи тоже отсутствует. Тем не менее заключение о наличии в надмогильном сооружении различных артефактов: керамики, костей, каменных и иных (бронзовый крючок) предметов – представляется бесспорным. Можно не сомневаться и в том, что при раскопках кургана вручную коллекция находок из него была бы более многочисленной и содержательной. При этом, насколько можно судить по полевым и отчетным материалам, в насыпи не было обычных в синташтинских курганах жертвенников – крупных скоплений костей животных и сосудов – целых или в развалах.

Как объяснить попадание упомянутых артефактов в "тело" кургана? Заслуживают внимания в этой связи, пожалуй, две версии. Первая – находки (непонятно, почему их проигнорировали авторы монографии) могли отложиться в слоях кургана-святилища в результате обрядовых действий, происходивших на его вершине и ступенях-ярусах. "На поверхности площадок каждого уровня и на вершине сооружения вокруг возведенных здесь ритуальных столбов совершались какие-то обряды, возжигались костры" (Генинг и др., 1992. С. 387). Версия вторая предложена Т.Н. Чебаковой: разновременные и разнокультурные бытовые остатки попали в насыпь вместе с дерном и/или рыхлым грунтом, взятыми где-то на стороне, в том числе, возможно, на территории поселения СП и прилегающих к нему участках. Отдать предпочтение первому варианту трудно еще и потому, что среди находок из насыпи есть только два предмета, о принадлежности которых к синташтинскому культурно-хронологическому комплексу можно говорить более или менее определенно. Это обломок нижней части одного сосуда (рис. 2, *5*; 3, *10*) и бронзовый или медный крючок (рис. 3, *1*). Рыболовные крючки разных размеров со свернутой петлей, подобные найденному в кургане СБ, не редкость в синташтинскских памятниках. Они известны в материалах из раскопок могильников Каменный Амбар (кург. 2, погр. 5 –

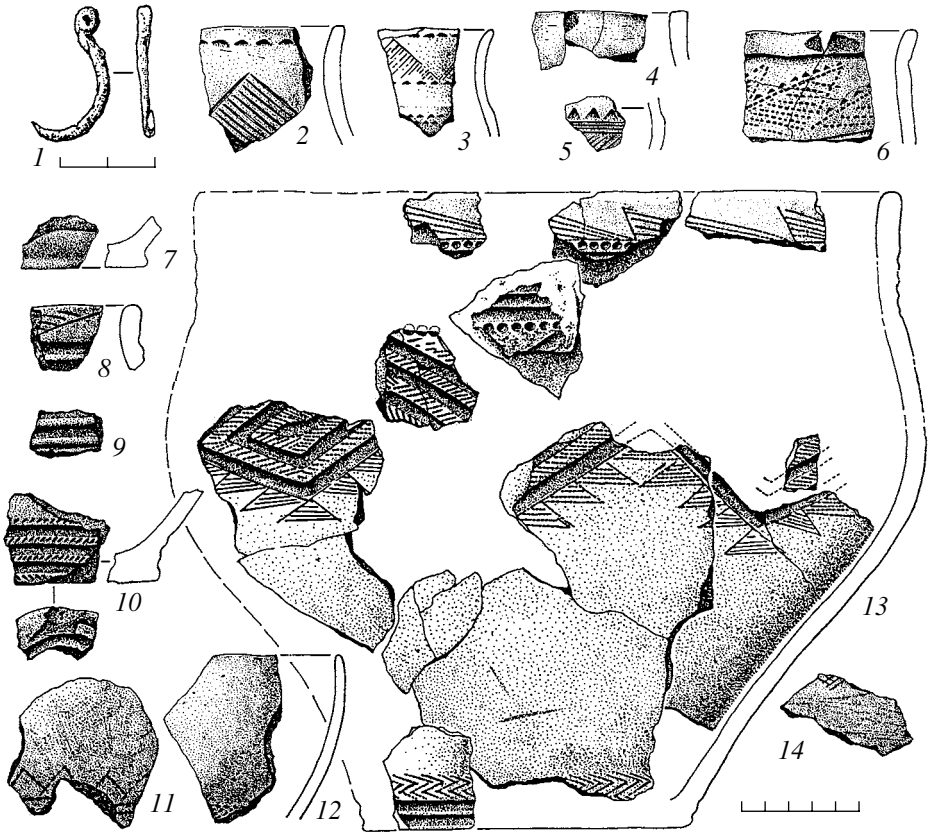

Рис. 3. Большой Синташтинский курган. Инвентарь из поверхностного слоя (*3–7*), насыпи (*1, 2, 10, 12*) и заполнения погребальной камеры (*8, 9, 11, 13, 14*) (*1* – бронза, остальное – керамика).

см.: Епимахов, 2005. С. 154); Танаберген II (кург. 7, погр. 15 – см.: Ткачев, 1998. С. 50. Рис. 2, *14*); Потаповский (кург. 5, погр. 14 – см.: Васильев и др., 1995. С. 28. Рис. 11, *9*); СМ (2 экз., погр. 35, 39), С I (4 экз., погр. 1, 14 и из насыпи), Синташтинского укрепленного поселения (2 экз. – см.: Генинг и др., 1992. С. 109. Рис. 41, *6, 7*) и справедливо рассматриваются среди типичных для "Синташты" находок. Обломок сосуда почти черного цвета, с лощеной снаружи поверхностью, украшенного в придонной части узкими поясками наклонно поставленных отпечатков гладкого штампа и каннелюрами; дно, по-видимому, также орнаментировано концентрическими желобчатыми линями. Таким образом, это фрагмент сосуда вполне синташтинского облика по технологическим и декоративным признакам.

По крайней мере один черепок из насыпи – бесспорно алакульский (рис. 3, *2*). Остальные фрагменты настолько невыразительны, что легко затерялись бы в коллекции любого андроновского поселения. Кстати, о наличии керамики алакульского типа в верхних горизонтах насыпи кургана СБ вспоминает С.В. Кузьминых (2004. С. 96). Справедливости ради надо заметить, что отдельные алакульские фрагменты бывает иногда трудно отличить от обломков синташтинской керамики.

Если бы коллекция находок из рассматриваемого кургана ограничивалась только теми, что найдены на его поверхности и в насыпи, разговор о неубедительности предложенного авторами книги (Генинг и др., 1992) варианта атрибуции памятника СБ, наверное, не следовало бы и начинать. Но они были и под насыпью, в количестве более сотни единиц. Обломки сосудов (42), кости (72) и куски камня (6) приурочены к погребальной камере, располагавшейся в центре подкурганной площадки. Кроме того, раздробленные кости животных и несколько мелких фрагментов керамики (в коллекции они отсутствуют) обнаружены в яме, находившейся в 10 м к западу от центральной могилы в участке Б/4 (рис. 1). Яма неправильной овальной формы, размером 5 × 3 м, с неровным дном, более углубленным (до 43 см) в южной стороне. По мнению автора раскопок, исследованные "…остатки, возможно, не связаны с курганом и относятся к какому-то временному поселению на данном месте" (Генинг, 1973. С. 6). Сведения об этом объекте в книгу не включены. Еще один черепок, как отмечено выше, найден на погребенном черноземе в южном сегменте кургана.

На полу построенной из бревен "…погребальной камеры не оказалось никаких остатков, а в западной стороне, свободной от бревен, находилась небольшая яма диаметром около 180 см и

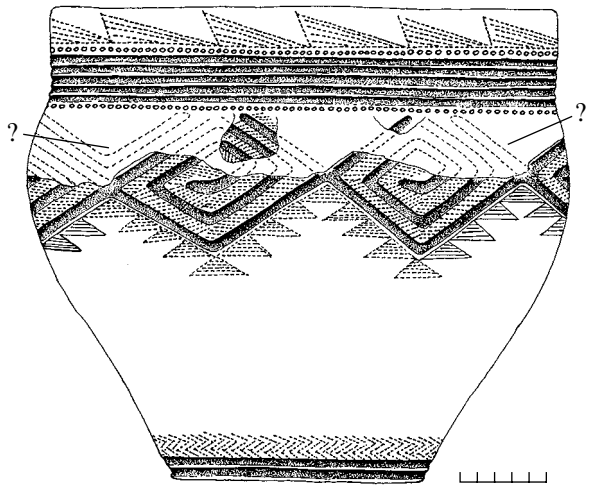

Рис. 4. Сосуд из погребения Большого Синташтинского кургана (вариант графической реконструкции).

глубиной 160 см с овальным дном, заполненная перемешанным грунтом (это грабительский раскоп, причем не первый). Около восточного бревна лежала большая берцовая кость человека; еще несколько ребер, обломки черепной коробки и фрагменты разбитых сосудов … найдены в перемешанном грунте над погребальной камерой" (Генинг и др., 1992. С. 352). По непонятной причине контуры грабительских шурфов и местоположение находок не обозначены на планах раскопа и погребальной камеры, хотя на одном из профилей (II) грабительский ход выделен: пущенный с вершины насыпи, он, кажется (?), не попал в могилу (рис. 1). Сюжет с ограблением или ограблениями могилы в контексте данной работы заслуживал бы самого пристального внимания, но из-за отсутствия необходимой информации развернуть его невозможно.

О находках. Готовя к публикации материалы Синташтинского культурного комплекса (Генинг и др., 1992), ее авторы, вероятно, забыли и не учли одного очень важного обстоятельства. Дело в том, что антропологические остатки из Рымникского Большого кургана – памятника СБ – в свое время подверглись предварительному определению. Из сделанного В.А. Дремовым (Томский университет) заключения, датированного октябрем-ноябрем 1982 г., следует, что данная *коллекция включала обломки разных черепов*: мужчины старше 40 лет (фрагменты мозговой коробки – КА ТГУ, № 3054) и женщины 40–50 лет (крышка черепа – КА ТГУ, № 3055)[1]. В сопровождавшем коллекцию кратком описании памятника Большой курган отнесен, со ссылкой на отчет В.Ф. Генинга, к черкаскульской культуре Зауралья. Действительно, в отчете о раскопках этого кургана В.Ф. Генинг предположил его связь с позднебронзовой черкаскульской культурой (1973. С. 9). В получившей широкую известность статье "Могильник Синташта и проблема ранних индоиранских племен" Большой курган упоминается обособленно от поселения (СП) и "ранних (синташтинских – *В.С.*) захоронений", как курган эпохи бронзы (Генинг, 1977. С. 56). Вывод о его позднем возрасте был сделан на основании анализа керамики из-под насыпи (Генинг, 1973. С. 9).

Обломки сосудов, найденные не только над погребальной камерой, но, судя по описи, и в ее заполнении, образуют очень маленькую коллекцию – 42 единицы. Среди них нет ни одного, обладающего какими-нибудь специфическими для керамики синташтинского типа признаками. Единственный сосуд, форму, параметры и, отчасти, орнаментацию которого удалось восстановить по 26 фрагментам, имеет черкаскульский или черкаскульско-федоровский облик (рис. 2, *1*; 3, *13*). Это довольно крупный (диаметр устья 28–30, высота 27–28 см) горшок с вертикальной шейкой, плавно профилированным туловом и плоским дном, сформованный из глины с примесью шамота и какой-то очень мелкой белой крошки, хорошо обожженный, с гладкой внешней и шероховатой внутренней поверхностью. Венчик округлый, толщина черепков 8–9 мм, шейка утолщена до 10 мм.

Замечу, что при сравнении фрагментов керамики из коллекции кургана СБ с их графическими изображениями в книге (Генинг и др., 1992. С. 356. Рис. 208; см. рис. 2 в данной работе) обнаружилось довольно много неточностей, поэтому они были зарисованы мною заново (рис. 3). Кроме того, на рис. 4 представлен вариант реконструкции сосуда из-под насыпи, на мой взгляд, более соответствующий оригиналу.

Позднебронзовые черкаскульско-федоровские признаки отчетливо проявляются и в декоре данного сосуда: косые треугольники на шейке; пояс каннелюр, обрамленный сверху и снизу мелкими округлыми вдавлениями, в переходной зоне; усложненные меандровые (ромбовидные или в виде спирального завитка) фигуры на тулове; поперечная "штриховка" лент меандра; фестоны из мелких соприкасающихся треугольников, исполненных мелкозубчатым штампом и, рядом же, в резной технике; гребенчатая елочка и каннелюры в придонной части (рис. 3, *13*; 4). Обрамление полос меандра акцентированными желобками – индикаторный признак черкаскульской керамики. Показательно, что горшок из Большого кургана не был учтен в капитальной сводке сосудов (618 экз.!) из синташтинских могильников Южного Урала и потаповских Среднего Поволжья, составленной и проанализированной В.В. Ткачевым и

[1] Материалы по передаче антропологических коллекций в Томский университет и результаты предварительного определения костных остатков хранятся в археологической лаборатории УрГУ.

А.И. Хаванским (2006). В рассматриваемом комплексе есть еще один черепок, вызывающий определенные позднебронзовые ассоциации, – обломок невысокой шейки сосуда с округлым венчиком, пояском резных треугольников вершиной вниз и желобчатыми линиями под ним (рис. 3, *8*).

Прочие фрагменты – мелкие и средних размеров, с тальком, шамотом или слюдой в тесте и без визуально различимых примесей, темно- и светло-серых тонов, с гладкой поверхностью и со следами затирки твердым шпателем, без орнамента (13) и орнаментированные (рис. 3, *9, 11, 14*). Зигзаг и горизонтальные линии на одном фрагменте (рис. 3, *11*) выполнены, как будто, в отступающе-накольчатой технике. Однако отнесение их к какому-либо конкретному культурному типу едва ли целесообразно из-за возможности ошибиться.

Камни, залегавшие над погребальной камерой вперемежку с костями и керамикой, представляют собой осколки одной плитки и кусок брекчиевидной породы случайных форм без следов использования.

Таким образом, на дне могилы, в заполнении погребальной камеры и в перемешанном грунте над ней достоверно синташтинских вещей и керамики не было. Но может быть, парное погребение синташтинского времени не содержало никакого инвентаря, а поздние обломки попали в сооружение при его ограблении? Такой вариант исключить нельзя, однако и в этом случае проникновение в могилу должно было произойти еще до строительства ритуального комплекса. И если в качестве осквернителей выступали представители позднебронзового населения Южного Урала, то, во-первых, разоряемое сооружение не могло быть крупным, а во-вторых, возведенный на его руинах холм-святилище не может датироваться, раньше, чем черкаскульские древности. Добавим, что до сих пор "черкаскульцы" не были замечены в деяниях подобного рода. И уж совсем трудно представить, что ограбление или осквернение могилы произошло в позднем бронзовом веке через вертикальные или наклонные штольни, проделанные в толще многометровой конструкции из грунта, дерева и перегнившего камыша.

Здесь уместно вспомнить о Рымникском II кургане, исследованном Т.Н. Чебаковой в 1972 г. (Алексашенко и др., 1973. С. 154). Он располагался всего в 30 м от кургана СБ, имел высоту 0.8 м и диаметр насыпи около 25 м. В центре подкурганной площадки диаметром 19–20 м, окруженной канавой (ширина 2–4 м, глубина 0.6–1 м), находилась почти квадратная яма размером 3.4–3.6 × × 3.5–3.7 м и глубиной 1.5 м. Остатки деревянной конструкции (рама, накатник), сложенной из мощных плах шириной до 0.4 м, размещались не на глинистой платформе вокруг могилы, как в малом кургане С III (Генинг и др., 1992. С. 339; Стефанов, Епимахов, 2006. С. 263) или могильнике С I (Генинг и др., 1992. С. 246), а на дне углубления, как в погребальном сооружении кургана СБ. Рымникский II курган оказался полностью ограблен, в могиле не сохранилось никаких вещей. Нетрудно заметить, что между Рымникским II курганом и погребальным комплексом кургана СБ, позднее перекрытым ритуальным сооружением, есть сходство. Оно прослеживается в организации пространства, форме и размерах погребальных камер (в СБ – 3 × 3.5 м), их ориентировке, размещении деревянных конструкций на дне углублений, тотальной опустошенности могил. В том же 1972 г. был раскопан еще один курган – Рымникский V, находившийся метрах в 70 от кургана СБ, но сведениями о результатах его исследования мы не располагаем. Между тем если Рымникские II и V курганы были выведены без какой-либо аргументации за рамки Синташтинского культурного комплекса (Генинг, 1977. С. 56; Генинг и др., 1992. С. 12), то Большой курган в монографии 1992 г. и в позднейших работах (Зданович Г.Б., Зданович Д.Г., 1995. С. 54; 2005; Зданович Д.Г., 1997; Генинг, Зданович Г.Б., 1998; Зданович Г.Б., 2004) предстает уже как уникальный памятник культуры ранних индоиранских племен, как грандиозный архитектурный погребально-храмовый ансамбль, как "элитное" синташтинское захоронение, единственное в своем роде.

Исходя из результатов анализа вещественных остатков из Большого кургана, полевой документации, отчетных данных и опубликованных материалов, заключение о безусловной принадлежности памятника СБ к массиву древностей синташтинской культуры кажется мне по меньшей мере очень и очень сомнительным. Полагаю, что без привлечения дополнительных данных, полученных в том числе методами естественных наук, доказать цельность погребально-святилищного ансамбля, его синташтинский возраст и тем более участие в его строительстве жителей укрепленного поселения (СП) невозможно. В частности, при раскопках памятника СБ в 1972 и 1976 годах были обнаружены многочисленные остатки древесины в насыпи (камеры-клети, "дорога строителей") и в погребальной камере. Использовались ли они для радиоуглеродного датирования? Подтверждено ли специальными анализами употребление речного ила для изготовления вальков, из которых формировались погребальная платформа и купол толоса (Генинг и др., 1992. С. 369, 370)? Опираясь только на материалы раскопок 1972 и 1976 годов, нельзя удовлетворительно обосновать и черкаскульскую принадлежность Большого кургана в целом (Генинг, 1973. С. 9), равно как и любую другую. К сожалению, таково качество источников. В предложенном В.Ф. Генингом, Г.Б. Здановичем и В.В. Генингом варианте реконструкции этого кургана есть весьма ра-

циональная идея: памятник СБ состоит из двух компонентов, различных по своей функции – погребальный комплекс и возведенное над ним ("на его развалинах") сооружение (Генинг и др., 1992. С. 360, 386). Если их рассматривать в качестве самостоятельных, отстоящих друг от друга во времени и не связанных между собой археологических объектов, возможно, мы найдем ключ к решению загадки Большого Синташтинского кургана. При этом нельзя утверждать, что образующие этот памятник компоненты, подобно Рымникским II и V курганам, будут иметь отношение к синташтинскому культурно-хронологическому комплексу.

Остается надеяться, что какую-то ясность в эту проблему привнесут раскопки сохранившейся северной полы кургана СБ.

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ, проект № 06-01-00037а "Бронзовый век Урала и Западной Сибири: преемственность, новации, взаимодействия".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексашенко Н.А., Генинг В.Ф., Гусенцова Т.М. и др. Работы в зоне Брединского водохранилища // АО–1972. 1973.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семёнова А.П. Памятники Потаповского типа в лесостепном Заволжье (краткое изложение концепции) // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). Самара, 1995.

Генинг В.Ф. Отчет о раскопках Большого кургана у пос. Рымникский Брединского района Челябинской области, произведенных летом 1972 года // АКА УрГУ. 1973. Ф. II. Д. 148.

Генинг В.Ф. Могильник Синташта и проблема ранних индоиранских племен // СА. 1977. № 4.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Ч. 1. Челябинск, 1992.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б. Синташта // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998.

Епимахов А.В. Ранние комплексные общества севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). Кн. 1. Челябинск, 2005.

Зданович Г.Б. Могила "Учителя" или образ горы в культуре "Страны городов" // Аркаим. По страницам древней истории Южного Урала. Челябинск, 2004.

Зданович Г.Б., Зданович Д.Г. Протогородская цивилизация "Страна городов" Южного Зауралья (опыт моделирующего отношения к древности) // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч. V. Кн. 1. Челябинск, 1995.

Зданович Г.Б., Зданович Д.Г. Проблема освоения евразийских степей в бронзовом веке и "Страна городов" Южного Зауралья // Археология Урала и Западной Сибири. Екатеринбург, 2005.

Зданович Д.Г. Могильник Большекараганский (Аркаим) и мир древних индоевропейцев Урало-Казахстанских степей // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск, 1995.

Зданович Д.Г. Синташтинское общество: социальные основы "квазигородской" культуры Южного Зауралья эпохи средней бронзы. Челябинск, 1997.

Кузьминых С.В. Проблемы эпохи раннего металла в трудах В.Ф. Генинга // Удмуртской археологической экспедиции 50 лет: Матер. Всерос. науч. конф. Ижевск, 2004.

Кызласов Л.Р. Первогорода древней Сибири // Вестн. МГУ. 1999. Сер. 8. История. № 3.

Потемкина Т.М. О факторах, предшествующих сложению памятников типа Аркаим в Урало-Западносибирском регионе // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч. I. Кн. 1. Челябинск, 1995.

Стефанов В.И., Епимахов А.В. Синташтинский III (малый) курган: некоторые подробности и новые сюжеты // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. Самара, 2006.

Ткачев В.В. К проблеме происхождения петровской культуры // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 2. Оренбург, 1998.

Ткачев В.В., Хаванский А.И. Керамика синташтинской культуры. Орск; Самара, 2006.

Чебакова Т.Н. Отчет о разведке, проведенной в Троицком и Брединском районах Челябинской области // АКА УрГУ. 1968. Ф. II. Д. 51.

On the cultural identity of the Bolshoi Sintashtinskij kurgan

V. I. Stefanov

Summary

Some researchers consider the Bolshoi Sintashtinskij kurgan (Sintashta river, steppe Trans-Urals) to be a grandiose architectural burial and temple complex, an elite burial site, a unique cultural site of the early Indo-Iranian tribes of the Urals-Kazakhstan steppes. The author's analysis of the material remains from the kurgan, of the field documentation, data from excavation reports and published materials questions the unity of the burial and temple complex, and the conclusion that it belongs unequivocally to the corpus of Bronze Age Sintashta culture antiquities.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2009, № 1, с. 25–35

О ЗАПАДНОСИБИРСКИХ ЗОЛЬНИКАХ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ

© 2009 г. О. Н. Корочкова

Уральский госуниверситет, Екатеринбург

Почти непременным атрибутом поселений эпохи поздней бронзы лесостепной полосы Западной Сибири являются зольники. Объекты подобного рода воспринимаются чаще всего как сопутствующие поселениям места утилизации бытовых отходов или свалки и, к сожалению, очень редко становятся предметом специального исследования. Одна из задач данной работы – привлечь внимание к сибирским зольникам и их функциональным особенностям. Вряд ли в представленном обзоре удастся прояснить те многие вопросы, которые возникают в связи с пониманием специфики этих объектов, прежде всего потому, что в нашем распоряжении практически нет полностью раскопанных зольников, нет данных почвоведческих анализов, а имеющиеся сведения разрозненны. Исследователи констатируют существование подобных комплексов, но как особые объекты они рассматриваются далеко не всегда. В этом смысле заметное исключение представляют белогрудовские, сабатиновские, античные зольники – их ярко выраженное своеобразие сомнений в особом назначении и намеренном формировании не вызывает (см. список литературы: Гершкович, 2004; Русяева, 2006). Гораздо меньше "повезло" зольникам сибирских поселений, которые только сейчас начинают привлекать внимание в качестве специфических объектов. Е.Н. Сава даже полагает, что зольники являются доказательством приоритета восточной линии в процессе формирования комплекса культур Ноа-Сабатиновка (2006). Однако в опубликованной недавно на страницах журнала "Российская археология" статье (Гершкович, 2004), посвященной феномену зольников белогрудовского типа, ее автор предупреждает читателей о неправомерности сравнения зольников Зауралья и Казахстана с поднепровско-прикарпатскими. Смысл этого предостережения сводится к тому, что зауральские прослойки и кучи золы не имеют ничего общего с мощными зольниками западного ареала. Так ли это? Я.П. Гершкович ссылается на работы О.А. Кривцовой-Граковой (1948. Табл. II–V), Г.Б. Здановича (1988. С. 42, 52, 53), Е.Е. Кузьминой (1994. С. 69). Судя по тем крайне скупым даже не описаниям, а скорее упоминаниям о наличии зольников на андроновских поселениях в работах этих авторов, оснований для прямого сравнения действительно нет. Но исключать восточные памятники из общего контекста рассматриваемого феномена, на наш взгляд, не стоит.

Во-первых, андроновские зольники заслуживают самого пристального внимания, так как характеризуют наиболее ранний этап формирования подобных объектов. Во-вторых, представления о зольниках Урала и Сибири не исчерпываются андроновскими памятниками. Своеобразие сибирских зольников передают прежде всего комплексы пахомовской, ирменской и сузгунской культур западносибирской лесостепи периодов ПБВ2 и ПБВ3 эпохи поздней бронзы[1].

Андроновские зольники располагались обычно в черте древних поселков и представляли собой кучи золы, содержавшие кости животных, битую посуду, отдельные орудия, иногда в их толще встречаются целые сосуды. Зольники зафиксированы на всех стационарных поселениях зауральской алакульской культуры, упомянем среди них Алексеевское (Кривцова-Гракова, 1948), Кипельское, Ново-Бурино (Сальников, 1957; 1959), Мирный IV (Чемякин, 1974), Мирный II (Стефанов, 1996), Коркино I. Зольники сопровождают андроновские поселения Притоболья: Язево I, Камышное II (Потемкина, 1985), Черемуховый Куст (Зах, 1995), Ново-Шадрино VIII (Стефанов, Корочкова, 2000) и др., они обязательны для андроновских поселений Приишимья и Прииртышья. В раскопах зольники фиксируются в виде обширных линз диаметром до 10 и более метров, сформированных на древней поверхности около стен жилищ, но чаще на периферии поселков. В некоторых случаях зольники простирались от окраинных сооружений на 30–50 м. Мощность зольных напластований достигала 10–40 см и состояла из прослоек различных цветовых оттенков: светло-серого, бурого, серо-желтого, коричневато-серого цвета. К сожалению, остается лишь сетовать на крайне скупые характеристики интересующих нас объектов. Редким исключением является публикация материалов поселения Черемуховый Куст. Помимо фрагментов керамики и костей в зольных отложениях на этом памятнике обнаружены обломки трепал, костяные наконечники стрел, проколки, обломки литейных

[1] Здесь и далее мы будем пользоваться хронологией и периодизацией эпохи раннего металла, сформулированной в работах Е.Н. Черных (1978; 2000).

форм, камни со следами сработанности, грузила, игральная кость (Зах, 1995. С. 36–43). Далеко не во всех публикациях содержатся сведения о количестве и составе находок, но, судя по впечатлениям от собственных раскопок, керамики и изделий в андроновских зольниках не бывает много. Характер напластований (многочисленные прослойки и линзы разного цвета, перемешанность), обилие костей и невыразительный в целом набор других предметов действительно больше напоминают банальные свалки мусора и места ссыпания золы из домашних очагов.

Гораздо более информативны зольники следующего хронологического горизонта, представленного в Западной Сибири памятниками андроноидной общности (черкаскульская, пахомовская, сузгунская культуры) и ирменской культуры (Горбунов, Обыденнов, 1983; Матвеев, Сидоров, 1985; Стефанов, Труфанов, 1988; Татаурова и др., 1997; Папин, 2002 и др.).

На сегодняшний день самое большое количество интересующих нас объектов исследовано в рамках ирменской культуры. На некоторых ирменских памятниках зольники имеют весьма внушительные размеры и выглядят в рельефе как всхолмления (в форме овала, подковы, гряды) высотой 0.5–1 м, площадью от 100 до 3000 м^2. Располагались они обычно на периферии поселений и насыпались либо на древнюю поверхность (поселения Быстровское, Милованово-3, Сибирская Саргатка I и др.), либо в естественные ложбины и углубления (поселение Красный Яр-1), или в котлованы заброшенных жилищ (Красный Яр-1, Сибирская Саргатка I, Алексеевка XXI) (Матвеев, Сидоров, 1985. С. 49; Татаурова и др., 1997). Мощность зольных напластований достигала в ряде случаев 1–3.5 м. По мнению А.В. Матвеева и Е.А. Сидорова, "… данные о составе слоев ирменских зольников и приведенная характеристика находок, сделанных при их раскопках, позволяют считать эти объекты местами свалки мусора или помойками" (1985. С. 51). Между тем накопленные к настоящему времени материалы позволяют усматривать в зольниках объекты, выполнявшие в древности особые функции, которые не исчерпывались сугубо утилитарными свойствами. Основанием для подобного заключения явились, в частности, результаты раскопок поселения пахомовской культуры Ново-Шадрино VII, произведенных автором в 1983 и 1989 гг.

Памятник расположен в Упоровском р-не Тюменской обл., на правом берегу р. Емуртла, недалеко от впадения ее в Тобол. Правый берег реки обрывистый, высота его от уреза составляет 4.5–5 м. Поселение занимает участок террасы, полого поднимающейся от обрыва берега на 1–1.5 м. Расстояние от реки до окраины поселения составляет 80–100 м. На хорошо задернованной поверхности зафиксировано 18 впадин округлой или овальной формы диаметром 7–17 м, глубиной от 0.4 до 1.5 (рис. 1). Примерная площадь поселения – 10 тыс. м^2. Вдоль западной границы памятника параллельно руслу реки фиксировалось характерное возвышение в виде гряды длиной примерно 25–30 м, шириной 2–4 м, высотой до 0.1–0.2 м. Раскопом площадью 200 м^2 исследована северо-западная окраина поселения. Выявлены остатки котлованов двух жилищ эпохи поздней бронзы, энеолитической постройки и двух зольников. Обратимся к характеристике последних объектов.

Зольник 1 (раскопанная площадь составляет 30 м^2, исследован в 1983 г.) мощностью 0.4–0.6 м был насыпан в котлован заброшенного пахомовского жилища 1а и состоял из пластов и прослоек золы белого, светло- и темно-серого цвета. В толще зольника найдено много обломков керамики, костей животных, куски спекшейся глины, обломки тиглей. Комки обожженной глины в одном месте образовывали своеобразную "вымостку" размером 4 × 1 м, вытянутую по оси запад–восток. Среди остеологических остатков выявлены отдельные кости человека. Удовлетворительного объяснения этому факту в то время мы найти не смогли. Отметим, что в нижней части котлована и на полу перекрытого зольником жилища характер находок был несколько иным: заметно меньше костей животных, но больше развалов сосудов, орудий и изделий из кости, глины и камня.

Зольник 2 (раскопан в 1989 г.) площадью примерно 30 м^2 располагался в углублении между жилищами пахомовской культуры 1а и 2, сложен из пластов различных оттенков. Отчетливо выделялся верхний слой толщиной 0.2–0.4 м, состоявший из прослоек "чистой" золы двух оттенков белого цвета, под ним, в центральной части, фиксировался пласт светло-серого цвета мощностью 0.2–0.5 м; периферийные участки маркировал слой золы темно-серого цвета толщиной 0.2–0.5 м. Толщина зольного слоя составляла в центре 0.5–0.6 м, на периферии 0.2–0.3 м. Зольная "подушка" покоилась в центральной части на линзе черно-коричневой супеси плотной структуры толщиной 8–20 см. Находок в этом слое не обнаружено (Корочкова, 1990. Табл. 1).

Зольное заполнение вмещало кости животных, черепки, комки обожженной глины, немногочисленные изделия из камня, кости и глины (рис. 2, *3*). Последние представлены грузилами овально-уплощенной формы с одним или двумя пересекающимися желобками. В коллекции есть также оригинальные биконические грузила с отверстием в центре (рис. 2, *12*). Подобные изделия являются специфическим артефактом пахомовских комплексов. Интересную серию составляют глиняные шарики диаметром 2.5–4 см (рис. 2, *16*, *19*). В слоях зольника найдены также обломки тигельков, шлаки (рис. 2, *18, 22*). Примечательными

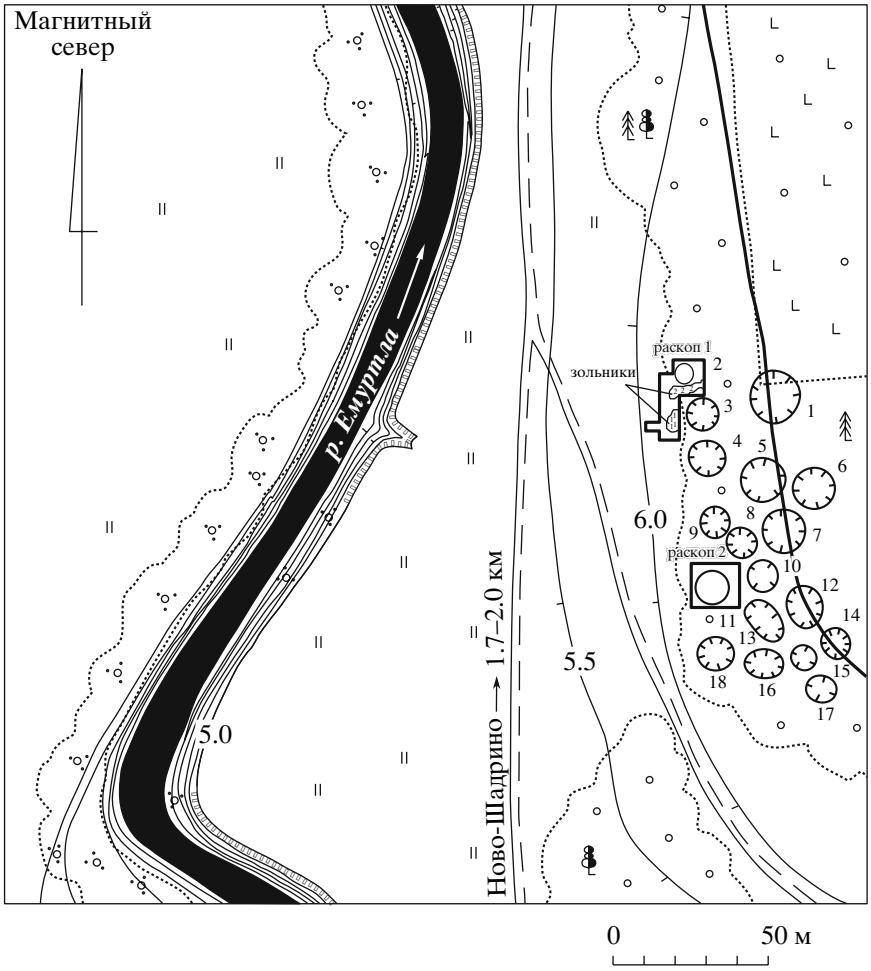

Рис. 1. План поселения Ново-Шадрино VII (раскоп 1 – раскопки 1983 и 1989 гг., раскоп 2 – раскопки 1983 г.).

находками являются также крупные фрагменты черкаскульской керамики (рис. 3, *1–4*). Важно отметить: в зольнике 2 было намного больше костей диких и домашних животных, чем в котловане расположенного рядом жилища – 1869 против 67 (таблица).

Неожиданным стало обнаружение в толще зольника многочисленных человеческих останков. Расчлененные скелеты по крайней мере 14 человек лежали в беспорядке вперемешку с костями животных, керамикой и другими находками в самом центре зольной платформы (рис. 4). Судя по стратиграфии, костяки покоились на зольном слое бело-серого цвета и были засыпаны белой золой. Внутри расчищенного скопления в соответствии с локализацией черепов можно выделить несколько условных групп. Первую составляет компактное скопление трех черепов (№ 1–3) с элементами грудной клетки и конечностей. Результаты определений свидетельствуют, что в данном месте были погребены останки двух мужчин в возрасте 20–30 лет (череп 2) и 20–25 лет (череп 3), женщины 30 лет (череп 1) и маленького ребенка – найдены фрагменты ребер, позвонка и фаланги. Второе скопление располагалось в 1.5 м к юго-западу от первого около южной границы зольника. Состояло из трех черепов (№ 4, 5 и 6) и находившихся рядом без какой-либо системы обломков ребер, крестца, лучевой, левой подвздошной, фаланг, левой плечевой, правой бедренной, левой лопатки. Судя по черепам и фрагментам посткраниального скелета, здесь были захоронены останки немолодого мужчины (череп 4), женщины 18–20 лет (череп 5) и мужчины 30–35 лет (череп 6). Остальные кости были рассредоточены в центральной части зольника, занимая площадку 2.2 × 1.4 м. Согласно определениям, обнаруженный в этом месте антропологический материал принадлежал женщине 20–30 лет (череп 8 и фрагменты посткраниального скелета), мужчине 20 лет (череп 9 и различные части посткраниального скелета), ребенку 2–4 лет (череп 10), а также ребенку 8–10 лет, подростку и взрослому мужчине, останки которых представлены отдельными фрагментами посткраниального скелета.

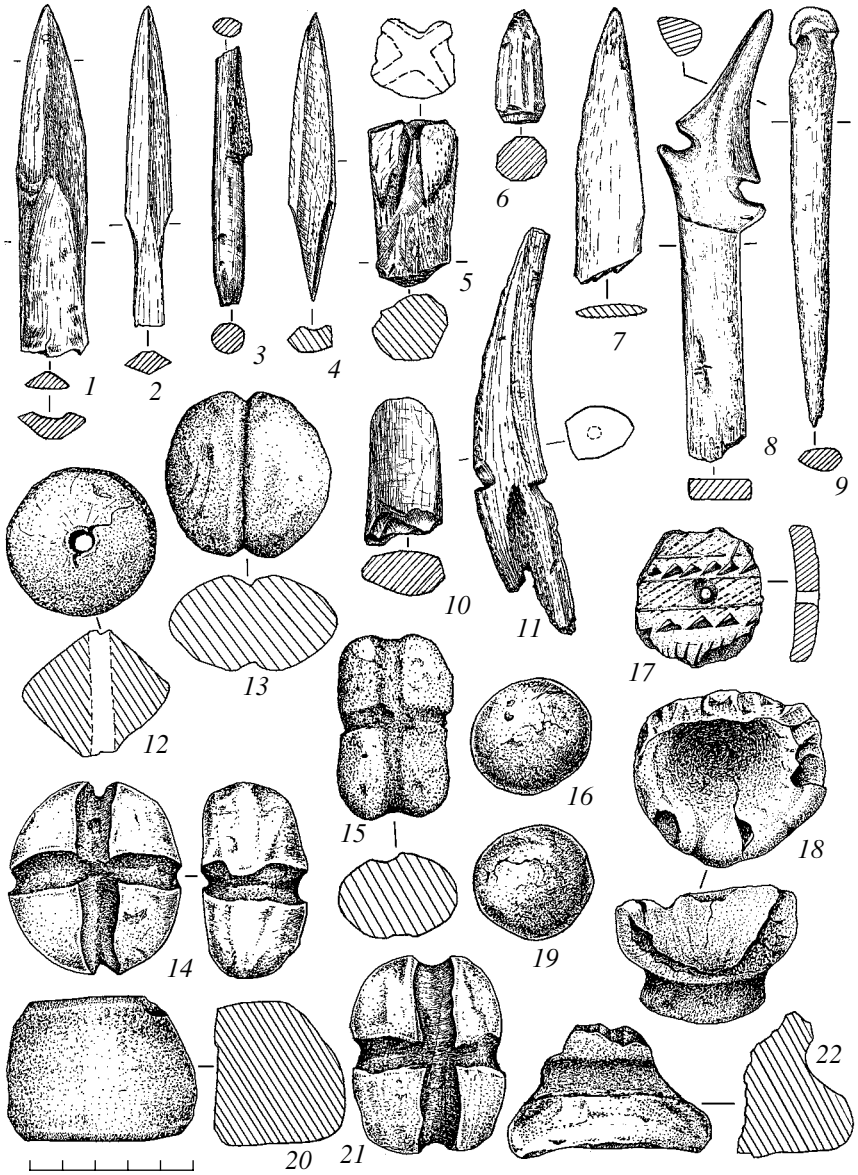

Рис. 2. Инвентарь пахомовской культуры из заполнения жилища 1а и зольников 1 и 2 (*1–11* – кость; *12–19, 21, 22* – глина, *20* – камень).

Предварительный анализ антропологических остатков был сделан в 1992 г. В.А. Дремовым. Именно он обратил наше внимание на то, что некоторые кости, в частности череп и первый шейный позвонок или кости стопы, которые соединены прочными связками и отделяются только при полном их исчезновении, были найдены в разных местах. К сожалению, нам не удалось осуществить совместную публикацию материалов Ново-Шадрино VII. Мы договорились о встрече, чтобы выяснить возникшие вопросы, но вскоре В.А. Дремова не стало. Прошло уже много лет, но специалиста, который бы заинтересовался этой антропологической серией, не нашлось. Позволю себе привести некоторые выдержки из письма В.А. Дремова, отправленного 10 ноября 1992 г.[2] Это означает, что золой были засыпаны

[2] "Относительно расового типа населения могу привести лишь предварительные впечатления. Состав населения, несомненно, смешанный. Монголоидный компонент, очевидно, таежного происхождения. Европеоидный своеобразен, отличается большой архаичностью, не похож на классических андроновцев (федоровцев), да и на алакульцев, а скорее может быть сопоставлен с древними европеоидами афанасьевского и древнеямного облика (речь идет только о месте в расовой систематике, а не о непременной генетической связи с этими культурами). Что-то общее намечается с черепами из энеолитического поселения Ботай (раскопки В.Ф. Зайберта) и из неолитических могильников Протока и Сопка-2 в Барабе (раскопки Н.В. Полосьмак и В.И. Молодина). Но для окончательных выводов надо проанализировать материал повнимательнее".

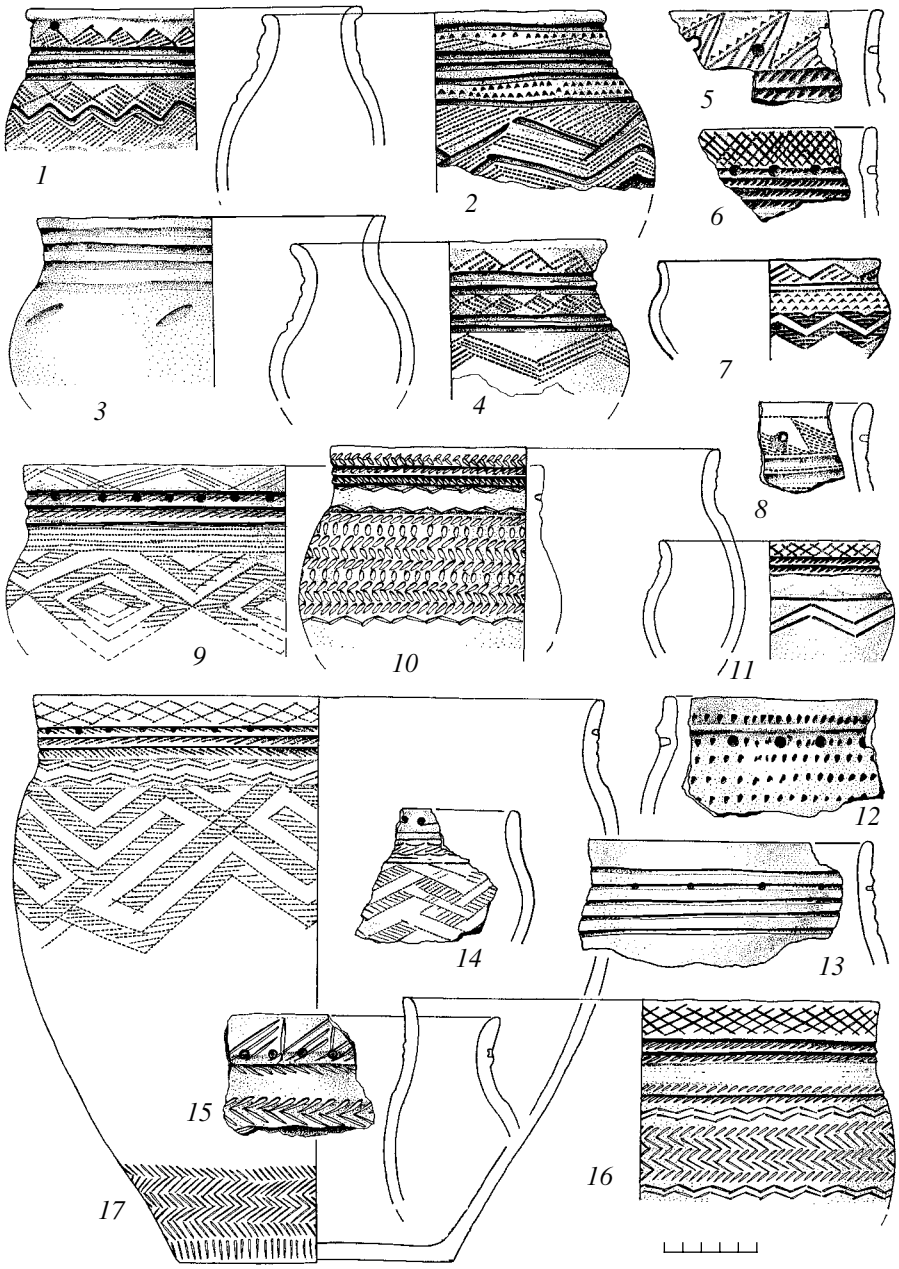

Рис. 3. Керамика пахомовской (*5–17*) и черкаскульской (*1–4*) культур, обнаруженная в зольнике 2.

скелеты, уже полностью освободившиеся от мягких тканей. Другая интересная деталь была подмечена П.А. Косинцевым[3]: среди крупных костей человека много погрызенных собаками, в то время как на костях животных такие следы не зафиксированы.

Раскопанное скопление человеческих останков является преднамеренным захоронением и может рассматриваться как коллективное фракционное (парциальное) погребение. Золой белого цвета были засыпаны кости, свободные от мягких тканей. Некое подобие анатомического порядка можно усмотреть в месте локализации черепов 1–3. Однако, судя по составу костей, оно было достигнуто скорее за счет имитации целостности верхней части скелета.

Коллективное фракционное захоронение в зольнике поселения Ново-Шадрино VII было первым и до 1995 г. единственным объектом подобного рода. Поскольку к тому времени были из-

[3] П.А. Косинцев канд. биол. наук Института экологии растений и животных УрО РАН проводил определение остеологической коллекции поселения.

Видовой состав животных в слоях и объектах поселения Ново-Шадрино VII

Виды животных	Зольник 2	Жилище 2
Крупный рогатый скот	445/24	14/2
Мелкий рогатый скот	239/18	10/3
Лошадь	528/21	17/2
Собака	21/5	
Косуля	89/12	1/1
Лось	82/9	1/1
Кабан	29/6	
Медведь	5/3	
Волк	2/2	
Лисица	22/7	2/1
Росомаха	1/1	
Бобр	9/3	
Водяная полевка	4/1	
Птица	2	
Рыба	7	
Неопределимые	394	22
Всего	1869	67

вестны отдельные сузгунские и пахомовские погребения, совершенные на территории могильников (Генинг, Стефанов, 1991), ново-шадринский "оссуарий" воспринимался как акт нетипичного обращения с умершими. Многое прояснили последующие работы в Среднем Прииртышье, в частности раскопки коллективных захоронений на поселении Усть-Китерма IV (10 человек), в кургане 2 могильника Усть-Китерма V (37 человек). Основной особенностью погребальных комплексов сузгунской культуры на Больших Крутинских озерах является неполный состав "…частично кремированных или обожженных костяков. В основном представлены кости конечностей и черепа, которым в ряде случаев придано подобие анатомического порядка… Не исключено, что курган мог функционировать определенный промежуток времени в качестве склепа, в котором останки умерших укладывались в 2–3 ряда…" (Полеводов, Труфанов, 1997. С. 20). Близкая ситуация зафиксирована в кургане 10 могильника Батаково XXI. Здесь небольшой курганной насыпью была перекрыта погребальная камера в виде деревянной рамы, установленной на уровне древней поверхности. Внутри камеры находились череп и кости конечностей, в том числе некоторые со следами огня. Культурную принадлежность погребения определяет сосуд пахомовского облика (Погодин и др., 1997).

Таким образом, коллективные захоронения в зольнике поселения Ново-Шадрино VII, на поселении Усть-Китерма IV и в кургане 2 могильника Усть-Китерма V, индивидуальное погребение кургана 10 могильника Батаково XXI дают веские основания предполагать существование в среде населения андроноидной общности характерного погребального обряда, выражающегося в практиковании парциальных индивидуальных и коллективных захоронений, в том числе на территории поселений. Получается любопытная картина: андроноидной культуре лесостепного/предтаежного Тоболо-Иртышья, с одной стороны, свойственны типичные погребения и некрополи, а с другой – захоронения на поселениях.

В этой связи возникает целый ряд вопросов и прежде всего о статусе захоронений, совершенных на поселениях. Это промежуточный или окончательный акт похоронной церемонии? Располагая информацией о существовании специальных погребальных комплексов пахомовской культуры (могильники Усть-Китерма IV, Батаково XXI, Черноозерье II, Лихачевский и др.), мы вправе допустить, что "поселенческие" захоронения могут отражать один из этапов похоронного цикла, предшествующий окончательному. Быть может, именно здесь происходили действия, которые археологически фиксируются как кремация или неполное сожжение? Хотя, надо сказать, что убедительного подтверждения этой версии нет. Человеческие останки, найденные в толще ново-шадринского зольника, явных следов воздействия огня не несли. Обратим внимание на другой факт. Все известные "поселенческие" захоронения уже фракционные: т.е. умершие не были просто сброшены в котлованы и засыпаны золой. К моменту засыпания золой ново-шадринские останки уже были скелетированы. Встает вопрос о характере и способах экскарнации. Иными словами, где и каким образом происходило освобождение от мягких тканей (в пределах зольника или в другом месте?). В этой связи хотелось бы еще раз обратить внимание на то, что многие человеческие кости были погрызены собаками, тогда как на костях животных, извлеченных из толщи зольника, таких следов не было.

Упоминания об экскарнации в среде западносибирского населения нам не встречались. Вернее сказать, не используется сам термин "экскарнация". Но, если принять во внимание многочисленные вторичные захоронения в некрополях начала бронзового века (ПБВ1), а они зафиксированы в составе почти всех раскопанных могильников – Ростовка (Матющенко, Синицына, 1988. С. 64, 65), Сопка 2 (Молодин, 1985. С. 80, 81; Молодин, Гришин, 2005), Староалейка 2, Цыганкова Сопка 2 (Кирюшин, 1987), Телеутский Взвоз (Кирюшин и др., 2003. С. 69–72) и др., следует признать, что эта традиция характерна для рассматриваемого региона. Раскопки более ранних могильников усть-тартасской культуры свидетельствуют о существовании практики вторично-

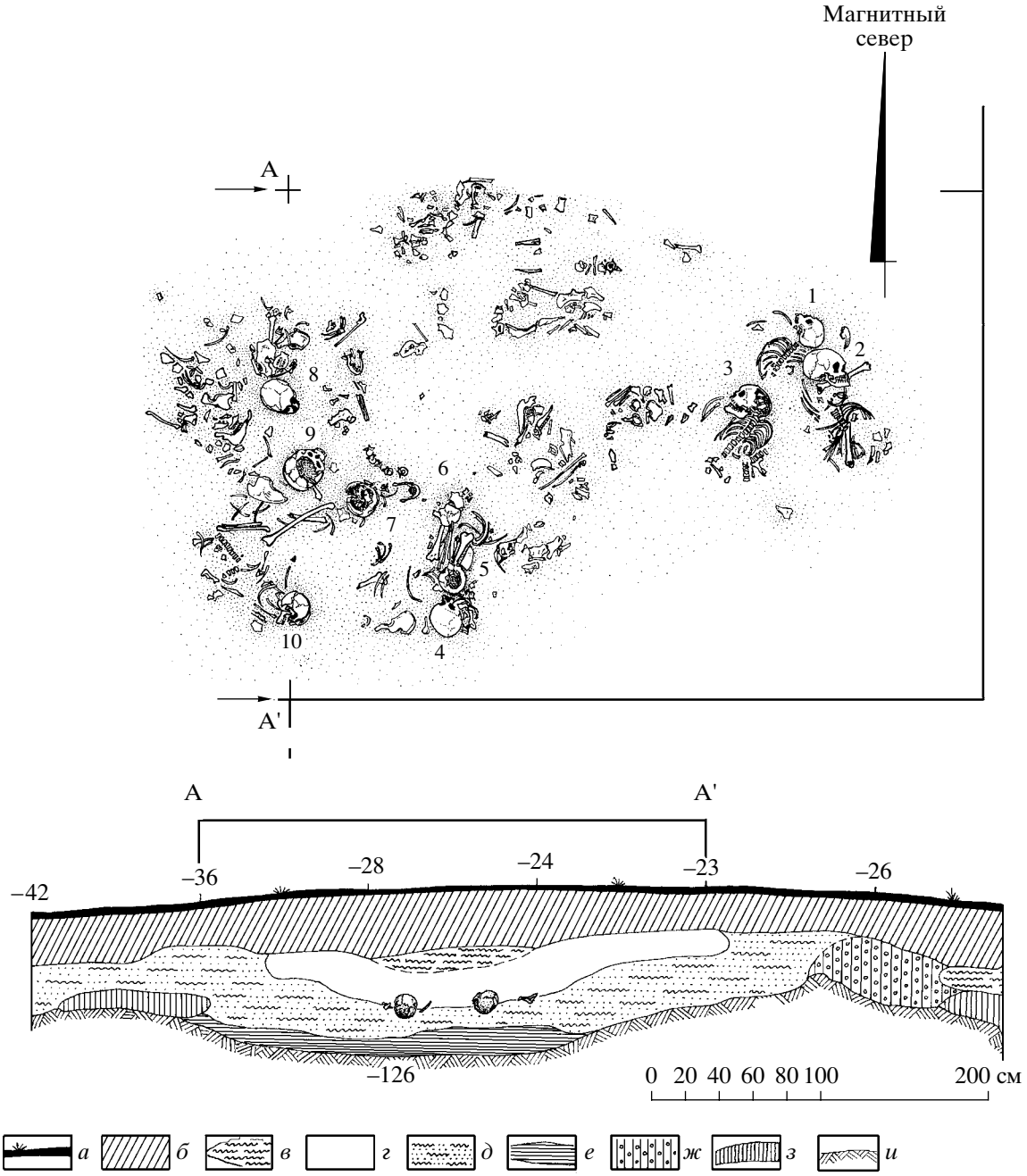

Рис. 4. Расположение человеческих останков в зольнике 2. *а* – дерн; *б* – гумусированная почва черного цвета; *в* – белая зола с пепельным оттенком; *г* – белая зола; *д* – зола светло-серого цвета; *е* – суглинок серо-коричневого цвета; *ж* – зола серого цвета; *з* – зола темно-серого цвета; *и* – материковый суглинок желто-коричневого цвета.

го захоронения уже в III тыс. до н.э. Причем вторичные захоронения в некрополе Сопка 2/3А преобладают и составляют 84.2% (Молодин, 2001. С. 108). На глубокие корни подобной традиции, а также использование в погребальных ритуалах огня обращают внимание А.А. Полеводов и А.Я. Труфанов (1997. С. 22), ссылаясь на материалы неолитических могильников Северной Барабы (Полосьмак и др., 1989. С. 25–32).

Публикации, в которых рассматривались бы возможные сценарии акта выставления/экскарнации для западносибирского региона, нам не известны. Но известны гораздо более отдаленные аналогии, которые в контексте данного исследования кажутся вполне уместными. Речь идет о раскопках в северном Гонуре – столице Маргианы (Сарианди, 1999). Погребальные обряды Бактрии и Маргианы (БМАК), отличавшиеся большой поливариантностью, включали в том числе и

фракционные захоронения. Благодаря открытиям 1997 г., исследователям удалось восстановить процесс экскарнации в Гонуре. Здесь на территории дворца было раскопано небольшое помещение (№ 92), пол которого был засыпан толстым слоем золы (!). На этой зольной платформе хаотично располагались свыше 10 скелетов детей и взрослых, кости которых были растащены по всей площади помещения. В.И. Сарианиди приводит убедительные аргументы в пользу того, что помещение было открыто сверху. Он полагает, что в этом месте раскопано самое древнее из известных специальных мест (дахма), куда выставлялись покойники царской фамилии и где хищные птицы и специально натренированные собаки очищали кости от мягких тканей перед их захоронением в могилы. Перемешивание костей в таком случае неизбежно и отсутствие частей скелета во фракционных захоронениях после обряда экскарнации вполне объяснимо. Большое количество скелетов может указывать и на более широкое назначение "дахмы" как мавзолея (Сарианиди, 2001. С. 269). Не правда ли, восстановленная исследователем картина весьма напоминает ново-шадринскую? Смущает другое: известные факты наличия фракционных захоронений в могильных сооружениях (могильники Усть-Китерма V, Батаково XXI) позволяют предполагать, что "очищенные" кости впоследствии могли быть захоронены[4]. Но ведь ново-шадринские останки были засыпаны золой, т.е. по сути уже захоронены. Однако исследователи некрополей БМАК отмечают, что в бронзовом веке в среде индоевропейского населения существовала практика перезахоронения. В уже упомянутом выше некрополе Гонура раскопаны своеобразные комплексы, которые авторы реконструируют как временные захоронения. Судя по всему, здесь практиковались сложные поэтапные погребальные церемонии: по истечении времени разложившиеся кости скелетов аккуратно собирались и переносились в другое место. Так называемые временные могилы помимо Гонура (причем практиковались они в отношении очень немногочисленной группы населения) известны в могильниках Южного Таджикистана, Свата (Северный Пакистан), по мнению В.И. Сарианиди, связаны с представителями иранского язычества (Сарианди, 2001. С. 300, 301; Дубова, 2004. С. 280). Не углубляясь в область индоиранской мифологии, позволю себе ограничиться только приведенными ссылками. В контексте данной работы важно понять, что ново-шадринская ситуация может трактоваться весьма и весьма по-разному, а индоевропейские аналогии вполне уместны. Дополнительным подтверждением этому служит доминирование андроновского (федоровского) компонента в культурах андроноидного круга, который надежно соотносится с индоиранскими этносами (Кузьмина, 1994. С. 265, 266).

Существенная деталь: в Усть-Китерме некоторые кости были частично обожжены, что может указывать на осуществление "огненных" церемоний с костями, уже свободными от мягких тканей. Где и каким образом это могло произойти, если в могильном сооружении следы огня не зафиксированы? Необходимым условиям вполне отвечает зольник типа ново-шадринского. В качестве возможного аргумента приведем такой пример: явных следов огня на костях людей и животных из Ново-Шадрино VII нет, но засыпались они горячей золой, так как заметны следы "прикипания" золы к костям.

Другой сюжет связан с выяснением временных рамок подобных захоронений. Если существование надмогильных сооружений (склепов, мавзолеев) предполагает в том числе и поэтапные церемонии, то захоронения на поселениях воспринимаются как одномоментные. Такое впечатление создает довольно однородный слой чистой белой золы, который покрывал останки. Однако уверенности в том, что это была одноактная церемония, у нас нет. Возможно, что более тонкие почвоведческие анализы и участие специалиста в раскопках этого объекта сейчас многое бы прояснили. Если исходить из того, что белая чистая зола – это результат преднамеренного сжигания легких горючих материалов, то можно предположить и постепенную (поэтапную) засыпку золой.

Ситуация, зафиксированная в ново-шадринском зольнике, наглядно демонстрирует его специфическое назначение и заставляет гораздо более внимательно относиться к данному типу археологических объектов. Учитывая повсеместно распространившуюся традицию сооружения зольников на поселениях лесостепного и степного пояса Евразии во II тыс. до н.э., следует признать за ними статус сложных комплексов, которые требуют особых методов изучения. Использование золы – чрезвычайно характерная для индоевропейской культуры традиция. Об этом пишут многие исследователи: Б.А. Рыбаков (1981. С 308), И.П. Русанова, Б.А. Тимощук (1993. С. 75, 76) и др. Особенное отношение замечено к белой чистой золе. В.И. Сарианиди упоминает об алтарях огня теменоса Гонура и Тоголок-21, которые к моменту раскопок были заполнены исключительно белой золой и заложены сверху кирпичом. В этой связи он обращает внимание на существующий до сих пор в практике зороастрийцев обычай разделения золы на несколько категорий в

[4] Поделимся еще одним соображением. В могильниках бронзового века часто встречаются так называемые "пустые" могилы небольшого размера (см., например: Генинг, Стефанов, 1991. С. 55, 56). Быть может, это места, подготовленные для последующего захоронения экскарнированных останков?

зависимости от ее "чистоты и святости", ссыпании ее в одно место или хранении в своеобразных контейнерах (Сарианди, 2001. С. 305). Специальное место ссыпания золы в виде большого холма раскопано за внешней стеной храма Тоголок-21 и теменоса Гонура.

Наличие человеческих останков в толще поселенческих отложений и зольников – не исключительное явление для этого времени. Кости человека обнаружены в зольниках Сибирской Саргатки I (Стефанов, Труфанов, 1988) и Алексеевки XXI (Татаурова и др., 1997. С. 164, 189), в отложениях на Чудской Горе (Потемкина и др., 1995. С. 40), на других сибирских памятниках. Человеческие кости нередко встречаются в белогрудовских и сабатиновских (Ляпушкин, 1951. С. 128; Березанская, 1974. С. 93; Гершкович, 2004. С. 105, 106), скифских и древнеславянских зольниках (Шрамко, 1962; Рыбаков, 1981. С. 317; Русанова, Тимощук, 1993. С. 65–73). В зависимости от археологического контекста подобные находки трактуются по-разному (остатки погребений, жертвоприношений и др.).

Что касается дискуссии о феномене белогрудовских зольников, Я.П. Гершкович полагает, что они возникли на месте жилищ, "захороненных" вместе с вышедшим из употребления инвентарем на заключительной стадии существования подворья (2004. С. 106) в результате обряда, который известен этнографам как "обряд оставления жилища". Слои "зольного" цвета, по мнению Гершковича, образованы перегнившими остатками соломы и травы (2004. С. 109). Высказанные версии, бесспорно, заслуживают самого пристального внимания. У исследователя есть собственные резоны и видение реконструируемого им процесса, основанное на знании конкретного и многочисленного материала, он приводит интересные и убедительные аналогии. Хотелось бы акцентировать внимание на другом. Если это не зольные слои, то почему объекты называются зольниками? Предложенная украинским коллегой модель формирования зольников (Гершкович, 2004. С. 107) по сути снимает с повестки вопрос о их функциональном назначении, однако согласиться с ней полностью трудно, так как она оставляет открытыми многие вопросы. Некоторые из них были обозначены еще раньше в работах Б.А. Рыбакова: как происходило формообразование насыпей с золой, как объяснить наличие большого количества бытовых вещей в зольниках (1981. С. 309). Добавим к этим и другие: сколько и какого материала должно было сгореть для формирования таких мощных слоев; где впервые возникает и почему получает широкое распространение подобная традиция в конце бронзового века; какие параллели правомерны. Здесь я (что и предполагает жанр дискуссии), пожалуй, поспорю с Я.П. Гершковичем, отрицающим связь восточных и западных зольников. Сравнительный анализ показывает, что это явления одного порядка. Ближайшие исследовательские задачи заключаются, наверно, не столько в том, чтобы выявить приоритет западной или восточной "зольной" традиции, а в том, чтобы скоординировать усилия по изучению подобных объектов, подготовить коллег к возможным археологическим ситуациям, требующим современных методов научного исследования. И в этом смысле сибирские археологи должны наверстать упущенное и обратить самое пристальное внимание на зольники поселений эпохи поздней бронзы. Неоднозначный характер исследуемых объектов диктует необходимость выработки оригинальной тактики их изучения и системы (кода) описания, что позволит перевести информацию, полученную в разных регионах на один язык (в прямом и переносном смысле. Многие работы последних лет опубликованы на украинском языке, а потому не всегда используются в полной мере российскими коллегами). Чтобы комплексы можно было сравнивать, необходимы всесторонние исследования с привлечением всех доступных естественных анализов (Каздым, 2002), подробные описания и оценка состава находок, реконструкция этапов, сроков и длительности самого процесса формирования зольников.

Б.А. Рыбаков в свое время предполагал, что зольники были результатом конвергентного развития и непосредственным следствием возрастания роли земледелия (1981. С. 308). Судя по всему, интересной ему казалась высказанная в свое время С.С. Березанской гипотеза о том, что зольники – это места культов домашнего очага, куда ссыпалась зола из всех домов поселка, или культовый костер, на котором приносились жертвы (1953). О том, что зола действительно вместе с бытовым мусором приносилась из разных мест, свидетельствует и то, что в раскопанных нами зольниках много посуды, происхождение которой никак не связано с расположенными рядом постройками. Судя по сибирским материалам, формирование подобных объектов происходило в рамках культур с развитой системой придомного скотоводства; достоверных данных о земледелии в нашем распоряжении нет. Быть может, коллегам покажется интересным и такой факт. Среди всех известных памятников пахомовской культуры Ново-Шадрино VII отличает уникальный состав остеологической коллекции, в которой представлено много костей диких животных (таблица). А если учесть, что основная масса костей происходит из зольников, то, может, это не случайная связь? Кстати, именно в зольнике 2 рядом с человеческими останками были обнаружены кости собаки.

В нашем представлении зольники – это преднамеренно сформированные объекты, которые

сооружались обычно на периферии поселка. Часть напластований состояла из золы, принесенной вместе с бытовыми остатками из разных жилищ, часть (белая зола) сформировалась в результате преднамеренного сжигания на этом месте легких горючих материалов. Это могли быть подстилки из жилищ и мест содержания скота, вышедшие из строя деревянные конструкции, тростник, хворост. Наличие слоев так называемой чистой белой золы и разноцветных прослоек свидетельствует о поэтапном формировании зольников. Возможно, это результат периодических сжиганий на одном месте. Скорее всего зольники были огорожены (плетень, легкий забор, оградка из дерна). Об этом свидетельствует их локализация в виде всхолмлений, иногда довольно компактных, четкая стратиграфия, отсутствие следов сползания в расположенные рядом понижения. Примеры белогрудовских (Березанская, 1974. С. 93, 94) и древнеславянских зольников (Рыбаков, 1981. С. 316) такое допущение подтверждают вполне. Присутствие парциальных погребений позволяет считать зольники местами временных или постоянных захоронений. Они могли использоваться также в качестве особых объектов, на площади которых производились акты выставления (экскарнации) и частичного обожжения. Многочисленные костные остатки домашних и диких животных можно рассматривать в том числе как свидетельства обильных жертвоприношений. Весьма привлекательной нам кажется разгадка древних зольников, предложенная Б.А. Рыбаковым. По его мнению, это связано с традицией собирать для весеннего общественного костра весь накопившийся за зиму хлам и мусор. «Рациональное смешивалось с ритуальным: источник болезней – гнилая перепрелая солома, гнездовище мух, оводов и слепней, уносилась, “чтобы охранить скот от нечисти”, за околицу и там, в огромном общесельском костре, сгорала во славу благодетельных весенних божеств» (Рыбаков, 1981. С. 315, 316).

Напрашивается вывод: зольники – это специфические археологические объекты поселений эпохи поздней бронзы лесостепной полосы Евразии, получившие распространение на широкой территории от Западной Сибири до Причерноморья, свидетельствующие о развитии и культивировании сходных ритуалов и представлений в среде населения, обладающего скорее всего этнической близостью, владеющего развитыми формами производящего хозяйства, прежде всего придомного скотоводства. Сходство археологических свидетельств и возможных трактовок, устойчивость традиции в определенные эпохи позволяют предполагать универсальный характер исследуемого явления и считать, что зольники связаны с культовой практикой населения, имеющего индоевропейские корни (Рыбаков, 1981. С 305–318; Сарианиди, 2001. С. 310–317).

В заключение хотелось бы поделиться еще одним соображением, которое касается именно зауральских и западносибирских зольников. Формирование традиции их сооружения восходит к андроновскому времени. Известны они и в срубных памятниках. Одним из характерных способов обращения с умершими в этих культурах является кремация. Не хотелось бы проводить прямых аналогий, поскольку для этого нет достоверных данных, но проверка связи существования обряда кремации и зольников заслуживает самого пристального внимания.

Работа выполнена в рамках исследовательского проекта РГНФ “Бронзовый век Урала и Западной Сибири: преемственность, новации, взаимодействия” (№ 06-01-00037а).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Березанская С.С. Памятники предскифского времени на Уманщине и их историческое значение: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Киев, 1953.

Березанская С.С. Пустынка – поселение эпохи бронзы на Днепре. Киев, 1974.

Генинг В.Ф., Стефанов В.И. Могильники андроноидной культурной общности Ишимской лесостепи // Древние погребения Об-Иртышья. Омск, 1991.

Горбунов В.С., Обыденнов М.Ф. Жилища Юкаликулевского поселения // Поселения и жилища древних племен Южного Урала. Уфа, 1983.

Гершкович Я.П. Феномен зольников белогрудовского типа // РА. 2004. № 4.

Дубова Н.А. Могильник и царский некрополь на берегах Большого бассейна Северного Гонура // У истоков цивилизации. М., 2004.

Зах В.А. Поселок древних скотоводов на Тоболе. Новосибирск, 1995.

Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации). Свердловск, 1988.

Каздым А.А. Минералогия в археологии – изучение искусственных (техногенных) материалов // Минералогические музеи. СПб., 2002.

Кирюшин Ю.Ф. Новые могильники ранней бронзы на Верхней Оби // Археологические исследования на Алтае. Барнаул, 1987.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз). Барнаул, 2003.

Корочкова О.Н. Отчет о раскопках поселения Ново-Шадрино VII в Упоровском районе Тюменской области в 1989 г. // Архив УрГУ. 1990. Ф. II. Д. 469.

Кривцова-Гракова О.А. Алексеевское поселение и могильник // Археологический сб. Тр. ГИМ. 1948. Вып. XVII.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии. М., 1994.

Ляпушкин И.И. Поселение скифского времени близ деревни Пожарная Балка Полтавской области // КСИИМК. 1951. Вып. XXXVII.

Матвеев А.В., Сидоров Е.А. Ирменские поселения Новосибирского Приобья // Западная Сибирь в древности и средневековье. Тюмень, 1985.

Матющенко В.И., Синицына Г.В. Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. Томск, 1988.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Новосибирск, 2001.

Молодин В.И., Гришин А.Е. К реконструкции погребальной практики кротовской культуры (погребения с нарушенной анатомической целостностью костяка на могильнике Сопка-2/4; -2/5) // Археология Южной Сибири. Кемерово, 2005.

Папин Д.В. Особенности функционирования зольника эпохи поздней бронзы поселения Рублево-VI // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул, 2002.

Погодин Л.Л., Полеводов А.В., Плешков Е.А. Курганный могильник Батаково XXI – новый погребальный памятник сузгунской культуры // Четвертые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Матер. науч. конф. Омск, 1997.

Полеводов А.В., Труфанов А.Я. О погребальном обряде сузгунской культуры // Россия и Восток: Археология и этническая история: Матер. IV Междунар. науч. конф. Омск, 1997.

Полосьмак Н.В., Чикишева Т.А., Балуева Т.С. Неолитические могильники Северной Барабы. Новосибирск, 1989.

Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М., 1985.

Потемкина Т.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы (по материалам Чудской Горы). М., 1995.

Русанова И.П., Тимощук Б.А. Языческие святилища древних славян. М., 1993.

Русяева А.С. Древнегреческие сакральные зольники в Нижнем Побужье // РА. 2006. № 4.

Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981.

Сава Е.Н. Евроазиатский компонент эпохи поздней бронзы в Карпато-Подунавье // II Северный археол. конгресс. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2006.

Сальников К.В. Кипельское селище // СА. 1957. № XXVII.

Сальников К.В. Раскопки у села Ново-Бурино (1948) // СА. 1959. № XXIX–XXX.

Сарианиди В.И. Первые индоиранцы в Центральной Азии // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н.э. Региональные особенности в свете универсальных моделей. Челябинск; Аркаим, 1999.

Сарианиди В.И. Древневосточное царство Маргуш в Туркменистане // Мировоззрение древнего населения Евразии. М., 2001.

Стефанов В.И. Поселения алакульской культуры Южного Урала // Матер. по археологии и этнографии Южного Урала. Челябинск, 1996.

Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Андроновские древности Тюменского Притоболья. Екатеринбург, 2000.

Стефанов В.И., Труфанов А.Я. К вопросу о своеобразии ирменской культуры в Среднем Прииртышье (по материалам Сибирская Саргатка I) // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1988.

Татаурова Л.В., Полеводов А.В., Труфанов А.Я. Алексеевка XXI – памятник эпохи поздней бронзы предтаежного Прииртышья // Археологические микрорайоны Западной Сибири. Омск, 1997.

Чемякин Ю.П. Поселение эпохи бронзы Мирный IV // Из истории Сибири. Вып. 15. Томск, 1974.

Черных Е.Н. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла // СА. 1978. № 4.

Черных Е.Н. Эпоха раннего металла: темп и ритм кардинальных инноваций // Тр. ГИМ. 2000. Вып. 113.

Шрамко Б.А. Древности Северного Донца. Харьков, 1962.

On West Siberian ash-pits of the Late Bronze Age

O. N. Korochkova

Summary

The article covers certain aspects of the study of ash-pits, which are a specific feature of Late Bronze Age settlements in Western Siberia. Several facts prove that the ash-pits were constructed intentionally, as a rule on the periphery of the settlement, as accumulating units. Part of the layers consisted of ash brought in together with domestic waste from various dwellings, part (white ash) was formed as a result of intentional burning of light inflammable materials. The fact that ash-pits contained partial burials allows to consider them also as temporary or permanent burial-places. They could also have been used as platforms for exposure (excarnation) and partial burning. These specific archeological features of Late Bronze Age settlements are encountered throughout a wide territory from Western Siberia to the Black Sea region. They testify to the development and cultivation of similar rituals and notions within populations that most probably were ethnically akin and had well-developed production economy, primarily domestic cattle-breeding.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2009, № 1, с. 36–46

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ В ВОСТОЧНЫХ КАРПАТАХ В ПОЗДНЕРИМСКОЕ ВРЕМЯ

© 2009 г. Л. В. Вакуленко

Институт археологии НАН Украины, Киев

Территориальное расположение Карпатского региона в значительной степени определило его важное место в событиях европейской истории. В позднеримский период в историческом развитии Карпатского края, благодаря его близости к границам Римской Империи, особенно большую роль играли миграционные процессы.

Однако судьба древнего населения на территориях, расположенных к северо-востоку (Прикарпатье) и юго-западу (Закарпатье) от восточного Карпатского хребта, была различной (Вакуленко, 2002. С. 51, 52).

Территория Прикарпатья в позднеримское время была занята населением, которое оставило памятники, получившие название "культура карпатских курганов". Памятники этой культуры расположены вдоль северо-восточных склонов Карпатской дуги по верхнему течению Днестра, Прута и Сирета, в границах Украинского и Румынского Прикарпатья (рис. 1).

Первые раскопки прикарпатских памятников начались в конце XIX – начале XX в., но только в монографии М.Ю. Смишко (Смішко, 1960) все материалы, известные к тому времени, были обобщены, а сами памятники выделены в культуру карпатских курганов. При этом М.Ю. Смишко исходил из того, что курганные могильники позднеримского времени, открытые в предгорных областях Украинских Карпат как в Прикарпатье, так и в Закарпатье, относятся к одной археологической культуре. С тех пор это положение не оспаривалось в науке.

Исследования прикарпатских древностей продолжались до 90-х годов прошлого века. Экспедициями Института археологии НАН Украины под руководством автора открыто 16 новых памятников и проведены обследования и стационарные работы на девяти могильниках и четырех поселениях культуры карпатских курганов на территории Ивано-Франковской обл., вблизи сс. Товмачик, Шепаривцы, Короливка, Воскресинцы, Трач. Особенно следует выделить комплекс поселений и могильников вблизи с. Пылыпы, где были проведены раскопки на трех могильниках и двух поселениях.

Более 30 курганов на трех могильниках в Браниште-Немцишор, Тырзии и Гура Секулуй раскопал В. Михайлеску-Бырлиба. К сожалению, в научный оборот введены лишь некоторые сведения об этих исследованиях (Mihailescu-Bîrliba, 1980. P. 181–207; 1997. P. 833–841; 1999. S. 313–332).

Поселения культуры карпатских курганов, площадью 2–3 га, занимали первые и вторые террасы небольших рек. Для них характерно расположение на мысах, образованных руслом реки и ручья, впадающего в нее, или изгибом самой реки. Углубленные жилища имели четырехугольный земляной котлован прямоугольной в плане формы. В большинстве случаев их размеры составляют 6–11 м^2.

Особого внимания заслуживают древние зернохранилища, обнаруженные на поселении Пылыпы-4. Открытые объекты представляли собой разные системы группирования зерновых ям, в которых находилось большое количество обугленных зерен пшеницы, проса, ячменя и овса (Вакуленко, 2004б. С. 189–214; Пашкевич, 1991. С. 30–38).

Яркой характерной чертой культуры является погребальный обряд – трупосожжения под курганами, которые сооружались на месте кремации. Прошлыми и современными исследованиями на Прикарпатье открыто 35 могильников культуры карпатских курганов, в которых насчитывается около 780 курганов, более чем 200 были раскопаны, хотя и не всегда профессиональными археологами.

Небольшие курганы круглой формы, в количестве от 4–7 до 60–100 насыпей, как правило, располагались на возвышенных участках местности (рис. 2, *а*). В подавляющем большинстве исследованных курганов заметны остатки погребального костра в виде обожженного грунта, обугленных деревянных плах, кальцинированных костей, пережженных керамических фрагментов.

Кальцинированные кости, очищенные или вместе с золой и углем, помещали в урны или ямки либо оставляли на поверхности. Часто площадку костра старательно выметали, собирая остатки трупосожжения на ее краю. Характерной особенностью обряда был обычай разбивать и бросать в погребальный костер посуду. Погребения изредка сопровождались сосудами-приставками с жертвенной пищей и напитками (Вакуленко, 1999а. С. 49–60).

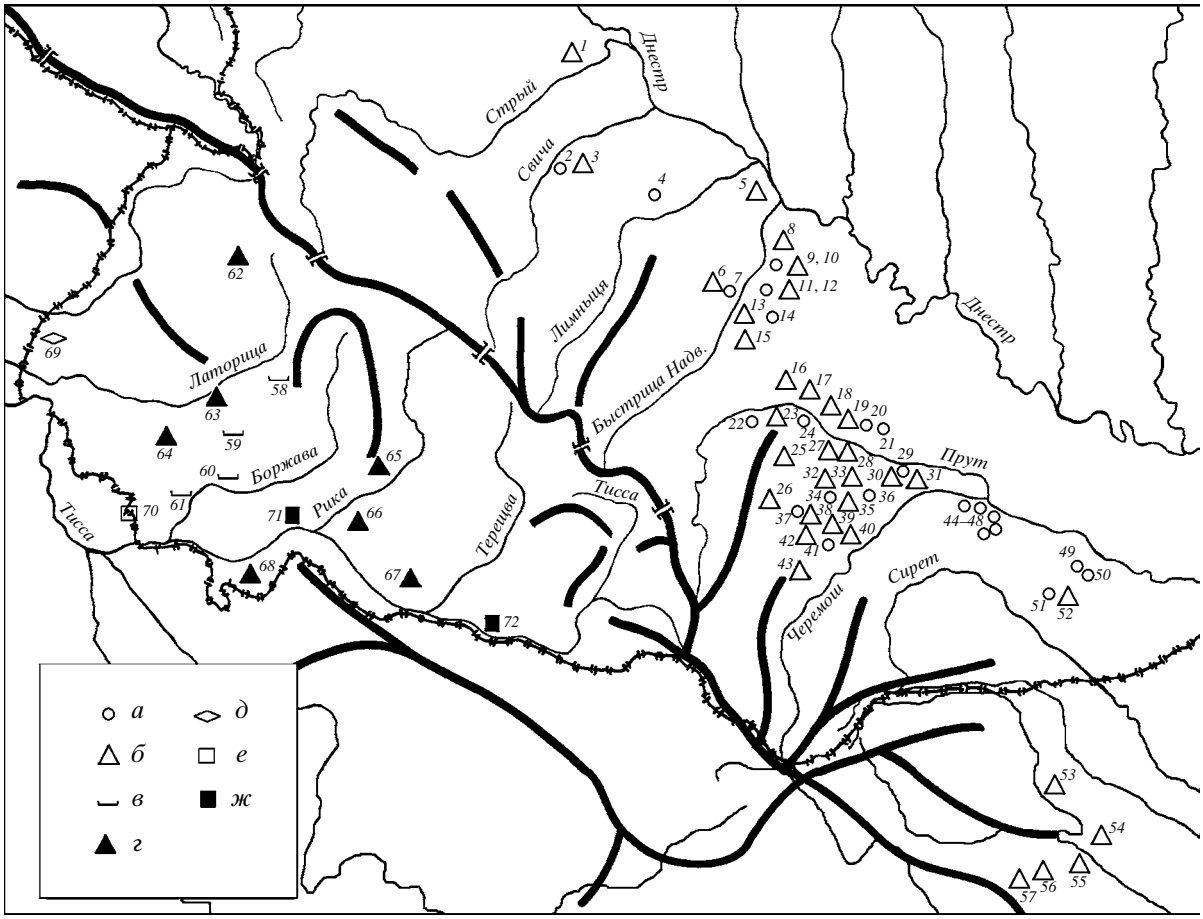

Рис. 1. Карта-схема памятников позднеримского времени на территории Прикарпатья и Закарпатья: *а* – поселения культуры карпатских курганов; *б* – могильники культуры карпатских курганов; *в* – грунтовые погребения пшеворской культуры; *г* – курганы в Закарпатье; *д* – могильник в Солонцах; *е* – производственный центр в Берегшуране; *ж* – кельто-дакийские городища. *1* – Добряны; *2, 3* – Нижний Струтинь; *4* – Голынь; *5* – Пидгородье; *6, 7* – Грабовцы; *8* – Хомяковка; *9, 10* – Марковцы; *11, 12* – Каминная; *13* – Цуцулин; *14* – Волосов; *15* – Перерось; *16* – Садживка; *17* – Товмачик; *18* – Шепаривцы-2; *19* – Шепаривцы-1; *20* – Короливка; *21* – Заболотов; *22, 23* – Печенижин; *24* – Воскресинцы; *25* – Мышин; *26* – Стопчатов; *27, 28* – Грушев; *29, 30* – Дебеславцы; *31* – Ганив; *32–36* – Пылыпы-1, 2, 3, 4, 5; *37–41* – Трач; *42* – Гуцуливка; *43* – Рожнив; *44–48* – Ясени; Мыслив-1, Мыслив-2; Глинница, Драчинцы; *49, 50* – Великий Ключив; *51, 52* – Глыбока; *53* – Ботошаны; *54* – Бороая; *55* – Бранешты-Немцишор; *56* – Тырзия; *57* – Гура Секулуй; *58* – Свалява; *59* – Становэ; *60* – Арданово; *61* – Квасово; *62* – Кальник; *63* – Ключарки; *64* – Лысковэ; *65* – Лыпча; *66* – Иза; *67* – Русское Поле; *68* – Братово; *69* – Солонцы; *70* – Берегшурань; *71* – Мала Копаня; *72* – Солотвино.

В ряде курганов прослежены следы различных конструкций. Это четырехугольные постройки (рис. 2, *б, I*) или ограды из дерева (рис. 2, *б, II*), земляные ровики вокруг площадки костра или различные сооружения с использованием камня (Вакуленко, 1997. С. 86–96).

На поселениях и в курганах найдены орудия труда: железные наральник (рис. 3, *17*), серп (рис. 3, *16*), долото (рис. 3, *18*), ножи. Предметы конского снаряжения представлены удилами (рис. 3, *11, 14*), шпорой (рис. 3, *13*) и пластинкой, служившей украшением конского убора (рис. 3, *12*). Найдены также два наконечника дротиков (рис. 3, *19*), втоки (рис. 3, *15*), гвозди (рис. 3, *10*), скобы, керамические прясла, грузила для ткацких станков и рыболовных сетей.

Украшения и элементы одежды представлены фибулами (рис. 3, *1–5*), пряжками (рис. 3, *6–9*), сердоликовыми бусами. Большинство бытовых вещей и украшений, найденных в курганах, были повреждены огнем погребального костра.

В быту прикарпатского населения преобладала посуда, изготовленная на гончарном круге. О ее местном происхождении свидетельствуют открытые на поселениях гончарные горны (Вакуленко, 1977. С. 56–59. Рис. 15–17). Гончарная посуда разнообразна. Это миски (рис. 4, *11–17, 20*), вазы разных типов (рис. 4, *7–10*), вазы с тремя ручками (рис. 4, *6, 23*), горшки (рис. 3, *1–5*), кувшины (рис. 4, *1–4*), кружки (рис. 4, *5, 21, 22*), кубки (рис. 4, *18, 19*). Лепные изделия представлены горшками (рис. 5, *6–11*) и чашами (рис. 5, *12–15*).

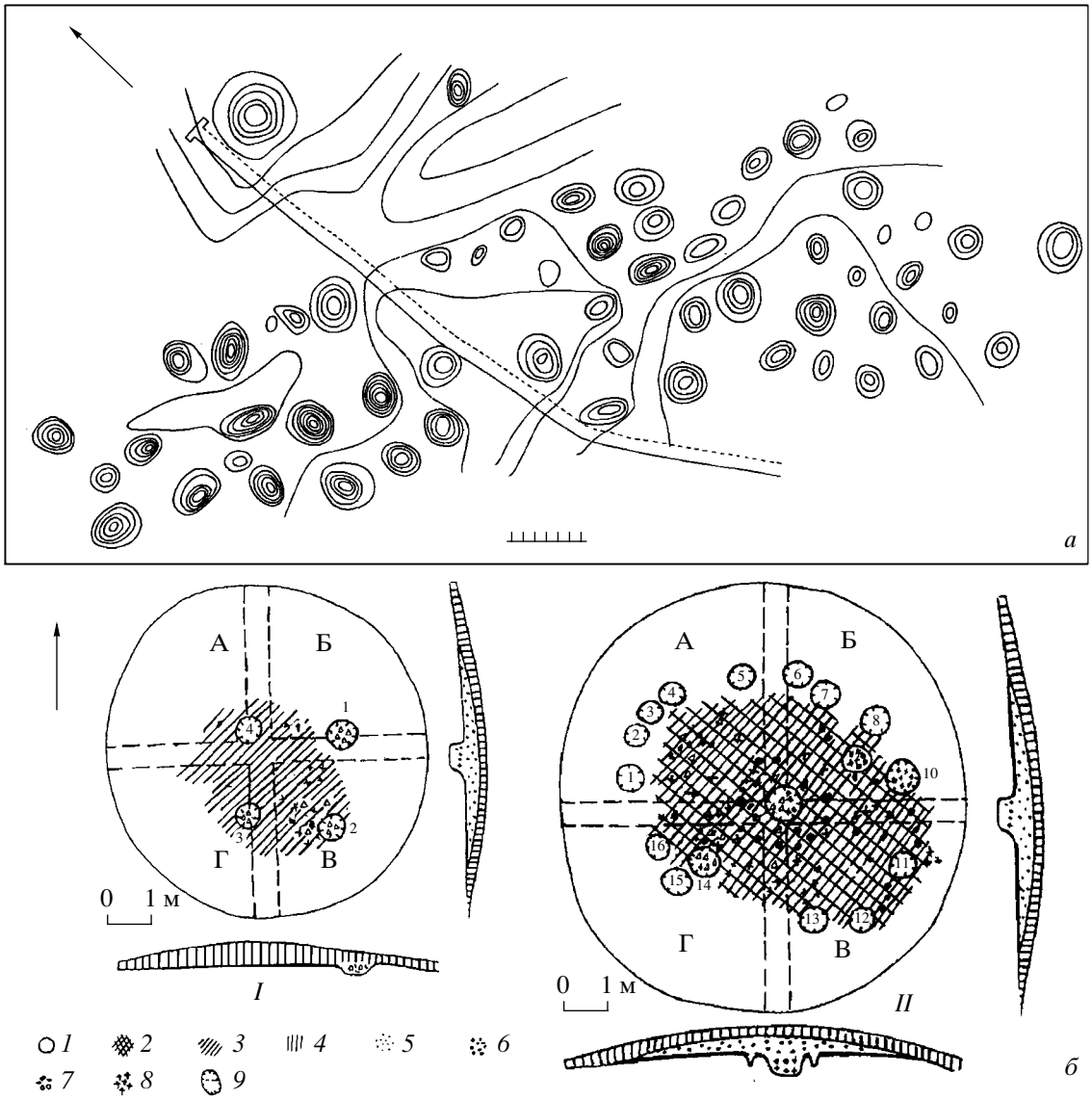

Рис. 2. План могильника Шепаривцы-1 (*а*) и планы карпатских курганов (*б*); I – курган № 1, Трач-2; II – курган № 1, Трач-3: *1* – ямки; *2* – участки сильного обожжения грунта; *3* – участки более слабого обожжения грунта; *4* – светлая глина; *5* – темная глина с остатками костра; *6* – древесный уголь; *7* – керамика; *8* – кальцинированные косточки; *9* – камни.

Следует отметить, что материальная культура прикарпатского населения имеет наибольшее сходство с культурой черняховского населения (Вакуленко, 2004а. С. 96–100).

Между тем в обобщающих роботах в иллюстрациях разделов, посвященных культуре карпатских курганов, как правило, всегда фигурирует керамическая посуда, найденная при раскопках курганов закарпатского могильника в Изе, не имеющего отношения к культуре карпатских курганов. Так, керамика представлена и в томе “Археология СССР” (Русанова, 1993. Табл. XC, *5, 8, 10, 12, 16, 18–22, 26–29, 32, 33*; Табл. LXXXIX, *1–3, 6–10, 14, 18–20*).

Хотя памятники культуры бедны датирующими находками, четкая стилистическая характеристика выявленных материалов позволяет с уверенностью использовать их как хронологические реперы.

Наиболее раннюю дату (вторая половина C1b–C2) определяют бронзовая двухчленная подвязная фибула (рис. 3, *2*), две бронзовые и фрагмент серебряной двухчленные фибулы с высоким приемником, украшенные накладными проволочными кольцами (рис. 3, *1*). Их общепринятая датировка C1a–C1b–C2 (Kolnik, 1965. S. 196; Амброз, 1966. С. 73; Godłowski, 1992. Tabl. 2, *2, 3, 20, 9*).

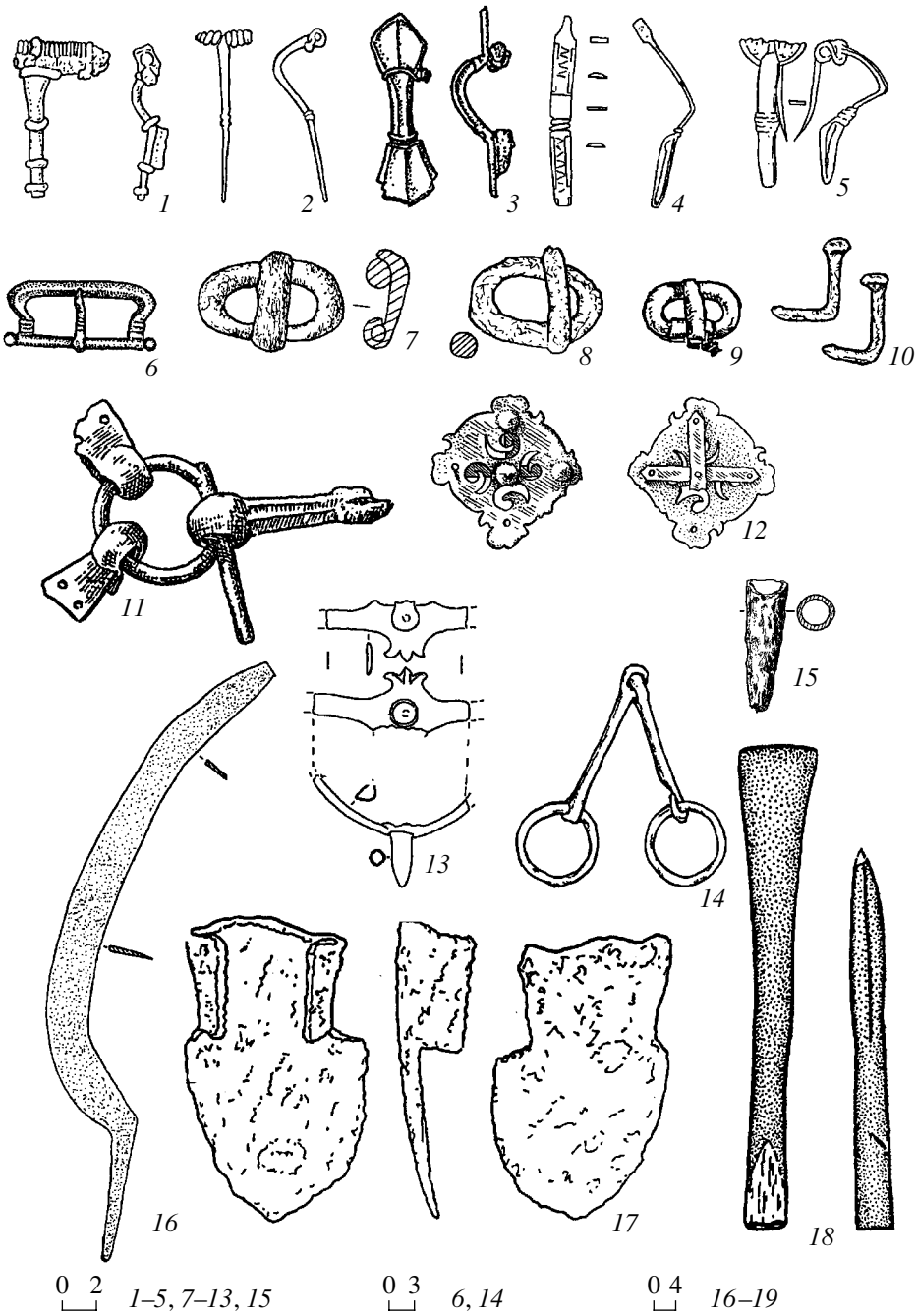

Рис. 3. Находки на памятниках культуры карпатских курганов: *1, 2, 3, 6* – могильник Мышин; *4, 15* – поселение Пылыпы-4, *5* – поселение Пылыпы-5; *7* – могильник Пылыпы-1; *8, 10* – могильник Пылыпы-3; *9, 11, 14* – могильник Стопчатов; *12* – могильник Перерисль; *16* – могильник Товмачик; *17* – могильник Пылыпы-2, *18* – поселение Грабовцы; *19* – поселение Волосов. *1, 2, 3, 6, 10, 12* – бронза; *4, 5, 7, 8, 13, 14–19* – железо; 9 – серебро; *11* – бронза и железо.

Ранними находками в курганах Прикарпатья являются также плоскодонная амфора из Нижнего Струтиня (рис. 5, *20*) и амфора редкой формы без ручек из Грушева (рис. 5, *16*).

Наибольшее количество импортных вещей, найденных на памятниках культуры, относятся к IV в., периоду ее расцвета. Это амфоры (рис. 5, *17–19*), античные кувшины (рис. 5, *21, 22*), стеклянные (рис. 5, *24*) и глазурованная (рис. 5, *23*) чаши (Вакуленко, 1999б. С. 303–312).

Такие находки, как биметаллические удила из кургана в Стопчатове (рис. 3, *11*), прорезная пластинка из Переросли (рис. 3, *12*), пряжки с загнутым язычком (рис. 3, *7–9*), бронзовые двучленные фибулы с пластинчатым корпусом (рис. 3, *4, 5*), бронзовая двухпластинчатая фибула с короткой

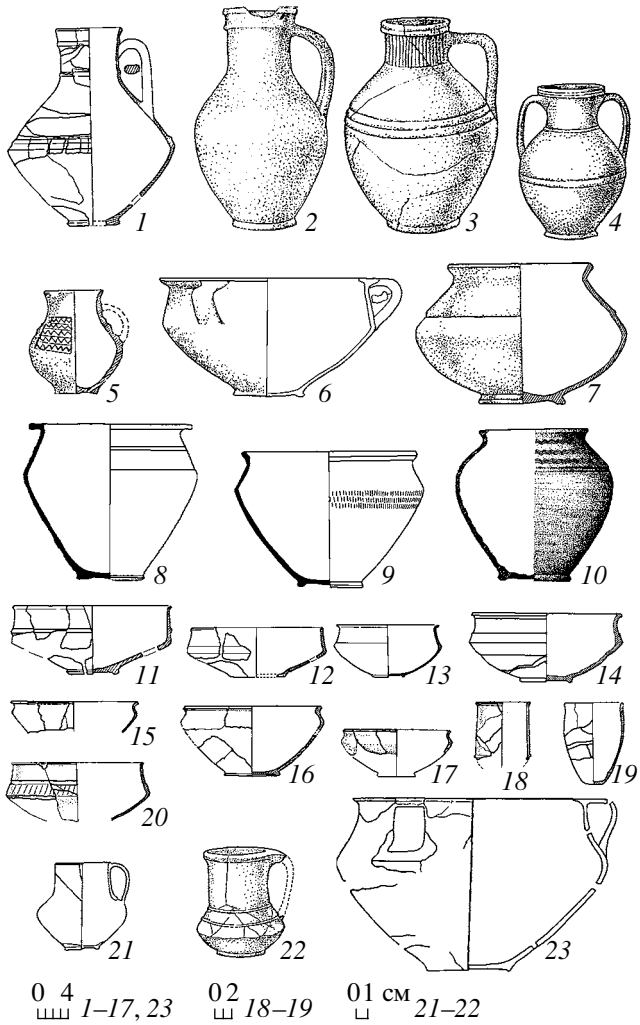

Рис. 4. Образцы гончарной керамики с памятников культуры карпатских курганов.

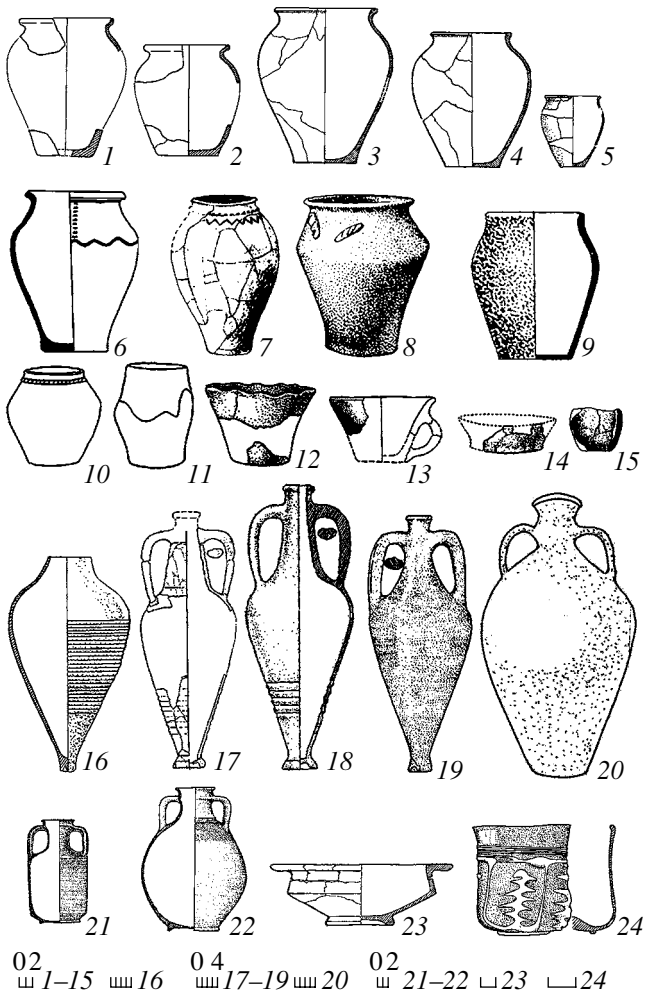

Рис. 5. Образцы керамики с памятников культуры карпатских курганов: *1–5* – гончарная кухонная керамика; *6–15* – лепная керамика; *16–24* – импортная керамика; *16–20* – амфоры; *21, 22* – кувшины; *23* – глазурованная чаша; *24* – стеклянная чаша.

пятигранной дужкой и пластинками одинаковой ромбовидной формы (рис. 3, *3*), позволяют датировать позднейшие комплексы в границах ст. D1 (Вакуленко, 2003а. С. 44–50).

Таким образом, время существования культуры карпатских курганов следует определить в хронологических рамках C1a–C1b – D1 центральноевропейской периодизации. Образование культуры карпатских курганов прямо связано с двумя главнейшими факторами. Первым был приход на территорию Прикарпатья нового населения, вероятнее всего, из северных территорий Европы. Вторым, но не менее важным стало влияние высокоразвитой античной цивилизации, ставшее не только источником инноваций, но и феноменом внутреннего развития этого древнего общества.

Итак, в позднеримское время предгорные территории на северо-восток от Восточных Карпат занимало население, материальная культура которого на протяжении III–IV вв. демонстрирует стабильное развитие.

Иной была ситуация в Закарпатье. Археологические материалы позволяют проследить культурные и этнические изменения, которые неоднократно происходили на этих землях (Kobal', 1997. S. 31–56; Вакуленко, 2002. С. 51, 52; 2003б. С. 56–67).

Однако существуют другие схемы этнокультурного развития Закарпатского края в римское время. Так, В.Г. Котигорошко, безусловной заслугой которого являются раскопки в регионе ключевых памятников позднеримского времени, пытается доказать, что начиная с VI в. до н.э. до конца IV в. н.э., т.е. несколько эпох европейской истории, Закарпатье было заселено северофракийскими племенами. Последние, несмотря на все миграции, оставались на месте, сохраняли свой фракийский этнос, постепенно развиваясь от своей подосновы – куштановицкой культуры до культуры карпатских курганов. Чтобы обосно-

вать этот тезис, он утверждает, что область Верхнего Потиссья была труднодоступной и удаленной от главных миграционных путей (Котигорошко, 1991. С. 10–17).

Однако археологические данные опровергают эти утверждения. Уже начиная с III в. до н.э. на эту территорию последовательно продвигаются кельты, дакийские племена, пшеворское население (Бідзіля, 1971; Kobal', 1997. S. 31–56; Budinský-Krička, Lamiová-Schmiedlová, 1990. P. 245–344; Вакуленко, 2003б. С. 56–67).

Археологические памятники позднеримского времени, открытые на территории Закарпатья, заставляют думать, что приток нового населения из центральных и северо-западных регионов Европы не прекращается и в последующее время, на протяжении всего позднеримского периода. Показателен уже тот факт, что в Закарпатье для этого времени зафиксированы три разных типа погребений (рис. 1).

Грунтовые погребения – это трупосожжения на стороне, помещенные в урны или ямы, часто сопровождаемые предметами вооружения в большинстве своем ритуально поврежденными. Могильники, открытые в Арданово-1, Арданово-2, Сваляве, Становом как по обряду, так и по инвентарю типичны для пшеворских древностей и датируются периодом от конца B2 до конца C1 (Kobal', 1997. S. 50–54).

Курганные могильники, открытые на Закарпатье, традиционно объединяли с курганными могильниками Прикарпатья в одну культуру карпатских курганов. Основанием для этого были курганный погребальный обряд, а также расположение в границах карпатского предгорья. Однако о большинстве из них нет данных, которые бы позволили сказать что-либо определенное относительно хронологии и культурной принадлежности этих памятников.

В Братово сожжение покойников происходило на том же месте, где был насыпан курган (Котигорошко, 1979. С. 153–162). Вместе с тем пять погребений (два урновых и три ямных), открытых в прямоугольной яме под курганной насыпью, следует отнести к пшеворской культуре. Они сопровождались ритуально поврежденными предметами вооружения и керамикой, характерными для пшеворских древностей C1a (Kobal', 1997. S. 38, 51).

Курганный обряд и трупосожжения на месте погребения прослежен также на могильнике в Изе (Смішко, 1960. С. 51–59; Котигорошко, 1980. С. 229–247). Это фактически единственный памятник, с которым связано представление о существовании культуры карпатских курганов в Закарпатском регионе. Всего в Изе раскопано 38 курганов, в 23 случаях имеются планы и сведения о характере погребений. Следы погребального костра выявлены в 12 курганах. В Изе преобладали урновые захоронения и отсутствовали погребения на горизонте, наиболее распространенные в прикарпатском обряде. Всего выявлено 42 урновых и шесть ямных погребений, так как в ряде курганов было по 2–4 урновых погребения. Урнами большей частью служили лепные сосуды (36) и только 6 – были гончарными.

Лепная посуда представлена горшками, которые можно поделить на восемь типов. Горшки первого, третьего, четвертого типов (рис. 6, *1–4*) находят аналогии на пшеворских памятниках как в Польше, так и на соседних территориях (Godłowski, 1959. Rys. 13, *1*; 20, *2*; Kobal', 1997. Rys. 6, *e*; 13, *1*; Lamiová-Schmiedlová, 1969. S. 419. Abb. 9, 7, 8, 39). Горшки четвертого (рис. 6, *4*) и пятого (рис. 6, *5*) типов имеют также аналогии на сарматских памятниках Карпато-Дунайского региона (Vaday, 1989. Taf. 36, *5*; 89, *3, 4*). Для горшков типов шесть (рис. 6, *6–8*) и семь (рис. 5, *9*) аналогии нам не известны.

Гончарная посуда состоит из нескольких экземпляров ваз, горшков и мисок (рис. 6, *11–20*). Характерно, что по ассортименту и формам гончарная посуда, найденная на могильнике в Изе, отличается от находок в курганах Прикарпатья. Отметим, что в Изе нет трехручных ваз, керамических кубков, имитирующих провинциально-римские стеклянные изделия, практически отсутствуют кувшины и т.п. Немногочисленные вазы имеют другую форму.

Кроме керамики в курганах Изы найдены девять железных одночленных фибул (рис. 6, *21–28*), железная ведерковидная подвеска, (рис. 6, *29, 31, 32*) и фрагмент бронзовой (рис. 6, *30*) пряжки, железные браслеты, сердоликовые и стеклянные бусы, ножи, ключи, наконечник копья и др.

Железные подвязные одночленные фибулы бытовали на протяжении всего позднеримского периода (Godłowski, 1977. S. 26). Таким образом, эти находки не могут служить основанием для хронологических уточнений.

Наиболее раннюю дату памятника, C1a–C1b, определяет железная пряжка с рамкой прямоугольной формы, дужка которой была закреплена на оси загнутыми концами (рис. 6, *29*) (Zeman, 1961. S. 254, 256, 275; Godłowski, 1970. Fig. 18. Pl. XX, *25*; XXI, *13*).

Бронзовая пряжка овальной формы, украшенная чеканным узором (рис. 6, *30*), имеет аналогии на памятниках второй половины IV в. (Гороховский, 1988. Рис. IV, *69*; Madyda, 1977. S. 377). На позднюю дату указывает присутствие гончарных биконических ваз с узкой шейкой и переломом на середине высоты тулова (рис. 6, *10*). Подобная посуда имеет убедительные аналогии на памятниках D (Dobrzańska, 1980. S. 95. Rys. 1, *d*). Таким образом, общее время функционирования могильника в Изе относится к периоду C1a–C1b – D.

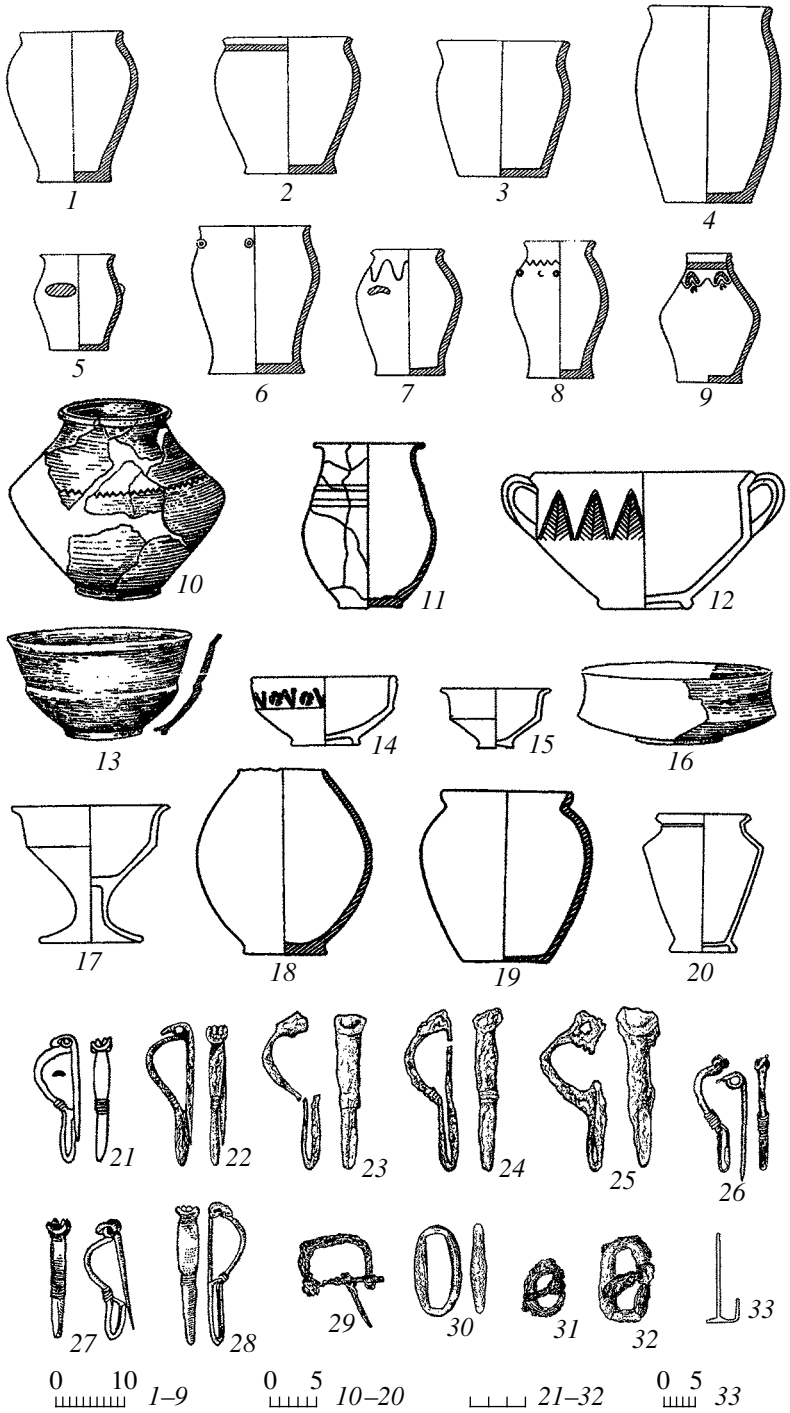

Рис. 6. Иза. Керамические и вещевые находки из курганов: *1–9* – лепная керамика. *1* – тип 1; *2* – тип 2; *3* – тип 3; *4* – тип 4; *5* – тип 5; *6–8* – тип 6; *9* – тип 7; *10–20* – гончарная керамика; *21–28* – одночленные фибулы: *29–32* – пряжки; *33* – ключ. *21–29*; *31–33* – железо; *30* – бронза.

Керамический комплекс Изы производит своеобразное впечатление и в целом не находит сходства с известными нам культурами. Одночленные фибулы с подвязной ножкой были одним из самых популярных типов застежек у пшеворцев и других германских племен на протяжении всего позднеримского периода.

Несмотря на схожий обряд погребения могильник в Изе нельзя отнести к культуре карпатских курганов. Для определения культурной принадлежности следует принимать во внимание весь комплекс характерных особенностей, среди которых определяющими являются керамика и украшения. Как было показано, эти определяю-

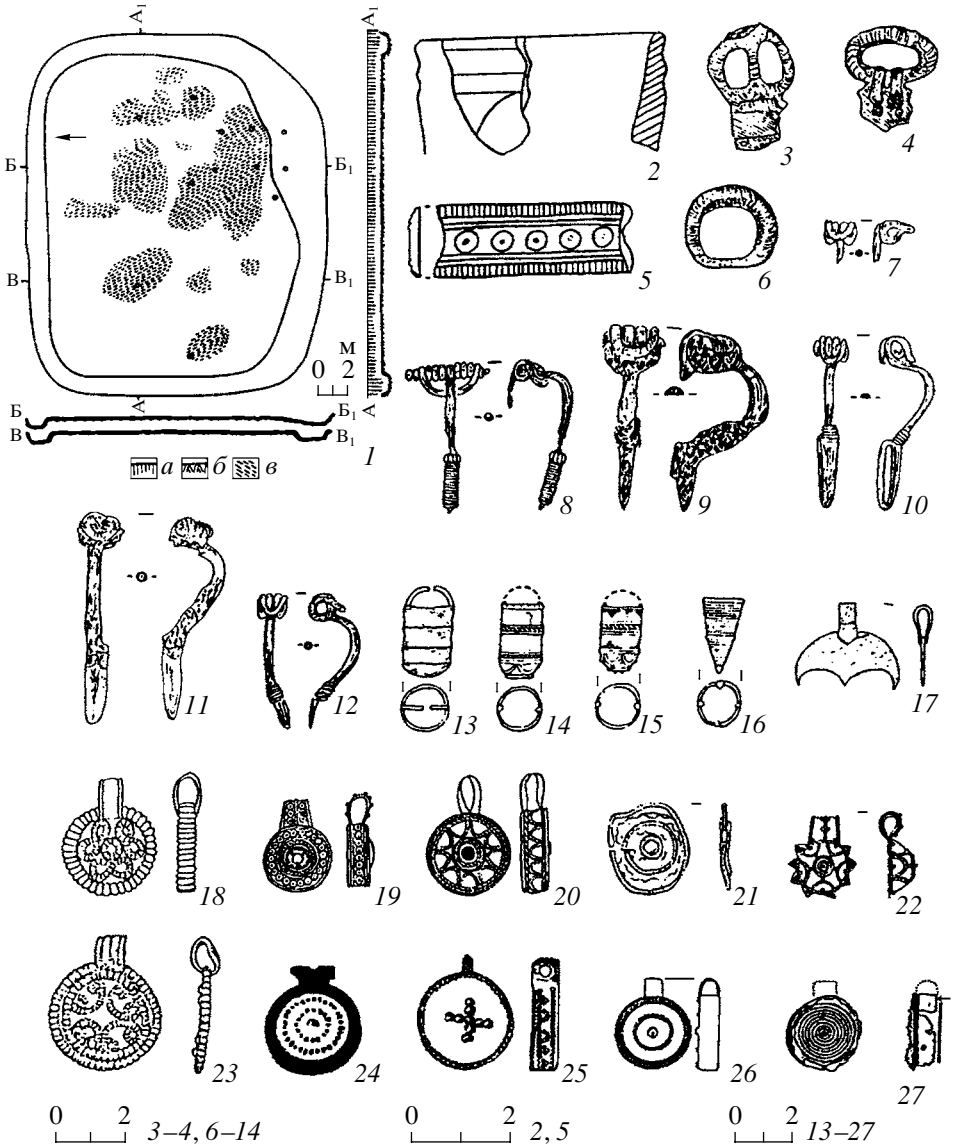

Рис. 7. Солонцы. План могильника и находки. *1* – план могильника: *а* – материк; *б* – верхний слой; *в* – обожженные участки почвы (по Котигорошко, 1987); *2* – фрагмент стеклянного кубка; *3, 4, 6* – пряжки; *5* – фрагмент костяного двухстороннего гребня; *7, 9–12* – железные одночастные фибулы; *8* – бронзовая двухчастная фибула; *13–16* – ведерковидные подвески; *17* – лунница; *18–22* – подвески-капсулы; (по Котигорошко, 1987). *23* – аналогия ажурной подвеске из коллекции Венгерского Национального музея; *24–27* – аналогии подвескам-капсулам: *24* – Гросс-Бестендорф; *25* – Торсбергер; *26* – Махаррен; *13–23, 25* – золото; *24, 27* – бронза с золотой обкладкой; *26* – серебро.

щие категории были разными для могильников Прикарпатья и Закарпатского могильника в Изе.

Иной тип погребального обряда – послойный – прослежен на могильнике второй половины IV – начала V в., открытом в Солонцах, вблизи г. Ужгорода (Котигорошко, 1987. С. 176–191).

Памятник представлял собой близкую к прямоугольной форме площадку, размерами 22.8 × × 16.5 м, окруженную по периметру рвом шириной 1.4–2.6 м при глубине 0.5 м. Поверхность площадки покрывал слой толщиной 0.2–0.35 м, состоящий из древесного угля, кальцинированных костей, обломков повторно обожженной керамики (рис. 7, *1*) и вещевых находок (рис. 7, *2–22*).

Ряд находок позволяют датировать памятник D. Здесь найдена бронзовая двухчленная прогнутая подвязная фибула с длинной обмоткой завязки и проволочным кольцом (рис. 7, *8*), аналогии которой известны в комплексах гуннского времени в Тисском регионе (Vaday, 1989. Taf. 108, *7*. Abb. 16, *11*). К концу IV – началу V в. относится кубок конической формы, украшенный шлифованными овалами (рис. 7, *2*), от которого сохранилась верхняя часть (Straume, 1987. Taf. 4, *152, 69*).

Обнаружен обломок костяного двухстороннего трехслойного гребня прямоугольной формы (рис. 7, *5*). Подобные изделия массово встречаются на памятниках эпохи переселения народов в Подунавье и близлежащих к нему территориях Карпатской котловины (Tejral, 1982. S. 142. Obr. 51:*1–6*).

Едва ли можно согласиться с автором раскопок и публикации В.Г. Котигорошко, что памятник в Солонцах является жертвенником, оставленным северофракийским населением Верхнего Потисья (Котигорошко, 1987. С. 176–191). В Европе известны памятники, аналогичные Солонцам по погребальному обряду и синхронные хронологически. Речь идет о могильниках добродзеньського типа пшеворской культуры, исследованных в Польше, в Добродзене-Рендзине, Щедрике, Ольштыне, датирующиеся D (Szydłowski, 1974). Очевидно, послойный обряд, выявленный в Солонцах, появился в Закарпатье вследствие новой миграционной волны. Об этом, в частности, свидетельствует комплекс вещевых находок.

Наиболее яркую категорию солонцовских находок составляют десять золотых подвесок. Это одна ажурная подвеска (рис. 7, *18*), четыре круглых капсуловидных подвески (рис. 7, *19–22*), четыре ведерковидных (рис. 7, *13–16*) и лунница (рис. 7, *17*).

Особое внимание следует обратить на капсуловидные подвески. Основная территория их распространения охватывает прибалтийские территории Германии и Польши. Они присутствуют в комплексах погребений культур древнегерманского круга, которые датируются от B1 до начала Dl (Beckmann, 1973. S. 4). Подобные украшения, большей частью изготовленные из бронзы, довольно часто находят на памятниках вельбарской и пшеворской культур (Grabarczyk, 1983. S. 20, 35; Godłowski, 1977. S. 43, 44). Однако золотые капсулы являются чрезвычайно редкими находками. Кроме Солонцов, такие изделия, украшенные филигранью и зернью, найдены на территории Дании в Берстеде и Торсбергере (рис. 7, *25*), бронзовые с золотыми накладными пластинками выявлены в Гросс-Бестендорфе (рис. 7, *24*) и Махаррене (рис. 7, *27*), а серебряная – в Элблонге–Поле Новомейске (рис. 7, *26*). Три последние происходят из области Польского Поморья (Vakulenko, 1999. S. 161–172; Вакуленко, 2000. С. 312–321).

Присутствие в Солонцах этих редких украшений, аналогии которым известны исключительно на древнегерманских памятниках на территории Дании и Балтийского побережья, прямо указывает на связи населения, оставившего могильник, не только с пшеворской культурой, но и с территориями Северной Европы (Вакуленко, 2000. С. 312–321). Добавим, что ажурная подвеска (рис. 7, *18*) также имеет многочисленные аналогии как на германских памятниках второй половины IV – начала V в., так и на более поздних (Вакуленко, 2000. Рис. 2, *2–9*).

Итак, анализ вещевых комплексов показал, что керамическая посуда, инвентарь и украшения, выявленные в погребениях Прикарпатья и Закарпатья, были разными. Один из ярких примеров этого – железные одночленные фибулы с подвязной ножкой, обнаруженные на памятниках Закарпатья, в Братово, Изе, Солонцах (рис. 6, *21–28*; 7, *7, 9–12*). Напомним, подобные застежки не встречаются на памятниках Прикарпатья.

Археологические материалы четко демонстрируют отсутствие экономических связей между населением, которое проживало на территории Прикарпатья и Закарпатья. Между тем существование внутренних экономических связей есть обязательное условие зарождения этнокультурной общности и существования одной археологической культуры. Достаточно напомнить, что население Прикарпатья широко пользовалось импортными товарами, которые поступали в амфорной таре. Однако в материалах могильников и поселений Закарпатья не было найдено ни одного амфорного обломка. Вместе с тем на Закарпатье приобрела распространение серая гончарная посуда, украшенная штампованным орнаментом, неизвестная на памятниках Прикарпатья.

Мощные полиэтнические миграционные потоки племенного населения, направляющиеся к границам Рима, никак не могли обойти область Верхнего Потисья. Нестабильная и этнически изменчивая ситуация находит свое проявление в существовании разных типов погребальных памятников, которые не могут быть объединены в одну археологическую культуру.

Наконец, следует отметить, что после середины III в. на территориях Закарпатья, Восточной Словакии и сопредельных районов Венгрии археологически не прослеживаются какие-либо следы пребывания дакийского населения (Istvánovits, 1997. P. 722; Lamiová-Schmiedlová, 1997. P. 745). Все эти явления хорошо совпадают с общими европейскими историческими тенденциями того времени (Буданова, 2000. С. 12, 31).

Подытоживая сказанное, следует отметить, что, во-первых, сравнительное изучение комплексов определяющих этнокультурных признаков, связанных с бытом и идеологией древнего населения, показало, что Прикарпатье и Закарпатье в позднеримское время были абсолютно отдельными и разными культурными областями. Во-вторых, археологические материалы свидетельствуют, что в этот период на территории Прикарпатья наблюдается эволюционное развитие культуры карпатских курганов. Памятники этой культуры не распространяются на территорию Закарпатья. В-третьих, Закарпатье не было

глухим закоулком Европы, отдаленным от главных миграционных путей, а значит, не было и своеобразным заповедником северофракийского населения. Напротив, постоянный приток нового населения в процессе пульсирующего характера миграций создавал в этом регионе пеструю этнокультурную ситуацию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части СССР // САИ. 1966. Вып. Д1–30.

Бідзіля В.І. Історія культури Закарпаття на рубежі нашої ери. Київ, 1971.

Буданова В.П. Варварский мир эпохи великого переселения народов. М., 2000.

Вакуленко Л.В. Пам'ятки підгір'я Українських Карпат першої половини I тис. н.е. Київ, 1977.

Вакуленко Л.В. Дерев'яні конструкції в карпатських курганах III–IV ст. н.е. // Проблеми походження та історичного розвитку слов'ян. Київ; Львів, 1997.

Вакуленко Л.В. Реконструкція поховальних звичаїв прикарпатського населення у пізньоримський час (за археологічними даними) // Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в I тис. н.е. Київ; Львів, 1999а.

Вакуленко Л.В. Экономические связи населения Восточного Прикарпатья в IV в. н.э. // Na granicach antycznego świata. Rzeszów, 1999б.

Вакуленко Л.В. Северные германцы в Украинском Закарпатье в IV в. н.э. // Stratum Plus. № 4. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2000.

Вакуленко Л.В. Культурна диференціація в Східнокарпатському регіоні в пізньоримський час // Сучасні проблеми археології. Київ, 2002.

Вакуленко Л.В. Хронологія заключного етапу культури карпатських курганів // Старожитності I тис. н.е. на території України. Київ, 2003а.

Вакуленко Л.В. Етнокультурна ситуація в Українському Закарпатті в першої половини I тис. н.е. // Археологія. 2003б. № 3.

Вакуленко Л.В. Взаимосвязи культур позднеримского времени Карпатского и Днепро-Днестровского регионов // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. СПб., 2004а.

Вакуленко Л.В. Землеробство як економічна основа господарства прикарпатського населення в III–IV ст. н.е. // Археологія давніх слов'ян. Дослідження і матеріали. Київ, 2004б.

Гороховский Е.Л. Хронология черняховских могильников Лесостепной Украины // Тр. V Междунар. конгресса археологов-славистов. Киев, 1988.

Котигорошко В.Г. Курган первой половины III в. н.э. у с. Братово // СА. 1979. № 2.

Котигорошко В.Г. Итоги изучения могильника Иза в Закарпатье // СА. 1980. № 1.

Котигорошко В.Г. Жертвенник III–IV вв. н.э. у села Солонцы // СА. 1987. № 2.

Котигорошко В.Г. Проблеми етнокультурних процесів у Карпато-Дунайському басейні I ст. до н.е. – III ст. н.е. // Археологія. 1991. № 4.

Пашкевич Г.А. Палеоботанические находки на территории Украины. Каталог II. Київ, 1991.

Русанова И.П. Культура карпатских курганов // Славяне и их соседи в конце I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э. Археология СССР. М., 1993.

Смішко М.Ю. Карпатські кургани першої половини I тис. н.е. Київ, 1960.

Beckmann B. Zu den kaiserzeitlichen Kapselanhängern in der Germania libera // Bonner Hefte zur Vorgeschichte. 1973. № 4.

Budinský-Krička V., Lamiová-Schmiedlová M. A late 1st Century B.C. – 2nd Centure A.D. Cemetery at Zemplin // Slov. Arch. 1990. № 38.

Dobrzańska H. Zagadnienie datowania ceramiki toczonej w kulturze przeworskiej // Arch. Polski. 1980. T. 24.

Godłowski K. Materialy z cmentarzyska z późnego okresu wplywów rzymskich w Opatowie, pow. Kłobuk // Mat. Arch. 1959. № 1.

Godłowski K. The Chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe // Prace Archeologiczne. Z. 11. Kraków, 1970.

Godłowski K. Materialy do poznania kultury przeworskiej na Górnym Sląsku // Mat. Star. i Wcz. 1977. T. 4

Godłowski K. Die Chronologie der jüngeren und späten Kaiserzeit in der Gebieten südlich der Sudeten und Karpaten // Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Laténezeit bis Frühmittelaiter. Kraków, 1992.

Grabarczyk T. Metalowe rzemioslo artystyczne na Pomorzu w okresie rzymskim // Prace Komisji Archeologicznej. № 9. Wrocław, 1983.

Istvánovits E. Same data on the ethnical and chronological determination of the roman age population of the Upper Tisza region // Acta Musei Porolissensis. № XXI. Zalău, 1997.

Kobal' I.V. Kultura przeworska na Ukrainie Zakarpackiej // WA. 1997. T. LIII. Z. 2.

Kolnik T. K typológii a chronológii niektorych spôn z mladsej doby rimskej na juhozápadnem Slovensku // Slov. Arch. 1965. XIII-1.

Lamiová-Schmiedlová M. Römerzeitliche siedlungskeramik in der Südostslowakei // Slov. Arch. 1969. XVII-2.

Lamiová-Schmiedlová M. Dacians on the territory of present day Slovakia // Acta Musei Porolissensis. № XXI. Zalău, 1997.

Madyda R. Sprzaczki i okucia pasa na ziemiach polskich w okresie rzymskim // Mat. Star. i Wcz. 1977. T. IV.

Mihailescu-Bîrliba V. Un nouveau groupe culturel sur le territoire de Roumanie. Les fouilles de Branişte-Nemţişor (comm. de Vînători, dép. de Neamţ) // Dacia. 1980. V. XXIV.

Michailescu-Bîrliba V. The Carpathians Barrows Culture // Acta Musei Porolissensis. XXI. Zalău, 1997.

Mihailescu-Bîrliba V. Die Karpatische Hügelgräberkultur in Rumänien // Na granicach antycznego świata. Rzeszów, 1999.

Straume E. Gläser mit Facettenschliff aus skandinavischen Gräbern des 4. und 5. Jahrhunderts n. Chr. Oslo, 1987.

Szydłowski J. Trzy cmentarzyska typu dobrodzieńskiego, Rocznik Muzeum Górnośląskiego w Bytomiu // Archeologia. Z. № 11. Bytom, 1974.

Tejral J. Morava na sklonku antiky. Praha, 1982.

Vaday A.H. Die sarmatischen Denkmaler des Komitats Szolnok. Ein Beitrag zur Archäologie und Geschichte des sarmatischen Barbaricums. Budapest, 1989.

Vakulenko L.V. Beiträge zur ethnischen Bestimmung des Gräberfeldes von Solonzi Kisszelmenc (Karpatoukraine) // JAMÉ. 1999. XLI.

Zeman J. Severní Morava v mladšídobě římske. Praha, 1961.

The ethnic and cultural situation in the East Carpathians in the Late Roman times

L. V. Vakulenko

S u m m a r y

The East Carpathian region played an important role in European events of the Late Roman period, due to its geographical location close to the Roman provincial world. Comparative study of definitive ethnic and cultural feature complexes connected with the life and ideology of the ancient population showed that in Late Roman times the Ciscarpathian and the Transcarpathian regions were entirely separate and different cultural areas. Archeological material shows that in Ciscarpathia the time in question was a period of stable development for the population that created the Carpathian kurgan culture. Transcarpathia in the first half of the 1st millennium AD repeatedly encountered strong inflows of migrants, which changed the ethnic map of the region.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2009, № 1, с. 47–52

ПОЗДНЕСАРМАТСКАЯ КУЛЬТУРА: ВЕРХНЯЯ ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ГРАНИЦА

© 2009 г. В. Ю. Малашев

Институт археологии РАН, Москва

Историография позднесарматской культуры обширна. Она достаточно подробно изложена в работах А.С. Скрипкина и М.Г. Мошковой (Скрипкин, 1984; Мошкова, 1989), поэтому нет необходимости подробно останавливаться на этом вопросе[1]. Напомню, что памятники позднесарматской культуры впервые были выделены на материалах Нижнего Поволжья П.С. Рыковым и П.Д. Рау (Рыков, 1925; Rau, 1927), а позднее оформлены в культуру (или ступень) Б.Н. Граковым и К.Ф. Смирновым (Граков, 1947; Смирнов, 1947). В этих работах сформулированы основные диагностические признаки культуры и намечены ее хронологические рамки. Наиболее подробно описан и проанализирован культурный комплекс в исследованиях А.С. Скрипкина и М.Г. Мошковой (Скрипкин, 1984; Мошкова, 1989; в печати)[2]. Напомню, что характерными формами могил позднесарматской культуры являются *подкурганные* погребения (преимущественно под индивидуальной насыпью) в меридионально ориентированных *узких прямоугольных ямах и узких подбоях с нишей, как правило, в западной стенке* (рис. 1, *1, 2*). Квадратные, широкие прямоугольные ямы и ямы с заплечиками встречаются существенно реже (рис. 1, *3, 4*); в значительной степени они являются пережитками традиций среднесарматской культуры, а в ряде случаев служат показателем более высокого социального статуса погребенных. Известны единичные погребения в катакомбах достаточно специфической конструкции (рис. 1, *5*) с круглым входом, находящимся непосредственно над камерой или несколько смещенным к стенке (Мошкова, Малашев, 1999. С. 174–176, 184. Рис. 1). Они характерны для периода середины II – первой половины III в.; вследствие своей крайней малочисленности эта форма сооружений на облик культуры в целом влияния не оказала. Преобладает ориентировка погребенных в *северном* секторе. В частности, для памятников Южного Приуралья, где позднесармасткая культурная составляющая выступает в наиболее чистом виде, северная ориентировка, по данным М.Г. Мошковой, составляет более 95%. Наличие в комплексах позднесарматского времени южной ориентировки ассоциируется с традициями предшествующего культурного пласта. Еще одним диагностическим признаком позднесарматской культуры можно считать особенность антропологической характеристики – деформацию черепа. Устоявшиеся на сегодняшний день представления о хронологических рамках позднесарматской культуры II–IV вв. (Граков, 1947; Смирнов, 1947; Скрипкин, 1984). В последние годы произошло уточнение нижней хронологической границы – середина II в. (Мошкова, 1989; Безуглов, 2001). В частности, для нижнедонского региона (по материалам Танаиса) появление носителей позднесарматской культуры можно отнести ко времени не ранее 135 г. (Безуглов, 2001. С. 108–119). Оценка верхней даты культуры пока остается без изменений – IV в. (обычно без финальных трех десятилетий). Однако ряд разработок последних двух десятилетий дает основания для корректировки верхней хронологической границы позднесарматской культуры на некоторых территориях. Рассмотрим этот вопрос подробнее по основным регионам, в которых распространены памятники позднесарматской культуры: Северное Причерноморье, Нижнее Подонье, Нижнее Поволжье и Южное Приуралье. В этот обзор не входят: Крым (см.: Симоненко, 2001. Прим. 2), степные районы Центрального и Северо-Восточного Предкавказья, где материалы этого культурного комплекса представлены лишь единичными погребениями.

Северное Причерноморье. А.В. Симоненко в работе, посвященной памятникам сарматского времени, более подробно останавливается на характеристике материалов второй половины III–IV в.: фазы В2а и В2б (Симоненко, 2001). В приведенной немногочисленной сводке памятников (64 погребения) этого времени преобладают погребения в катакомбах, составляющие половину выборки (32 комплекса). Погребения в ямах редки; подбойные могилы этого времени достаточно многочисленны, но отличаются от более ранних погребений (второй половины II – середины III в.)

[1] Историография позднесарматской культуры в этих работах ограничивается серединой 80-х годов XX в. В качестве дополнения можно привести работы аналитического характера С.И. Безуглова (1988; 1990; 1997; 2001), А.В. Симоненко (2001), М.Г. Мошковой (в печати), В.Ю. Малашева и Л.Т. Яблонского (2008).

[2] По данным М.Г. Мошковой, для территории Азиатской Сарматии на сегодняшний день общее количество позднесарматских комплексов может оцениваться около 1000.

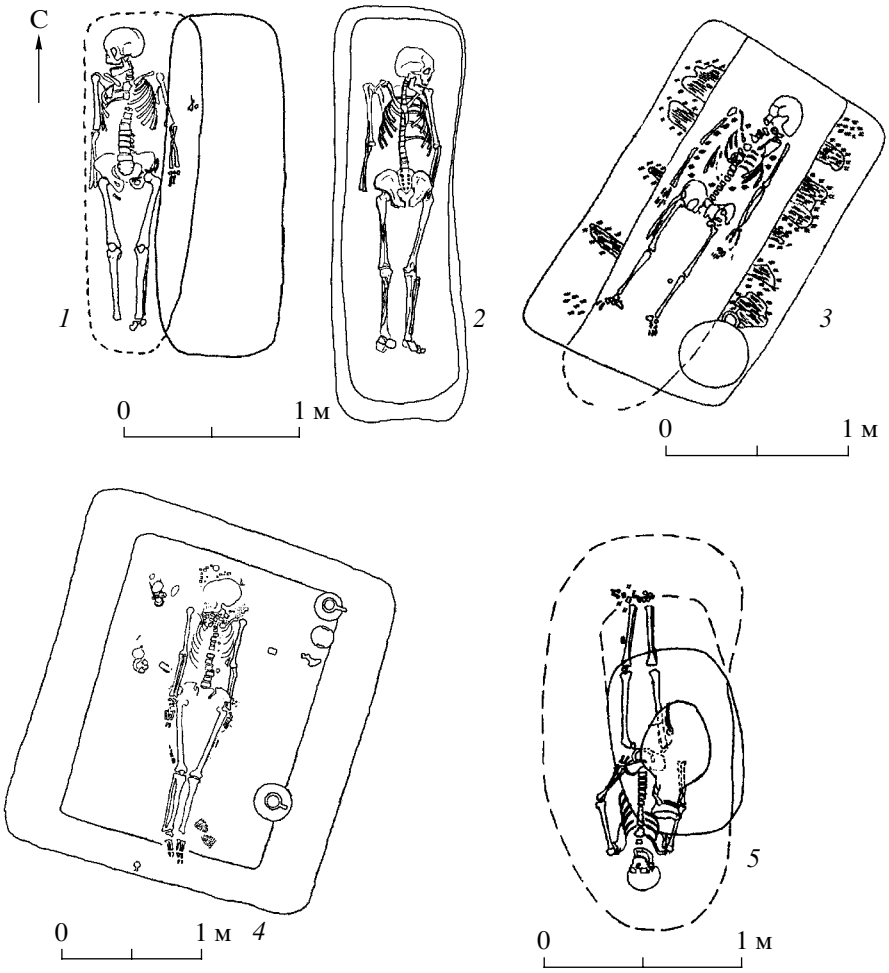

Рис. 1. *1* – Покровка 10, кург. 94; *2* – Покровка 10, кург. 107 (оба – по: Малашев, Яблонский, 2008); *3* – Кировский I, кург. 1, погр. 2 (по: Ильюков, 2000); *4* – Усатово, кург. F16 (по: Синицын, 1947); *5* – Кировский III, кург. 1, погр. 2 (по: Ильюков, 2000).

по ряду конструктивных особенностей (Симоненко, 2001. С. 78, 79), в частности широкими пропорциями входных ям и камер (рис. 2, *9*). Таким образом, общее сокращение погребальных комплексов в регионе сопровождается существенным изменением соотношения основных типов погребальных сооружений[3]. Кроме того, в сводке погребений второй половины III–IV в. для нескольких комплексов тип погребального сооружения не известен (Симоненко, 2001. Прим. 3), какие-то погребения относятся к эпохе Великого переселения народов (*широтно* ориентированный подбой – Кубей, кург. 8; широкая подбойная могила Кантемировка, погр. 1); в этом случае количество погребений в ямах и подбоях становится еще меньше. Если считать подбои этого времени генетически связанными с аналогичными погребениями второй половины II – первой половины III в., то количество рассматриваемых могил слишком невелико в абсолютном отношении (менее 30) для того, чтобы в полной мере говорить о позднесарматской культуре как о целостном явлении на этой территории для второй половины III–IV в.[4] Массив собственно катакомбных захо-

[3] По данным А.В. Симоненко, общее количество учтенных им в работе степных погребений второй половины II–IV в. в Северном Причерноморье исчисляется 432 (2004. С. 134).

[4] Заметим, что погребальные памятники Северного Причерноморья второй половины II – первой половины III в. несколько отличаются от синхронных погребений Волго-Донья и Южного Приуралья. Высок процент ям с заплечиками, чаще используются ровики, реже встречается деформация черепов (Гудкова, Фокеев, 1984; Субботин, Дзиговский, 1990). Северная ориентировка широко распространена в памятниках региона и в более раннее время: начиная с последних веков до н.э. (Симоненко, 2004. С. 135, 141). Последнее осложняет выделение собственно позднесарматских культурных черт. Диагностические признаки позднесарматского культурного комплекса здесь выглядят более “размыто”, чем к востоку от Дона. При сопоставлении подкурганных погребений второй половины II – первой половины III в. степей Северного Причерноморья с памятниками позднесарматской культуры Южного Приуралья (где позднесарматская культура выступает в наиболее чистом виде) наиболее ярко различия проявляются в соотношении типов погребальных сооружений и в формах лепной керамики.

ронений этого региона типологически не совсем однороден (Симоненко, 2001. С. 79). Катакомбы Днестро-Дунайского междуречья относятся исключительно к типу II по К.Ф. Смирнову (длинная ось камеры является продолжением длинной оси входной ямы) (рис. 2, *5–8*); конструкция могил Днепро-Донского междуречья и Левобережья Днепра типологически неустойчива: встречаются катакомбы как типа II, так и типа I (длинная ось камеры перпендикулярна длинной оси входной ямы). Последняя группа близка нижнедонским катакомбам.

Нижнее Подонье. Материалы этого региона второй половины III–IV в. были собраны, проанализированы и обобщены С.И. Безугловым (Безуглов, Захаров, 1988; Безуглов, Копылов, 1989; Bezuglov, 1995). Для памятников региона второй половины III–IV в. можно говорить о двух самостоятельных типах обряда: один является продолжением традиций позднесарматской культуры второй половины II – первой половины III в., другой восходит к традициям аланской/раннеаланской культуры Центрального Кавказа – захоронениям в катакомбах (рис. 2, *1–4*) (Безуглов, Захаров, 1988. С. 21). Важно, что в группе подбойных погребений исчезают могилы воинской аристократии и происходит в целом обеднение инвентаря по сравнению с периодом второй половины II – первой половины III в. (Безуглов, Захаров, 1988. С. 20). С.И. Безугловым было также отмечено отсутствие в регионе подбойных могил, относящихся к развитому IV в.[5] В это время здесь доминируют катакомбы, генетически восходящие к центральнокавказским культурным традициям; правда, известно и несколько погребений этого времени в ямах (Безуглов, 1990. С. 85).

Нижнее Поволжье. Монографическое исследование А.С. Скрипкина, посвященное анализу памятников позднесарматской культуры этого региона, сохраняет актуальность и на сегодняшний день (1984). Погребения третьего этапа (вторая половина III–IV в.) сосредоточены преимущественно в Заволжье (1984. С. 107). Финальная хронологическая группа (группа IV) в рамках этого этапа, датируемая концом III–IV в., малочисленна; отмечается также бедность инвентаря (Скрипкин, 1984. С. 53, 107). Информацию можно дополнить двумя погребениями из Саратовской области – погр. 2 кург. 1 и погр. 3 кург. 16 могильника у с. Большая Дмитриевка. Пряжка из погр. 3 кург. 16 (Матюхин, 1997. Рис. 6, *19*) сопоставима с застежками развитого – позднего IV в. – Тугозвоново, кург. 25/1 Бродовского могильника, кург. 108 Новый, кург. 33 Абганерово II (Малашев, 2000. Рис. 12Г, *2, 3*; Голдина, 1986. Табл. 14, *2*; Ильюков, 1982; Дьяченко, 1999. Рис. 4, *16*; Мордвинцева, Хабарова, 2006. С. 74. Кат. № 3. Табл. 16, *3*). Пряжка из погр. 2 кург. 1 (Матюхин, 1997. Рис. 1, *8*), думаю, датируется не ранее конца III в.; относительно того, насколько она может заходить в IV в., можно было бы судить по профилировке язычка, но иллюстрация предмета не дает достаточных оснований для заключений.

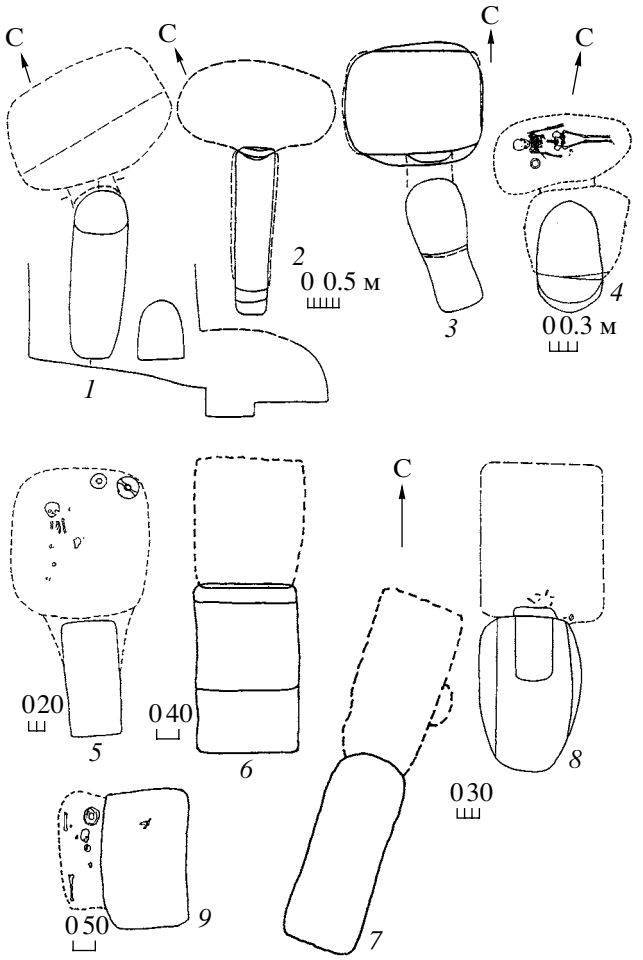

Рис. 2. *1* – Маяк, кург. 4; *2* – Пирожок, кург. 3; *3* – Западенка, кург. 3 (все – по: Bezuglov, 1995); *4* – Б. Мазанка, кург. 8 (по: Парусимов, 1998); *5* – Чауш, кург. 3; *6* – Владычень, кург. 12; *7* – Кубей, кург. 3; *8* – Казаклия, кург. 14; *9* – Градешка, кург. 7 (все – по: Симоненко, 2001).

Южное Приуралье. Анализ хронологии степных памятников южноуральского региона позволяет сделать вывод о том, что наиболее поздние из комплексов относятся ко времени в пределах середины – второй половины III в. (с возможностью захождения в ранний IV в.). При этом индикаторов развитого, и тем более позднего IV в., в этих материалах нет (Малашев, Яблонский, 2008. С. 63). Справедливости ради надо сказать, что, учитывая общую неразработанность критериев

[5] К IV в. можно отнести два подбойных погребения: курган 1 могильника Кузнецовский 1 (Узянов, 1975. Рис. 960, 969, *2, 3*) и курган 15 могильника Козинка VIII (Безуглов, Глебов, 2002. Рис. 1). Однако общей картины это не меняет.

для выделения древностей IV в. к востоку от Волги (включая памятники оседлых культур), не стоит полностью исключать возможность присутствия материалов этого времени.

Таким образом, на сегодняшний день для территории Северного Причерноморья, Нижнего Подонья и Волго-Донского междуречья можно говорить лишь о небольшой группе комплексов, содержащих захоронения погребенных с северной ориентировкой в подбоях и узких прямоугольных ямах и надежно датирующихся IV в. Южное Приуралье пока не дает оснований для выделения погребений этого времени. Только в ряде районов Поволжья в IV в. сохраняются комплексы, относящиеся к позднесарматской культуре и восходящие к памятникам второй половины II – первой половины III в.

Одновременно с этим встает вопрос об атрибуции катакомб второй половины III–IV в. Нижнего Подонья и Северного Причерноморья. Связь нижнедонских катакомбных погребений с центральнокавказской культурной традицией (аланской/раннеаланской культурой), как уже говорилось, была отмечена С.И. Безугловым (Безуглов, Захаров, 1988; Безуглов, Копылов, 1989; Безуглов, 1990). В пользу подобной атрибуции высказывались и другие исследователи. Эта точка зрения на сегодняшний день является общепринятой. Совокупность катакомбных захоронений не вполне однородна, внутри нее можно выделить две группы могил (Bezuglov, 1995; Мошкова, Малашев, 1999. С. 197, 198, 201). Преобладают катакомбы с отчетливо выраженной Т-образной планировкой (тип I по К.Ф. Смирнову) и положением погребенного *перпендикулярно длинной оси входной ямы*, напрямую ассоциируемые с центральнокавказскими прототипами. В другой группе, видимо, наблюдается синтез двух традиций – использование катакомбы с широкой прямоугольной камерой (порой даже Т-образной планировки), но положением погребенного *вдоль длинной оси входной ямы, головой в северный сектор*. Северную ориентировку в этой группе предположительно можно связать с традицией позднесарматской культуры.

Для комплексов второй половины III в. еще достаточно хорошо прослеживаются позднесарматские культурные традиции; в IV в. эти традиции выглядят более размыто, в большей степени выражены и доминируют центральнокавказские влияния. На мой взгляд, не все кочевнические памятники Нижнего Дона второй половины III–IV в. можно объединять с позднесарматскими. Для этой территории скорее можно говорить о *самостоятельной группе* памятников, генетически связанных как с позднесарматской, так и с аланской/раннеаланской культурами. При этом соотнесение нижнедонской группы могил (главным образом относящихся к IV в.) с центральнокавказскими памятниками выглядит предпочтительнее.

Катакомбы Днепровского Левобережья справедливо соотнесены с нижнедонскими погребениями (Симоненко, 2001. С. 89). Достаточно сложно выглядит решение вопроса об истоках катакомбных сооружений Днестро-Дунайского междуречья. Здесь распространены катакомбы, относящиеся только к типу II по К.Ф. Смирнову, с ориентировкой погребенного в северный сектор. А.В. Симоненко связывает их происхождение с нижнедонскими погребальными сооружениями (2001. С. 89). Подобная атрибуция допустима, но делать заключения я не берусь (Мошкова, Малашев, 1999. С. 199), тем более что этот вопрос выходит за рамки основной темы работы.

На основании сказанного выше отнесение подкурганных катакомб второй половины III–IV в. Нижнего Подонья и Северного Причерноморья к *позднесарматской культуре* выглядит не вполне правомерно; *у этих погребальных сооружений нет корней в погребальной традиции позднесарматской культуры*. Строго говоря, их культурная принадлежность иная, в основе формирования этой обрядовой нормы лежат другие культурные традиции, в частности центральнокавказские.

Таким образом, позднесарматская культура в качестве *целостного культурного явления* в IV в. отсутствует на большей части территории степей Восточной Европы. Она сохраняется лишь в районах Поволжья; однако количество этих комплексов невелико, инвентарь их сравнительно беден. Для остальных территорий, входящих в ареал распространения культуры, верхняя хронологическая граница может быть обозначена в районе рубежа III/IV вв. Расцвет позднесарматской культуры падает на вторую половину II – первую половину III в. Вторая половина III в. для Северного Причерноморья и Нижнего Подонья – период постепенного угасания и размывания традиционных черт культуры. При этом памятники Южного Приуралья середины – второй половины III в. еще демонстрируют яркие выразительные комплексы. Однако их исчезновение выглядит достаточно резким; индикаторы развитого IV в. здесь мне не известны.

Естественно возникающий вопрос о судьбах носителей позднесарматской культуры чрезвычайно сложен и для каждого региона должен решаться самостоятельно. Это темы будущих исследований. Можно предположить, что часть позднесарматского населения Южного Приуралья вошла в состав населения лесостепных районов и оставила памятники типа Салиховского и II Ахмеровского курганных могильников. Какие-то группы могли сместиться в район Приаралья, где изредка встречаются вещи, аналогичные приуральским (Левина, 1993. Рис. 50, *1, 3*; 86, *2*). Ниж-

недонское население к IV в., очевидно, в культурном отношении было ассимилировано центральнокавказскими мигрантами. Возможно, какая-то часть населения Северного Причерноморья могла переместиться в районы Центральной Европы и оставить могильники на территории Венгерской низменности (Kulcsár, 1998), а также влиться в состав носителей черняховской культуры (Обломский, 2002. С. 82, 83). Эти предположения нисколько не исключают и иных путей решения проблемы.

Важным представляется вопрос об участии носителей этого культурного комплекса в составе племенного объединения, известного под названием "гунны" финала IV в. Судя по ситуации в европейской части степи, непосредственно предшествующей эпохе Великого переселения народов, едва ли, носители позднесарматской культуры могли оказать существенное влияние на формирование облика культуры этого объединения и стать его существенной частью.

В заключение хочу сказать, что эта небольшая работа – лишь постановка проблемы, требующая, на мой взгляд, дальнейшего обсуждения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Безуглов С.И. Позднесарматское погребение знатного воина в степном Подонье // СА. 1988. № 4.

Безуглов С.И. Аланы-танаиты: экскурс Аммиана Марцеллина и археологические реалии // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Вып. 9. Азов, 1990.

Безуглов С.И. Воинское позднесарматское погребение из Азова // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1994 г. Вып. 14. Азов, 1997.

Безуглов С.И. Денежное обращение Танаиса (III в. до н.э. – V в. н.э.): Дис. … канд. ист. наук. М., 2001.

Безуглов С.И., Глебов В.П. Курганные погребения позднеримского времени из могильника Козинка VIII // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2001 г. Вып. 18. Азов, 2002.

Безуглов С., Захаров А. Могильник Журавка и финал позднесарматской эпохи в Правобережном Подонье // Изв. РОМК. Вып. 5. Ростов н/Д., 1988.

Безуглов С.И., Копылов В.П. Катакомбные погребения III–IV вв. на Нижнем Дону // СА. 1989. № 3.

Голдина Р.Д. Исследование курганной части Бродовского могильника // Приуралье в древности и в средние века. Устинов, 1986.

Граков Б.Н. Пережитки матриархата у сарматов // ВДИ. 1947. № 3.

Гудкова А.В., Фокеев М.М. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I–IV вв. н.э. Киев, 1984.

Дьяченко А.Н. Исследование курганного могильника Абганерово II в Октябрьском районе Волгоградской области // Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье. Вып. 3. Волгоград, 1999.

Ильюков Л.С. Отчет об исследовании курганного могильника у хутора Новый Мартыновского района Ростовской области в 1982 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9256.

Ильюков Л.С. Позднесарматские курганы левобережья реки Сал // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов н/Д., 2000.

Левина Л.М. Раскопки могильников в окрестностях городищ Бедаик-асар, Кос-асар и Томпак-асар // Низовья Сыр-Дарьи в древности. Вып. III. Джетыасарская культура. Могильники Томпакасар и Косасар. Ч. 2. М., 1993.

Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов н/Д., 2000.

Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время. М., 2008.

Матюхин А.Д. Позднесарматские погребения из курганов у с. Большая Дмитриевка // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Вып. 2. Саратов, 1997.

Мордвинцева В.И., Хабарова Н.В. Древнее золото Поволжья. Симферополь, 2006.

Мошкова М.Г. Савроматы и сарматы в Волго-Донском междуречье, Южном Приуралье и Северном Причерноморье // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1989.

Мошкова М.Г. Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. IV. В печати.

Мошкова М.Г., Малашев В.Ю. Хронология и типология сарматских катакомбных погребальных сооружений // Науч. школы Волгоградского Гос. ун-та. Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья. Волгоград, 1999.

Обломский А.М. Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время. М., 2002.

Парусимов И.Н. Раскопки курганов в Зимовниковском районе // Тр. Новочеркасской археологической экспедиции. Вып. 3. Новочеркасск, 1998.

Рыков П.С. Сусловский курганный могильник. Саратов, 1925.

Симоненко А.В. Европейские аланы и аланы-танаиты в Северном Причерноморье // РА. 2001. № 4.

Симоненко А.В. Хронология и периодизация сарматских памятников Северного Причерноморья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Докл. к V Междунар. конф. "Проблемы сарматской археологии и истории". Краснодар, 2004.

Синицын И.В. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья // УЗСГУ. Т. XVII. Саратов, 1947.

Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984.

Смирнов К.Ф. Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и Южного Приуралья // Доклады и сообщения ист. фа-та МГУ. Вып. V. М., 1947.

Субботин Л.В., Дзиговский А.Н. Сарматские древности Днестро-Дунайского междуречья. Ч. I, II, III. Киев, 1990.

Узянов А.А. Отчет Донской экспедиции о работах в Ростовской области в 1975 г. Могильники Лебединый, Кузнецовский I, Балабинский III. Разведки на Багаево-Садковской оросительной системе. Т. 4 // Архив ИА РАН. 1975. Р-1. № 11238.

Bezuglov S.I. Késö római kori katakombás temetkezések az Also-Don-Vidék sztyeppein // A Mora Ferenc Müseum Évkönyve Studia archaeologika. I. Szeged, 1995.

Rau P. Die Hügelgräber römicher Zeit an der unteren Wolga. Pokrowsk, 1927.

Kulcsár V.A Kárpát-medensei szarmaták temetkezési szokásai. Aszód, 1998.

Late Sarmatian culture: upper chronological boundary

V. Yu. Malashev

S u m m a r y

The main identifying features of late Sarmatian culture are kurgan burials in narrow rectangular pits and narrow burial niches, usually in the western wall (Fig. 1, *1, 2*); wide square burial pits and shouldered pits (Fig. 1, *3, 4*) and burials in catacombs of a specific configuration (Fig. 1, *5*) are encountered much less frequently. Northward orientation prevails. Deformation of the skull can also be considered as an identifying feature. The chronological boundaries of the culture are middle of the 2nd – the 4th c. AD. Data from the last two decades of research allows to rectify the upper chronological boundary for the Late Sarmatian culture. So far, in relation to the North Pontic region, the Lower Don and the Volga-Don interfluve we can speak of only a small group of complexes belonging to the culture in question and dating to the 4th c. No 4th-c. burials are known in the steppe area of the Southern Urals. Complexes dating to that time are preserved only in some areas of the Volga region. Consequently, in the 4th c. Late Sarmatian culture as an integral cultural phenomenon is practically absent throughout the territory of East European steppes; its upper chronological boundary can be confined to the end of the 3d – beginning of the 4th cc. In the 4th c., burials of a different cultural appearance (in catacombs) spread in the North Pontic region and the Lower Don; they have their source elsewhere than the Late Sarmatian burial tradition (Fig. 2). This ritual custom was formed on the basis of other cultural traditions, in particular, Central Caucasian ones.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2009, № 1, с. 53–63

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС СМОЛЬНИНСКОГО ГОРОДИЩА В ПРИМОРЬЕ: НОВАЯ КУЛЬТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ

© 2009 г. И. С. Жущиховская, В. Э. Шавкунов

Институт истории, археологии и этнографии ДВО РАН, Владивосток

Археологические памятники эпохи средневековья в Приморье представляют культуру ранних государств, существовавших на этой территории и в соседних районах Дальнего Востока в VII–XIII вв. Это королевство Бохай (698–926 гг.) и империя чжурчжэней (1115–1234 гг.). Один из наиболее ярких отличительных признаков средневековых памятников – наличие в культурном слое керамики, изготовленной с использованием гончарного круга и прошедшей термообработку в достаточно развитых обжигательных устройствах. Помимо круговой посуды, соотносимой, как правило, с ремесленной организацией производства, на бохайских и чжурчжэньских городищах и поселениях присутствуют изделия ручной лепки без признаков обработки на круге, обожженные в более простых технологических условиях. Такая керамика, вероятно, соответствует иной социальной форме организации гончарства – домашнему промыслу. Для средневековых памятников Приморья характерна довольно сложная структура керамических комплексов с обширным набором признаков. Традиции гончарства бохайского и чжурчжэньского населения имеют свою культурную специфику, выраженную в морфологических, декоративных и отчасти технико-технологических стандартах (Гельман, 1998; Дьякова, 1993; Тупикина, 1996).

В последние годы на территории Приморья выявлены памятники, которые по наличию на них круговой посуды датируются эпохой средневековья, однако по характеристикам керамики не могут быть идентифицированы как типично бохайские или чжурчжэньские. Наиболее выразительная черта данных комплексов – рельефные ячеистые оттиски, сплошным полем покрывающие внешнюю поверхность круговых сосудов. Ареал памятников с “вафельной” круговой керамикой – юго-восточное и частично центральное Приморье, бассейны рек Партизанской, Арсеньевки, верховья р. Уссури (Гельман, 2006; Жущиховская, Шавкунов, 2006) (рис. 1).

Стационарными раскопками исследован пока только один памятник – Смольнинское городище, расположенное в Анучинском р-не, на правом берегу р. Арсеньевка, в 2 км к юго-востоку от с. Смольное. Раскопками 1999 и 2004 годов вскрыта площадь несколько более 50 м^2. Выявлены два культурных слоя. Нижний слой, представляющий кроуновскую культуру раннего железного века (IV в. до н.э. – первые века н.э.), сохранился в непотревоженном состоянии только на отдельных участках памятника. Верхний (основной) культурный слой мощностью 0.5–1.5 м относится к эпохе средневековья и представляет собой светло-коричневый суглинок. Здесь вскрыты остатки жилища с плиточным каном, найдены железные наконечники стрел, ножи, наконечник ремня, глиняные пряслица. Предварительная датировка Смольнинского городища – IX–XI вв. (Шавкунов 2005; 2006).

Наиболее представительная категория находок верхнего слоя – это бытовая керамическая посуда: более 1500 разрозненных фрагментов, несколько реставрированных сосудов. Образцы изделий, изготовленных с помощью круга, составляют около 70% от общего количества фрагментированного материала, приблизительно 30% приходится на долю лепной посуды. Задача статьи – характеристика и корреляция групп круговой и лепной посуды, а также сравнение стандартов гончарства Смольнинского городища со стандартами керамического производства бохайской и чжурчжэньской культур Приморья. Результаты исследования, безусловно, интересны для определения места новой группы памятников в культурной систематизации археологических комплексов юга Дальнего Востока эпохи средневековья.

Стратиграфические наблюдения позволяют обозначить позиции обеих групп керамики в археологическом контексте памятника. Отмечено совместное залегание круговой и лепной посуды в светло-коричневом суглинке, заполнении жилища, заполнениях трех ям (№ 1–3). Керамика, найденная в ямах № 2 и 3, отличается хорошей сохранностью: крупные фрагменты круговых и лепных сосудов, археологически целые изделия. Нет свидетельств раздельного присутствия в слое круговой и лепной керамики.

Круговая керамика Смольнинского городища. Керамическая посуда, изготовленная при помощи круга, представлена фрагментированным материалом – обломками верхних частей сосудов, стенок, доньев. Не найдено ни одного целого сосуда, хотя частичная реконструкция форм в ряде случаев возможна.

Рис. 1. Карта археологических памятников с круговой “вафельной” керамикой на территории Приморья. Квадратами отмечены памятники с керамикой смольнинского типа.

Техника и технология изготовления круговой керамики. В процессе изучения особенностей техники и технологии производства круговой посуды использовались анализ петрографических (прозрачных) шлифов и заполированных горизонтальных и вертикальных срезов (аншлифов) фрагментов сосудов, повторный обжиг, бинокулярная микроскопия.

Состав формовочной массы керамики включает две фракции: пластичную (глинистую) и непластичную (песок горных пород, шамот). Керамическая посуда изготовлена в основном из глины с достаточно высоким содержанием окислов железа, такое сырье желтого, красно-коричневого, оранжево-коричневого цветов типично для многих районов Приморья (Жущиховская, 2004. С. 72, 73). Однако отдельные образцы керамики показывают использование иного сырья – глины с очень низким содержанием железа, имеющей в сыром состоянии светло-серую, голубовато-серую, белую окраску.

Количество и размерный ранг непластичных включений варьируют в достаточно широких пределах. Представительная серия образцов содержит в тесте 20–30% зерен песка от 0.2 до 2–3 мм с преобладанием фракции 1–2 мм. Часто встречаются фрагменты сосудов, тесто которых содержит примесь песка со средним размером зерен 0.5–1.5 мм.

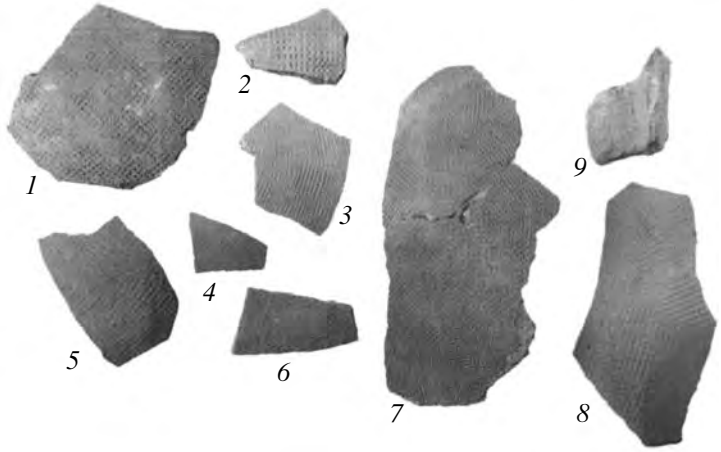

Рис. 2. Смольнинское городище. Фрагменты круговых сосудов с оттисками колотушки. *7, 8* – фрагменты доньев круговых сосудов; налепная ручка со следами выбивки (*9*).

Количество непластичных включений может составлять от 10 до 25% в объеме формовочной массы. Есть в небольшом количестве и образцы с мелкозернистой примесью зерен песка, размеры которых составляют до 0.5 мм. По минералогическому составу примесь выглядит достаточно однородной: зерна кварца, полевого шпата, пластинки биотита, отдельные частицы гранитоидных пород. Пески такого состава наиболее типичны для Приморья, которое богато кварц-полевошпатовыми гранитоидными породами (Жущиховская, 2004. С. 73, 74). Нередко керамические глины и суглинки могут содержать определенное количество непластичных песчанистых включений различной текстуры. По данным нашего исследования можно предполагать, что во многих случаях крупно- и среднезернистая примесь песка носила искусственный характер. Для более точных определений необходимы идентификация вероятных источников глин и непластичных примесей в окрестностях поселений и сравнительное изучение сырья и компонентов формовочной массы керамики.

Помимо песка у значительной части образцов керамики отмечены включения, которые могут быть предварительно идентифицированы либо как шамот (дробленая керамика), либо, скорее, как естественная примесь железняка в глине. Это округлые зерна размером до 2–3 мм бурого, бурокрасного цвета. Определение характера подобных включений связано с рядом методических сложностей, поэтому необходимы дальнейшие исследования в этом направлении (Бобринский, 1978. С. 106–108).

Изучение внешних признаков круговой керамики показало, что процесс формовки посуды состоял из нескольких стадий: конструирования емкости способом ленточно-кольцевого налепа, доработки на гончарном круге, выбивания стенок с помощью колотушки. Использование кольцевого налепа идентифицируется по наличию на внутренней стороне ряда образцов горизонтальных стыковочных “швов” – в месте соединения горловины и плечиков, на некоторых участках тулова, в придонной зоне. Это свидетельствует о том, что первичная формовка изделий осуществлялась, вероятно, методом сборки из лент или жгутов. Обработка на круге носила вторичный, вспомогательный характер: ей подвергалось либо уже сконструированное изделие, либо его части в процессе постепенного наращивания колец-лент. Признаками использования в процессе формовки вращающегося устройства являются следы выравнивания и правки контура венчиков, шейки и верхней части плечиков, в результате чего профиль и толщина стенок горловины приобретали четкость, симметрию, определенный стандарт. На поверхности фиксируются горизонтальные папиллярные следы-риски, остающиеся при формовке сосуда в состоянии вращения.

Заключительной операцией формовки было выбивание. Его основной признак – отпечатки колотушки на внешней поверхности изделия. На серии образцов отпечатки перекрывают собой папиллярные риски. Следовательно, операцию выбивания проводили уже после обработки стенок на круге. Отпечатки, имеющие ячеистый рисунок, прослеживаются у более чем 50% образцов круговой керамики (рис. 2, *1–3, 5*). Ячейки квадратной или прямоугольной формы являются негативом рельефной текстуры рабочей поверхности колотушки. Ячеистые отпечатки на отдельно взятом образце имеют стандартный размер, однако в пределах всей коллекции варьируют от 1.5 × 2 до 4 × 4 мм. Ячейки на поверхности керамических фрагментов образуют сплошное поле. Если образец достаточно крупный, можно различить следы ударов колотушки. Это уплощенные участки прямоугольных очертаний размером 2 × 2, 3 × 3 см. На

фоне многочисленных образцов с ячеистыми следами колотушки выделяется небольшая серия фрагментов иного вида: отпечатки образуют "елочный" рисунок, состоят из рядов косых параллельных бороздок (рис. 2, *4, 6*).

Колотушкой "выбивалась" большая часть внешней поверхности керамического сосуда. На серии фрагментов верхних частей ячеистые отпечатки фиксируются на плечиках и горловине до верхней кромки венчика. Значительное количество фрагментов стенок также имеет снаружи отпечатки колотушки. Ячеистые оттиски зафиксированы даже на поверхности ручки прямоугольной формы. Большинство фрагментов нижних частей сосудов также обработано колотушкой, причем оттисками покрыта внешняя поверхность не только тулова, но и самого дна (рис. 2, *7, 9*).

Единичные образцы керамики (фрагменты изящных тонкостенных чаш) позволяют предполагать формовку на круге способом вытягивания емкости из цельного куска глины. На внутренней и внешней поверхностях хорошо заметны горизонтальные параллельные риски, но нет следов кольцевого налепа и выбивания колотушкой. Изделия небольшого размера с открытым устьем и плавно расширяющимися стенками являются наиболее доступной формой для изготовления вытягиванием на быстро вращающемся круге. Как показывают эксперименты, даже не очень опытный гончар может без особого труда сделать такой сосуд[1].

Толщина стенок керамических изделий варьирует от 0.5 до 1.2 см, составляя чаще всего 0.5–0.7 см. Как правило, более толстостенным образцам соответствует более грубая текстура формовочной массы. Для техники формовки, применявшейся на поселении, рецептура керамического теста, в большинстве случаев содержащего значительную примесь песка, была вполне адаптированной. Глина с армирующими добавками разнозернистой текстуры – это оптимальный материал для ручной лепки, требующей жесткого "каркаса" в пластичной массе. Для гончаров городища именно ручная лепка кольцевым способом была "базовой" в конструировании глиняных емкостей, несмотря на параллельное или последующее использование круга. Чаши, сформованные предположительно методом вытягивания, отличаются более мелкозернистой, "тонкой" текстурой керамического теста. По данным экспериментального гончарства, пластичная глина без крупных, грубых включений в большей степени соответствует работе на круге быстрого непрерывного вращения. Исследователи древнего и традиционного гончарства отмечают связь между текстурой формовочной массы и способом формовки: более грубые массы характерны для приемов ручной лепки, более тонкие – для техники вытягивания на круге (Бобринский, 1978. С. 89, 90).

В качестве основного приема обработки стенок сосудов гончары городища использовали обмазку глинисто-водным составом без окрашивающих добавок. Это позволяло создать на поверхности изделий тонкий защитный слой, закрывающий пористую текстуру черепка и способствующий повышению водонепроницаемости. Глинисто-водный слой наносился на стенки до того, как сосуд подвергался выбиванию колотушкой. В отдельных случаях после выбивания стенки слегка заглаживались с тем, чтобы стереть следы колотушки. Лощение как прием обработки поверхности было известно гончарам Смольнинского городища, однако использовалось редко. Лощеные стенки характерны для чаш, изготовленных методом вытягивания. Нет примеров сочетания на одном изделии следов выбивания и лощения.

Заключения об атмосферном и температурном режимах обжига круговой посуды сделаны на основании цветовых характеристик, результатов повторного обжига и петрографического анализа. В цветовой гамме керамики преобладают грязно-серые, темно-серые, буровато-серые, желто-серые тона разной интенсивности. Есть образцы ровного серого цвета в изломе и на поверхности. Серия фрагментов имеет серый излом черепка и поверхность насыщенно черного цвета. Присутствуют единичные фрагменты светлого, буровато-оранжевого цвета.

Равномерная серая окраска может быть результатом обжига в восстановительной среде, требующего достаточно совершенных теплотехнических устройств и тщательного контроля за процессом горения топлива. Темно-серая или грязно-серая окраска разной интенсивности в сочетании со светлыми зонами теплых тонов часто является следствием использования специальной технологии "задымления", когда после основного обжига изделий в окислительном режиме в печи искусственно создается атмосфера, насыщенная углеродом. Керамика с равномерно зачерненной поверхностью свидетельствует о целенаправленном и умелом применении технологии "задымления". Чтобы добиться тонкого интенсивно черного поверхностного слоя, необходима хорошая регуляция процесса насыщения углеродом уже обожженных в восстановительном или окислительном режиме сосудов (Жущиховская, 2005; Shepard, 1985. P. 83–88, 103–113). Температура обжига была достаточно высокой, чтобы получать качественные изделия: 800–900°С. Следует особо отметить наличие в коллекции фрагментов стенок с признаками пережога: легкой металлизацией и короблением поверхности, выступающими, "вспученными" зер-

[1] Здесь и далее ссылки на экспериментальные исследования автора, проводимые в 1994–2006 гг. в мастерской художественной керамики Л. Кищика и Э. Еременко (г. Владивосток).

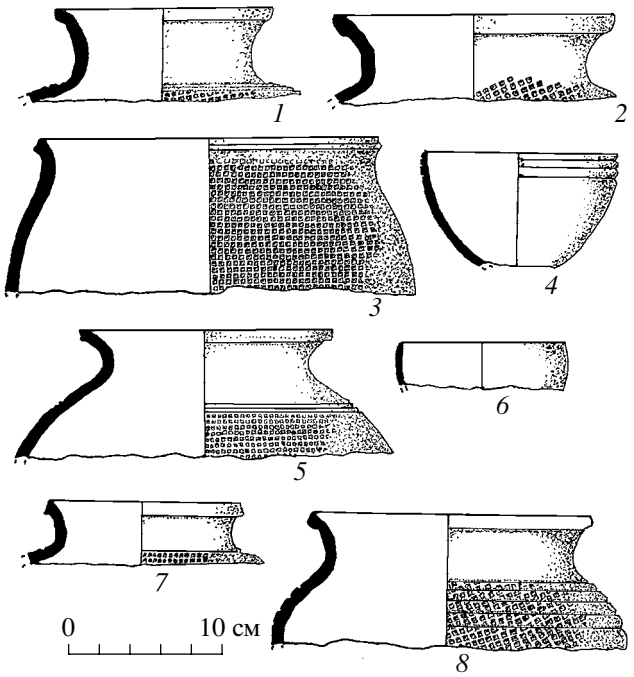

Рис. 3. Смольнинское городище. Фрагменты верхних частей круговых сосудов.

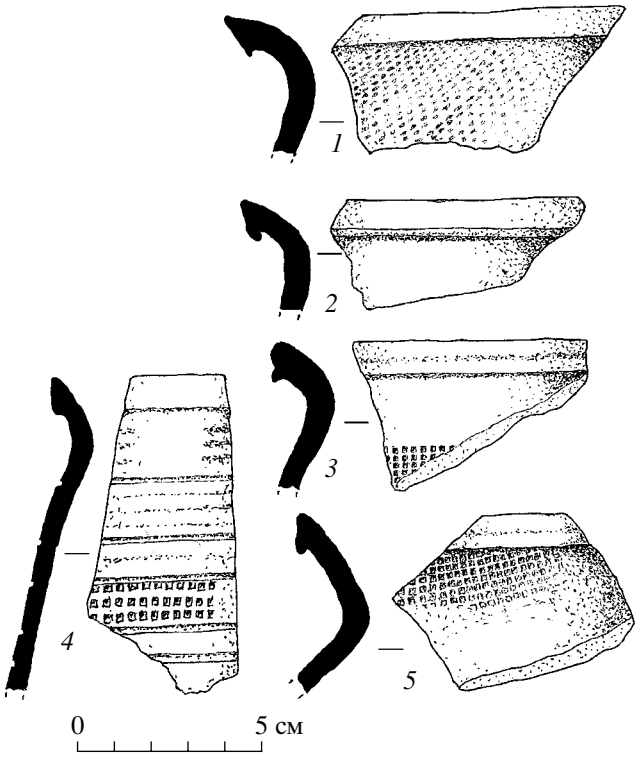

Рис. 4. Смольнинское городище. Виды венчиков круговых сосудов.

нами песчаной примеси, фиолетовым оттенком черепка. По данным экспериментальных исследований, характерный фиолетовый оттенок и металлизация появляются у приморских глин с высоким содержанием железа после обжига при 1000–1100°С.

Морфология круговой керамики. Отсутствие целых экземпляров не позволяет дать детальную характеристику пропорций и контура сосудов. Вероятно, наиболее распространенной моделью была емкость с развитой морфоструктурой, хорошо выделенными туловом и горлом. Такие сосуды широко представлены фрагментами верхних частей, позволяющими восстановить облик изделия от венчика до плечиков и линии максимального диаметра тулова (рис. 3). Горло сосуда часто имеет шейку, слегка воронковидную или цилиндрическую, высотой до 4–5 см. Горло также может быть образовано высоким воронковидным венчиком, в этом случае шейка не выделена. Основание горла в месте его соединения с туловом обычно обозначено очень четко резкой выразительной линией. Плечики нередко резко расширяются к точке максимального диаметра сосуда. Индекс отношения диаметра основания горла к диаметру тулова составляет 0.4–0.5, что указывает на относительную узкогорлость сосудов. Есть сосуды и с более широким горлом, отношение диаметра которого к максимальному диаметру тулова составляет около 0.7. Размеры емкостей с выделенным горлом различны: от небольших, с диаметром устья 10–15 см, до более крупных, с диаметром 25–30 см.

Венчики сосудов с горлом в большей или меньшей степени отогнуты наружу и чаще всего оформлены по внешней стороне уплощенно-рельефным карнизом (рис. 4). Ширина карниза 0.5–1 см. Как правило, в профиле карниз структурно не отделен от верхнего края венчика. Карниз мог быть оформлен примазкой отдельной глиняной ленты к венчику либо загибом вниз ленты самого венчика. Операцию оформления карниза и корректировки формы венчика осуществляли при помощи круга в процессе вращения сосуда, судя по четким горизонтальным следам на внешней и внутренней поверхностях. Как особый вариант выделяются венчики с карнизом, имеющим неглубокий продольный желобок и выступающий вперед нижний край (рис. 4, *3, 5*).

Реконструкция точных пропорций тулова у сосудов с выделенным горлом пока проблематична, но можно предположить, что эта часть емкости была объемной, сферической. В этой связи интересно обратить внимание на фрагменты придонной части стенок и дна. В большинстве отмеченных случаев дно и стенки образуют плавную, почти дугообразную линию (рис. 5). Стенки тулова в его нижней части имеют характерный “развалистый” контур. Такая форма – результат использования техники выбивания. Следы колотушки по-

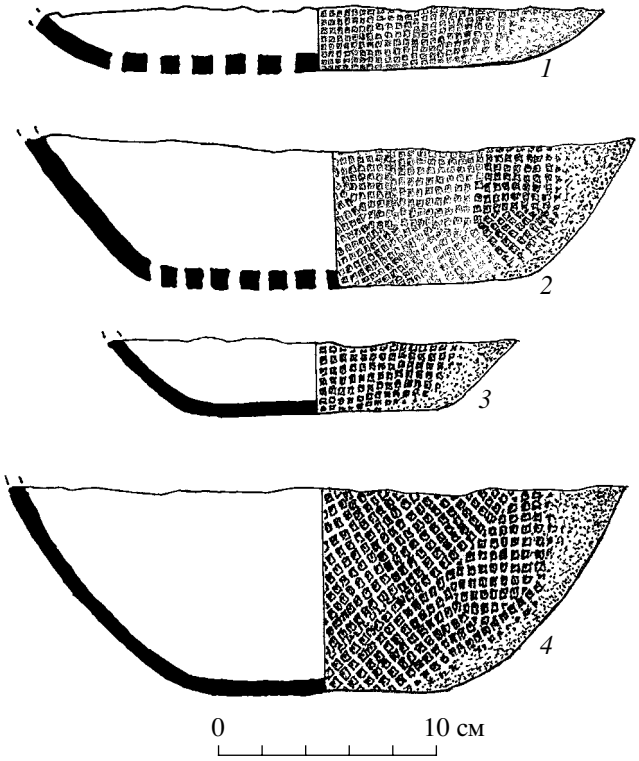

Рис. 5. Смольнинское городище. Формы доньев круговых сосудов.

крывают сплошь всю внешнюю поверхность донной части. Единичные фрагменты нижних частей сосудов показывают четкое угловатое соединение дна и тулова. Диаметры днищ варьируют от 8 до 11 см. Можно отметить как интересную деталь наличие у некоторых донышек сквозных круглых отверстий диаметром 0.5–0.7 см, расположенных близко друг к другу и сделанных еще до обжига изделий. Такие днища, напоминающие сито с крупными ячейками, принадлежали сосудам особого функционального назначения (рис. 5, *1, 2*).

Сосуды без выделенного горла представлены в керамическом комплексе очень скромно. Найдено несколько фрагментов, относящихся к емкостям с открытым устьем, в виде миски или чаши. Это изделия небольшого размера с диаметром устья 10–13 см. Венчики их, являясь продолжением стенок, плавно очерчены и не имеют рельефных усложнений (рис. 3, *4, 6*).

Декор круговой керамики. Декор сосудов, изготовленных с помощью круга и выбивания, подчеркнуто скуп и прост. Около 15–20% фрагментов верхних частей и стенок имеют орнамент в виде прочерченных бороздок или желобков (рис. 2, *1, 5*; 3, *4, 5, 8*). Поясок из нескольких горизонтальных линий – от трех до пяти, иногда более – окружает основание горла или плечики сосуда. Орнамент наносили после того, как сосуд был обработан выбиванием.

Лепная керамика Смольнинского городища. Керамическая посуда, изготовленная вручную, без использования круга, представлена фрагментированным материалом и одной целой формой. Керамика отличается устойчивостью, незначительной вариацией технико-технологических, морфологических и декоративных признаков.

Техника и технология изготовления лепной керамики. Изделия сформованы из ожелезненной глины с примесью средне- и крупнозернистого песка (размер зерен 0.5–2 мм), в составе которого фиксируются кварц, полевой шпат, слюда. Следы формовки – концентрические соединительные “швы” на внутренней поверхности сосудов – позволяют предположить использование в качестве исходных элементов глиняных жгутов или лент. Обращает на себя внимание достаточно небрежный характер формовки, что проявляется в неравномерной толщине стенок, нетщательном их заглаживании. Толщина стенок варьирует от 0.5 до 1 см, составляя в среднем 0.6–0.7 см. Внешняя и внутренняя поверхности изделий покрыты слоем глинисто-водной обмазки. Нет признаков лощения стенок. В цветовой гамме лепных фрагментов преобладают желто-оранжевый, оранжево-бурый тона, что указывает на окислительную среду термообработки. Температура обжига определяется в пределах 800–850°С. Обжиг не всегда был длительным, судя по темной полосе в середине излома многих керамических образцов.

Морфология лепной керамики. Анализ серии фрагментов верхних частей сосудов показывает, что ведущей морфологической моделью была емкость с выделенным горлом, образующая два основных варианта. Первый, наиболее распространенный вариант – изделия с горлом, оформленным отогнутым наружу венчиком, без выделенной структурно шейки. Отношение диаметра основания горла (максимального приустьевого сужения) к диаметру тулова составляет 0.65–0.7 т.е. профиль сосудов достаточно плавный. Второй вариант, более редкий, – сосуды с очень четкой, резкой профилировкой, повторяющей пропорции и контур изделий, изготовленных с помощью круга. Горло этих сосудов оформлено шейкой и отогнутым наружу венчиком либо высоким воронковидным венчиком. Отношение диаметра основания горла к диаметру тулова составляет около 0.5.

Венчики лепных сосудов в большинстве случаев имеют на внешней стороне утолщение в виде карниза. Утолщение имеет два основных варианта оформления: карниз в виде валика, расположенного ниже устья (рис. 6, *1, 4, 5*), и карниз, структурно не отделенный от верхнего края венчика (рис. 6, *2, 3*). Утолщения-карнизы на лепных сосудах более рельефны, выпуклы, чем карнизы на венчиках кру-

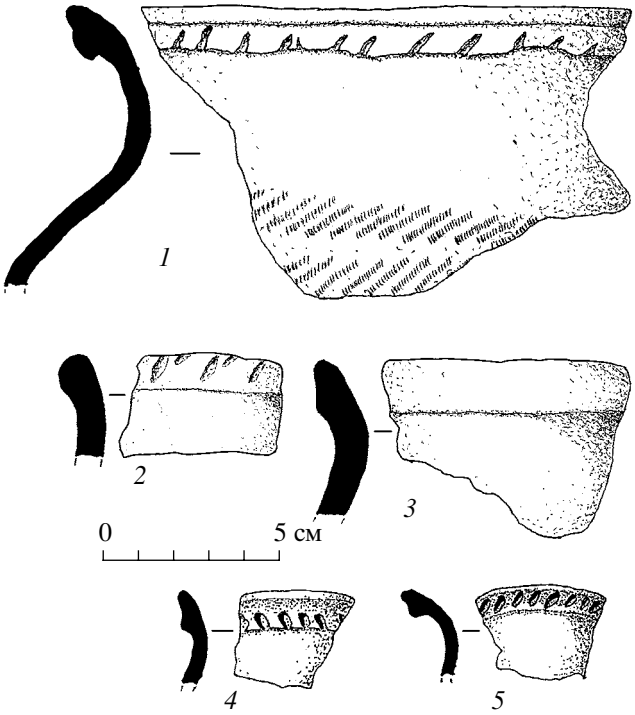

Рис. 6. Смольнинское городище. Венчики лепных сосудов.

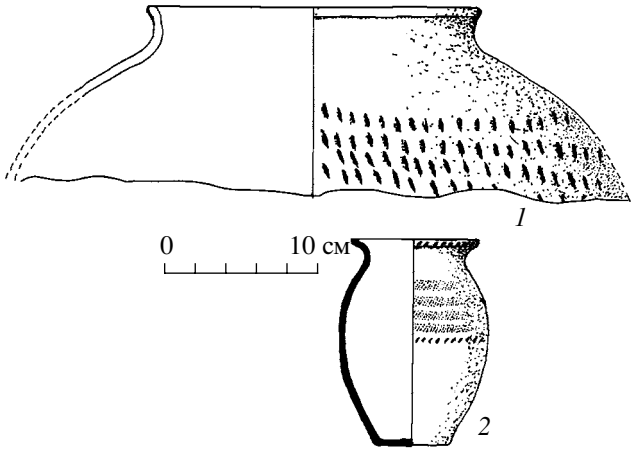

Рис. 7. Смольнинское городище. Лепные сосуды из ямы № 2 (*1*) и № 3 (*2*).

говых сосудов. Донышки лепной посуды плоские, профиль соединения с нижним участком тулова имеет обычно четкий угловатый контур.

Наиболее полное представление о морфологии лепных изделий дают два сосуда, найденные в ямах № 2 и 3. Сосуд из ямы № 3 (рис. 7, *2*) имеет плавную, но четко очерченную линию профиля, выделенное горло, оформленное отогнутым наружу венчиком, выпуклые плечики. Контур тулова – яйцевидный за счет преобладания высоты над максимальным диаметром и высокого расположения плечиков. Высота изделия 13.5 см, диаметр устья 8 см, диаметр тулова 9.5 см, диаметр дна 5 см. Отношение диаметра основания горла к диаметру тулова 0.66. Венчик имеет на внешней стороне "карниз" с наклонными вдавлениями. Сосуд орнаментирован по плечикам гребенчатыми оттисками и наклонными вдавлениями. Другой сосуд, из ямы № 2 (рис. 7, *1*), сохранился лишь частично. Он имеет резкую профилировку стенок, четко выделенное горло с шейкой и отогнутым наружу венчиком. Диаметр устья 22 см; основания горла 18 см, тулова 26 см. Отношение основания горла к диаметру тулова составляет 0.5, что близко к пропорциям круговых сосудов. Венчик изделия оформлен сплошным "карнизом". На плечиках нанесен узор из ногтевых оттисков.

Декор лепной керамики. Способы декорирования и композиции орнамента лепных сосудов просты и однообразны (рис. 6). В качестве технико-декоративных элементов использованы оттиски гребенчатого штампа, ямочные оттиски, ногтевые оттиски, оттиски-прочесы, или насечки, горизонтальные бороздки. Зоны расположения декора – рельефное утолщение-карниз по венчику и плечики (до середины тулова). Карниз украшался насечками, ямочными вдавлениями. Для орнаментации плечиков наиболее характерны бордюры из гребенчатых оттисков (рис. 7, *2*).

Попытаемся соотнести между собой по технико-технологическим, морфологическим и декоративным признакам группы круговой и лепной керамики верхнего культурного слоя Смольнинского городища.

Круговая и лепная керамики обнаруживают несомненное сходство по составу формовочной массы, основному конструктивному приему формовки, технологии обработки поверхности, техническим условиям обжига. Как следует интерпретировать эти параллели? Состав формовочной массы, включающей пластичную, глинистую основу и примесь песка или дресвы, достаточно типичен для керамической посуды культур Приморья в широком хронологическом диапазоне (Zhushchikhovskaya, 2001). Лепная керамика памятников раннего и развитого железного века (I тыс. до н.э. – середина I тыс. н.э.), эпохи средневековья (VII–XIII вв.) нередко отличается грубой текстурой непластичной примеси, размер зерен которой варьирует от 0.5 до 2 мм. Такая текстура соответствует технологическим условиям формовки сосудов ручной лепкой. Именно ручная лепка кольцевым способом из лент или жгутов была базовым принципом конструирования керамической емкости в обеих группах керамики Смольнинского городища. Но для лепной керамики это был единственный прием формовки, а для круговой он дополнялся еще обработкой на вращающемся устройстве и выбиванием. Кольцевой налеп как способ фор-

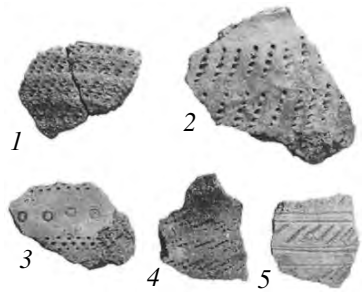

Рис. 8. Смольнинское городище. Фрагменты стенок лепных сосудов с орнаментом.

мовки широко известен в древнем гончарстве юга Дальнего Востока с эпохи неолита до средневековья. В столь же протяженных временных рамках существовала технология послеформовочной обмазки изделия глинисто-водной эмульсией или замывки водой (Жущиховская, 2004. С. 103–105; Дьякова, 1993. Ч. I. С. 60–114). Что касается условий обжига, то по температурному режиму они были близки для круговой и лепной керамики памятника. Температурный индекс служит характеристикой временной динамики гончарства Дальнего Востока. Температуры от 800°С стали устойчивым показателем технического уровня гончарства Приморья начиная с середины I тыс. н.э. (Жущиховская, 2004. С. 148). В гончарстве и черепичном производстве бохайской и чжурчжэньской культур практиковалась термообработка в режиме 850–950°С, иногда до 1000°С (Дьякова, 1993. Ч. I. С. 60–114; Тупикина, 1996. С. 21, 22; Boldin, Nikitin, 1999). Атмосферные же режимы обжига круговой и лепной керамики Смольнинского городища существенно различны, что характерно в целом для средневекового гончарства юга Дальнего Востока. На бохайских и чжурчжэньских памятниках круговая керамика всегда имеет признаки обжига в восстановительной среде либо с использованием "задымления", а лепная посуда – признаки обжига в окислительном режиме.

Сравнение круговой и лепной керамики по морфологии выявляет черты различия и сходства. Особенности контура и пропорций, характерные для каждой из групп, в значительной мере связаны с техникой и технологией формовки. Четкая профилировка, подчеркнутое выделение горла, объемное сферическое тулово, округлые линии дна круговой посуды – это результат использования вращающегося устройства и приема выбивания. Эти морфологические признаки не характерны для основной массы лепной керамики.

Однако между обеими группами есть интересные и важные, на наш взгляд, "точки пересечения". Это, во-первых, оформление венчика карнизообразным утолщением. Варианты "карниза" различны у круговых и лепных сосудов, что связано с особенностями формовки. Подправка сосуда, особенно верхней его части, на круге способствует стандартизации и рационализации морфологии венчика; отсюда – ведущая роль "карниза" в виде узкого уплощенного бортика, обводящего устье. Напротив, технологические условия ручной лепки согласуются с тенденцией оформления выступающего, отчетливо выраженного "карниза". Вместе с тем в ряде случаев венчики круговых сосудов имеют "карнизы" с обозначенным рельефным выступом, а на лепных изделиях "карниз" часто выглядит как бортик, не отделенный структурно от края устья. Во-вторых, присутствующие в небольшом количестве лепные сосуды с резкой профилировкой горла и тулова по пропорциям и контуру верхней части практически идентичны круговым изделиям. Таким образом, в разных технико-технологических контекстах гончарства фиксируются близкие морфологические стандарты.

Декор круговой и лепной посуды различен по составу технико-декоративных элементов, мотивов, что вполне согласуется с характером процесса формовки и последующей обработки стенок сосудов. Узор из горизонтальных борозд – наиболее рациональный способ декорирования сосуда в состоянии вращения, широко известный в круговом гончарстве разных районов мира. Напротив, технология выполнения орнамента из часто поставленных оттисков зубчатого штампа адаптирована к особенностям ручной формовки глиняных изделий. На юге Дальнего Востока России подобный декор керамики был весьма распространен в культурах неолита.

Отмеченные черты сходства и различия круговой и лепной керамики Смольнинского городища не противоречат предположению о временной синхронности этих групп, сделанному по данным стратиграфических наблюдений. Наиболее выразительным свидетельством общего временного, или стадиального, контекста может служить технический уровень операции обжига, отраженный в показателях температурного режима. При этом каждая из групп керамики обладает несомненной дискретностью по ряду важных признаков, касающихся прежде всего техники и технологии производства. Использование вращающегося формовочного устройства и владение достаточно сложными приемами регуляции атмосферных условий в обжигательных печах (восстановление, "задымление") позволяют связать круговую посуду с ремесленной формой организации гончарства. Лепная керамика по своим характеристикам в большей степени соответствует продукту домашних промыслов.

Какова степень культурного родства традиций изготовления круговой и лепной керамики Смольнинского городища? На наш взгляд, для ответа на этот вопрос особенно важен такой признак, как технологический прием выбивания стенок сосу-

дов, характерный для изделий, сформованных с помощью круга. Выбивание стенок – прием, органически сочетающийся с техническим контекстом ручной формовки, позволяющий придать изделиям необходимый профиль и объем. Выбивание может использоваться в сочетании с другими способами ручной формовки либо самостоятельно. Иногда выбивание используется для увеличения объема тулова сосуда, сформованного на круге (Бобринский, 1978. С. 190–193, 207–209; Rice, 1987. P. 137; Shepard, 1985. P. 59, 60). Применение выбивания в сочетании с обработкой изделия на круге отражает значительную роль навыков ручной формовки в процессе окончательного моделирования формы глиняной емкости. Если допустить единую культурную основу производства двух групп керамики нашего памятника, логично ожидать общности традиций на уровне операций ручной формовки и использования наряду с кольцевым налепом приема выбивания для изготовления лепной посуды. Однако при изготовлении круговой посуды выбивание использовалось почти в обязательном порядке, и следы его не старались уничтожить, а для лепной керамики этот прием пока не зафиксирован достоверно. Данное наблюдение ставит под сомнение возможность тесного культурного родства гончаров-ремесленников, работавших с кругом, и домашних мастеров Смольнинского городища. Вместе с тем некоторые морфологические параллели – сходство в манере оформления венчиков, идентичность профилировки некоторых лепных сосудов профилировке изделий, сформованных с помощью круга, – могут свидетельствовать об определенных контактах между носителями культурных стандартов двух групп посуды. Пропорции и контур сосудов, оформление венчиков рассматриваются исследователями как характеристики, важные для идентификации культурной специфики гончарных традиций (Shepard, 1985. P. 225–248). По имеющимся сегодня данным можно интерпретировать керамическую коллекцию верхнего слоя Смольнинского городища как одновременный комплекс, представляющий две разные по социальной организации и культурной основе формы гончарства, вероятно, находившиеся между собой в некотором контакте.

Последний сюжет статьи касается определения места смольнинского комплекса в круге уже известных традиций средневекового гончарства Приморья. По своей структуре этот комплекс аналогичен керамическим материалам бохайской и чжурчжэньской культур, также включающим продукцию разных по социальной организации производственных контекстов. Культурные традиции этих контекстов также во многом различны. Согласно предложенной О.В. Дьяковой концепции развития средневековых культур Дальнего Востока, лепная посуда, значительно более представительная на бохайских памятниках, чем на более поздних памятниках чжурчжэней, по многим своим признакам связана с аборигенным пластом культуры мохэ. Эта культура, существовавшая на юге Российского Дальнего Востока и в соседних районах Северо-восточного Китая примерно с IV в. н.э., явилась одним из ведущих компонентов формирования в конце VII в. сложного по этническому составу раннего государства Бохай и его культуры. Что касается круговой посуды бохайцев и чжурчжэней, то она ассоциируется с деятельностью мастеров-ремесленников и с культурными стандартами, лишенными явно выраженной этнической окраски и общими в масштабах обширной гончарной провинции. Территориальные рамки провинции включали юг Дальнего Востока России, Северо-Восточный Китай, Забайкалье. Технико-технологические, морфологические и декоративные традиции ремесленного гончарства в этих регионах во многом определялись влиянием такого мощного культурного центра, каким был государственный Китай начиная с эпохи Хань. Однако при всей стандартизации эти традиции имели и определенную культурно-хронологическую специфику, о чем свидетельствуют материалы памятников Бохая, чжурчжэней Приморья и Приамурья (Дьякова, 1993. Ч. III. С. 321–336).

Сравнение характеристик круговой керамики Смольнинского городища с традициями ремесленного гончарства бохайской и чжурчжэньской культур Приморья позволяет заключить, что черты сходства имеют в основном стадиальный и региональный характер и могут объясняться принадлежностью к одной гончарной провинции (Жущиховская, Шавкунов, 2006). Общность прослеживается в технико-технологических стандартах, в основных тенденциях развития морфологии посуды, в некоторых приемах декора. Особенно интересно отметить сходство процесса формовки сосудов: смольнинские, бохайские и чжурчжэньские гончары использовали для конструирования емкости скульптурную лепку, для моделирования пропорций и контура – обработку на круге, а также выбивание. Сочетание разных технических принципов и технологических приемов формовки составляет, вероятно, один из наиболее ярких признаков своеобразия выделенной гончарной провинции.

Остановимся на различиях между традициями смольнинского, бохайского и чжурчжэньского гончарства (Жущиховская, Шавкунов, 2006). В технико-технологическом аспекте обращает на себя внимание отношение к приему выбивания. Если для смольнинских гончаров выбивание было, образно говоря, канонической технологией, то в бохайском и чжурчжэньском гончарстве роль его невелика, судя по ограниченному распространению этого приема, обработке колотушкой лишь стенок тулова, а не всего сосуда от венчика до дна, и стремлению уничтожать, заглаживать следы этой

обработки. В морфологическом аспекте обращают на себя внимание различия по характеристикам пропорций и контура сосудов. Следует подчеркнуть видовое многообразие венчиков бохайской и чжурчжэньской круговой посуды, ведущие позиции таких форм, которые не находят аналогий в смольнинской керамике, например трубчатых венчиков, венчиков с желобком на внутренней стороне. Своеобразие смольнинской керамики ярко проявляется в оформленных выбиванием округлых линиях нижней части емкости, совершенно нехарактерных для посуды бохайской и чжурчжэньской культур. Существенные различия прослеживаются в декоре круговой посуды. Если смольнинские гончары ограничивались орнаментом из параллельных горизонтальных бороздок, то бохайские и чжурчжэньские мастера наряду с этим простейшим декором украшали сосуды оттисками разнообразных штампов, прочерченными и налепными элементами, оригинальным узором из блестящих лощеных полос.

В целом отмеченные различия в стандартах изготовления круговой посуды на Смольнинском городище и на бохайских и чжурчжэньских памятниках Приморья могут с большой вероятностью рассматриваться как индикаторы культурного своеобразия. Ранее уже сделано предположение о том, что круговая посуда Смольнинского городища и ряда других памятников с подобной "вафельной" керамикой представляет новую культурную традицию средневекового гончарства на юге Дальнего Востока. Условно называем эту традицию смольнинской (Жущиховская, Шавкунов, 2006). Речь в данном случае идет о контексте ремесленного гончарства. В перспективе поиска истоков смольнинской традиции круговой керамики особый интерес будут представлять те районы и производственные центры гончарства государственного Китая и очерченной гончарной провинции, в которых технология выбивания занимала ведущие позиции в процессе формовки.

Что касается лепной керамики Смольнинского городища, то по ряду признаков она наиболее близка керамике памятников круга мохэской культуры юга Дальнего Востока. Хотя эта культура неоднородна, включает ряд локальных вариантов, керамика ее обладает некоторыми достаточно устойчивыми чертами. К ним относятся оформление венчика различными видами утолщения-карниза, распространение гребенчатого тисненого орнамента, локализация орнаментальных зон на венчике и в верхней половине тулова. По форме "типично мохэские" сосуды очень близки смольнинскому горшочку, найденному в яме № 2 – высота изделия преобладает над максимальным диаметром, линия которого часто находится выше середины высоты тулова, горло довольно широкое, плавно профилированное (Дьякова, 1993. Ч. I. С. 60–88).

Таким образом, керамический комплекс верхнего культурного слоя Смольнинского городища, датируемого предварительно IX–XI вв., можно рассматривать как сочетание двух основных компонентов. Они соответствуют разным социально-экономическим формам гончарства и, очевидно, различным культурным стереотипам изготовления керамической посуды. Лепная керамика может быть ассоциирована с неремесленным, вероятно, домашним производством и традициями мохэской культуры, составлявшей аборигенный субстрат населения ранних средневековых государств юга Дальнего Востока. Керамика, изготовленная с использованием круга, представляет ремесленное производство, традиции которого вписываются в рамки обширной гончарной провинции, находившейся под культурным влиянием государственного Китая. Вместе с тем эти традиции обнаруживают отчетливую специфику относительно известных стандартов ремесленного гончарства бохайской и чжурчжэньской культур Приморья конца VII–XIII в. Исследование материалов Смольнинского городища позволяет поставить вопрос о выделении нового типа памятников эпохи средневековья на территории юга Дальнего Востока. Более пространные культурно-исторические построения будут возможны с получением новых источников и расширением информационной базы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. М., 1978.

Гельман Е.И. Керамика Марьяновского городища // Археология и этнология Дальнего Востока и Центральной Азии. Владивосток, 1998.

Гельман Е.И. Керамика чжурчжэней Приморья // Россия и АТР. № 1. Владивосток, 2006.

Дьякова О.В. Происхождение, формирование и развитие средневековых культур Дальнего Востока. Ч. I–III. Владивосток, 1993.

Жущиховская И.С. Древнее гончарство Дальнего Востока России. Владивосток, 2004.

Жущиховская И.С. К характеристике техники обжига в средневековом гончарстве Приморья // Матер. Междунар. российско-японской археол. конф. Владивосток, 2005.

Жущиховская И.С., Шавкунов В.Э. Новая культурная традиция в средневековом гончарстве Приморья // Вест. Дальневосточного отделения РАН. 2006. № 2.

Тупикина С.М. Керамика чжурчженей Приморья XII – начала XIII в. Владивосток, 1996.

Шавкунов В.Э. Жилище Смольнинского городища // Россия и АТР. № 2. Владивосток, 2005.

Шавкунов В.Э. О датировке Смольнинского городища // Россия и АТР. № 1. Владивосток, 2006.

Boldin V., Nikitin Yu. Pohai Roof Tile Kilns from Kraskinskoye Ancient Town // Proceedings of I.S.A.C'99. Shanghai, 1999.

Rice P.M. Pottery Analysis: a Sourcebook. Chicago, 1987.
Shepard A.O. Ceramics for the Archeologist. Washington, 1985.
Zhushchikhovskaya I.S. Prehistoric and Ancient Pottery-making of Northern Japan sea Basin // BAR. 2001. Intern. Ser. № 936.

Pottery complex from the Smol'ninskoye hillfort in Primorye: a new cultural tradition

I. S. Zhuschikhovskaya, V. E. Shavkunov

Summary

The object of research is the Smol'ninskoye fortress site in Primorye region, south Far East of Russia. This site dated to the 9th–11th cc. has an interesting pottery assemblage which includes both wheel-made and hand-made vessels. Certain peculiarities of the wheel-made pottery (evident use of paddling technology, standards of morphology and decoration) distinguish this assemblage from already known pottery-making traditions of Bo-hai state (698–926 AD) and Jurchen state (1115–1234 AD). The authors assume that the Smol'ninskoye hillfort is a new cultural unit of the Medieval epoch in Primorye region.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2009, № 1, с. 64–76

К ВОПРОСУ О РАССЕЛЕНИИ АЛАНСКИХ ПЛЕМЕН СЕВЕРНОГО КАВКАЗА ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ И ПИСЬМЕННЫМ ИСТОЧНИКАМ

© 2009 г. Д. С. Коробов

Институт археологии РАН, Москва

Одним из интереснейших и весьма важных письменных источников по истории народов Юга Восточной Европы в эпоху раннего средневековья является знаменитая "Армянская география" ("Ашхарацуйц"), приписываемая ранее Мовсесу Хоренаци, а в настоящее время считающаяся трудом географа Анания Ширакаци. Сохранились две редакции текста "Географии" – пространная и краткая, анализом которых историки занимаются уже более 100 лет.

Вышедшие недавно на французском и русском языках работы Константина Цукермана (Zuckerman, 2000. P. 531–594; Цукерман, 2005. С. 65–84) подводят итог столетней дискуссии по поводу ареала обитания алан на Северном Кавказе, реконструируемого на основе анализа "Армянской географии". Опираясь на труды предшественников (В. Миллера, Й. Маркварта, С.Т. Еремяна, Р.Х. Хьюсона, В.А. Кузнецова, В.Б. Ковалевской и др.), а также привлекая другие письменные источники рассматриваемого периода (Прокопий Кесарийский, Менандр, Константин Багрянородный), автор приходит к оригинальной гипотезе расселения нескольких аланских племен, упоминаемых в "Ашхарацуйц". К. Цукерман расположил их с запада на восток в следующем порядке: аланы, аш-тигоры, дигоры, авсурки. Автор снабжает исследование картой с нанесенной схематично зоной обитания тех или иных аланских сообществ (Цукерман, 2005. Рис. 1).

Представляется интересным сопоставление выводов К. Цукермана с археологическими данными, маркирующими присутствие аланского населения в регионе в эпоху раннего средневековья. К настоящему времени существуют две основные концепции пространственного распространения аланских древностей на Северном Кавказе в этот период, принадлежащие В.А. Кузнецову и В.Б. Ковалевской[1].

В.А. Кузнецов в своих работах первоначально рассматривал три локальных варианта аланской культуры: западный, центральный и восточный (1962. С. 56). Позже он остановился на выделении двух основных вариантов средневековой культуры алан: западном и восточном (1973. С. 64–72). Автор попытался связать два локальных варианта аланской культуры с двумя основными этническими массивами, упоминаемыми в письменных источниках: "асами" на западе Северного Кавказа и "аланами" на востоке (1992. С. 30).

Уже менее чем через 10 лет после появления упомянутых работ В.А. Кузнецова В.Б. Ковалевская пришла к выделению двух основных ландшафтных зон обитания населения: предгорной и горной (1981. С. 84). При этом также имеются основания разделять аланскую культуру на западный и восточный варианты (Ковалевская, 2005. С. 117, 173, 174). О делении северокавказских алан на западный и восточный массивы писали также Ф.Х. Гутнов (1993. С. 7, 37, 38) и М.П. Абрамова (1997. С. 140–148).

В упомянутой выше работе К. Цукермана обобщен опыт предшествующих исследователей и заново проанализированы письменные источники, в которых перечисляются племенные группы алан. В результате комплексного анализа им выделяются четыре группы аланских племен, две из которых (собственно "аланы" и "аш-тигоры") объединяются в западную часть ("Аланию"), а две другие ("дигоры" и "асы/авсурки") – в восточную часть ("Азию"). Исходя из логики письменных источников, прежде всего "Ашхарацуйц", определяются районы расселения этих племенных групп: аланы занимают верховья Кубани, аш-тигоры – Кабардино-Пятигорье, включая Кисловодскую котловину; дигоры располагаются в местности "Ардоз", соотносимой К. Цукерманом с восточной Кабардино-Балкарией и западной Осетией. К востоку от них проживают "недигорийские асы", названные в источнике племенем "авсурки" (Цукерман, 2005. С. 69–77).

Следует отметить, что столь новый взгляд на расселение аланских племен встретил поддержку далеко не у всех исследователей письменной тра-

[1] Подробно эти концепции рассматривались в докладе И.А. Аржанцевой и А. Алеманя, прочитанном в Барселоне 10 мая 2007 г. на Международной конференции Scythians, Sarmatians, Alans – Iranian-Speaking Nomads of the Eurasian Steppes. Дискуссия о возможностях выделения локальных вариантов аланской культуры Северного Кавказа в эпоху раннего средневековья, состоявшаяся на этой конференции, послужила поводом для написания данной статьи, расширенный вариант которой публикуется на английском языке в сборнике докладов по итогам конференции.

диции об аланах. Так, А. Алемань в своем недавно переведенном на русский язык компендиуме, анализируя сообщения "Ашхарацуйц", следует за мнением Р.Х. Хьюсона и делит аланские племена на две группы: западную Alank' Aš-Digor, сопоставимую с западными осетинами-дигорцами, и восточную Alank' yArdoz ašxarhin, которая соотносится с предками восточных осетин-иронцев (Алемань, 2003. С. 370, 371).

Несмотря на порой резкую критику, звучащую в адрес гипотезы К. Цукермана (Гаглойти, 2006), мне представляется любопытным сопоставить приводимую им картину расселения алан с археологическими реалиями, имеющимися в нашем распоряжении в настоящее время. Прежде всего следует ответить на вопрос, какой вид археологического источника может в данный момент наиболее полно отражать локальные особенности распространения аланской культуры на Северном Кавказе. Разумеется, для определения различных племенных образований важно выявить те элементы материальной культуры, которые отражают самоидентификацию каждой племенной группы древнего населения, делающие его непохожим на другие группы и при этом имеющие некоторое объединяющее начало в рамках общего племенного образования. Подобными элементами могут служить типы поселений и жилищ, характерные детали костюма, форма, декор или технологические особенности керамики. К сожалению, все эти виды археологических источников не отличаются необходимой полнотой изученности для их сопоставления в границах Северного Кавказа. Поэтому для анализа остаются лишь данные погребального обряда, являющегося индикатором локальных особенностей культуры населения в эпоху, предшествующую широкому распространению мировых религий.

Общепризнано, что характерным для аланских племен Северного Кавказа обрядом погребения служили захоронения в катакомбах так называемого Т-образного типа (с перпендикулярно расположенными по отношению друг к другу длинными осями входной ямы/дромоса и погребальной камеры). Этот вид погребального сооружения имеет устойчивую традицию на протяжении практически тысячи лет: появившись еще в III–II в. до н.э. (Ковалевская, 2005. С. 151), он широко распространяется на Кавказе во второй половине II в. н.э. (Малашев, 2007. С. 493) и доживает вплоть до монгольского завоевания в XIII в. (Кузнецов, 1973. С. 62). Имеются мнения ученых, связывающих и другие виды погребальных сооружений (захоронения в каменных ящиках и гробницах, могильных ямах, в склепах и скальных навесах) с аланскими племенами, но все они требуют более серьезной аргументации (см., например: Ковалевская, 2005. С. 174). В настоящий момент можно констатировать следующий устоявшийся взгляд на катакомбный обряд погребения эпохи средневековья как этнический маркер: не все аланы хоронили своих умерших в катакомбах, но большинство погребенных в катакомбах можно уверенно относить к аланам (Абрамова, 1997. С. 140). Весьма важны при этом данные краниологии, по которым большинство погребенных в катакомбах обладали долихокранным обликом, связываемым с ираноязычными племенами (Афанасьев, 1992. С. 83–96)[2]. Данная точка зрения может считаться общепризнанной, но не единственной: критика ее содержится в работах М.П. Абрамовой (1997. С. 137–154).

Автором этих строк уже анализировался весь массив погребений в катакомбах, вошедший в научный оборот на 1999 г.: к этому времени были опубликованы и описаны в археологических отчетах 1220 катакомб, содержавшие 1600 захоронений (Коробов, 2003. С. 10, 11). Список памятников с указанием на литературу и отчеты о раскопках приводятся там же (С. 335–342. Прил. 1). Тогда же на основе кластерного анализа было выделено 11 групп катакомбных могильников по степени близости их расположения в пространстве (географической долготе и широте) и дана диахронная характеристика погребального обряда, характерного для каждой из выделенных территориальных групп (Коробов, 2003. С. 34–121). При этом была в целом подтверждена точка зрения В.А. Кузнецова, В.Б. Ковалевской, М.П. Абрамовой и Ф.Х. Гутнова, разделяющих аланские племена на два основных массива – западный и восточный (Коробов, 2003. С. 120).

За прошедшее десятилетие в результате археологических раскопок, ведущихся на Северном Кавказе, было исследовано не менее 1500 новых катакомб интересующего нас периода (II–IX вв. н.э.). Однако этот материал остается по-прежнему неопубликованным, зачастую нет доступа даже к отчетной документации авторов раскопок. Имеются лишь отрывочные общие сведения об исследованиях на катакомбных могильниках, публиковавшиеся в форме тезисов докладов или заметок в сборнике "Археологические открытия" (см., например: Атабиев, 1998. С. 13–16; Дзаттиаты, 2001. С. 128, 129; Кадзаева, 2004. С. 87, 88), поэтому использовать в полной мере информацию об этих захоронениях пока невозможно. Исходя из этого, в настоящей работе я ограничился в основном лишь общими данными о местонахождении катакомбных могильников и количестве исследованных захоронений. В результате была использована информация о 113 катакомбных могильниках II–IX вв., в которых было исследовано 1500 катакомб.

[2] Пользуюсь случаем выразить искреннюю признательность Г.Е. Афанасьеву за ряд ценных замечаний, учтенных при работе над данной статьей.

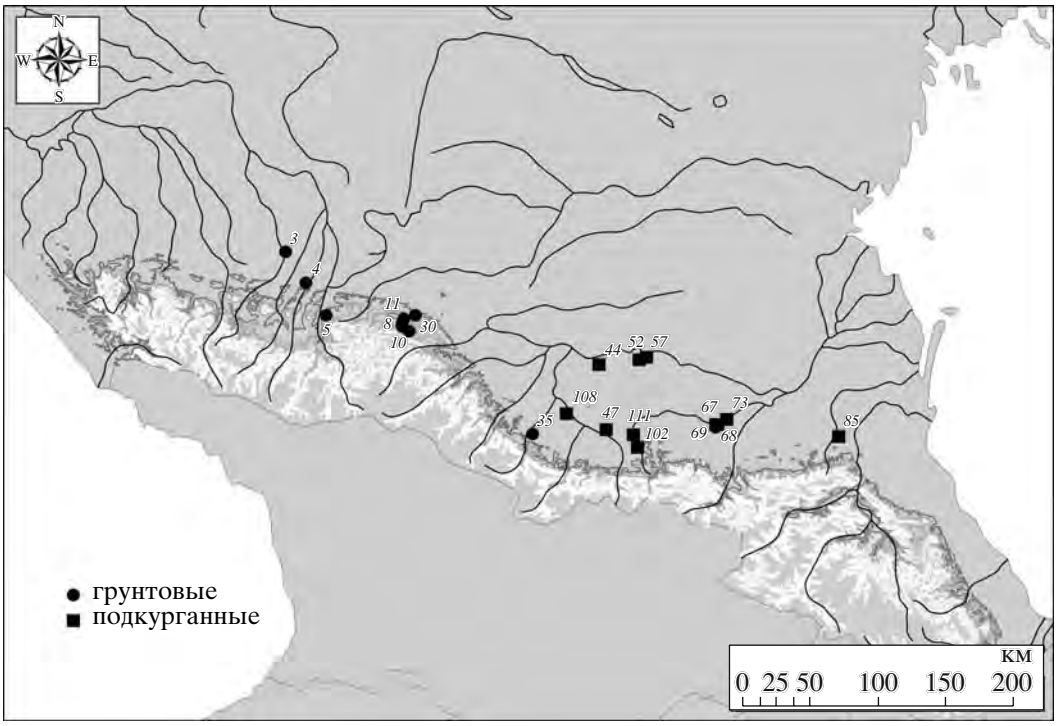

Рис. 1. Катакомбные могильники Северного Кавказа второй половины II – конца IV в. н.э. *3* – Мостовой; *4* – Байтал-Чапкан; *5* – Хумаринский; *8* – Замковый; *10* – Мокрая Балка 1; *11* – Клин-Яр 3; *30* – Высокогорный 1; *35* – Хазнидон; *44* –Виноградное; *47* – Беслан; *52* – Октябрьский; *57* – Братское; *67* – Алхан-Кала; *68* – Воздвиженская; *69* – Чернореченский 1; *73* – Алдынский; *85* – Андрей-Аул 2; *102* – Экажево; *108* – Змейский; *111* – Насыр-Корт.

Чтобы проиллюстрировать распространение катакомбного обряда погребения на Северном Кавказе в диахронном развитии, изложение материала ведется по четырем хронологическим периодам: вторая половина II – конец IV в. н.э.; конец IV – первая половина V в. н.э.; вторая половина V – первая половина VIII в. н.э.; вторая половина VIII – конец IX в.

Подобное членение материала иллюстрирует вовлечение алан в основные исторические события на Кавказе, известные нам по письменным источникам: эпоха, предшествующая гуннским завоеваниям (первый период), передвижение племен в процессе гуннских походов и Великого переселения народов (второй период), вовлечение в противоборство Византии и Сасанидского Ирана (третий период) и, наконец, перемещение племен в результате политики Хазарского каганата во время его войн с арабами (четвертый период). При этом использование более широкого временного диапазона второй половины V – первой половины VIII в. н.э. представляется оправданным, так как это время можно охарактеризовать как период стабильного обитания алан в Центральном Предкавказье, когда в результате предшествующего расселения аланские племена занимают некоторые регионы и постоянно обитают там (Албегова, 2007). Именно это расселение алан на Кавказе в V–VIII в., в перерыве между историческими катаклизмами, приведшими к переселениям крупных племенных группировок, получило отражение в “Армянской географии”, являющейся предметом особого интереса для настоящей темы.

Итак, из рассматриваемых 113 катакомбных могильников 90 относятся к грунтовым (в них раскопаны 976 катакомб), а 23 – к подкурганным (524 катакомбы). В целом они равномерно распределяются на территории от среднего течения Кубани на западе до Приморского Дагестана на востоке Северного Кавказа. Однако если мы попытаемся проследить распространение катакомбного обряда погребения в рамках выделяемых хронологических периодов, картина будет достаточно сложной.

К первому периоду (вторая половина II – конец IV в. н.э.) относится 11 подкурганных и 10 грунтовых могильников (рис. 1). Бросается в глаза достаточно ясная картина распространения грунтовых катакомб на западе ареала и подкурганных на востоке. Так, достоверно можно отнести к данной эпохе всего 62 грунтовые катакомбы, расположенные в основном на востоке Краснодарского края (Мостовой), в Карачаево-Черкесии (Хумаринский и Байтал-Чапкан), в районе Кисловодска (Подкумский, Замковый, Мокрая Балка 1, Клин-Яр 3 и Высокогорный 1), а также в предгорьях

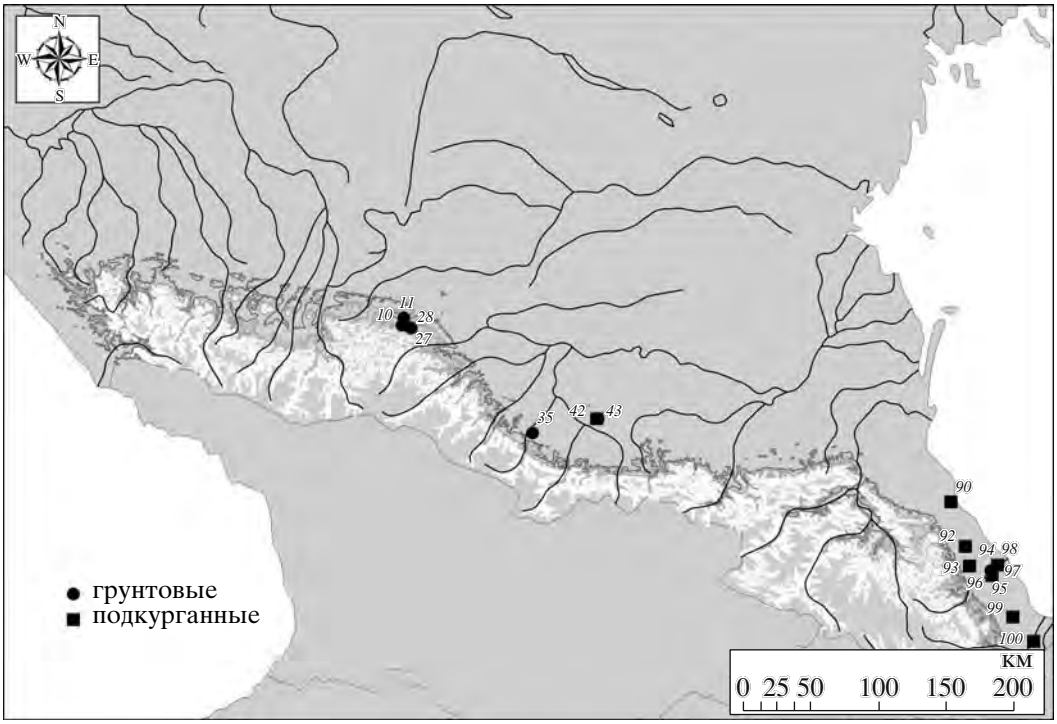

Рис. 2. Катакомбные могильники Северного Кавказа конца IV – первой половины V в. н.э. *10* – Мокрая Балка 1; *11* – Клин-Яр 3; *27* – Лермонтовская Скала 1; *28* – Лермонтовская Скала 2; *35* – Хазнидон; *42* – Брут подкурганный; *43* – Брут грунтовый; *90* – Манасский; *92* – Утамышский; *93* – Мамай-Кутан; *94* – Торпах-Кала; *95* – Джемикентский 1; *96* – Джемикентский 3; *97* – Дагогнинский 3; *98* – Дагогнинский 4; *99* – Паласа-Сырт; 100 – Кухмазкунтский.

Северной Осетии (Хазнидон) и на западе Чечни (Черноречeнский 1). Следует оговорить предварительность выводов, сделанных на этом материале, поскольку в последние годы выявлена серия подкурганных захоронений второй половины II – конца IV в., расположенных западнее основного массива, в степной зоне среднего течения Кумы (могильник Пегушин и др. – недавние раскопки Т.А. Габуева), материалы которых пока не введены в научный оборот. Имеются сведения о подкурганном могильнике Волчьи Ворота, находящемся в Кисловодской котловине, и, по-видимому, также относящемся к первому хронологическому периоду (Афанасьев и др., 2004. С. 127). Очевидно, с накоплением информации о катакомбных захоронениях II–IV вв. эта картина будет меняться.

Основной массив из 350 захоронений относится к подкурганным и происходит из степной зоны Северной Осетии (Виноградное, Октябрьский, Братское, Змейский), зоны предгорий на границе современных республик Северная Осетия и Ингушетия (Беслан, Насыр-Корт, Экажево) и на западе Чечни (Алхан-кала, Воздвиженский, Алдынский), а также с территории степного Дагестана (Андрей-Аульский 2). При этом в большинстве случаев речь идет о нескольких захоронениях, исследованных в пределах одного могильника. Более 300 погребений было раскопано Ф.С. Дзуцевым в Бесланском подкурганном могильнике в Осетии (по устной информации В.Ю. Малашева[3] их более 500), однако они не введены в полной мере в научный оборот.

Погребения в катакомбах конца IV – первой половины V в. н.э. немногочисленны (рис. 2) и в основном располагаются на территории Приморского Дагестана. В Центральном Предкавказье к этому времени можно достоверно отнести всего восемь отдельных комплексов на грунтовых могильниках Мокрая Балка 1, Лермонтовская Скала 1 и 2, Клин-Яр 3 (Кисловодская котловина), а также Хазнидон (западные предгорья Северной Осетии). К востоку от последнего, в степной части находится знаменитый могильник Брут, относящийся к этому же периоду. Фактически это три могильника, содержащие подкурганные и грунтовые захоронения эпохи Великого переселения народов (первая половина V в. н.э.) (Габуев, 2007. С. 474, 475), часть из которых датируется более широким временем: от второй половины II до рубежа VI–VII вв. (Габуев, Малашев, 2007. С. 460, 461).

[3] Приношу глубокую благодарность В.Ю. Малашеву за ценные замечания, высказанные в ходе написания данной статьи, и за возможность использовать его неопубликованные работы.

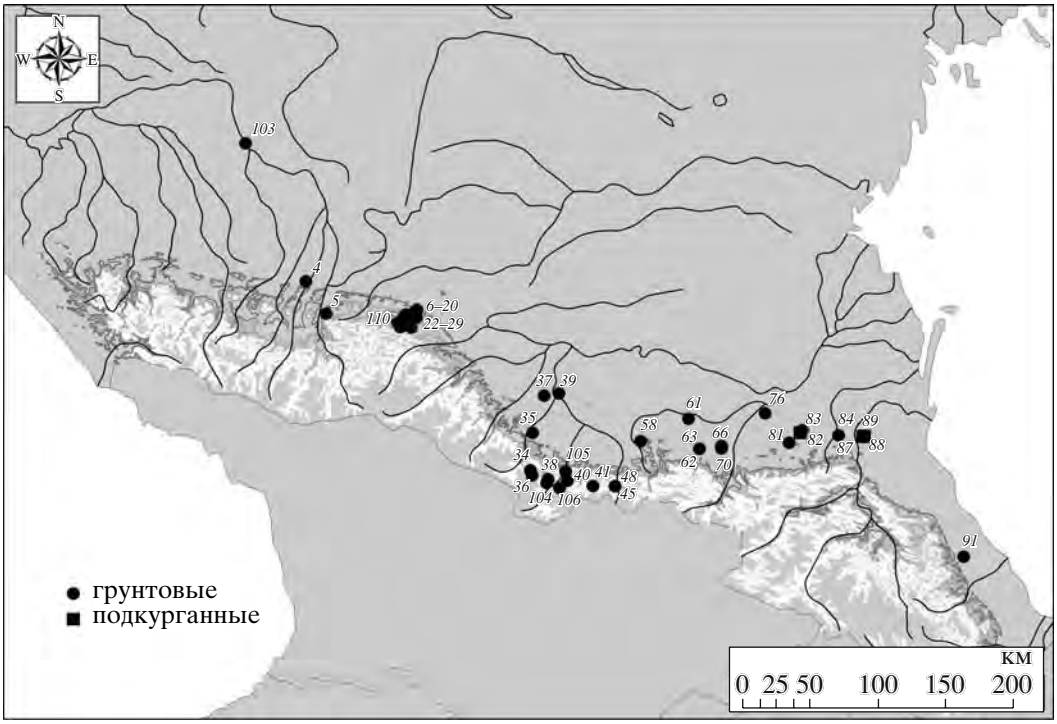

Рис. 3. Катакомбные могильники Северного Кавказа второй половины V – первой половины VIII в. н.э. *4* – Байтал-Чапкан; *5* – Хумаринский; *6* – Кисловодское Озеро 1; *7* – Мокрая Балка 2; *8* – Замковый, *9* – Березовский 2; *10* – Мокрая Балка 1; *11* – Клин-Яр-3; *12* – Клин-Яр 4; *13* – Мирный 2; *14* – Горное Эхо; *15* – Мачты, *16* – Совхоз "Зеленогорский"; *17* – Совхоз им. Луначарского; *18* – Директорская Горка; *19* – Аликоновский 2; *20* – Аланская Крепость, *22* – Кугульский 1; *23* – Кугульский 2; *24* – Бермамытский; *25* – Острый Мыс 1; *26* – Острый Мыс 2; *27* – Лермонтовская Скала 1; *28* – Лермонтовская Скала 2; *29* – Маркинкош, *34* – Галиат; *35* – Хазнидон; *36* – Камунта; *37* – Былым; *38* – Садон; *39* – Нижний Джулат; *40* – Архон; *41* – Даргавс; *45* – Чми-Суаргом; *48* – Чми 1; *58* – Али-Юрт; *61* – Самашкинский 1; *62* – Шалажинский 1; *63* – Шалажинский 2; *66* – Мартан-Чу 2; *70* – Урус-Мартан 2; *76* – Гоуст; *81* – Бердутинский; *82* – Аллероевский; *83* – Исти-Су; *84* – Андрей-Аул 1; *87* – Верхний Чир–Юрт 1; *88* – Верхний Чир-Юрт 2; *89* – Верхний Чир-Юрт курганный; *91* – Таргунский; *103* – Прочноокопский; *104* – Ход; *105* – Гусара; *106* – Дагом; *110* – Конхуторский 2.

Основная масса катакомб этого времени происходит с территории Приморского Дагестана, где из 94 погребений примерно половина может быть достоверно отнесена к IV–V вв. н.э. Большинство усыпальниц исследовано на могильнике Паласа-сырт (76 катакомб), имеются единичные комплексы на могильниках Манасский (1), Утамышский (1), Мамай-Кутан (1), Джемикентский 1 (2) и 3 (3), Дагогнинский 3 (3) и 4 (3) и Кухмазкунтский (3). Следует оговориться, что катакомбные погребения на территории Приморского Дагестана связываются одними учеными с близкими к аланам ираноязычными племенами маскутов (Котович, 1959. С. 156; Афанасьев, 1992. С. 92–95; Ковалевская, 2005. С. 152), а другими – с тюркоязычными гуннами (Гмыря, 1993. С. 225–228), поэтому использование этих материалов носит сравнительный характер.

Большинство катакомбных захоронений, раскопанных на Северном Кавказе, может быть широко датировано второй половиной V – первой половиной VIII вв. н.э. (рис. 3). К этому периоду можно отнести 611 катакомбных захоронений, из которых основная часть (547 усыпальниц) грунтовые, и лишь 64 подкурганные. Последние встречены на территории восточной Чечни (могильник Аллероевский – 4 катакомбы) и на севере Дагестана, в степной его части. Здесь, возле селения Верхний Чир-Юрт, были исследованы три могильника, один из которых подкурганный (курганный могильник Верхний Чир-Юрт), один грунтовый (Верхний Чир-Юрт 1) и на одном встречены два подкурганных и 36 грунтовых захоронения (Верхний Чир-Юрт 2).

Грунтовые катакомбы рассматриваемого периода обнаружены практически по всей территории предгорий Центрального Предкавказья. В верхнем течении Кубани к V–VIII вв. можно отнести около 40 катакомб, раскопанных на могильниках Прочноокопский, Байтал-Чапкан и Хумаринский. Большинство погребений этого времени обнаружено в Кисловодской котловине (345 катакомб). Восточнее, на территории современной Кабардино-Балкарии, на стыке предгорной и горной зоны в последние годы исследовано не менее 1000 катакомбных погребений, большинство из которых также относится к третьему периоду (Атабиев, 1998. С. 13–16), однако инфор-

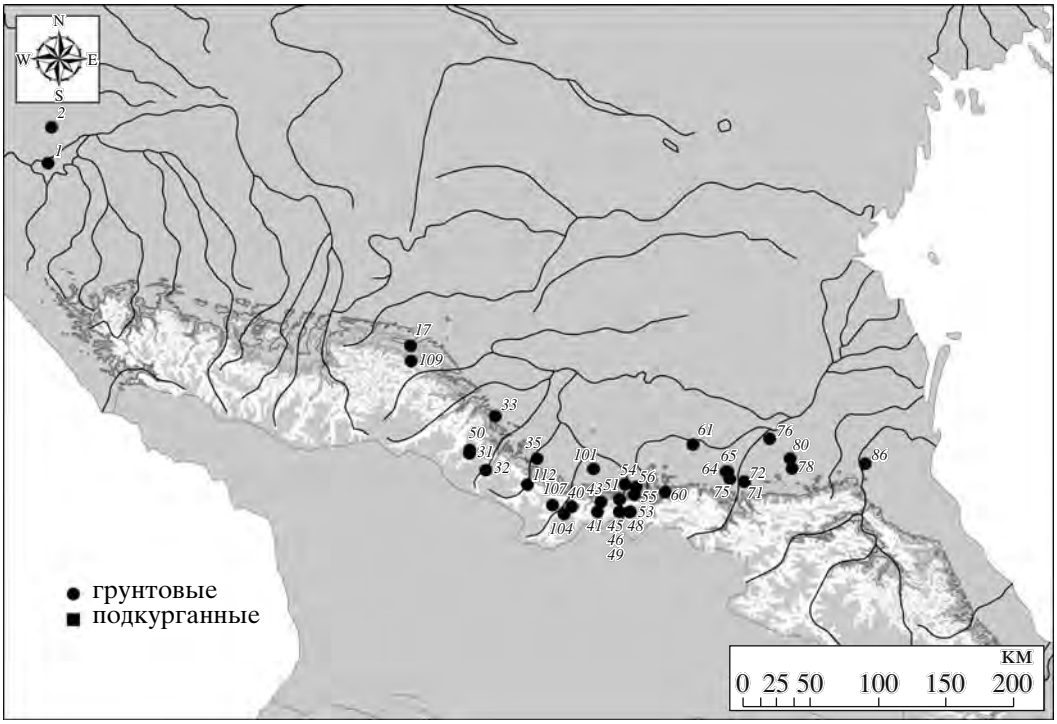

Рис. 4. Катакомбные могильники Северного Кавказа второй половины VIII – конца IX в. н.э. *1* – МТФ № 3 колхоза им. Ленина; *2* – Старокорсунский 5; *17* – совхоз им. Луначарского; *31* – Хулам; *32* – Рахты; *33* – Песчанка; *35* – Хазнидон; *40* – Архон; *41* – Даргавс; *43* – Верхняя Кобань 2; *45* – Чми-Суаргом; *46* – Бейни; *48* – Чми 1; *49* – Чми 5; *50* – Харх; *51* – Балта; *53* – Фуртоуг; *54* – Кирпичный Завод; *55* – Тарское; *56* – Тарский; *60* – Вархний Алкун; *61* – Самашкинский 1; *64* – Мартан-Чу 1; *65* – Мартан-Чу 3; *71* – Дуба-Юрт 1; *72* – Дуба-Юрт 2; *75* – Комсомольское 1; *76* – Гоуст; *78* – Ахкинчу-Барзой 1; *80* – Майртуп-А; *86* – Бавтугай; *101* – Алагир; *104* – Ход; *107* – Дагом; *109* – Кич-Малка 1; *112* – Кари-Цагат.

мации о них пока нет ни в форме публикаций, ни в виде отчетов о раскопках. Далее к востоку у нас имеются сведения о катакомбных захоронениях, происходящих с территории восточной Балкарии, а также западной и центральной Осетии: это около 80 погребений, найденных в предгорной зоне в могильниках Былым и Нижний Джулат, а также в предгорьях и горах Дигорского (Хазнидон, Галиат, Камунта), Алагирского (Дагом, Ход, Архон, Садон) и Куртатинского (Гусара) ущелий. Восточнее находятся могильники, в которых исследованы около 20 катакомб рассматриваемого периода, расположенных в Дарьяльском ущелье (Чми 1 и Чми-Суаргом) и в горной зоне неподалеку от него (Даргавс). Некоторые из этих памятников уже давно известны, сведения же о других еще не вошли в научный оборот, и ждут полной публикации (Дзаттиаты, 2005. С. 284, 285; Кадзаева, 2005. С. 296, 297; 2007. С. 265; Шестопалова, 2007. С. 348–350).

Восточнее обнаружены катакомбные захоронения на могильниках Али-Юрт в Ингушетии, Самашкинский 1, Урус-Мартан 2, Мартан-Чу 2, Шалажинский 1 и 2 на западе Чечни, а также Гоуст, Бердуты и Исти-Су на ее востоке. К третьему периоду можно также отнести единственную катакомбу грунтового могильника Андрей-Аул 1, 8 из 12 грунтовых катакомб могильника Верхний Чир-Юрт 1 и 36 грунтовых усыпальниц могильника Верхний Чир-Юрт 2, которые находятся в степной части Дагестана. Наконец, на территории Приморского Дагестана найден пока единственный грунтовый катакомбный могильник этого времени Таргу, где раскопано восемь захоронений.

В последующую эпоху (VIII–IX вв.) происходят существенные перемещения носителей обряда погребения в катакомбах в рамках Северного Кавказа и за его пределами. Прежде всего, исчезают подкурганные катакомбные захоронения, а грунтовые могильники имеют несколько иное, по сравнению с предыдущим периодом, распространение (рис. 4). Исчезают катакомбные могильники в верховьях Кубани, их практически нет на территории Кисловодской котловины. Зато появляются погребения в катакомбах на территории обширных грунтовых могильников с захоронениями в ямах возле современного Краснодара (МТФ № 3 колхоза им. В.И. Ленина и Старокорсунский), а также погребения в катакомбах предгорной (Песчанка) и горной (Харх, Хулам, Рахты) зоны Кабардино-Балкарии.

В Северной Осетии по-прежнему существует ряд возникших в предшествующий период могильников (Хазнидон, Архон, Дагом, Даргавс, Чми-Суаргом и Чми 1), появляются новые памят-

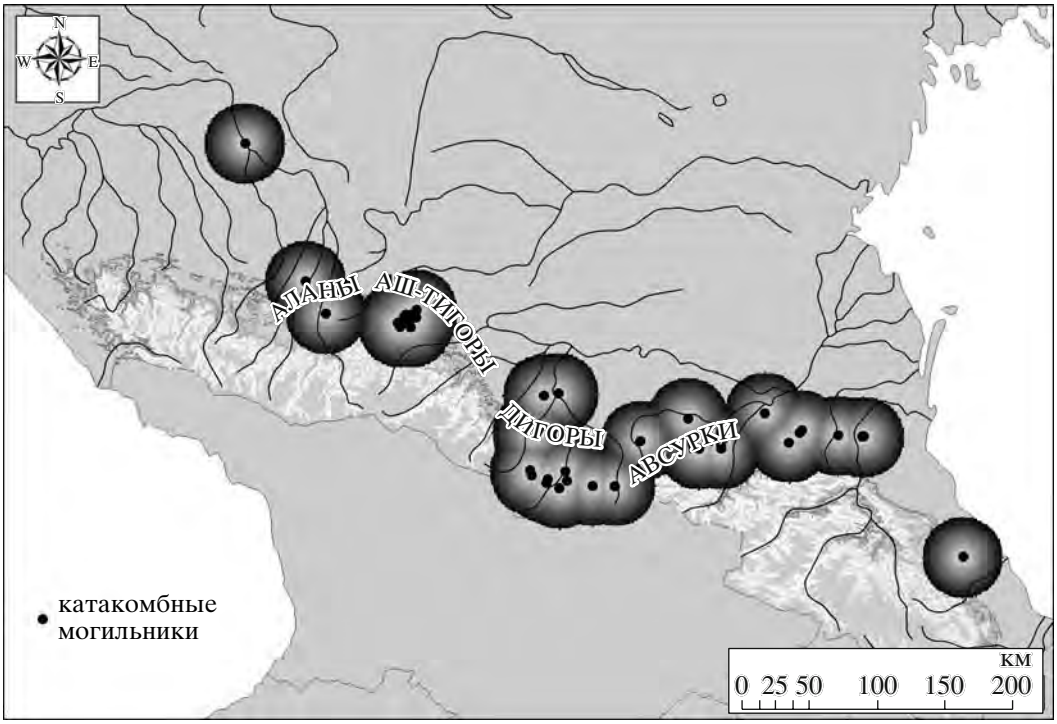

Рис. 5. Сопоставление ареала катакомбных могильников второй половины V – первой половины VIII в. н.э. с расселением аланских племен по К. Цукерману (2005. Рис. 1).

ники в предгорной зоне (Алагир, катакомба на территории кирпичного завода г. Владикавказа, могильники Тарский и Тарское), а также в горной зоне (Кари-Цагат, Ход, Верхняя Кобань 2, Чми 5, Балта). Катакомбный обряд погребения продолжает существовать в предгорной зоне Ингушетии (Верхний Алкун) и при этом проникает в ее горную зону (Фуртоуг, Бейни).

На территории Чечни подобные памятники по-прежнему локализуются исключительно на равнинных территориях на западе (Самашкинский 1), в центре (Мартан-Чу 1 и 3, Комсомольское 1, Дуба-Юрт 1 и 2) и на востоке республики (Гоуст, Майртуп-А, Ахкинчу-Барзой 1 и 2). Наконец, на территории степного Дагестана имеются сведения о единственном катакомбном захоронении VIII–IX вв. Бавтугай возле селения Верхний Чир-Юрт.

Мы рассмотрели характерные особенности географического распространения обряда захоронения в катакомбах на протяжении I тыс. н.э. и выделили несколько его локальных ареалов, существовавших единовременно на различных территориях. Это уже говорит о том, что аланское население, оставившее катакомбные могильники, не было единым, что внутри него могли существовать отдельные племенные группы, занимавшие разные территории, но при этом объединенные общим погребальным обрядом. Возвращаясь к интерпретации “Армянской географии”, сделанной К. Цукерманом, попытаемся совместить созданную им картину расселения на Кавказе нескольких аланских племенных группировок с картой распространения катакомбных могильников.

Как уже говорилось выше, со временем, отраженным в “Ашхарацуйц”, могут быть соотнесены катакомбные погребения третьего периода, широко датирующиеся второй половиной V – первой половиной VIII в. н.э. Для получения более наглядной картины вокруг могильников была построена буферная зона радиусом в 30 км, в качестве усредненного расстояния одного дневного конного перехода (рис. 5). Если предположить, что дневной переход отделяет территорию одного общества от другого, то данная процедура позволяет наметить гипотетические границы между ареалами обитания разных аланских сообществ. Разумеется, объективность реконструкции подобных границ напрямую зависит от степени исследованности регионов. В частности, это особенно наглядно демонстрирует отсутствие могильников на территории между Кисловодской котловиной и Кабардино-Балкарией, где давно уже не проводилось интенсивных полевых исследований. С другой стороны, построение 30-километровой буферной зоны позволяет с очевидностью наметить границы между группировками алан, проживавших в верховьях Кубани и в Кисловодской котловине, и продемонстрировать размытость подобных границ на восточных территориях Осетии, Ингушетии и Чечни. При этом намечаются близкие к 30-километровым буферные

зоны, отделяющие могильники Кабардино-Балкарии и Осетии от Ингушетии и центральной Чечни, а также от восточной Чечни и северного Дагестана. Отдельные небольшие группы алан существовали в рассматриваемый период на периферии основного ареала обитания, отделенные от него значительным расстоянием – это население, оставившее могильники Прочноокопский в верховьях Кубани и Таргунский в Приморском Дагестане.

Если сопоставить результаты картографирования могильников V–VIII вв. с данными о расселении аланских племен по К. Цукерману, то в итоге получается наглядная картина их соотношения в пространстве. Территория племени "аланы" соотносится с группой катакомбных могильников верховьев Кубани (Байтал-Чапкан и Хумаринский), "аш-тигоры" – с компактной группой могильников, расположенных в Кисловодской котловине, "дигоры" – с могильниками Кабардино-Балкарии, предгорной и горной зоны Северной Осетии. Сложнее обстоит с локализацией этнонима "авсурки", за которым могут скрываться носители катакомбного обряда погребения, оставившего могильники в верхнем и среднем течении Сунжи, на территории современной Игушетии и центральной части Чечни (Цукерман, 2005. С. 76, 77. Рис. 1). Катакомбные могильники восточной Чечни и северного Дагестана, имеющие некоторые своеобразные черты, пока не соотносятся с племенными названиями алан, выделенными К. Цукерманом при анализе "Армянской географии". К тому же аланская принадлежность некоторых из этих могильников (например, курганного могильника Верхний Чир-Юрт или грунтового Верхний Чир-Юрт 2) вызывает сомнения.

Имеются ли основания говорить, что погребальный обряд захоронения в катакомбах второй половины V – первой половины VIII в. имеет локальные особенности в разных регионах Северного Кавказа, за которыми могут стоять племенные группы, обладающие специфическими чертами? Для ответа на этот вопрос попытаемся проанализировать некоторые черты погребального обряда, рассмотренные выше, методами многомерного статистического анализа, позволяющего проверить закономерность осуществляемой группировки одновременно по большому количеству признаков. Из всего многообразия элементов и деталей погребального обряда остановимся на основных характеристиках погребального сооружения (тип катакомбы, количество камер, форма камеры, присутствие ниши и углубления в полу камеры), а также на количестве погребенных и на положении тела погребенного в камере (головой влево или вправо от входа, вытянуто на спине или скорчено на левом или правом боку, расположение скорченных погребений лицом или спиной к входу). В качестве анализируемого материала рассматриваются 611 катакомб из 55 подкурганных и грунтовых могильников третьего хронологического периода. Сведения о деталях погребального обряда, используемые в анализе, обобщены в виде частотных характеристик в табл. 1. Эти характеристики анализировались методом дискриминантного анализа. Данная процедура многомерного статистического анализа позволяет объективно оценить степень надежности проведенных умозрительным способом классификаций.

Суть используемой процедуры заключалась в следующем. Все анализируемые памятники были объединены в несколько территориальных групп, выделенных в свое время путем кластерного анализа по степени близости памятников в пространстве (Коробов, 2003. С. 35–37). Это группы 2 (верховья Кубани), 3 (Кисловодская котловина), 6 (восточная Кабардино-Балкария и западная Осетия), 7 (восточная Осетия и Ингушетия), 8 (центральная Чечня), 9 (восточная Чечня) и 10 (северный Дагестан). Могильник Таргунский, являющийся единственным памятником рассматриваемого периода на территории Прикаспийского Дагестана (группа 11), исключен из обработки по условиям анализа.

Принадлежность могильников к территориальной группе использовалась в качестве классифицирующей переменной. Далее в ходе анализа использовалась каноническая дискриминантная функция, которая является линейной комбинацией дискриминантных переменных (подробнее см.: Коробов, 2003. С. 12, 13). Эти переменные выбираются таким образом, чтобы средние значения дискриминантных функций для различных классов (используемых групп) как можно больше отличались друг от друга. При этом проводится оценка ошибочной классификации, т.е. подсчитывается количество объектов из исходных групп, попавших в другие группы в ходе дискриминантного анализа. Таким образом, в результате анализа проверяется, насколько выделенные группы в действительности различаются по используемым признакам.

Проведенный дискриминантный анализ позволяет подтвердить высокую степень отличий катакомбных могильников разных территориальных групп друг от друга (рис. 6). Из табл. 2, в которой приведены результаты ошибочной классификации, видно, что большинство памятников относится к своей группе, т.е. обладает особенностями, отличающими их от других могильников. Если ввести своеобразный индекс их идентичности (количество памятников, отнесенных анализом к своей группе), то более 83% катакомбных могильников обладают достаточно весомым набором признаков, отличающих их от других памятников в рамках использованных территориальных групп. Примечательно, что эти показатели

Таблица 1. Частотные характеристики деталей погребального обряда катакомбных могильников второй половины V – первой половины VIII в.

Номер	Название могильника	Количество погребений	Группа	Форма камеры					Ниша	Углубление	Соотношение осей		
				квадрат	прямо-угольник	круг	овал	неправиль-ная			перпенди-кулярно	парал-лельно	на прямой
4	Б.-Чапкан	24	2	0.042	0.500	0.042	0.458	–	0.708	0.458	0.500	–	–
5	Хумаринский	7	2	–	0.143	–	0.857	–	–	–	1.000	–	–
6	Кис. Озеро 1	7	3	–	–	–	0.714	–	–	–	0.286	–	–
7	М. Балка 2	2	3	–	–	–	0.500	0.500	–	–	1.000	–	–
8	Замковый	6	3	–	0.167	–	0.833	–	–	0.333	1.000	–	–
9	Березов. 2	3	3	–	–	–	0.667	–	–	–	–	–	–
10	М. Балка 1	145	3	0.014	0.048	0.028	0.938	0.021	0.097	0.055	0.862	–	–
11	Клин-Яр 3	52	3	–	0.058	0.038	0.865	0.038	0.115	0.231	0.981	–	–
12	Клин Яр 4	10	3	–	–	–	1.000	–	0.200	0.200	0.900	–	–
13	Мирный 2	2	3	–	–	–	1.000	–	–	–	1.000	–	–
14	Горное Эхо	5	3	–	–	–	0.800	0.200	0.200	–	0.600	–	–
15	Мачты	8	3	–	0.125	–	0.750	–	–	0.125	0.875	0.125	–
16	С. Зеленог.	2	3	–	–	–	1.000	–	–	–	–	0.500	–
17	С. Лунач.	16	3	–	0.063	0.063	0.063	–	–	–	–	–	–
18	Дир. Горка	5	3	0.200	0.600	–	–	0.200	–	–	1.000	–	–
19	Аликон 2	1	3	–	–	–	1.000	–	–	1.000	1.000	–	–
20	Алан. Креп.	3	3	–	–	–	1.000	–	–	–	0.667	–	–
22	Кугуль 1	10	3	–	0.200	–	0.800	–	–	–	0.700	–	–
23	Кугуль 2	34	3	–	0.029	–	0.971	–	0.029	–	0.588	–	–
24	Бермамыт	3	3	–	–	–	1.000	–	–	–	1.000	–	–
25	Остр. Мыс 1	5	3	–	–	0.200	0.800	–	–	–	0.800	0.200	–
26	Остр. Мыс 2	1	3	–	1.000	–	–	–	–	–	1.000	–	–
27	Лермонт. 1	6	3	–	–	0.167	0.833	–	0.333	0.167	1.000	–	–
28	Лермонт. 2	14	3	–	–	–	1.143	–	0.071	0.071	0.643	–	–
29	Маркинкош	3	3	–	–	–	1.000	–	–	–	1.000	–	–
34	Галиат	1	6	–	–	–	1.000	–	–	–	–	–	–
35	Хазнидон	2	6	–	0.500	–	0.500	–	–	–	1.000	–	–
36	Камунта	2	6	–	–	–	0.500	–	–	–	0.500	–	–
37	Былым	1	6	–	1.000	–	–	–	–	–	1.000	–	–
38	Садон	44	6	–	0.091	0.068	0.795	0.023	0.023	–	0.977	0.023	–
39	Н. Джулат	19	6	–	0.526	0.053	0.421	0.105	0.053	–	0.684	–	–
40	Архон	8	6	–	–	0.250	0.875	0.250	0.125	0.125	0.750	–	–
41	Даргавс	4	7	–	0.250	0.250	–	0.500	0.500	–	1.000	–	–
45	Чми-Суар.	11	7	–	–	–	–	–	0.545	0.091	0.818	–	–
48	Чми-1	1	7	–	–	–	1.000	–	–	–	1.000	–	–
58	Али-Юрт	2	7	–	0.500	–	0.500	–	–	–	1.000	–	–
61	Самашки 1	1	8	1.000	–	–	–	–	–	–	1.000	–	–
62	Шалажин. 1	1	8	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
63	Шалажин. 2	1	8	–	1.000	–	–	–	1.000	–	–	–	1.000
66	Март.-Чу 2	5	8	–	0.400	–	0.600	–	0.200	–	1.000	–	–
70	Урус-Мар. 2	1	8	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
76	Гоуст	2	9	–	0.500	–	–	–	–	–	–	–	–
81	Бердутин	2	9	–	–	–	1.000	–	–	–	1.000	–	–
82	Аллерой	4	9	–	–	–	1.000	–	0.250	–	1.000	–	–
83	Исти-Су	1	9	–	–	–	1.000	–	–	–	1.000	–	–
84	Андр.аул 1	1	10	–	1.000	–	–	–	–	–	1.000	–	–
87	В. Чир-Ю. 1	8	10	–	–	0.250	0.625	0.500	–	–	0.625	–	–
88	В. Чир-Ю. 2	38	10	–	0.289	–	0.684	–	–	–	0.395	0.605	–
89	В. Чир-Ю. К	58	10	–	0.103	–	0.276	0.621	0.034	–	1.000	–	–
91	Таргу	5	11	–	–	–	0.800	–	–	–	0.600	0.400	–
103	Прочноок.	7	2	–	–	–	0.857	0.143	–	–	1.000	–	–
104	Ход	1	6	–	1.000	–	–	1.000	–	–	1.000	–	–
105	Гусара	3	6	0.333	–	–	0.333	–	–	–	1.000	–	–
106	Дагом	1	6	–	–	–	1.000	–	–	–	1.000	–	–
110	Конхутор. 2	2	3	–	–	–	1.000	–	0.500	–	1.000	–	–

Количество камер		Количество погребенных				Расположение погребенных				Поза		Положение	
1	2	1	2	3	>3	влево	вправо	от входа	к входу	вытянуто	скорчено	лицом к входу	спиной к входу
1.000	–	0.958	0.042	–	–	0.417	–	–	–	0.625	0.083	–	–
1.000	–	0.143	0.429	0.143	0.143	1.143	0.571	–	–	0.857	0.571	0.429	–
1.000	–	0.429	0.143	–	0.143	0.429	0.429	–	–	1.000	0.286	–	–
1.000	–	–	0.500	–	0.500	2.500	–	–	–	2.000	0.500	0.500	–
1.000	–	0.833	0.167	–	–	1.000	–	–	–	0.500	0.333	0.167	0.167
0.667	–	0.333	0.333	–	–	–	–	–	–	1.000	–	–	–
0.972	–	0.386	0.372	0.083	0.034	1.110	0.021	–	–	0.841	0.283	0.255	0.014
1.000	–	0.442	0.308	0.115	0.019	1.096	0.038	0.019	0.019	0.712	0.365	0.327	0.038
1.000	–	0.300	0.400	0.300	–	1.500	–	–	–	0.900	0.600	0.500	–
1.000	–	0.500	0.500	–	–	1.500	–	–	–	1.500	–	–	–
1.000	–	–	–	0.200	–	–	0.400	0.600	–	–	1.200	0.400	–
1.000	–	0.500	0.125	0.125	–	0.375	–	0.250	–	0.375	0.250	0.125	–
1.000	–	0.500	–	–	–	–	–	–	–	0.500	–	–	–
–	–	0.125	0.063	0.063	–	–	–	–	–	–	–	–	–
1.000	–	–	0.200	0.400	–	0.400	–	–	–	0.400	–	–	–
1.000	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
1.000	–	0.333	0.333	–	–	0.333	–	–	–	0.667	0.333	0.333	–
0.900	–	0.100	0.500	–	–	1.000	–	–	–	0.600	0.300	0.100	0.100
1.000	–	0.118	0.029	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
1.000	–	0.333	0.667	–	–	1.667	–	–	–	1.000	0.667	0.667	–
1.000	–	–	0.200	–	0.200	0.800	0.600	–	–	1.400	0.200	–	–
1.000	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
1.000	–	–	0.500	0.500	–	0.833	–	0.167	–	0.333	0.667	0.167	0.500
0.643	–	0.214	0.357	0.357	–	0.929	–	–	–	0.643	0.500	–	0.214
1.000	–	1.000	–	–	–	0.667	–	–	–	0.667	–	–	–
1.000	–	1.000	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
1.000	–	0.500	0.500	–	–	1.000	–	–	–	0.500	0.500	0.500	–
1.000	–	1.000	–	–	–	0.500	–	–	–	0.500	–	–	–
1.000	–	–	–	–	1.000	–	–	–	–	–	–	–	–
1.000	–	0.341	0.341	0.068	0.068	1.114	–	–	–	0.545	0.386	0.318	0.068
1.000	–	0.526	0.263	0.053	–	0.263	–	–	–	0.158	0.053	0.053	–
1.000	–	0.375	0.375	0.125	0.125	0.125	1.750	0.125	–	1.125	0.500	0.250	0.125
1.000	–	0.500	–	0.500	–	1.250	0.250	–	–	1.500	–	–	–
0.909	0.091	0.636	0.091	0.273	–	0.545	0.455	0.091	0.091	0.455	0.091	0.091	–
1.000	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
1.000	–	0.500	0.500	–	–	0.500	–	–	–	–	–	–	–
1.000	–	1.000	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
1.000	–	–	1.000	–	–	–	–	1.000	–	1.000	–	–	–
1.000	–	0.200	0.400	0.200	0.200	1.400	–	0.600	–	2.000	–	–	–
1.000	–	1.000	–	–	–	–	1.000	–	–	1.000	–	–	–
1.000	–	0.500	–	0.500	–	2.000	–	–	–	2.000	–	–	–
1.000	–	–	–	1.000	–	–	–	–	–	–	–	–	–
1.000	–	0.250	0.250	0.500	–	–	–	–	–	–	–	–	–
1.000	–	1.000	–	–	–	1.000	–	–	–	1.000	–	–	–
1.000	–	1.000	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
1.000	–	0.125	0.500	0.250	0.125	2.000	–	–	–	1.250	0.125	–	0.125
1.000	–	1.000	–	–	–	0.816	0.132	–	0.026	0.921	0.053	–	0.105
1.000	–	0.397	–	–	–	0.052	–	–	–	0.052	–	–	–
1.000	–	0.400	0.600	–	–	0.400	0.200	–	–	1.200	–	–	–
1.000	–	0.571	–	–	–	0.286	–	–	–	–	–	–	–
1.000	–	–	1.000	–	–	2.000	–	–	–	1.000	1.000	1.000	–
1.000	–	–	0.333	–	–	0.667	–	–	–	0.333	0.333	0.333	–
1.000	–	–	1.000	–	–	2.000	–	–	–	1.000	1.000	–	1.000
1.000	–	–	1.000	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–

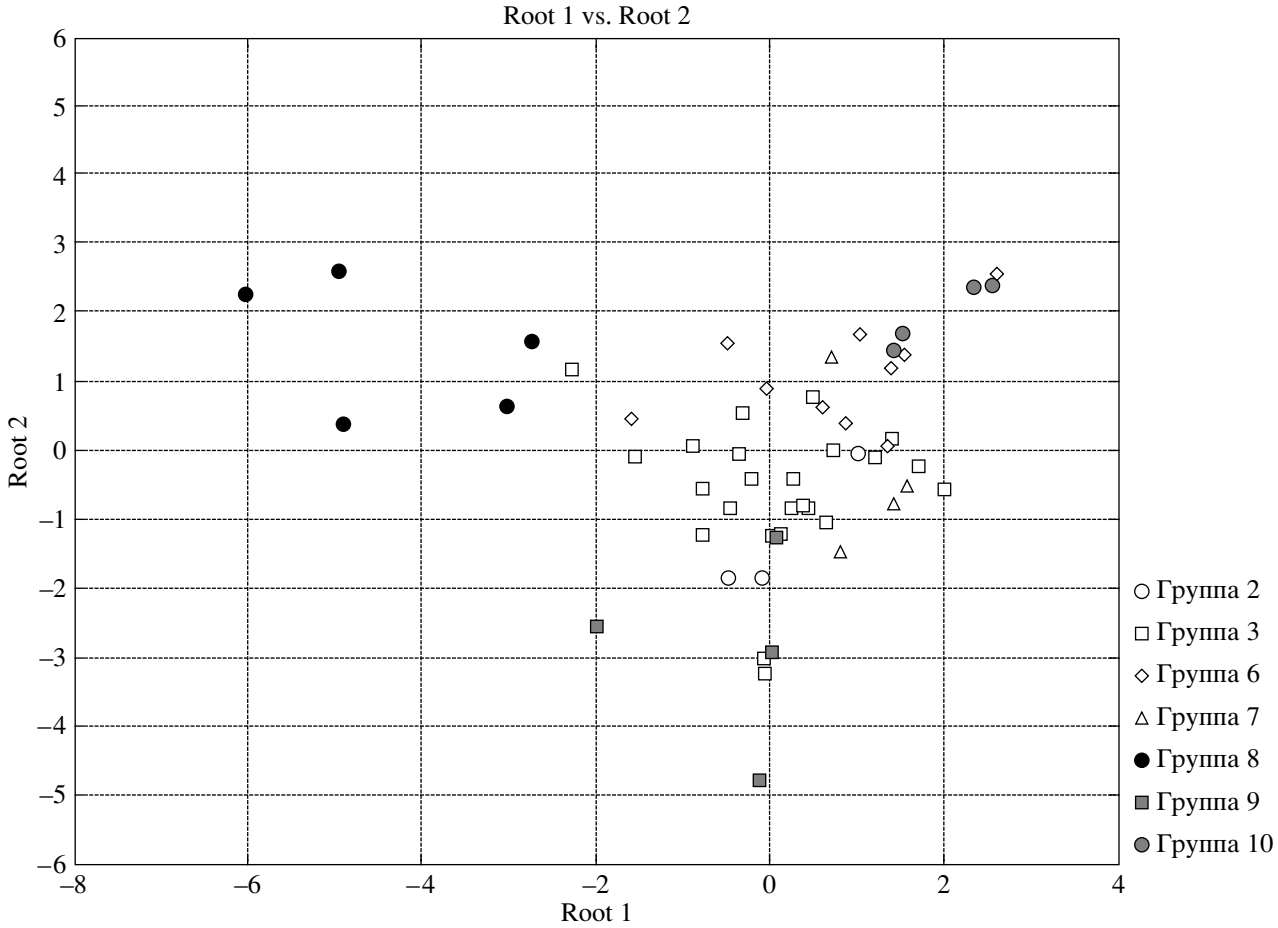

Рис. 6. Результаты дискриминантного анализа погребального обряда катакомбных могильников второй половины V – первой половины VIII в. н.э.

сопоставимы с показателями сходства археологического материала, предложенными в свое время вслед за Д. Кларком Г.А. Федоровым-Давыдовым. Он считал, что степень сходства объектов, рассчитанная на основании сравнительного анализа, должна составлять внутри локальных вариантов археологической культуры не менее 65%, внутри археологической культуры – 30–65% и внутри культурно-исторической общности – 5–30% (Федоров-Давыдов, 1987. С. 167; Генинг и др., 1990. С. 132).

Рассмотрим подробнее результаты анализа. Наименьшим своеобразием обладают могильники в верховьях Кубани, соотносимой по схеме К. Цукермана с этнонимом “аланы”. Так, из трех памятников всего один (могильник Байтал-Чапкан) отнесен к своей группе, два других (Хумаринский и Прочноокопский) имеют большее сход-

Таблица 2. Результаты ошибочной классификации катакомбных могильников второй половины V – первой половины VIII в. методом дискриминантного анализа

Группа	Индекс идентичности (%)	Группа 2	Группа 3	Группа 6	Группа 7	Группа 8	Группа 9	Группа 10
2	33.33	1	2	–	–	–	–	–
3	100	–	24	–	–	–	–	–
6	70	–	3	7	–	–	–	–
7	50	–	1	1	2	–	–	–
8	100	–	–	–	–	5	–	–
9	75	–	1	–	–	–	3	–
10	80	–	–	1	–	–	–	4
Всего	83.64	1	31	9	2	5	3	4

ство с катакомбными могильниками Кисловодской котловины. Отличительной особенностью захоронений в Байтал-Чапкане является преобладание прямоугольных по форме камер с нишами и углублениями в полу, в которых найдены одиночные захоронения, уложенные вытянуто головой влево от входа.

Могильники Кисловодской котловины (место проживания "аш-тигоров") обладают большой гомогенностью. Здесь доминируют захоронения, сделанные в камерах овальной формы, в которых встречаются ниши и углубления в полу. Присутствуют примерно в равной мере одиночные и парные захоронения, совершенные в вытянутой или скорченной на боку позе, в большинстве своем уложенные головой влево от входа (скорченные погребения – лицом к входу). Результаты анализа показывают что этот обряд является "каноническим" помимо окрестностей Кисловодска также для некоторых могильников с западных (группа 2 – Хумаринский, Прочноокопский) и восточных территорий (группа 6 – Камунта, Садон, Гусара; группа 7 – Чми 1; группа 9 – Исти-Су). Следует отметить, что в некоторых случаях этот результат скорее следствие малого количества наблюдений на ряде могильников, хотя имеются примеры обоснованно выделенного сходства (например, Садон – 44 катакомбы).

Около 70% катакомб из восточной Кабардино-Балкарии и западной Осетии – ареала обитания племени "дигоры", согласно К. Цукерману, также обладают специфическими чертами, позволяющими выделить их в отдельную группу 6. Хотя в целом известных захоронений здесь немного, намечаются следующие особенности обряда: значительное количество камер прямоугольной формы при преобладании овальной, расположенных перпендикулярно к дромосу, в которых изредка встречаются ниши и углубления. В камерах совершены одиночные, парные и коллективные захоронения, в основном уложенные головой влево от входа, в вытянутой или скорченной позе. В последнем случае погребенные бывают повернуты как лицом к входу, так и спиной к нему. Среди могильников этой группы (Галиат, Хазнидон, Былым, Нижний Джулат, Ход, Дагом) отличаются погребения в Архоне, большинство из которых уложено головой вправо от входу в камеру.

Небольшое количество могильников группы 7 (восточная Осетия и Ингушетия) обладает некоторым своеобразием, позволяющим половину памятников выделить в отдельную группу. Это захоронения из могильников Даргавс и Чми-Суаргом, на которых обнаружено несколько катакомб третьего периода (большинство раскопанных там захоронений относится ко второй половине VIII – концу IX в.). Они совершены в камерах разнообразной формы (но не овальной: прямоугольная, круглая, неправильная), в которых встречаются ниши и углубления. Помимо одиночных и парных в этих могильниках высок процент коллективных захоронений, совершенных в основном в вытянутой позе. Два других могильника с данной территории отнесены в результате анализа к группе 3 (Чми 1) и к группе 6 (Али-Юрт).

Расположенные к востоку могильники центральной Чечни, гипотетически являющейся территорией проживания племени "авсурки" (группа 8) также обладают большой гомогенностью. Здесь найдено пять могильников с захоронениями рассматриваемого периода, совершенных в камерах разных форм с изредка встречающимися нишами. Известны одиночные, парные и коллективные захоронения, уложенные головой влево, вправо или к задней стенке камеры, исключительно в вытянутой позе. В целом данных с этой территории немного.

В восточных районах Чечни к рассматриваемому периоду относятся четыре могильника, три из которых объединены в группу 9. Для них характерны погребения в камерах прямоугольной и овальной формы, иногда с нишами, в которых захоронено от одного до трех человек в вытянутой позе головой влево от входа. Еще один могильник – Исти-Су – по своим признакам (овальная камера с одиночным захоронением, уложенным в вытянутой позе влево от входа) стоит ближе к могильникам Кисловодской котловины.

Могильники степного Дагестана (группа 10) всегда рассматривались как особенные, что подтверждается и результатами проведенного дискриминантного анализа. Из пяти могильников один (Андрей-Аул 1), благодаря одиночному захоронению, совершенному в камере прямоугольной формы, отнесен к группе 6. Остальные составляют специфическую группу разнообразных памятников, обнаруженных в окрестностях Верхнего Чир-Юрта. Принадлежность последних к аланскому этносу вызывает сомнения исследователей (Афанасьев, 1992. С. 95).

В целом дискриминантный анализ позволил подтвердить существование нескольких ареалов с разными чертами одного погребального обряда захоронений в катакомбах. Разумеется, появление новых памятников на карте Северного Кавказа внесет свои коррективы в представленную картину. Однако уже сейчас очевидно, что на протяжении второй половины V – первой половины VIII в. н.э. захоронения в катакомбных могильниках не совершались единообразно, что на разных территориях этот общий обряд обладал специфическими чертами. Таким образом, анализ распространения катакомбного обряда погребения в эпоху раннего средневековья в сопоставлении с данными письменных источников позволяет гипотетически наметить границы территорий, принадлежащих нескольким племенным образо-

ваниям алан. Разумеется, на данном этапе наших знаний вряд ли можно с точностью соотнести локальные варианты аланской культуры с упомянутыми в письменных источниках названиями племен. Однако существование локальных особенностей у алан Северного Кавказа не вызывает сомнения. В этом факте заключается потенциальная возможность того, что будущие комплексные исследования разных элементов материальной культуры (погребальный обряд, поселения, типы жилищ, керамика, костюм и др.) позволят более объективно сопоставить картину расселения алан эпохи раннего средневековья с письменной традицией, оставившей нам названия аланских племенных образований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамова М.П. Ранние аланы Северного Кавказа III–V вв. н.э. М., 1997.

Албегова З.Х. Расселение алан на территории Северной Осетии в I–XII вв. по материалам картографирования археологических памятников // Археология и геоинформатика. 2007. Вып. 4. (CD-ROM).

Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003.

Атабиев Б.Х. Зарагижский и Кашхатауский катакомбные могильники. Некоторые итоги исследований // XX Юбилейные "Крупновские чтения" по археологии Северного Кавказа. Ставрополь, 1998.

Афанасьев Г.Е. Этнические аспекты генезиса катакомбного обряда погребений в салтово-маяцкой культуре // Аланы и Кавказ. Alanica II. Владикавказ; Цхинвал, 1992.

Афанасьев Г.Е., Савенко С.Н., Коробов Д.С. Древности Кисловодской котловины. М., 2004.

Габуев Т.А. Кому принадлежали курганы у села Брут ? // Три четверти века. Д.В. Деопику – друзья и ученики. М., 2007.

Габуев Т.А., Малашев В.Ю. Элементы погребального обряда могильников Брутского городища // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. М., 2007.

Гаглойти Ю.С. Аланофобия – мифы и реальность // Южная Осетия. № 64. 25.07.2006.

Генинг В.Ф., Бунатян Е.П., Пустовалов С.Ж., Рычков Н.А. Формализовано-статистические методы в археологии (на примере погребальных памятников). Киев, 1990.

Гмыря Л.Б. Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов. Махачкала, 1993.

Гутнов Ф.Х. Средневековая Осетия. Владикавказ, 1993.

Дзаттиаты Р.Г. Работы Даргавской экспедиции // АО–2000. 2001.

Дзаттиаты Р.Г. Раскопки Даргавского катакомбного могильника // АО–2004. 2005.

Кадзаева З.П. Раннесредневековый катакомбный могильник близ села Верхний Садон (РСО–Алания) // Древний Кавказ: ретроспекция культур. Междунар. науч. конф., посв. 100-летию со дня рожд. Е.И. Крупнова. М., 2004.

Кадзаева З.П. Могильник Ход в Северной Осетии // АО–2004. 2005.

Кадзаева З.П. Исследование аланского раннесредневекового катакомбного могильника VI–VII веков Гусара I в Северной Осетии // АО–2005. 2007.

Ковалевская В.Б. Северокавказские древности // Степи Евразии в эпоху средневековья. Сер. Археология СССР. М., 1981.

Ковалевская В.Б. Кавказ – скифы, сарматы, аланы. I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М., 2005.

Коробов Д.С. Социальная организация алан Северного Кавказа IV–IX вв. СПб., 2003.

Котович В.Г. Новые археологические памятники Южного Дагестана // Материалы по археологии Дагестана. Т. 1. Махачкала, 1959.

Кузнецов В.А. Аланские племена Северного Кавказа // МИА. 1962. № 106.

Кузнецов В.А. Аланская культура Центрального Кавказа и ее локальные варианты в V–XIII веках // СА. 1973. № 2.

Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Владикавказ, 1992.

Магомедов М.Г. Образование Хазарского каганата. М., 1983.

Малашев В.Ю. Культурная ситуация в центральных районах Северного Кавказа во II–IV вв. н.э. // Три четверти века. Д.В. Деопику – друзья и ученики. М., 2007.

Федоров-Давыдов Г.А. Статистические методы в археологии. М., 1987.

Цукерман К. Аланы и асы в раннем Средневековье // КСИА. 2005. Вып. 218.

Шестопалова Э.Ю. Дагомский катакомбный могильник VI–VII веков в Северной Осетии // АО-2005. 2007.

Zuckerman C. À propos du Livre des cérémonies, II, 48 // Travaux et Mémoires. 2000. № 13.

On the areas of the Northern Caucasus settled by Alanic tribes according to archeological data and written sources

D. S. Korobov

Summary

The recently published work by the French historian C. Zuckerman summarizes the discussion about the areas settled by the different Alanic tribes in the Northern Caucasus. It is interesting to compare these conclusions with the distribution of the catacomb burial rite, which is considered to be a specific "ethnic marker" of the Alanic presence. The present paper gives updated information about the occurrence of catacomb burials on the basis of the cemeteries excavated in the last decade. On the whole, analysis of the occurrence of Early Medieval catacomb burial rite as compared with data from written sources allows to line out the hypothetical areas of habitation of several Alanic tribes mentioned in Armenian Geography.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2009, № 1, с. 77–80

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ ТАТАРСТАНА

КРЕМНЕВАЯ СКУЛЬПТУРА ЭПОХИ НЕОЛИТА–ЭНЕОЛИТА ЗОНЫ ВОДОХРАНИЛИЩ ВОЛГО-КАМСКОГО КАСКАДА

© 2009 г. А. В. Шипилов

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань

Важным источником наших представлений о древних верованиях первобытных племен всегда оставались произведения искусства. Конкретная задача работы сводится к обзору антропоморфных и зооморфных изображений, обнаруженных на поселениях эпохи неолита–энеолита в зоне водохранилищ Волго-Камского каскада, с целью ввести в научный оборот новый, а также обобщить имеющийся к настоящему времени археологический материал по рассматриваемой теме. Были использованы материалы, найденные как в ходе археологических исследований, так и находящиеся в частных коллекциях.

Проблемы, связанные с антропоморфными и зооморфными изображениями эпохи камня и раннего метала, не раз поднимались в археологической литературе. Они и по сей день привлекают внимание исследователей. Авторы в разной степени поднимают вопросы хронологии, этнокультурной принадлежности, смыслового назначения и использования находок, несущих на себе антропоморфные, орнитоморфные и зооморфные изображения. Они интерпретировались и как памятники искусства, но в большинстве своем их относили к культово-ритуальным предметам.

Находки, сделанные как в зоне водохранилищ Волго-Камского каскада, так и в сопредельных районах, изготовлены из различных материалов (камень, кость, керамика и т.д.), но среди них преобладают находки, изготовленные на кремневых отщепах. Рассматриваемая территория к настоящему времени не уступает по количеству известных находок сопредельным районам. Наиболее крупная серия предметов происходит с Каентубинской стоянки, расположенной в Мензелинском районе Республики Татарстан (далее – РТ). Памятник исследовался Н.М. Капленко совместно с автором. Находки кремневой скульптуры происходят также с Дубовогривской II, Игимской, Сюкеевской, Мало-Кокузинской стоянок, а также со II Мурзихинского и Тенишевского могильников. Две фигурки условно найдены в Казани.

Среди кремневых фигурок по способу обработки предметов можно выделить две группы. В одной используется отщеп с ретушью по контуру изделия, в другой – ретушь выполнена с тщательной двухсторонней обработкой всей поверхности. Фигурки, изготовлявшиеся различными способами, по всей вероятности сосуществуют. Цвет используемого кремня белый, темно-красный, желтый, серый и темно-серый. Морфологически фигурки подразделяются на антропоморфные, зооморфные и орнитоморфные. Большинство изображений выполнено профильно, фронтальные – единичны.

К *антропоморфным* изображениям отнесены четыре кремневые скульптурки (рис. 1, *2, 3, 5, 6*). Все фигурки выполнены фронтально. Первая была найдена в с. Сюкеево и происходит из коллекции В.И. Заусайлова. Она дошла до нас во фрагментированном виде, высота сохранившейся части – 5.5 см (Замятнин, 1948. С. 97). Вторую не представляется возможным точно паспортизировать. Она известна с 1879 г. и происходит из коллекции Э.Д. Пельцама (Замятнин, 1948. С. 98), поэтому условно следует считать, что данная находка происходит из г. Казани. Одна рука фигурки обломана; высота ее – 7.6 см. Аналогии прослеживаются в материалах Волосовской стоянки (Уткин, Костылева, 1996. Рис. 4, *72*).

Некоторыми авторами подобные фигурки отнесены к изображениям людей, одетых в широкие причудливые одежды, возможно, служителей культа, хранителей и толкователей мифов (Уткин, Костылева, 1996. С. 264). На наш взгляд, подобные кремневые скульптуры – антропоморфные изображения, и соотнесение их с какой-либо социальной категорией древних обществ представляется бездоказательно.

Третья скульптура (рис. 1, *5*) происходит с Тенишевского могильника (Спасский район РТ), выполнена на тонком отщепе коричневатого кремня хорошего качества, имеет двухстороннюю отжимную ретушь по краю. Она отвечает всем требованиям канона. Ноги широко расставлены и оформлены серповидной выемкой. По классификации А.В. Уткина и Е.Л. Костылевой, скульптура может быть отнесена к первому типу. Наиболее близка ей фигурка со стоянки Сахтыш II (Уткин, Костылева, 1996. Рис. 2, *39*).

Четвертая фигурка, найденная на Каентубинской стоянке (рис. 1, *6*), также изготовлена из кремневого отщепа серого цвета, хорошего качества, имеет по всей поверхности двустороннюю

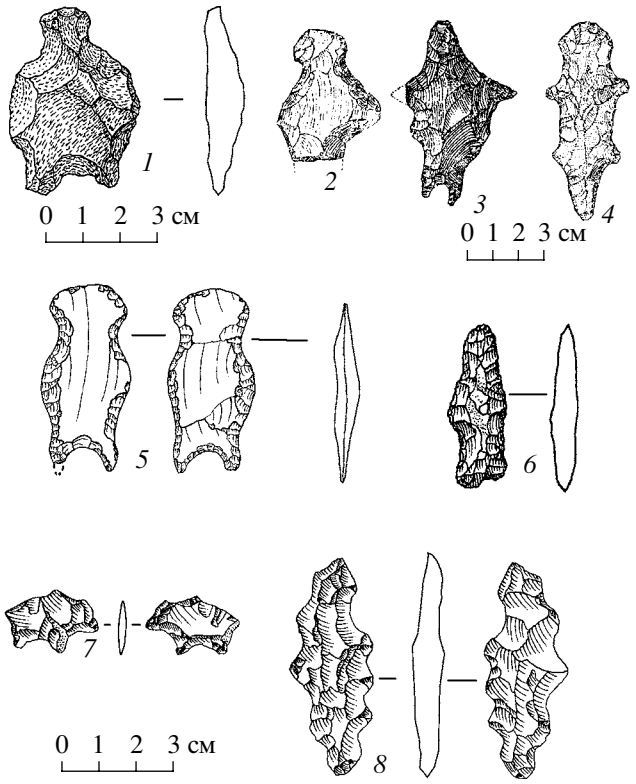

Рис. 1. Антропоморфные и зооморфные изображения. *1* – Мало-Кокузинская стоянка; *2* – Сюкеево; *3, 4* – Казань; *5* – Тенишевский могильник; *6–8* – Каентубинская стоянка.

ретушь, которой выделены голова, туловище, руки, межножное пространство. Прямые аналогии не выявлены, по своим типологическим особенностям она сближается с антропоморфной фигуркой с оз. Мстино и по классификации А.В. Уткина и Е.Л. Костылевой может быть отнесена ко второму типу антропоморфной скульптуры (1996. Рис. 2, *2б*).

Следует отметить, что по иконографии рассмотренные скульптуры типичны для абсолютного большинства известных на данный момент антропоморфных кремневых скульптур. Принято считать, что антропоморфные изображения преобладают над всеми остальными сюжетами и являются отличительной чертой волосовской культуры (Замятнин, 1948. С. 102).

К *зооморфным* следует отнести четыре кремневые фигурки в виде голов лося. Они происходят с Игимской (рис. 2, *5*), Каентубинской (рис. 2, *1, 4*) стоянок и Мурзихинского II могильника (рис. 2, *3*), изготовлены на кремневых отщепах хорошего качества, имеют двухстороннюю отжимную ретушь, изображение профильное. Ближайшие аналогии – кремневые фигурки с Ахмыловской, Старомазиковской III, Удельношумецкой VI стоянок в Марийском Поволжье. В.В. Никитин склонен связывать их с волосовской культурой (1996. С. 137. Рис. 64, *1–3*). Исследования, проведенные в рассматриваемом нами районе, не противоречат этой точке зрения. Так, фигурка, обнаруженная на Игимской стоянке (рис. 2, *5*), была зафиксирована в слое совместно с керамикой волосовского облика. Фигурки с Каентубинской стоянки были обнаружены в ходе осмотра памятника и таким образом относятся к категории подъемного материала. По этой причине связать их с каким-либо хронологическим периодом крайне затруднительно, поскольку памятник носит многослойный характер. Тем не менее это не исключает принадлежности каентубинских фигурок к волосовской культуре, так как в ходе раскопок стоянки была выявлена керамика волосовского облика.

Анализируя костяные составные Г-образные “жезлы-посохи”, С.В. Студзицкая усматривает их воспроизведение в кремневой волосовской скульптуре. По ее мнению, находки с Илети по своим очертаниям напоминают костяные прототипы (Студзицкая, 2004. С. 250). Вероятно, и находки, сделанные в зоне водохранилищ Волго-Камского каскада, не являются исключением.

Помимо изображений лосей из рассматриваемого района происходят находки, которые можно связать с изображением медведей. Первая кремневая скульптурка происходит с Мало-Кокузинской стоянки (рис. 1, *1*). Скульптура выполнена фронтально на кварцитовом отщепе, тщательно выделены голова, туловище, межножное пространство.

Вероятнее всего зверь изображен стоящим на задних лапах. На гипотетическом уровне представляется, что в данной находке древний художник или “скульптор” стремился отобразить антропоморфный образ могучего зверя. Медведь, передвигающийся на задних лапах и действующий при этом передними как руками, ассоциировался вероятнее всего с человеком.

Вторая фигурка медведя (рис. 1, *7*) была найдена в ходе исследования Каентубинской стоянки. В данном случае изображение носит силуэтный характер. Находка изготовлена на кремневом сколе сероватого цвета, с обеих сторон фигурка оформлена краевой ретушью.

Данные находки убеждают нас в том, что в рассматриваемом районе, вероятно, получил распространение культ медведя. Находки фигурок, изображающих медведей, наглядно убеждают нас в том, что истоки многих представлений, связанных с медвежьим культом, многократно зафиксированные этнографией, уходят в глубокую древность. Так, шкура медведя рассматривалась сибирскими аборигенами как верхняя одежда, под которой скрывается человеческий облик (Косарев, 1984. С. 184). Священное отношение к шкуре медведя с головой и лапами наиболее ярко проявлялось у обских угров и финноязычных народов (Косарев, 1968. С. 89, 90).

Распространение медвежьего культа зафиксировано и на сопредельных с рассматриваемой территорией районах. Свидетельством его проявления могут служить находки глиняных скульптур медведя со стоянки Мольбище III в Марийском Поволжье (Шадрин, 1989. Рис. 6; Никитин, Никитина, 2004. С. 30. Рис. 23; С. 79. Рис. 2), а также находка костяного жезла со стоянки Давлеканово в Башкирии (Матюшин, 1982. Рис. 38). Не меньшего внимания заслуживает находка, сделанная на Удельно-Шумецкой III стоянке. При исследовании данного памятника в одном из заполнений были обнаружены обгорелые кости лап медведя. Аналогичная картина наблюдалась и на Чирковской стоянке (Халиков, 1960. С. 60, 116–118; Никитин, 1980. С. 67).

В свете выявленных находок следует предположить, что рассматриваемая нами территория не стала исключением в распространении культа медведя в среде населения эпохи неолита–энеолита.

Фигурка, обнаруженная на Каентубинской стоянке, не исключает и другой интерпретации: ее можно связать и с изображением кабана. В ней прослеживаются черты сходства с фигуркой с поселения Юртик (Ошибкина, 1980. Рис. 21, *1*).

К рассматриваемой категории кремневой скульптуры следует отнести фигурку ящерицы (рис. 1, *8*) также из культурного слоя Каентубинской стоянки. Она изготовлена на кремневом отщепе хорошего качества темно-серого кремня. Ближайшие аналогии происходит с Волосовской стоянки (Замятнин, 1948. Рис. 3, *10*).

В зооморфной категории находок заслуживает внимания кремневая фигурка бобра из Казани (рис. 1, *4*). Она была показана в 1879 г. Э.Д. Пельцамом на антропологической выставке и в дальнейшем попала в собрание Антропологического музея МГУ (Замятнин, 1948. С. 98, 107).

Орнитоморфные изображения представлены пятью экземплярами. Наиболее выразителен в рассматриваемом районе образ водоплавающей птицы (утки). Среди орнитоморфных изображений, встреченных в Нижнем Прикамье, условно можно выделить два основных типа.

Первый тип представлен тремя кремневыми профильными фигурками в виде изображений голов птиц. Они происходят с Дубовогривской II (рис. 2, *6*) и Каентубинской (рис. 2, *2, 7*) стоянок, как правило, выполнены на кремневых отщепах белого и желтого цветов, хорошего качества, по всей поверхности обработаны двухсторонней отжимной ретушью. Ближайшие аналогии прослеживаются в кремневых фигурках со стоянки Векса (Недомолкина, 2000. Рис. 5, *2*) и Ахмыловского II поселения в Марийском Поволжье (Никитин, 1991. Рис. 64, *10*). Немаловажным будет отметить, что типологически рассматриваемые изображения сближаются с изображениями лосей, найденных в зоне водохранилищ Волго-Камского каскада.

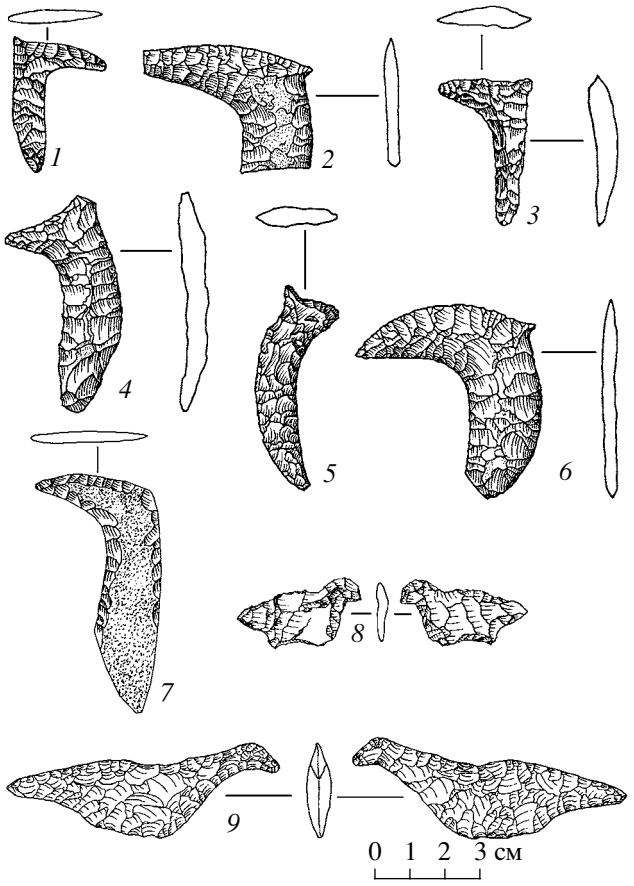

Рис. 2. Зооморфные и орнитоморфные изображения. *1, 4, 6–8* – Каентубинская стоянка; *5* – Игимская стоянка; *2* – Дубогривовская II стоянка; *3* – Мурзихинский II могильник; *9* – Тенишевский могильник.

Второй тип представлен двумя изображениями водоплавающих птиц. Первая фигурка (рис. 2, *9*) в виде силуэтного изображения водоплавающей птицы была обнаружена при исследовании Тенишевского энеолитического могильника (Габяшев, 1992. Рис. 2, *а*). Изделие выполнено на кремневом отщепе красноватого цвета и имеет двухстороннюю обработку. Небезынтересным кажется и то, что фигурка по всей поверхности покрыта охрой. Вторая фигурка (рис. 2, *8*) происходит с Каентубинской стоянки. Она также является силуэтной и изготовлена из серого кремневого отщепа хорошего качества, по аналогии с первой фигуркой имеет двухстороннюю обработку. По своим морфологическим признакам напоминает плывущую утку.

Обращая внимание на образ водоплавающей птицы в искусстве неолита–энеолита, отметим костяное изображение в виде головы гуся или лебедя, обнаруженное при исследовании Мурзихинского II могильника. Материалы данного памят-

ника готовятся автором исследования А.А. Чижевским для введения в научный оборот.

Можно предположить, что изображения птиц сделаны на венчике воротничкового сосуда русско-азибейского типа с Дубовогривской II стоянки. Шеи птиц трактованы в виде одной линии гребенки, направленной под прямым углом к головам, которые переданы перпендикулярно размещенными по отношению к шеям оттисками короткого гребенчатого штампа.

Наличие орнитоморфных фигурок в погребениях Тенишевского (Габяшев, 1992. Рис. 2) и Мурзихинского II могильников может свидетельствовать об их культурно-ритуальном назначении. Вероятно, образ птицы в среде древнего населения лесной полосы был связан с представлениями о загробном мире и переселении души. Так, фигурка птицы с Тенишевского могильника была зафиксирована в области черепа погребенного.

Материалы по этнографии народов Сибири свидетельствуют о том, что голова была местом обитания души-птицы, которая после смерти переселялась в новорожденного и тем самым являлась основой наследования жизни от поколения к поколению (Косарев, 1984. С. 190). Возможно, с такими представлениями о душе связан и известный по фольклорным и историческим данным обычай скальпирования врага у обских угров как способ уничтожения вражеской души (Чернецов, 1959. С. 137, 138).

Культ водоплавающей птицы хорошо прослеживается в мифологии евразийских лесных народов – это основной персонаж в творении всего окружающего мира. Важным источником, подтверждающим большую роль утки в представлениях финно-угорских народов, является эпос Калевала. Особо интересна первая руна, повествующая о создании неба, земли и небесных святил из яйца утки (Калевала, 1949. С. 6, 7).

Подводя итог, следует сказать, что памятники финального неолита и раннего металла в зоне водохранилищ Волго-Камского каскада дали весьма значительный материал по рассматриваемой теме. Дальнейшее их исследование пополнит источниковедческую базу по духовной культуре древнего населения не только в рамках рассматриваемого региона, но и всей лесной полосы Восточной Европы. В хронологическом отношении рассмотренный круг источников укладывается в рамки IV–III тыс. до н.э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Габяшев Р.С. Новые материалы с Тенишевского могильника // Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада. Казань, 1992.

Замятнин С.Н. Миниатюрные кремневые скульптурки в неолите Северо-Восточной Европы // СА. 1948. Т. X.

Калевала. М., 1949.

Косарев М.Ф. Человек и живая природа в свете сибирских археологических и этнографических материалов // Некоторые проблемы сибирской археологии. М., 1968.

Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. М., 1984.

Матюшин Г.Н. Энеолит Южного Урала. М., 1982.

Недомолкина Н.Г. Сухонские кремневые фигурки // ТАС. 2000. Вып. 4. Т. 1.

Никитин В.В. Древние культы финно-угров Средней Волги (по фольклорным и археологическим материалам) // Вопросы марийского фольклора и искусства. Йошкар-Ола, 1980.

Никитин В.В. Медно-каменный век марийского края. Йошкар-Ола, 1991.

Никитин В.В. Каменный век // Тр. марийской археолог. экспедиции. Т. IV. Йошкар-Ола, 1996.

Никитин В.В., Никитина Т.Б. К истокам марийского искусства. Йошкар-Ола, 2004.

Ошибкина С.В. Поселение Юртик (результаты исследования) // Памятники эпохи неолита и бронзы в бассейне р. Вятки. Ижевск, 1980.

Студзицкая С.В. Некоторые проблемы изучения первобытного искусства эпохи неолита и раннего металла // Проблемы первобытной археологии Евразии. М., 2004.

Уткин А.В., Костылева Е.Л. Антропоморфные изображения волосовской культуры // ТАС. 1996. Вып. 2.

Чернецов В.Н. Представления о душе у обских угров // ТИЭ. 1959. Т. 51.

Халиков А.Х. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы // Тр. марийской археолог. экспедиции. Т. 1. Йошкар-Ола, 1960.

Шадрин А.И. Позднеэнеолитическое поселение Мольбище III // АЭМК. 1989. Вып. 15.

Neolithic–Eneolithic flint sculptures of the Volga-Kama reservoir cascade zone

A. V. Shipilov

Summary

The article gives a survey of anthropomorphous, zoomorphous and ornithomorphous imprints discovered at Neolithic–Eneolithic archeological sites in the Volga-Kama cascade. The archeological sources in question date to the 3^{d}–4th millenniums BC.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2009, № 1, с. 81–90

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ ТАТАРСТАНА

ПРОБЛЕМА ГЕНЕЗИСА И ХРОНОЛОГИИ АНАНЬИНСКИХ (ПОСТМАКЛАШЕЕВСКИХ) СТЕЛ

© 2009 г. А. А. Чижевский

Институт истории им. Марджани АН РТ, Казань

Стелы ананьинского типа широко известны исследователям раннего железного века, но вопрос о возникновении этого феномена далеко не решен, более того, специально не рассматривался[1]. Между тем первые сведения об ананьинских стелах появились еще в начале 30-х гг. XIX в., когда на вершине Ананьинской дюны были найдены большие камни с "непонятными надписями или знаками". Размеры камней привлекли внимание одного из жителей Елабуги; он сделал из них печь-каменку, в которой камни быстро разрушились (Алабин, 1890. С. 89).

Эта информация долгое время не получала подтверждения. Но в 1870 г. профессор Московского университета К.И. Невоструев приобрел у крестьян д. Ананьино разбитую на восемь частей плиту с изображением воина (рис. 1, *4*) и определил ее как надгробный камень (Невоструев, 1871. С. 77).

Другую плиту небольших размеров (рис. 1, *2*) выявил, вероятно, П.И. Лерх в 1865 г. (Худяков М.Г., 1923. С. 98) во время раскопок Ананьинского могильника (Лерх, 1866. С. 12, 13). Впервые изображение данной стелы появилось в атласе Й.Р. Аспелина (Aspelin, 1877. P. 107. Pl. 403).

Новый импульс в исследовании ананьинских стел был дан спустя почти столетие. В 1960–1961 гг. казанские археологи выявили целую серию стел (рис. 2) на Новомордовском I могильнике, залегавших на дне Куйбышевского водохранилища (Халиков, 1963. С. 180). В два приема летом и осенью 1961 г. их удалось поднять на поверхность. А.Х. Халиков, Р.С. Габяшев, Е.П. Казаков совершили тогда настоящий научный подвиг, ныряя за стелами в ледяную октябрьскую воду.

Точное размещение изваяний относительно погребений при обследовании и последующих раскопках не удалось установить. А.Х. Халиков предположил, что новомордовские стелы являлись надгробными памятниками и размещались непосредственно над могилами. Учитывая тот факт, что к началу 1960-х годов в ареале ананьинской культуры было известно лишь два могильника со стелами – Ананьинский и Новомордовский I, он посчитал эти памятники исключительным явлением, отнеся их к некрополям военных вождей.

Спустя четверть века после открытия стел in situ в Тетюшском могильнике, А.Х. Халиков пересмотрел свою точку зрения относительно назначения ананьинских стел, отмечая, что они ставились, "скорее всего, несколько в стороне от погребений" (1977. С. 93). Тогда же Е.П. Казаков, публикуя новые находки ананьинских изваяний, пришел к заключению о том, что они являлись "характерной чертой погребального обряда" данной культуры (1977. С. 202).

К 1994 г. накопилась значительная подборка стел, которая позволила по-новому взглянуть на некоторые кажущиеся незыблемыми положения. Так, В.Н. Марков высказал сомнения по поводу подлинности изваяния из Ананьино (рис. 1, *4*), привлекая в качестве аргумента не характерную технику (граффито) и манеру изображения (рисунок мужчины в полный рост), а также сходство размеров стелы с мусульманскими надгробными камнями (1994. С. 88–93). Впрочем, это мнение не было поддержано специалистами, и окончательную точку здесь могут поставить только специальные исследования этого камня из собрания ГИМ.

В 2005 г. мною были подведены некоторые итоги исследования ананьинских стел за почти 150-летнюю историю их изучения (Чижевский, 2005). Не подтвердилась исключительность этого явления: к Ананьино и Новомордово I прибавился еще ряд памятников. Удалось установить, что стелы размещались не над погребениями, а в межмогильном пространстве, разделяя ряды погребений. Выяснилось, что ананьинские стелы были не надгробными, а мемориальными памятниками. Как правило, они размещались вертикально поодиночке или группой по 2–3 стелы в ряд (Чижевский, 2005. С. 270, 281).

К настоящему времени изменилась ситуация и в понимании самой ананьинской культуры. Активное обсуждение ананьинской проблематики в конце XX в. выявило необходимость выделения в пределах северо-востока Европы четырех археологических культур раннего железного века: акозинской ("текстильной"), ананьинской культуры

[1] В дальнейшем термины стела и изваяние употребляются как синонимы, кроме специально оговоренных случаев.

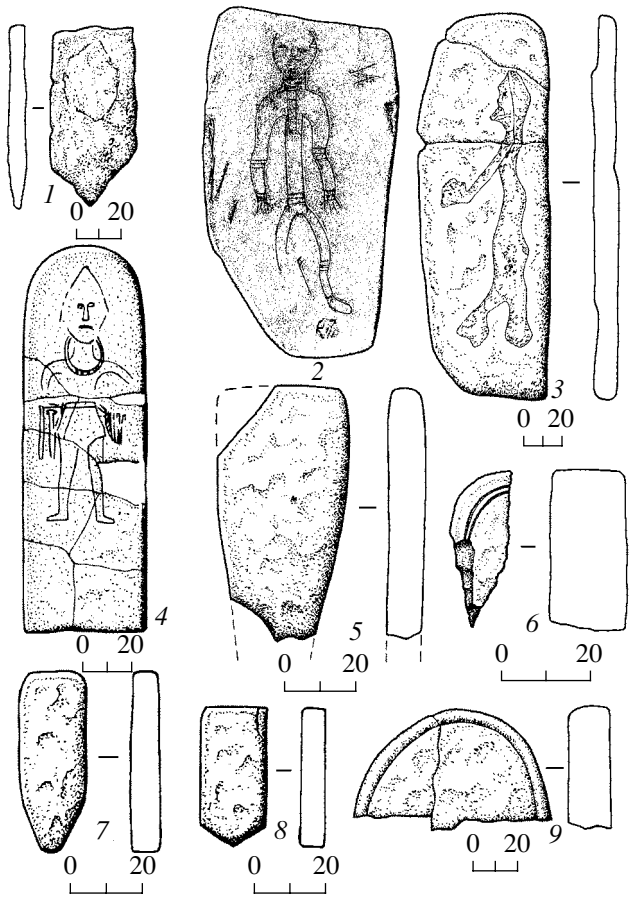

Рис. 1. *1* – Ильичевский могильник, стела № 1; *2* – Ананьинский могильник, стела № 2 (по: А.В. Збруевой) без масштаба; *3* – Измерский VII могильник, стела № 1; *4* – Ананьинский могильник, стела № 1; *5* – Измерский VII могильник, стела № 2; *6* – Пустоморквашинский могильник, стела № 1; *7* – Мурзихинский II могильник, стела № 16; *8* – Мурзихинский II могильник, стела № 15; *9* – Измерский VII могильник, стела № 4.

шнуровой керамики, ананьинской культуры гребенчато-шнуровой керамики и постмаклашеевской, объединенных в рамках ананьинской культурно-исторической области (АКИО) (Кузьминых, 1983; 2000; Марков, 1988; Чижевский, 2002). Выяснилось, что каменные изваяния концентрируются лишь в низовьях Камы и на прилегающих участках Волги, в ареале постмаклашеевской культуры (рис. 3). В этой связи их правильнее называть постмаклашеевскими стелами (Чижевский, 2005. С. 268).

Морфологически ананьинские (постмаклашеевские) изваяния подразделяются на два типа: 1 – стелы новомордовского типа (рис. 1, *4, 6, 9*; 2; 4; 5), крупных размеров (78–256 см), с полукруглым завершением верхней части, численно преобладают (77 экз.); 2 – стелы ильичевского типа (рис. 1, *1, 5, 7, 8*), небольших размеров (39–80 см), с подпрямоугольным завершением верхней части и клиновидным основанием, относительно немногочисленны (6 экз.) (Чижевский, Марков, 1999. С. 15, 16).

Примерно четвертая часть изваяний имеет изображения. Вероятно, в древности их было значительно больше, однако известняк, из которого изготовлены стелы, подвержен разрушению. Графику сохранили только те стелы, которые упали рисунком вниз к земле.

Все известные к настоящему времени изображения зафиксированы на стелах первого типа. Рисунки выполнялись в технике рельефа, койланогрифа (контррельефа) и граффито. Рельефом выполнены изображения оружия: топоров, кинжалов, мечей, молотов. В этой же технике исполнен и арковидный бордюр, который размещен в верхней части стел. Койланогрифом выполнены подтреугольные и каплевидные изображения, расположенные под кинжалами и мечами. Техникой граффито нанесены одиночные изображения креста, незавершенной восьмерки и пояска из зигзага, заключенного в две прямые линии. Идентификация значительной части предметов на уровне категории вещи трудностей не вызывает, хотя здесь есть сложности, связанные с некоторым огрублением формы вещи во время изображения на пористом известняке. В то же время достоверность представленных на постмаклашеевских стелах предметов настолько высока, что они, как и оленные камни, могут “рассматриваться как закрытый комплекс, все элементы которого синхронны” (Ольховский, 2005. С. 57).

Происхождение традиции установки каменных изваяний не имеет в Волго-Камье местных истоков (Халиков, 1963. С. 186). Единственную возможность определить исходный импульс в формировании этой традиции представляет индуктивный метод проведения последовательных сопоставлений с монументальной скульптурой Северной Европы от истоков до раннего железного века. Ниже я попытаюсь сделать это сопоставление.

Традиция установки каменных изваяний имеет на территории степной и лесостепной Евразии длительную историю. Первые образцы каменной монументальной скульптуры фиксируются еще в эпоху энеолита.

В Восточной Европе это менгиры среднестоговской культуры высотой до 1 м, которые устанавливались вертикально в каменных закладах могильных ям (Телегін, 1973. С. 102), и изваяния из могильников нижнемихайловского типа, располагавшиеся в святилищах вне погребений (Новицкий, 1990. С. 16; Ольховский, 2005. С. 5).

Начало традиции установки каменных изваяний в Южной Сибири относится к раннебронзовой эпохе и связано с афанасьевской культурой, в

которой собственно каменные изваяния еще не ставились: ограничивались установкой столбообразных менгиров (Леонтьев и др., 2006. С. 16. Рис. 4). Наиболее ранние стелы Казахстана – массивные и без дополнительной обработки – относятся к этому же времени (Маргулан, 1979. С. 277, 278). С афанасьевским временем В.Д. Кубарев соотносит алтайские стелы с круглыми лунками, рассматривая их в качестве истоков сложения традиции установки окуневских стел (1988. С. 112). Бóльшая часть этих изваяний ставилась вне погребальных конструкций и имела, по всей вероятности, мемориальный характер.

Довольно значительная и типологически разнообразная коллекция изваяний происходит из памятников ямной культурно-исторической общности и усатовской культуры. Ямные стелы подразделяются на простые подпрямоугольной формы плиты; антропоморфные стелы в виде прямоугольных плит с выступающей головой; камни-фаллосы; менгиры и идолы (Шапошникова и др., 1986. С. 23).

Е.Ю. Новицкий выделяет шесть типов ямных и усатовских изваяний по форме основания блока (1986. С. 51; 1990. С. 23, 24); существуют и другие системы типологии каменных изваяний ямного времени (см. подробнее: 1986. С. 50, 51). Подобная скульптура выявлена в Болгарии, Румынии, на Ближнем Востоке (Новицкий, 1990. С. 14; Ольховский, 2005. С. 50). На некоторых изваяниях присутствовали изображения, дополняющие антропоморфность образа: черты лица, тела, отпечатки ступней ног и др., выполненные койлано-грифом. Изваяния ямной общности размещались в основном в закладах могильных ям, позднее появляется обычай установки каменных изваяний на курганах (Шапошникова и др., 1986. С. 34).

Каменная скульптура кеми-обинской культуры Крыма и прилегающих районов Причерноморья (Щепинський, 1971; Крылова, 1976) представлена антропоморфными прямоугольными плитами с выступающей головой, сопровождавшимися рельефным рисунком тонких рук, а иногда и другими дополнительными деталями. Кеми-обинские стелы фиксируются, как и ямные, в закладах могильных ям (Щепинський, 1971. С. 262).

Происхождение традиции изготовления антропоморфных стел ямного, усатовского и кеми-обинского типа одними исследователями связывается с югом Франции, Балканами и Средиземноморьем (Формозов, 1965. С. 179–181; 1969. С. 176, 177; Златковская, 1963. С. 88), другими – с развитием традиции каменных изваяний среднестоговской культуры (Збенович, 1974. С. 52).

Наиболее поздние и немногочисленные изваяния бронзового века на территории Восточной Европы выявлены в срубной культуре. Они представляют собой плоские плиты, в верхней широкой части которых фиксируется округлый выступ – голова (Пиоро, 1996. С. 20; Самойленко, 1997. С. 85). Данный элемент указывает на достаточно устойчивую преемственность традиции, восходящей к ямным изваяниям. Позднебронзовые изваяния, как и ямные, устанавливались над могильными ямами и являлись, таким образом, надгробными памятниками.

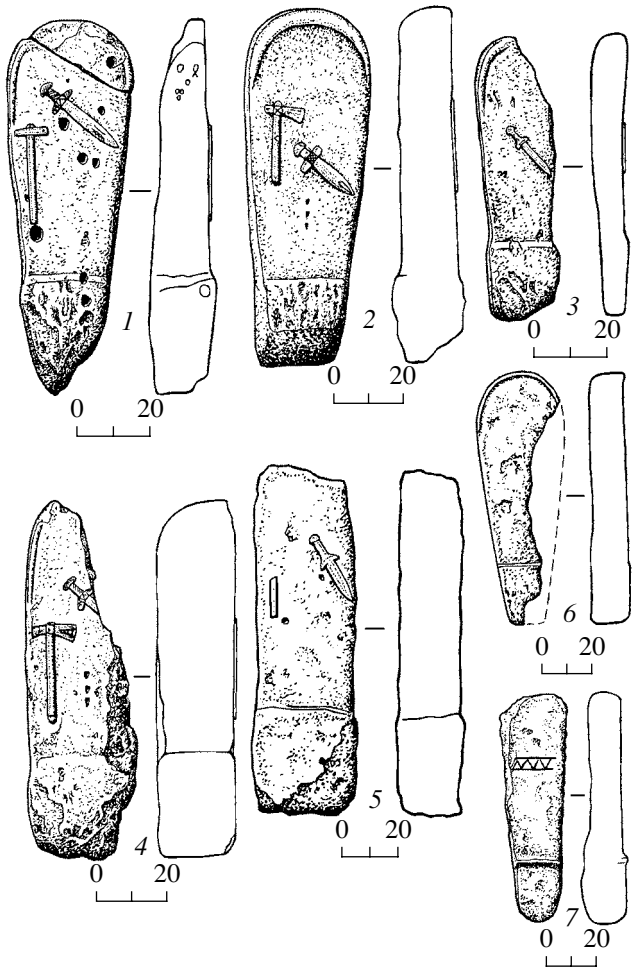

Рис. 2. Стелы Новомордовского I могильника. *1* – стела № 4; *2* – стела № 1; *3* – стела № 6; *4* – стела № 2; *5* – стела № 3; *6* – стела № 7; *7* – стела № 5.

Типологически к ним примыкают каменные стелы середины II тыс. до н.э. из Сирии (Алеппо), которые устанавливались на святилищах. Это антропоморфные фигуры на прямоугольных плитах с выделенной головой, тонкими, сложенными на животе руками и подчеркнутыми признаками мужского и женского пола (Марковин, 1986. С. 112. Рис. 15, *7, 8*).

Изваяниями срубной общности, собственно, и заканчивается традиция монументальной каменной скульптуры в Восточной Европе, формирующаяся еще в энеолите. В раннем железном веке

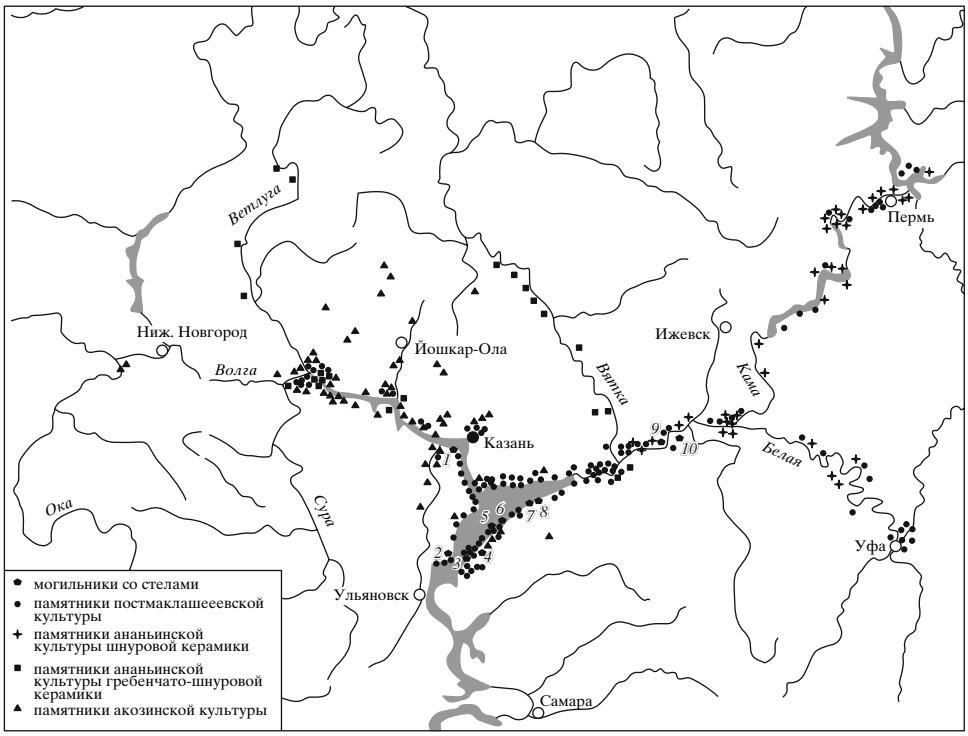

Рис. 3. Распространение памятников Ананьинской культурно-исторической области и постмаклашеевских стел.

здесь появляются изваяния, истоки которых прослеживаются в Центральной Азии.

Приведенный обзор каменных изваяний показал, что по своей форме стелы, изготовленные в ямной традиции – плитообразные, с выступающей головой, а в ряде случаев с выделенным основанием – имеют некоторые черты сходства с ананьинскими (постмаклашеевскими) стелами (Шапошникова и др., 1986. Рис. 6, *1, 8, 10*). Однако явная антропоморфность их облика на фоне неявной антропоморфности волго-камских стел и хронологическая отдаленность (как минимум на 500–700 лет[2]) заставляют отказаться от попытки связать постмаклашеевскую и древнюю европейскую (ямную) традицию изготовления монументальных каменных изваяний.

Наиболее яркие образцы каменного монументального искусства эпохи бронзы Северной Евразии происходят с территории Минусинской котловины и связаны с окуневской культурой. Они представляют собой каменные плиты с выбитыми на них изображениями антропоморфных личин и животных. Если изображения представлены скульптурно, их принято называть изваяниями, в остальных случаях – стелами (Леонтьев и др., 2006. С. 6). Иногда лицевые и боковые стороны окуневских стел примерно одинаковы по ширине, и камни приближаются по форме к столбам. Бóльшая часть стел устанавливалась на святилищах, но некоторые обнаружены на могильниках (Леонтьев и др., 2006. С. 6). Датируются окуневские стелы III – серединой II тыс. до н.э. Происхождение традиции изготовления этих стел связывается с Передней и Центральной Азией (Леонтьев и др., 2006. С. 13, 75, 76).

В конце II – начале I тыс. до н.э. в Центральном Казахстане распространяются так называемые “баранные” камни. А.Х. Маргулан предполагал их местные энеолитические истоки (1979. С. 285). Это подпрямоугольные каменные столбы, часто изогнутой формы, со скульптурно оформленным в виде головы животного завершением верхней части. Иногда в районе шеи изображаемого животного размещали выполненные койланогрифом кольца, подобные кольцам на оленных камнях (Маргулан, 1979. Рис. 212, 215). Традиция “баранных” камней с их яркими анималистическими чертами, по всей вероятности, не оказала влияния на формирование постмаклашеевской традиции, где основным семантическим мотивом была, хотя и неявная, антропоморфность.

А.Х. Халиков, анализируя в связи с новомордовскими стелами широкий круг каменных изваяний от Западной Европы до Монголии, пришел к выводу о синхронности ананьинских стел с оленными камнями (1963. С. 188, 189). Мне представ-

[2] Самые поздние срубные образцы датируются серединой II тыс. до н.э.

ляется, что именно среди изваяний этого времени необходимо искать прототипы постмаклашеевских стел. Я намеренно не затрагиваю здесь скифские изваяния, которые существовали несколько позднее постмаклашеевских.

Центральноазиатские оленные камни широко распространены на территории Западной Монголии (около 600 экз.) (Волков, 2002. С. 14, 26); значительно меньше их на Алтае (около 50 экз.), в Туве (30 экз.) и Забайкалье (10 экз.); единичные образцы встречены в Казахстане и Киргизии (Кубарев, 1979. С. 4). Исследователи центральноазиатских оленных камней выделяют три их основных типа (Новгородова, 1989. С. 185; Волков, 2002. С. 19). Лишь один из них – общеевразийский, без изображений животных, может рассматриваться в качестве прототипа иконографических мотивов постмаклашеевских стел. Для других типов характерны изображения оленей, не встречающиеся на волго-камских изваяниях.

Выделяется два основных подхода к оформлению оленных камней: 1 – каменные блоки в виде столбов и 2 – каменные блоки в виде плит. Объясняется это особенностями обработки различных пород камня (Ольховский, 2005. С. 83).

Несмотря на подчеркнутую неантропоморфность облика большинства изваяний, антропоморфные черты на оленных камнях все же присутствуют в виде ряда маркирующих признаков, а именно оружия и украшений, причем оружие часто размещается бессистемно на различных участках изваяния. Кроме того, около 20 изваяний содержат в верхней части изображение человеческого лица. Они встречены как на изваяниях с изображениями оленей, так и на камнях общеевразийского типа (Новгородова, 1989. С. 183; Ольховский, 2005. Рис. 57, 58). Верхняя часть всех этих камней, как правило, закруглена. Центральноазиатские оленные камни представляли собой в основном мемориальные памятники, которые устанавливались рядом с курганами и могилами, а также на святилищах (Кубарев, 1979. С. 36, 37; Волков, 2002. С. 16).

Происхождение традиции изготовления центральноазиатских оленных камней некоторые исследователи связывают с окуневскими (тамзимскими) стелами (Подольский, 1987. С. 17, 18; Новгородова, 1989. С. 174). Учитывая, что по разным оценкам хронология оленных камней имеет широкие пределы – от XV–XII до V–IV в. до н.э. (Худяков Ю.С., 1987. С. 136–160; Новгородова, 1989. С. 187–201; Килуновская, Семенов, 1999а. С. 146, 147; Ольховский, 2005. С. 92), а верхняя граница их бытования смыкается с окуневскими стелами (прекратившими существование к середине II тыс. до н.э.), эта гипотеза имеет право на существование. Впрочем, М.Е. Килуновская и Вл.А. Семенов считают возможным говорить о

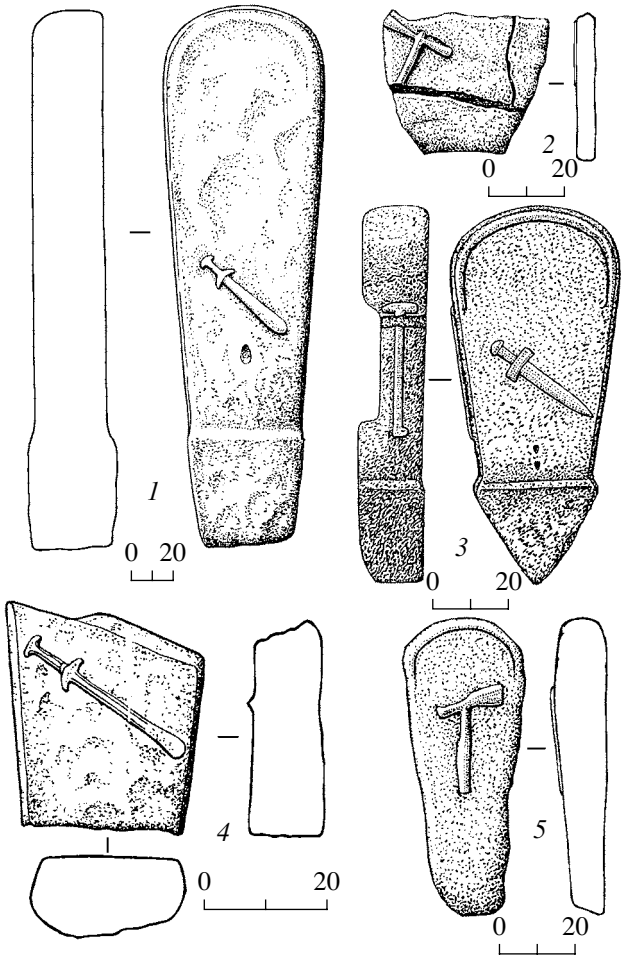

Рис. 4. Мурзихинский II могильник: *1* – стела № 30; *2* – стела № 12; *3* – стела № 22; *4* – стела № 1; *5* – стела № 18.

культурной, но не генетической связи между окуневскими изваяниями и оленными камнями, аргументируя это несовпадением их ареалов (1999б. С. 142). Существует и альтернативная точка зрения: Н.Л. Членова выводит оленные камни из искусства Ирана (Членова, 1999. С. 39).

Появление киммерийских стел[3] в Европе связывается с мигрантами из Центральной Азии (Савинов, 1977; Членова, 1984. С. 6; Ольховский, 2005. С. 93). В настоящее время насчитывается 29 изваяний такого рода (Ольховский, 2005. С. 93). Они представляют собой каменные блоки столбообразной и приближенной к ней формы; лицевая грань их, как правило, более узкая, чем боковая; отмечается их фалломорфность. Изображения на киммерийских стелах представлены головными и шейно-нагрудными украшениями, а также оружием. В отличие от центральноазиатских оленных камней, киммерийские являются в основном надгробными памятниками. Время их

[3] Термин киммерийские стелы ввел В.С. Ольховский для обозначения европейских оленных камней.

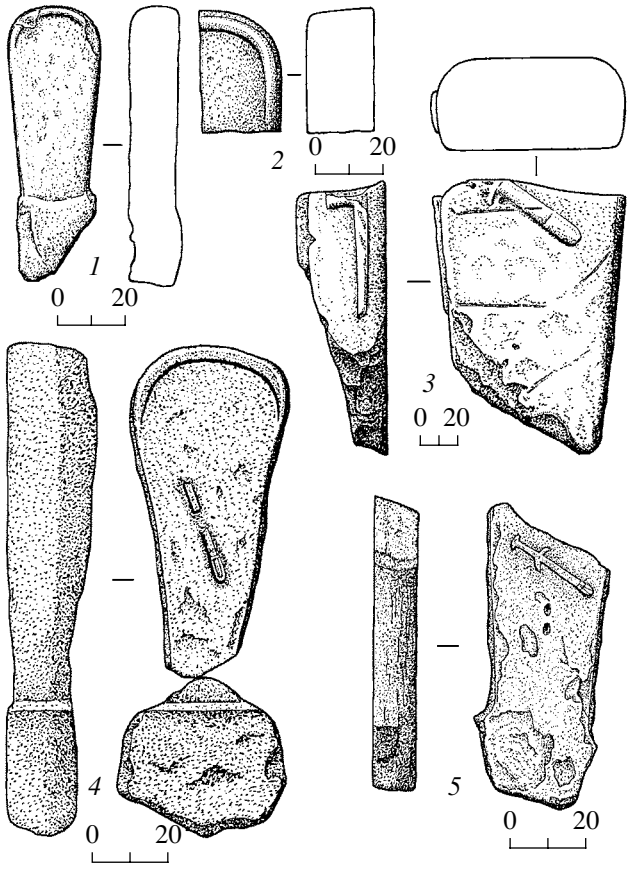

Рис. 5. Мурзихинский II могильник: *1* – стела № 31; *2* – стела № 27; *3* – стела № 32; *4* – стела № 23; *5* – стела 20.

существования падает на достаточно короткий промежуток времени: VIII – первая половина VII в. до н.э. (Ольховский, 2005. С. 91, 93).

Для более точного определения позиции постмаклашеевских стел в системе евразийской каменной скульптуры финала бронзового – раннего железного веков необходимо определить время существования данной традиции в Волго-Камье, проследить ее начало и конец.

Самыми ранними образцами каменных изваяний АКИО являются стелы, выявленные на Ильичевском могильнике, датированном эпохой финальной бронзы. Стел ильичевского типа немного по сравнению со стелами ананьинского времени, что свидетельствует о самом начале зарождения данной традиции в финале эпохи брозны. Простая подчетырехугольная форма верхней части и клиновидное основание сближают данные изваяния с оленными камнями Алтая и Монголии. Помимо Ильичевского могильника стелы подобного типа обнаружены также на Мурзихинском II могильнике рядом с погребениями маклашеевской культуры и Измерском VII могильнике, также содержащем погребения самого конца бронзового века. Учитывая тот факт, что бóльшая часть изваяний, кроме ильичевских, встречена на могильниках, сочетающих погребения финала бронзового (маклашевская культура) и раннего железного веков (постмаклашеевская культура), можно предположить, что они могут быть отнесены к эпохе перехода от бронзового века к железному, т.е. к IX в. до н.э.

Появление стел ильичевского типа знаменует собой начало формирования нового культурного комплекса, включающего линзовидные кельты и бронзовые прорезные наконечники копий, присущих постмаклашеевской металлообработке. Изображения оружия на стелах появляются позднее – в новочеркасское время, когда на территории Волго-Камья начинают проникать кавказские импорты орудий и оружия и изготавливаются их местные подражания.

Датировка стел эпохи раннего железа определялась в основном по изображенным на них предметам, среди которых наиболее многочисленны кинжалы (Халиков, 1977. С. 159; Чижевский, 2005. С. 287–289).

Первый тип изображений кинжалов (рис. 2, *2*) – с грибовидным навершием и прямым перекрестием. К этому типу относятся два изображения кинжалов (стела № 1 Новомордовского I могильника; стела № 1 1980 г. Тетюшского могильника). Данные изображения наиболее близки к биметаллическим кинжалам так называемого кабардино-пятигорского типа, известного по многочисленным находкам на Северном Кавказе (Иессен, 1953. С. 75, 76; Крупнов, 1960. С. 201–203), в Поднепровье и Венгрии (Тереножкин, 1961. С. 137; Guyla, 1950. Tabl. III, IV), где они датируются первой половиной IX – серединой VIII в. до н.э. или даже второй половиной VIII – первой половиной VII в. до н.э. (Дударев, 1993. С. 33; Козенкова, 1995. С. 52–55; Таиров, 2002. С. 194–196). Подобный меч изображен на оленном камне из Большого Гумаровского кургана, датированного автором раскопок началом VII в. до н.э. (Исмагилов, 1988. С. 45), однако А.А. Ковалев относит это изваяние ко второй половине VIII в. до н.э. (2000. С. 162). В самых ранних памятниках АКИО также появляются кинжалы этого типа – импорты и подражения им (Кузьминых, 1983. С. 127–133; Розанова, Терехова, 2003. С. 43–45). Исходя из вышесказанного, вслед за А.Д. Таировым (2002. С. 199), кинжалы первого типа, изображенные на постмаклашеевских стелах, датируются мною в пределах IX–VIII вв. до н.э.

Второй тип изображения кинжалов (рис. 2, *1, 3–5*; 4, *1, 3, 4*; 5, *3, 5*): с грибовидным навершием и изогнутым “луновидным” перекрестием (стелы № 2, 3, 4, 6 Новомордовского I могильника; стела № 1 Мурзинского I могильника; стелы № 20, 22, 30, 32 Мурзихинского II могильника). Кинжалы этого типа также относятся к кабардино-пятигор-

ским и датируются в пределах VIII–VII вв. до н.э. (Виноградов и др., 1980. С. 196; Савинов, Членова, 1980. С. 10) или же в абсолютных датах 750–650 гг. до н.э. (Тереножкин, 1976. С. 112, 114, 123, 208). Биметаллические кинжалы данного типа известны в могильниках АКИО, где они определяются тем же временем (Халиков, 1977. С. 165, 166; Кузьминых, 1983. С. 127, 128). Таким образом, изображения кинжалов второго типа можно датировать в пределах второй половины VIII–VII в. до н.э.

Во многом эту дату установки каменных стел подтверждают изображения топоров с четырехлепестковыми розетками (рис. 2, *2, 4*), изображающими ромбовидный значок, характерный для новочеркасского времени (середина VIII – середина VII в. до н.э.): стелы № 1 и 2 Новомордовского I могильника (Тереножкин, 1976. С. 174). Этим же периодом датированы изображения цилиндрических молотков на стеле № 22 Мурзихинского II могильника (рис. 4, *3*) и стеле № 4 Новомордовского I могильника (рис. 2, *1*) (Тереножкин, 1976. С. 140, 141).

На пяти стелах сочетаются изображения меча и кинжала, что позволяет скорректировать дату установки этих изваяний. Изображенные на стеле № 1 Новомордовского I могильника кинжал первого типа и топор с ромбовидным значком (рис. 3, *2*) позволяют сузить дату установки этого изваяния до середины–второй половины VIII в. до н.э. Датировка остальных четырех изваяний определяется шире, в пределах середины VIII–середины VII в. до н.э. Это стелы № 22 (рис. 4, *3*), № 32 Мурзихинского II могильника (рис. 4, *1*), а также № 2 (рис. 2, *4*) и № 4 (рис. 2, *1*) Новомордовского I могильника.

Наиболее поздние изваяния – стелы № 12, 18 Мурзихинского II могильника. Изображенный на второй из них топор (рис. 4, *5*) наиболее близок железным топорам-чеканам с выпуклой спинкой типа IA, датированного концом VII–VI в. до н.э. (Халиков, 1977. С. 177). Рисунок на первой (рис. 4, *2*) близок двулезвийным топорам-секирам типа III, дата которого определена в пределах VI в. до н.э. (Халиков, 1977. С. 179).

Исходя из приведенного анализа, можно утверждать, что традиция волго-камских изваяний имеет длительную историю. Возникнув в финале эпохи бронзы, вероятно, в IX в. до н.э. она продолжает развиваться в раннем железном веке и достигает наивысшего расцевета в середине VIII – середине VII в. до н.э. Изображения оружия конца VII–VI в. до н.э. представлены лишь двумя экземплярами, что, вероятно, свидетельствует о постепенном затухании к VI в. до н.э. традиции установки каменных изваяний.

Необходимо отметить, что упоминаемые ранее антропоморфные стелы № 1 и 2 Ананьинского могильника не рассматриваются в настоящей работе. Это обусловлено отсутствием инструментального обследования стелы № 1, сомнения в подлинности которой были высказаны В.Н. Марковым. И пока они есть, я не считаю возможным обращаться в данном источнику.

Стела № 1 Измерского VII могильника (рис. 1, *3*), опубликованная Е.П. Казаковым без сопроводительных комментариев (1994. С. 116. Рис. 3, *8*), не может считаться антропоморфной, так как плита расколота вдоль, и изображение, принимаемое за антропоморфное, на самом деле является аморфным выступом, оставшимся от неровного разделения камня.

Таким образом, киммерийские стелы сосуществовали с постмаклашеевскими лишь в период расцвета последних. Появление и исчезновение этой традиции в Волго-Камье напрямую с ними не связано. Оленные камни, напротив, появившись несколько ранее, существуют еще продолжительное время после исчезновения постмаклашеевской традиции.

Теперь необходимо вновь вернуться к проблеме происхождения ананьинских постмаклашеевских стел.

На сегодняшний день не существует какой-либо устоявшейся точки зрения на пути формирования традиции установки ананьинских (постмаклашеевских) стел. Однако наметился определенный подход к поискам истоков этой традиции, который можно назвать этногенетическим. В последнее десятилетие XX в. проблема появления стел ананьинского типа стала напрямую связываться с проблемой происхождения ананьинской культурно-исторической области (АКИО) или, как считает ряд авторов, с проблемой непосредственного переноса данной традиции с миграцией какой-то группы иноэтичного населения. Последняя гипотеза выдвинута М.Н. Погребовой и Д.С. Раевским, которые связывают появление в Волго-Камье традиции установки каменных изваяний с миграцией “отколовшихся” скифов (1992. С. 202–227). Альтернативной является гипотеза Н.Л. Членовой, обосновывающей более ранний, киммерийский, возраст мигрантов (1987. С. 3–11). Аргументация Членовой относительно более раннего, нежели скифский, возраста ананьинских стел убедительна, однако сама постановка вопроса о кавказском происхождении данной традиции вызывает возражения.

Н.Л. Членова, сопоставляя стелы с северокавказскими изваяниями (1987. С. 5), предположила, что они изготовлены выходцами с Северного Кавказа, так как изображенное на них оружие является кавказским, а рисунки рельефны (в отличие от азиатских оленных камней), как на северокавказских изваяниях (1984. С. 14, 16).

Однако из четырех бесспорных случаев "оленных" камней Северного Кавказа, приведенных Членовой, лишь на двух – Кызбуруновской и Армавирской – стелах предметы изображены в рельефе, на остальных, Зубовском и Усть-Лабинском камнях, – в койланогрифе (Ковалев, 2000. С. 143, 145). В.С. Ольховский включает кавказские изваяния в большой блок "киммерийских" стел, насчитывающий 29 экз. (2005. С. 31–48), из которых лишь на двух имеются изображения в рельефе. Они смотрятся здесь как нечто нетипичное, некое исключение из правила. Поэтому версия о северокавказском следе не представляется мне убедительной. На мой взгляд, здесь не исключено и обратное, волго-камское влияние, которое помимо воздействия на технику нанесения изображения фиксируется на Северном Кавказе в виде спорадически встречающихся находок украшений ананьинского типа (Новичихин, 1996. С. 122, 123).

Та же картина и с первым тезисом Н.Л. Членовой. Представленные на постмаклашеевских стелах изображения оружия кавказских типов в оригинале присутствуют во многих богатых погребениях АКИО. Но помимо вещей кавказского происхождения они содержат типично ананьинский инвентарь: бронзовые кельты, наконечники копий, керамику, украшения. Кавказское вооружение и предметы конской упряжки являются в этом случае, вероятнее всего, мерилом богатства и значимости погребенного, но не этническим показателем. К тому же, судя по анализам цветного и черного металла, бóльшая часть изделий является местным подражанием кавказским образцам (Кузьминых, 1983; Розанова, Терехова, 2003).

Кроме того, гипотезы о киммерийском и скифском влиянии на процесс становления постмаклашеевской традиции каменных изваяний не учитывают еще одного фактора – хронологического. Не вызывает сомнения, что самые ранние образцы волго-камских стел появляются в финале эпохи бронзы. Примером тому материалы Ильичевского могильника маклашеевской культуры (XI–первая половина IX в. до н.э.), которые никак не могли быть оставлены "переселившимися" скифами или киммерийцами.

Сопоставляя оленные камни и их европейский вариант – киммерийские стелы с постмаклашеевскими изваяниями, можно найти значительное количество элементов сходства и отличия (Чижевский, 2005. С. 290, 291). Не повторяя их полностью, приведу некоторые дополнения в свете публикации новых источников и, главное, фундаментальной работы В.С. Ольховского (2005).

Элементы отличия. 1. Различны соотношения высоты лицевой части, у оленных камней эта величина составляет 1:8 и 1:9, у постмаклашеевских стел 1:3. 2. У оленных камней все четыре грани покрыты изображениями, на волго-камских стелах изображения помещены на одной, реже на двух сторонах. 3. Изображения на оленных камнях (кроме двух случаев) выполнены койлонографом, в то время как бóльшая часть рисунков на постмаклашеевских стелах выполнена в технике рельефа. 4. Рисунки на большинстве азиатских оленных камней расположены без какой-либо системы, на постмаклашеевских стелах они привязаны к определенным участкам. 5. На оленных камнях фиксируются изображения оленей, холодного и метательного оружия, головных и шейно-нагрудных украшений, на постмаклашеевских стелах отсутствуют некоторые категории изображений, связанных с передачей головных и шейно-нагрудных украшений оленей, а также метательного оружия.

Элементы сходства. 1. Плитообразность постмаклашеевских стел и большой серии оленных камней. 2. Неявная антропоморфность и тех, и других. 3. Зональность изображения на оленных камнях общеевразийского типа постмаклашеевских стелах. 4. Мемориальность центральноазиатских изваяний и постмаклашеевских стел. 5. Наличие значительной серии оленных камней с закругленной верхней частью, как и у постмаклашеевских изваяний. 6. Сходство изображаемых категорий холодного оружия. 7. Наличие в ранней волго-камской традиции стел с плоской верхней частью и невыделенным основанием, приближающихся по форме к оленным камням.

Обращает на себя внимание, что бóльшая часть отличий центральноазиатских оленных камней от постмаклашеевских стел связана с техникой нанесения изображения и их размещением на изваяниях. Значительно больше сходства проявляется в форме, особенно ранних маклашеевских изваяний.

По всей вероятности, именно форма с учетом изменений, связанных с особенностями техники обработки местного волго-камского камня, была заимствована у центральноазиатской традиции.

Как известно, самые ранние волго-камские стелы не имели изображений, позднее на формирование изобразительного ряда оказала влияние европейская традиция оленных камней – системность в размещении изображаемых предметов и, может быть, изображение некоторых видов кавказского вооружения. О прямом переносе данной традиции с Северного Кавказа, помимо приведенных ранее замечаний, нельзя говорить прежде всего в силу различного характера их использования: киммерийские стелы являлись надгробными памятниками, постмаклашеевские – мемориальными. Последнее сближает постмаклашеевские стелы с оленными камнями, которые также имели мемориальный характер. Это является дополнительным свидетельством заимствования данной традиции из Центральной Азии.

Итак, в настоящий момент существуют свидетельства, позволяющие утверждать, что форма постмаклашеевских изваяний связана с центральноазиатской традицией. Предметный репертуар волго-камских изображений свидетельствует о влиянии на них традиции оленных камней и киммерийских стел. Но связывать это влияние с переселяющимися этническими группами ("отложившиеся скифы" и др.), включенными впоследствии в состав населения ананьинской культурно-исторической области, не представляется возможным. По всей вероятности, традиция установки каменных изваяний у волго-камского населения оформилась в результате не генетического, а культурного влияния из Центральной Азии. На развитом этапе она испытывает воздействие киммерийской традиции, прежде всего на иконографию изображений, впрочем это воздействие могло быть обоюдным.

Тем не менее некоторые различия в морфологии и наборе изображаемого инвентаря указывают лишь на региональные особенности волго-камских каменных изваяний, что позволяет включить постмаклашеевские стелы в единую евразийскую традицию монументальной скульптуры, ведущую свое начало от центральноазиатских оленных камней.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алабин П.В. Ананьинский могильник // Вестн. Императорского Русского географического общества. 1890. № 6. Ч. 29.

Виноградов В.Б., Дударев С.Л., Рунич А.П. Киммерийско-кавказские связи // Скифия и Кавказ. Киев, 1980.

Волков В.В. Оленные камни Монголии. М., 2002.

Дударев С.Л. К характеристике кинжалов предскифского времени и Закубанья // Вторая кубанская археол. конф. Краснодар, 1993.

Збенович В.Г. История позднетрипольских племен Северного Причерноморья. Киев, 1974.

Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. 1952. № 30.

Златковская Т.Д. К вопросу об этнокультурных связях племен южнорусских степей и Балканского полуострова в эпоху бронзы // СЭ. 1963. № 1.

Иессен А.А. К вопросу о памятниках VIII–VII вв. до н.э. на юге европейской части СССР // СА. 1953. Т. XVIII.

Исмагилов Р.Б. Погребение Большого Гумарского кургана в Южном Приуралье и проблема происхождение скифской культуры // АСГЭ. 1988. Вып. 29.

Казаков Е.П. Новый ананьинский могильник в низовьях реки Кама // СА. 1977. № 3.

Казаков Е.П. Измерский VII могильник // Памятники древней истории Волго-Камья. Казань, 1994.

Килуновская М.Е., Семенов Вл.А. Оленные камни Тувы. Ч. 1 // Археологические вести. 1999а. № 5.

Килуновская М.Е., Семенов Вл.А. Оленные камни Тувы. Ч. 2 // Археологические вести. 1999б. № 6.

Ковалев А.А. О происхождении оленных камней западного региона // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М., 2000.

Козенкова В.И. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант // САИ. 1995. Вып. 2–5.

Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.

Крылова Л.П. Керносовский идол (стела) // Энеолит и бронзовый век Украины. Киев, 1976.

Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая (Оленные камни). Новосибирск, 1979.

Кубарев В.Д. Древние росписи Каракола. Новосибирск, 1988.

Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М., 1983.

Кузьминых С.В. Археологическое изучение ананьинского мира в XX веке: основные достижения и проблемы // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Ижевск, 2000.

Леонтьев Н.В., Капелько В.Ф., Есин Ю.Н. Изваяния и стелы Окуневской культуры. Абакан, 2006.

Лерх П.И. Об Ананьинском могильнике // ОАК за 1865 г. СПб., 1866.

Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1979.

Марков В.Н. Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (об этнокультурных компонентах ананьинской общности): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Л., 1988.

Марков В.Н. Некоторые результаты исследования каменной стелы с изображением из Ананьинского могильника // Памятники древней истории Волго-Камья. Казань, 1994.

Марковин В.И. Культовая пластика Кавказа // Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986.

Невоструев К.И. Ананьинский могильник // Тр. I АС. Т. 2. М., 1871.

Новгородова Э.А. Древняя Монголия. М., 1989.

Новицкий Е.Ю. Некоторые аспекты изучения каменных изваяний из курганов эпохи энеолита – ранней бронзы в Северо-Западном Причерноморье // Памятники древнего искусства Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1986.

Новицкий Е.Ю. Монументальная скульптура древнейших земледельцев и скотоводов Северо-Западного Причерноморья. Одесса, 1990.

Новичихин А.М. К вопросу о связях населения Северо-Западного Кавказа с Волго-Камьем в первой половине I тыс. до н.э. // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа. XIX Крупновские чтения. М., 1996.

Ольховский В.С. Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. М., 2005.

Пиоро В.И. Новые погребения со стелами срубной культуры на Луганщине // Курган: историко-культурные исследования и реконструкции. СПб., 1996.

Погребова М.Н., Раевский Д.С. Ранние скифы и Древний Восток. М., 1992.

Подольский М.Л. Окуневские изваяния и оленные камни // Скифо-сибирский мир: искусство и идеология. Новосибирск, 1987.

Розанова Л.С., Терехова Н.Н. Этнокультурный фактор становления железообработки у населения Среднего

Поволжья в ананьинскую эпоху // Чтения, посв. 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном историческом музее. Ч. II. М., 2003.

Савинов Д.Г. О культурной принадлежности северокавказских камней-обелисков // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977.

Савинов Д.Г., Членова Н.Л. Северокавказские оленные камни в ряду оленных камней Евразии // КСИА. 1980. Вып. 162.

Самойленко Л.Г. Новые находки стел срубной культуры на Луганщине // Саботиновская и срубная культура: проблемы взаимосвязей востока и запада в эпоху поздней бронзы. Киев; Николаев; Южноукраинск, 1997.

Таиров А.Д. "Киммерийские" кинжалы из Южного Зауралья // Нижневолжский археологический вестн. Вып. 5. Волгоград, 2002.

Телегін Д.Я. Средньо-стогівська культура епохи міді. Київ, 1973.

Тереножкин А.И. Предскифский период на днепровском Правобережье. Киев, 1961.

Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев, 1976.

Формозов А.А. О древнейших антропоморфных стелах Северного Причерноморья // СЭ. 1965. № 6.

Формозов А.А. Очерки по первобытному искусству. М., 1969.

Халиков А.Х. Стелы с изображением оружия раннего железного века // СА. 1963. № 3.

Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи Раннего Железа VIII–VI вв. до н.э. М., 1977.

Худяков М.Г. Ананьинская культура // Казанский губернский музей за 25 лет. Казань, 1923.

Худяков Ю.С. Херексуры и оленные камни // Арехология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск, 1987.

Членова Н.Л. Оленные камни как исторический источник. Новосибирск, 1984.

Членова Н.Л. О культурной принадлежности Старшего Ахмыловского могильника, новомордовских стелах и "отделившихся скифах" // КСИА. 1987. Вып. 194.

Членова Н.Л. К вопросу о происхождении оленных камней // Вопросы археологии и истории Южной Сибири. Барнаул, 1999.

Чижевский А.А. Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках (предананьинская и ананьинская культурно-исторические области): Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2002.

Чижевский А.А. Ананьинские (постмаклашеевские) стелы IX–VI вв. до н.э. // Древности Евразии от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти Валерия Сергеевича Ольховского. М., 2005.

Чижевский А.А., Марков В.Н. Стелы ананьинского типа (классификация и назначение) // Болгар и проблемы изучения древностей Урало-Поволжья. Болгар, 1999.

Шапошникова О.Г., Фоменко В.Н., Довженко Н.Д. Ямная культурно-историческая область (южнобугский вариант). Киев, 1986.

Щепинський А.О. Кемі-Обинська культура // Археологія Українськой РСР. 1971. Т. I.

Aspelin J.R. Muinaisjäännöksia Suomen suvum asumus – alolita // Antiquites du Nord Finno-Ougrien. T. II. Helsinki; Paris, 1877.

Guyla T. Pecs-Jakabhegyi földvar es tumudo-sok // Arhaeologia Ertesito. 1950. № 77(I).

Genesis and chronology issues of Anan'yino (post-Maklasheevka) stelae

A. A. Chijevsky

Summary

The article considers the origin of Anan'yino stelae from the Volga-Kama region. The images are concentrated in the low reaches of the Kama and adjacent areas of the Volga, within the limits of one the four cultures belonging to the Anan'yino cultural and historical area, – post-Maklasheevka, hence its it is more correct to speak of them as post-Maklasheevka stelae. The tradition of post-Maklasheevka (Anan'yino) stelae appeared in the 9th c. BC and reached its peak in the middle of the 8th – middle of the 7th cc. BC, fading out in the second half of the 7th–6th cc BC. The author comes to the conclusion that the forms of the post-Maklasheevka sculptured images are connected with the Central Asian tradition. The figural repertoire of the images also proves the influence of the traditions of stag stones and Cimmerian stelae. Nonetheless, it is not possible to say that the phenomenon was taken over at the level of ethnos. Most probably, the Volga-Kama population developed the tradition of erecting stone stelae as a result of not genetic but cultural influence from Central Asia. At the developed stage, it was influenced by the Cimmerian tradition, primarily in relation to the iconography of the images; however, the influence could have been reciprocal.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2009, № 1, с. 91–98

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ ТАТАРСТАНА

ХОЗЯЙСТВО НАСЕЛЕНИЯ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

© 2009 г. Л. Ф. Недашковский

Казанский государственный университет

В данной статье с опорой на материалы Нижнего Поволжья нами затрагиваются малоисследованные проблемы изучения хозяйства Золотой Орды.

Земледелие, скотоводство и промыслы

Традиционно Улус Джучи оценивался историками как кочевое государство со слабо развитым земледелием. Но в свете новых археологических данных это мнение представляется неверным. В состав Золотой Орды наряду с кочевыми степями входили и такие старые земледельческие регионы, как Булгар, Хорезм, Крым и Северный Кавказ.

На Бóлгарском городище в золотоордынский период были известны мягкая пшеница, пшеница-двузернянка (полба), пшеница карликовая, просо, ячмень (голозерных и пленчатых форм, а также бутылковидный), овес, рожь, горох, вика, чечевица, огурцы, яблоки, лен, конопля (Краснов, 1987. С. 218). На Селитренном городище были также найдены при раскопках косточки винограда и семечки арбузов (Федоров-Давыдов, 2001. С. 231).

На поселениях Багаевское, Колотов Буерак, Хмелевское I и Широкий Буерак в Саратовском р-не Саратовской обл. в ходе раскопок автора статьи в 2001–2003 гг. впервые на золотоордынских памятниках была проведена флотация культурного слоя и заполнения исследованных сооружений. Из нижнего, нераспаханного горизонта культурного слоя и из заполнения сооружений на поселении Широкий Буерак были взяты 39 образцов, на Багаевском селище – 66 образцов, на поселении Колотов Буерак – 17 образцов, из предматериковых напластований раскопа III на Хмелевском I селище – еще 6 образцов[1]. На поселении Широкий Буерак было обнаружено 209 определимых зерен культурных растений, на Багаевском селище – 370 зерен, на поселении Колотов Буерак – 20 зерен, на Хмелевском I селище – 15 зерен. На поселениях Широкий Буерак, Багаевское и Хмелевское I отмечены находки колосовых фрагментов – следов обмолота злаков; таким образом, удалось документировать факт возделывания культурных растений на месте населением исследованных памятников, а значит, и исключить версию об импортном характере зерна. Зафиксированное абсолютное преобладание в образцах проса (53.4% всех остатков культурных растений), превосходящего рожь (20.1%), пшеницу (19.6%), ячмень (5.9%), овес (0.7%) и горох (0.3%), взятые вместе, на наш взгляд, неслучайно. Зернышки проса были зафиксированы нами на Хмелевском I селище в заполнении ямы 2 раскопа I-1999, представлявшей собой хозяйственное сооружение сложной подвосьмеркообразной формы; восточная часть ямы, где были найдены зерна, наиболее глубокая, видимо, служила колоколовидным в сечении погребом со ступенчатым спуском в него.

О возделывании проса в Золотой Орде сообщают средневековые авторы. Еще Плано Карпини и Гильом Рубрук в середине XIII в. указывали на употребление в пищу проса в Монгольской империи, упоминая при этом из других злаков только рис и ячмень, служившие для приготовления напитков (Плано Карпини, 1957. С. 36, 95, 124, 138, 146, 148, 154). Просо (*tari*), овес (*ous*), пшеница (*coptaluc*), полба (*suulu*), ячмень (agra), рис (*tuturgan*, *brinč*, *bri[ng]*), горох (*brizac*, *noghuc*) и чечевица (*maruimac*) упоминаются в половецкой части словаря “Codex Cumanicus” (1981. P. 107, 130, 131; Drimba, 2000. P. 96, 109) (первоначально написанного в 1303 г. на материалах конца XIII в.), составленного для итальянцев, приезжавших в Улус Джучи. “История Вассафа” повествует о мешке проса, отправленном ханом Токтой хулагуидскому ильхану Газану в 702 г.х. (1302/1303 гг.) как символ многочисленности ордынского войска (Тизенгаузен, 1941. С. 83). В географической работе ал-Омари (700–749 гг.х./1300/1301–1348/1349 гг.) сообщается о земледелии в Золотой Орде: “Посевов у них мало, и меньше всего пшеницы и ячменя, бобов же почти нельзя отыскать. Чаще всего встречаются у них посевы проса; им они питаются и по части произведений земли в нем (заключается главная) еда их” (Тизенгаузен, 1884. С. 230). По словам того же ал-Омари, пшеница, ячмень, просо двух видов – говорится о просе (дохн) и “джаверсе (род проса), похожем на зерно трилистника”, – и чечевица продавались на базарах Сарая (Тизенгаузен, 1884. С. 242). Иосафат Барбаро также упоминает об употреблении ордынцами проса в пищу и для жертвоприноше-

[1] Анализ был проведен в лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН с.н.с., к.и.н. Е.Ю. Лебедевой.

ний; кроме проса он называет только пшеницу и овес, которым кормили лошадей (1971. С. 142, 146, 149, 150). Амброджо Контарини, проезжавший через Нижнее Поволжье в 1476 г., упоминает уже только о рисе и сухарях "из довольно хорошей пшеничной муки", а также о луке и чесноке (Барбаро, 1971. С. 221, 224).

Итальянские и византийские купцы закупали в Золотой Орде различные виды зерна: пшеницу, просо и ячмень, в порядке значимости по объемам вывоза (Барбаро, 1971. С. 52, 53, 57, 66; Еманов, 1995. С. 100, 101, 103, 104, 108–116, 118, 146, 149; Карпов, 1989. С. 27–34; 1990. С. 145; 1991. С. 191; 2000. С. 156, 175, 176, 183; Kramarovsky, 1993. P. 250, 251, 259, 260; Pegolotti, 1936. P. 24, 42, 54, 55). Франческо Пеголотти сообщает о высоких качествах пшеницы, вывозившейся из Кафы и Монкастро (Pegolotti, 1936. P. 42). Однако не все регионы Улуса Джучи были в состоянии полностью обеспечивать себя продукцией земледелия: известный арабский путешественник Ибн Баттута приводит сведения о доставке пшеницы и ячменя из Термеза в Хорезм по Амударье на судах (Тизенгаузен, 1884. С. 309).

Гильом Рубрук упоминает о виноградниках и вине на Северо-Восточном Кавказе (Плано Карпини, 1957. С. 186). "Codex Cumanicus" содержит названия апельсина (*nainč, nouma*), лимона (*limon*), персика (*saftalu*), граната (*nardan*), абрикоса (*mismis*), сливы (*eric*), инжира (*ingir*), винограда (*xuxun*), крупноплодного мускатного винограда (*churu xuxun*), черешни (*chiras*), финика (*ghorma*), огурца (*chear*), дыни (*coun*), репы (*salghan*, *samuc*), капусты (*laghan*), свеклы (*čagundur*), тыквы (*cabuc*), лука (*sorgan*, *youa*), чеснока (*sarmisac*), шпината (*yspanac*), петрушки (*mangdan*), салата (*marul*), укропа (*raxiana*), груши (*armut*, *chertme*) и яблока (*alma*) в половецком варианте (1981. P. 125–127; Drimba, 2000. P. 106, 107). Ал-Омари приводит любопытные данные о фруктах, орехах, овощах и дыне, повествуя о Золотой Орде: "В ней (растут) разные деревья, разные плоды (как-то): виноград, гранаты, айва, яблоки, груши, абрикосы, персики и орехи. В ней (есть) плод, который на языке кипчацком зовется *батенк* (баденджан?) [т.е. баклажан – *Л.Н.*], похожий на винную ягоду… Что касается дыни, то она потребляется (?) у них чрезвычайно, и более других желтая порода. Она сохраняется и имеется у них в продолжение (целого) года. Она имеет чрезвычайную сладость и приятный вкус, а вместе с тем рассказывается много об изобилии и дешевизне ее. Некоторые из них выжимают сок ее и вываривают из нее халву (сладость). В их городах разводится много овощей, как-то: брюква, репа, капуста и другие" (Тизенгаузен, 1884. С. 233, 234). Ибн Баттута, лично побывавший в Хорезме, восторженно отзывается о хорезмских арбузах: "Подобия хорезмской дыни нет на свете, ни на востоке, ни на западе… Кожа ее зеленая, внутренность красная. Она (дыня) чрезвычайно сладка; при этом она тверда. Удивительные свойства ее (заключаются) в том, что она разрезывается, сушится на солнце, укладывается в корзины… и везется из Хорезма в самые крайние земли Индии и Китая. Между всеми сушеными фруктами нет лучше их (этих дынь)" (Тизенгаузен, 1884. С. 313). О виноградниках, садах, мельницах и земледельцах в окрестностях Судака в Крыму, а также об амбарных пошлинах, плате за гумно говорится в тарханном ярлыке Тимур-Кутлуга 1398 г. (Радлов, 1889. С. 21, 33).

В словаре "Codex Cumanicus" встречается название плуга (*saban*), а также ряд слов и выражений, связанных с его употреблением и устройством: плугарь (*sabanci*), пахать плугом (*saban surarmen, saban surdum, saban sur*), лемех (*saban temir*), пахотная земля (*tarlov, saban ieri*) (1981. P. 8, 90, 180; Drimba, 2000. P. 40, 87, 127). Египетский историк Рукн-ад-дин Бейбарс (ум. 1325) при описании конфликта Токты с Ногаем упоминает также соху (Тизенгаузен, 1884. С.110).

Плуг имел железные чересло и тяжелый лемех (симметричный или с правосторонней асимметрией) (Краснов, 1987. С. 213, 214; Савченкова, 1996. С. 8–10). Соха в золотоордынское время, судя по имеющимся материалам, была двузубой и снабжалась асимметричными сошниками и полицей (Краснов, 1987. С. 211–213; Савченкова, 1996. С. 10, 11). Для обработки почвы применялись также мотыги; при уборке урожая пользовались серпами и косами-горбушами (Савченкова, 1996. С. 11, 12).

Иосафат Барбаро, живший с 1436 по 1452 г. в Тане, венецианской колонии в устье Дона, приводит в своем "Путешествии в Тану" интересные данные о земледелии в степной части Золотой Орды: "Около февральского новолуния устраивается клич по всей орде, чтобы каждый, желающий сеять, приготовил себе все необходимое, потому что в мартовское новолуние будет происходить сев в таком-то месте, и что в такой-то день такого-то новолуния все отправятся в путь. После этого те, кто намерен сеять сам или поручить сев другим, приготовляются и уговариваются между собой, нагружают телеги семенами, приводят нужных им животных и вместе с женами и детьми – или же с частью семьи – направляются к назначенному месту, обычно расположенному на расстоянии двух дней пути от того места, где в момент клича о севе стояла орда. Там они пашут, сеют и живут до тех пор, пока не выполнят всего, что хотели сделать. Затем они возвращаются в орду.

Хан поступает со своей ордой так же, как мать, пославшая детей на прогулку и не спускающая с них глаз. Поэтому он объезжает эти посевы – сегодня здесь, завтра там, не удаляясь [от своих лю-

дей] больше чем на четыре дня пути. Так продолжается, пока хлеба не созреют. Когда же они созреют, то он не передвигается туда со всей ордой, но уходят туда лишь те, кто сеял, и те, кто хочет закупить пшеницу. Едут с телегами, волами и верблюдами и со всем необходимым, как при переезде в свои поместья.

Земли там плодородны и приносят урожай пшеницы сам-пятьдесят – причем она высотой равна падуанской пшенице, – а урожай проса сам-сто. Иногда получают урожай настолько обильный, что оставляют его в степи" (Барбаро, 1971. С. 150).

Судя по приведенной цитате, в степной зоне господствовала переложная система земледелия, в Среднем Поволжье применялись "также в известной степени пестрополье и двуполье, сочетающиеся с перелогом" (Краснов, 1987. С. 223).

Наряду с земледелием одной из экономических основ золотоордынского государства являлось скотоводство. Из числа кочевников-скотоводов комплектовалась вся армия Джучидов вплоть до второй половины – конца XIV в.

Скотоводство развивалось не только в кочевом хозяйстве, основой которого оно являлось, но и в среде оседлого населения.

В питании населения Нижнего Поволжья в золотоордынское время, судя по остеологическим данным, преобладали говядина, баранина и конина. Помимо костных остатков коров, быков, волов, овец, коз и лошадей на золотоордынских поселениях Нижней Волги найдены кости верблюдов, свиней, собак, кошек, домашних кур и уток (Недашковский, 2006. С. 79–81). Мелкий рогатый скот забивался в возрасте 2 месяцев – 3 лет и старше, крупный рогатый скот – 5 месяцев – 6 лет и старше, лошади – 1–12 лет и старше, свиньи – 1–2 лет и старше. Скот разводился с целью получения не только мяса, но и молока, шерсти, кож; значима была и роль навоза – единственного удобрения в земледельческом хозяйстве средневековья. Быки и волы служили для перевозки грузов (для этого также использовались верблюды и лошади) и для пахоты (Петренко, 1988. С. 258, 259; Цалкин, 1967. С. 117, 129).

Плано Карпини повествует о монголах: "Они очень богаты скотом: верблюдами, быками, овцами, козами и лошадьми. Вьючного скота у них такое огромное количество, какого, по нашему мнению, нет и в целом мире; свиней и иных животных нет вовсе" (Плано Карпини, 1957. С. 28). Иосафат Барбаро замечает относительно количества скота в Улусе Джучи в XV в.: "Что же рассказать о великом, даже бесчисленном множестве животных в этой орде? Поверят ли мне?" (Барбаро, 1971. С.149).

Разведение лошадей в степи имело важное военное значение: каждый воин при выступлении в поход обязан был иметь с собой несколько лошадей. Помимо этого, из кобыльего молока изготавливали кумыс – традиционный напиток степных кочевников. Скотом и кумысом номады платили налоги (Федоров-Давыдов, 1973. С. 39, 40). В летнее время кочевники преимущественно употребляли в пищу различные молочные продукты (запасая на зиму масло, сушеные творог, сыр и вяленое мясо), а в зимнее время – мясные (Плано Карпини, 1957. С. 95, 96). Ал-Омари (700–749 гг.х./1300/1301–1348/1349 гг.) сообщает о мясной пище и об обычае дарения мяса у кочевников Улуса Джучи: "Питание их составляют животные их: лошади, коровы и овцы. … У тех из них, которые живут в степи, мясо не продается и не покупается. … Когда у одного из них начинает хиреть скотина, как-то: лошадь или корова или овца, то он закалывает ее и вместе с домочадцами своими съедает часть ее, и (часть) дарит своим соседям, а когда у них (соседей) также портится овца, или корова, или лошадь, то они закалывают ее и дарят (часть ее) тем, кто их одарил. По этой причине в домах их (никогда) не бывает недостатка в мясе. Это (обыкновение) так установилось между ними, как будто дарение мяса обязательное постановление" (Тизенгаузен, 1884. С. 230, 231).

Золотая Орда в огромных количествах экспортировала скот. Так, в Индию в массе вывозились лошади для использования их в хозяйственных целях. Ибн Баттута, повествующий о вывозе лошадей из Улуса Джучи в индийские земли, сообщает о степной зоне золотоордынского государства: "Лошадей в этой земле чрезвычайно много и стоят они безделицу. … Ими они (тюрки) питаются; в их крае они (столь же обильны), как в нашей земле овцы, пожалуй, и больше. Бывает их у одного тюрка по (нескольку) тысяч. Один из обычаев тюрков-коневодов, населяющих этот край, (заключается в том), что на арбах, в которых ездят жены их, помещают кусок войлока, длиною в пядь, привязанный к тонкому шесту, длиною в локоть в углу арбы; на каждую тысячу коней полагается один (такой) кусок. Видел я, что у некоторых из них бывает по 10 кусков, а у иных и больше этого" (Тизенгаузен, 1884. С. 286). Иосафат Барбаро также подробно повествует о торговле скотом: "Среди этого народа есть торговцы лошадьми; они выводят лошадей из орды и гонят их в различные места. … Мне случалось встречать в пути купцов, гнавших лошадей в таком количестве, что они покрывали пространство целых степей. … Второй вид животных, которых имеет этот народ, – прекрасные крупные быки, причем в таком количестве, что их вполне хватает даже на итальянские бойни. Их гонят в Польшу, а некоторую часть направляют через Валахию в Трансильванию; кроме того – в Германию, а оттуда уже ведут в Италию. … Третий вид животных, которых держит этот народ, – высо-

кие мохнатые двугорбые верблюды. Их гонят в Персию и продают там по двадцать пять дукатов за каждого" (Барбаро, 1971. С. 149). Крупный и мелкий рогатый скот в большом количестве поставлялся кочевниками в соседние оседлые регионы, например в Среднее Поволжье (Петренко, 1988. С. 258, 260, 271) и на Русь, где скот отличался гораздо меньшими размерами: так, средний рост крупного рогатого скота Золотой Орды почти на 10 см выше, чем скота, разводившегося на территории Руси (Цалкин, 1967. С. 120).

Важной составляющей хозяйства Орды был охотничий промысел, о существовании которого свидетельствуют данные остеологии (Недашковский, 2006. С. 79–81) и письменных источников. Об охоте в восточной части джучидского государства на горностаев, соболей, белок, черно-бурых лисиц и сурков имеются сведения у Марко Поло (Книга Марко Поло, 1955. С. 225, 226). "Они прекрасно умеют охотиться, употребляя преимущественно луки", – сообщает о населении Улуса Джучи Иосафат Барбаро (1971. С. 142). Пушнина (меха соболя, горностая, куницы, ласки, лисицы, рыси, белки, зайца, бобра, выдры, сурка, белого медведя), поступавшая преимущественно из северных районов, являлась одной из важнейших статей золотоордынского экспорта (Барбаро, 1971. С. 51, 57, 58, 66, 217; Плано Карпини, 1957. С. 88; Еманов, 1995. С. 23–28, 34, 64, 80, 84, 97, 147, 149; Карпов, 1990. С. 152–154; 1991. С. 191; 2000. С. 183; Тизенгаузен, 1884. С. 297, 298; Il libro..., 1956. P. 386; Pegolotti, 1936. P. 24, 150).

По традиции, установленной еще Ясой, облавная охота (Плано Карпини, 1957. С. 99) являлась своеобразной школой военной тренировки, своего рода войсковыми маневрами. Охота была и одним из традиционных развлечений джучидской аристократии. В ярлыках Менгу-Тимура 1267 г., Бирдибека 1357 г., Тюляка 1379 г. и Тимур-Кутлуга 1398 г. в перечне золотоордынских чиновников упомянуты сокольники и барсники (Радлов, 1889. С. 21, 25; Ярлыки..., 1955. С. 465, 467, 469). Ловчие соколы, кречеты и беркуты (?) упоминаются Гильомом Рубруком (Плано Карпини, 1957. С. 98, прим. 59). Русские летописи под 1283 г. сообщают, что ордынские сокольники промышляли лебедей (Приселков, 1950. С. 340, 341; Летопись по Воскресенскому списку, 1856. С. 177; Московский…, 1949. С. 154, 155; Летописный свод…, 1963. С. 62, 222). Послы Токты в 702 г.х. (1302/1303 гг.) поднесли ильхану Газану в числе подарков охотничьих соколов, шкурки "белок киргизских, ласок (фенек) карлукских, горностаев славянских и соболей булгарских" (Тизенгаузен, 1941. С. 83). Соколы упоминаются в числе подарков посольства 717 г.х. (1317/1318 гг.) хана Узбека к египетскому султану (Тизенгаузен, 1884. С. 325, 326, 438). Кречеты посылались Узбеком в Китай великому каану династии Юань (Cathay…, 1866. P. 238). Послы Джанибека, прибывшие в Египет в шаабане 758 г.х. (20 июля – 18 августа 1357 г.), передали подарки, среди которых были собольи меха и хищные птицы (Тизенгаузен, 1884. С. 441). 30 января 1385 г. посольство Токтамыша к египетскому султану поднесло ему в числе подарков семь соколов (Тизенгаузен, 1884. С. 441). Об охоте с соколами и кречетами, а также об охоте на оленей, гусей, щеглов сообщает Иосафат Барбаро (Барбаро, 1971. С. 147, 148).

Высокий уровень развития рыболовства подтверждается имеющимися остеологическими и археологическими материалами (Недашковский, 2006. С. 79–81). Судя по типам грузил и крючков, был известен лов волоковыми (как небольшими, так и крупными) и ставными (как типа неводов, так и многостенными) сетями, снастями-переметами и с помощью удилища (в том числе на "живца"); волоковой сетевой лов был гораздо более популярен, чем ставной (Недашковский, 2002). Вяленая и соленая рыба (в том числе осетры и осетровые балыки), а также икра вывозились из Золотой Орды итальянскими купцами (Барбаро, 1971. С. 50–52, 57–58; Еманов, 1995. С.79, 100–102, 104, 122–124, 146, 149; Карпов, 1990. С. 149; 1991. С. 191, 195, 210; 2000. С. 183; Устав…, 1863. С. 803; Шрайнер, 1981. P. 218; Il libro…, 1956. P. 416, 676, 701; Pegolotti, 1936. P. 24, 102, 380). Рубрук сообщает о закупке купцами из Константинополя (т.е., очевидно, итальянскими, так как речь идет о периоде, когда город был столицей Латинской империи) сушеных осетров, лещей "и других рыб в беспредельном количестве" в устье Дона, обитателей берегов которого путешественник описывает как имеющих сушеную рыбу в больших количествах (Плано Карпини, 1957. С. 88, 109). Иоганн Шильтбергер характеризует Азак как город "на берегу Дона, изобилующего рыбой, которую вывозят на больших судах и галерах в Венецию, Геную и острова Архипелага" (Шильтбергер, 1984. С. 44, 45). Иосафат Барбаро, рассказывая о Волге и Каспийском море, сообщает, что "в реке, как и в море, неисчислимое количество рыбы" (Барбаро, 1971. С. 157). Контарини повествует о промысле рыбы (в том числе осетров, белуг) и тюленей на Каспии (Барбаро, 1971. С. 216, 218).

С заготовкой рыбы тесно связана также добыча соли. Наличие этого промысла в Золотой Орде и экспорт соли на Русь подтверждаются сообщениями Барбаро, Контарини (Барбаро, 1971. С. 157, 219) и Рубрука, повествующего также о значительных доходах ханской казны от контроля над солеварением (Плано Карпини, 1957. С. 90, 91, 107). На карте космографа Фра-Мауро 1459 г. у р. Урал изображена гора с припиской "соляная гора" (Il mappamondo…, 1956. P. 56, XXXIII).

Имел определенное значение и бортный промысел. Мед и воск экспортировались Улусом

Джучи; мед, травы, коренья собирались и употреблялись в пищу населением (Барбаро, 1971. С. 51, 52, 57, 66, 142, 153, 220; Плано Карпини, 1957. С. 95; Еманов, 1995. С. 32, 33, 79, 84, 95–97, 104, 111, 128, 129, 147, 149; Карпов, 1990. С. 131; 1991. С. 195, 210; Тизенгаузен, 1884. С. 234; Pegolotti, 1936. P. 24, 43, 150). "Codex Cumanicus" в половецкой части содержит названия ореха (*cox*), лесного ореха (*čatlauc*), миндаля (*badam*), фисташки (*pistac*), каштана (*castana*), руты (*sadaf*), мяты (*gischic*) и шалфея (*salg*) (1981. P. 125, 126; Drimba, 2000. P. 106); следовательно, они могли также собираться. Проводился сбор трав и для лечебных целей: так, соцветия цитварной полыни вывозились из Причерноморья и Приазовья в Западную Европу и на Ближний Восток (Барбаро, 1971. С. 147. Прим. 69; Еманов, 1995. С. 84, 119; Pegolotti, 1936. P. 69, 138, 429, 430).

Ремесло

Некоторые историки высказывали мнение о недостаточной развитости золотоордынского ремесла (Сафаргалиев, 1960. С. 76–78). Однако даже для XV в., когда основные городские центры Улуса Джучи уже пришли в упадок или прекратили свое существование, мы имеем следующее сообщение Иосафата Барбаро о золотоордынской армии: "В их войске есть ремесленники – ткачи, кузнецы, оружейники и другие, и вообще есть все необходимые ремесла" (Барбаро, 1971. С. 147). Подробно охарактеризовать ремесло Золотой Орды позволяют данные археологии.

Своеобразие продукции золотоордынского ремесла таково, что позволяет отличать ее от изделий производственных центров других средневековых государств.

Среди всех видов ремесел в первую очередь следует отметить *гончарство*. Неполивная красноглиняная гончарная керамика является определяющим материалом для памятников золотоордынского круга. Широко применялись керамические изделия самых различных форм и размеров. Они не имели, как правило, художественного оформления и сложной орнаментации, но отличались высокими техническими характеристиками.

Горны для обжига неполивной керамики известны на Водянском, Селитренном, Царевском, Болгарском, Наровчатском и Увекском городищах, а также на других поселениях Поволжья (Большой Шихан, Зубовка, Красный Яр, Лапас, Русский Урмат, Сухореченское, Татарская Башмаковка, Шареный Бугор и т.д.) и периферийных регионов Улуса Джучи. Известны многочисленные находки предметов, связанных с керамическим производством – печной припас (в том числе сепаи) и лощила.

В Золотой Орде в значительных количествах производилась парадная кашинная и красноглиняная поливная керамика. Горны для обжига поливной керамики известны в Нижнем Поволжье на Селитренном, Царевском и Увекском городищах.

Помимо прочих изделий керамисты изготавливали кирпичи, а также поливные мозаики и майолики на кашинной и красноглиняной основе, плитки резной терракоты, оконные решетки-рамы, резные и штампованные ганчевые пластины.

В Золотой Орде существовало развитое *стеклоделие*. Широко бытовали одноцветные и полихромные бусы, подвески, перстни, браслеты, вставки перстней, сосуды (стаканы, флаконы, кувшины, чаши, лампы и туваки), а также оконные диски. Стеклоделательные мастерские в Поволжье известны на Болгарском и Селитренном городищах.

Хорошо было поставлено *кузнечное* и *железоделательное производство*. Сооружения, связанные с обработкой железа, обнаружены не только в городах, но и на многих сельских поселениях золотоордынского времени. В Золотой Орде был известен целый ряд кузнечных технологий – изделия изготавливались не только из кричного железа, но и из сырцовой и цельной стали, из пакетного металла, применялись также техники кузнечной сварки, вварки стальной пластины в основу лезвия, торцовой, боковой и V-образной наварки стальной пластины на лезвие, цементации, закалки и пайки медью. Ассортимент изделий кузнецов был чрезвычайно широким. Из чугуна отливались котлы, чаши, втулки для осей повозок.

Была высокоразвитой и *цветная металлургия* – найдены многочисленные литейные формы, тигли, льячки, ювелирные наковаленки и молоточки, зубила, слесарные ножницы, матрицы, отходы производства, бракованные изделия. Отходы бронзолитейного производства обнаружены не только в городах, но и на сельских поселениях Золотой Орды. На Царевском городище помимо бронзолитейной мастерской была исследована и ювелирная. Продукция цветной металлообработки и ювелирного дела представлена большим количеством различных типов изделий.

Тесно связанным с *ювелирным* делом было *камнерезное* ремесло. В золотоордынских городах Поволжья осуществлялась обработка поделочных и драгоценных камней (Полубояринова, 1991). В больших количествах производились каменные жернова, точильные камни, оселки, рыболовные грузила, напрясла и ядра. Камнерезы изготавливали также надгробия и резные архитектурные детали.

На высоком уровне находилось и *косторезное* дело, располагавшее рядом технологий, в числе которых были обработка изделий на токарном станке и их полировка. Косторезные мастерские известны на Царевском, Селитренном и Болгарском городищах.

Было развито *кожевенное* дело. Из кожи изготавливали сумки, кошели, мешочки, футляры,

амулеты, налучья, колчаны, ремни, шаровары, сапоги, головные уборы, чехлы для зеркал, игольники, ею обтягивались седла. Из ткани шились одежда и головные уборы, изготавливались пояса, кошельки, чехлы для зеркал. Применялся также войлок.

Стоит выделить также *деревообрабатывающее* ремесло. Огромное развитие получило в Золотой Орде и *строительное дело*.

Торговля

В золотоордынский период наблюдается невиданный всплеск развития торговых связей. Уже в начале XIV в. существовали торговые связи с Индией, что подтверждается рассказами о товарах (мечах, льне и льняном полотне), привозившихся из Руси в Индию, в трудах авторов первой половины XIV в. – Амира Хусрау и ал-Омари (Заходер, 1955. С. 17; Лимонов, 1961. С. 59).

В торговых связях Золотой Орды с Индией, по свидетельству Ибн Баттуты, огромное значение имел вывоз лошадей из кипчакских степей в индийские земли. В Индию ввозились из Золотой Орды и шкурки пушных зверей (соболя, горностая), в большинстве своем покупавшиеся булгарскими купцами у народов Севера или поступавшие с территории Руси.

В бассейне Волги известен целый ряд находок монет делийских султанов – как единичных, так и в составе кладов. С Царевского городища известна находка серебряной монеты Гийяс ад-дина Тоглука 722 г.х., все остальные индийские монеты из Поволжья – золотые.

Помимо монет из Индии привозили хлопчатобумажные ткани, необработанную слоновую кость, встреченную в материалах Селитренного городища, с берегов Индийского океана – раковины каури и кораллы.

В Поволжье привозились из Хорезма талькохлоритовые сосуды (преимущественно котлы) и сероглиняная керамика, достигавшие на западе даже Днестра и Азака; в Хорезме и на Устюрте, в свою очередь, встречается посуда из Поволжья (Федоров-Давыдов, 2001. С. 210–213, 221. Табл. 105, 106).

Из Китая в Поволжье поступали шелковые и парчовые ткани, фарфор, а также китайские бронзовые зеркала и изделия из нефрита. На Селитренном городище известны находки корейского селадона XIV в. (Федоров-Давыдов, 2001. С. 218, 219).

Из Поволжья вывозили в Причерноморье и далее вплоть до Средиземноморья и Италии рыбу осетровых пород, икру, меха и соль. В Азак, Крым и Северное Причерноморье вплоть до Балкан поступала поволжская кашинная, красноглиняная поливная, неполивная и штампованная керамика (Федоров-Давыдов, 2001. С. 210). Венецианские и генуэзские купцы торговали во второй половине XIII–XIV в. в Нижнем Поволжье и далее на восток вплоть до Индии и Китая (Еманов, 1995. С. 95, 96; Федоров-Давыдов, 2001. С. 205, 206, 213).

На памятниках золотоордынского Поволжья встречаются фрагменты трапезундских, триллийских, крымских, азакских амфор и амфоровидных кувшинов, свидетельствующие об импорте Золотой Ордой вина и масла, а также фрагменты причерноморской поливной посуды (Федоров-Давыдов, 2001. С. 208). Венецианский дукат XIV в. был найден в районе Астрахани, а в Болгарах в 1863 г. был найден золотой флорин 1329 г. В Каратунском кладе встречены трапезундская монета и пражский грош. На Водянском городище была найдена медная монета императора Трапезундской империи Михаила III (1341–1349).

Имелись и связи золотоордынского Поволжья с Византией. Это подтверждает находка на Болгарском городище медной византийской монеты императоров Андроника II и Михаила IX Палеологов (1295–1320 гг.), а на поселении Самосделка в Астраханской области – иперперона Андроника II (1282–1332 гг.).

В Египет из Золотой Орды наиболее активно вывозились рабы. У населения Улуса Джучи покупали детей в качестве рабов сами египетские купцы.

С Ближнего Востока в золотоордынское Поволжье привозились прозрачные стеклянные лампы с росписью эмалью разных цветов и другие стеклянные сосуды, а также некоторые виды кашинной керамики. В одном из погребений у поселка Комсомольский Красноярского р-на Астраханской обл. был найден каирский динар мамлюкского султана Египта Бейбарса I (1260–1277). С Селитренного городища известна находка дамасского динара династии Мамлюков 771 г.х. С Ближнего и Среднего Востока в Поволжье поступали художественные латунные сосуды с серебряной и золотой инкрустацией.

О размахе торговли золотоордынского Нижнего Поволжья с Ираном свидетельствуют находки фрагментов иранской керамики типа “минаи” и сосудов с люстровой росписью; из Закавказья в Поволжье поступала красноглиняная поливная керамика. Привозились из Ирана шелковые и парчовые, а также, вероятно, и хлопчатобумажные ткани.

Интересны поволжские находки монет южных государств XIII–XV вв., свидетельствующие об их тесных торговых связях с Золотой Ордой. Монеты Хулагуидов, Джелаиридов, Джагатаидов и Тимуридов широко известны как с памятников Среднего и Нижнего Поволжья, так и в составе кладов из этих регионов. В большинстве своем монеты Хулагуидов, Джелаиридов и Тимуридов встречены в крупных кладах, которые можно связать с купеческим капиталом.

Находки хулагуидских и джелаиридских монет в Поволжье говорят о широких торговых связях данного региона Золотой Орды с Ираном. Эти связи сохранялись несмотря на регулярные военные конфликты. Еще Рашид ад-Дин (ок. 1247–1318 гг.) в нескольких письмах упоминает о русских товарах (тканях), а также о беличьих и собольих шубах и мехах, привозимых в Хулагуидский Иран (Рашид ад-Дин, 1971. С. 55, 125–132, 233, 234, 236–238, 240, 280, 287–289, 292, 415), безусловно, через территорию Улуса Джучи. Ибн Баттута свидетельствует о наличии собольих воротников на одежде купцов "Персии и обоих Ираков" (Тизенгаузен, 1884. С. 298). Персидский историк Хамдаллах Казвини в 1340 г. сообщает даже о кораблях, приходящих к острову Ним-Мурдан (Мазандеран) из Руси по Волге и Каспию (Рашид ад-Дин, 1971. С. 55).

Торговля Северо-Восточной Руси с Востоком шла именно по Волжскому пути. Ибн абд-аз-Захир писал о Волге в связи с приездом послов мамлюкского султана к золотоордынскому хану Берке в Нижнее Поволжье в 1263 г.: "по ней (ходят) суда русских" (Тизенгаузен, 1884. С. 63).

На Русь поступали из Золотой Орды хорезмские каменные котлы, перстни из стекла, стеклянные и кашинные бусы, неполивная, поливная и штампованная золотоордынская керамика, встреченная при раскопках многих русских городов вплоть до Новгорода и Белоозера. Через золотоордынское Поволжье привозились на Русь сердолик, горный хрусталь и лазурит, иранская, сирийская, среднеазиатская и закавказская поливная керамика, китайские селадоны, ближневосточная стеклянная посуда. В новгородской берестяной грамоте № 125 рубежа XIV–XV вв. имеется фраза "купи ми зендянцю добру", в которой названа хлопчатобумажная ткань "зендень" ("занданичи"), получившая наименование по селению Зандана (Зендене) под Бухарой (Арциховский, 1969. С. 281). По всей Волге и далее вплоть до Новгорода с Кавказа распространялся самшит, а с берегов Индийского океана – раковины каури.

Встречаются клады золотоордынских монет в московских и нижегородских землях. Отмечены также единичные находки джучидских дирхемов и пулов на территории Московского, Тверского, Суздальско-Нижегородского княжеств.

Из Русских земель в Среднее и Нижнее Поволжье поступали стеклянные браслеты, некоторые типы перстней, а также янтарь.

С конца XIV в., когда на Руси возобновляется чеканка монет, русские денги часто присутствуют (от 0.1 до 13.4%) в составе золотоордынских монетных кладов Среднего и Нижнего Поволжья; судя по размерам кладов, содержащих в своем составе русские монеты, данные комплексы, вероятно, являются сбережениями купцов, ведших торговые операции на Руси. На Селитренном городище был найден клад из более чем трех тысяч серебряных монет. Определимые монеты преимущественно относились к чеканке Суздальско-Нижегородского княжества, кроме них в кладе имелись 13 денег великого князя московского Василия II Васильевича и пять золотоордынских дирхемов XV в. Встречаются русские монеты и как единичные находки на поселениях Среднего и Нижнего Поволжья.

Золотоордынская междоусобица 60-х – 70-х годов XIV в. нанесла большой удар по поволжской торговле. В конце правления Токтамыша важнейшие золотоордынские города, являвшиеся центрами международной и внутренней торговли, приходят в упадок или вообще полностью прекращают свое существование в результате походов на Золотую Орду Тимура.

Основные торговые пути между Востоком и Западом окончательно сместились в южном направлении и перестали проходить по территории Улуса Джучи. Но торговля в Сарае даже в XV в. приносила немалые доходы иноземным купцам. Сохранился отчет ширазского купца Шамс ад-Дина Мухаммеда, продавшего в Сарае в 1438 г. свои товары и закупившего там китайские шелк-сырец, шелковую камку, атлас, европейское сукно и русское полотно (Заходер, 1955).

Мы можем заключить, что сельское хозяйство оседлых регионов Золотой Орды было хорошо развитым. Охота, которая преимущественно велась с целью получения ценных мехов и как источник мяса, имела небольшое значение. Мясная пища населения Нижнего Поволжья в золотоордынское время преимущественно была представлена продукцией хорошо развитого скотоводства, экспортировавшего свою продукцию в Европу и на Средний Восток до Индии. Рыболовство было также хорошо развито и экспортировало свою продукцию вплоть до Италии. Особенно важно в питании населения Нижней Волги было потребление осетров и белуг. Среди промыслов следует отметить солеварение, бортничество, собирание орехов, трав и кореньев. Улус Джучи имел хорошо развитое для своего времени ремесло. География торговых контактов золотоордынского Поволжья необычайно широка: Русь, Западная и Центральная Европа, Причерноморье, Средиземноморье, Ближний и Средний Восток, Средняя Азия, Индия, Китай, Корея.

Работа выполнена при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых № МК-1053.2005.6.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арциховский А.В. Одежда // Очерки русской культуры XIII–XV веков. Ч. 1. М., 1969.

Барбаро и Контарини о России: К истории итало-русских связей в XV в. / Вступит. статьи, подгот. текста, пер. и ком. Е.Ч. Скржинской. Л., 1971.

Еманов А.Г. Север и Юг в истории коммерции: На материалах Кафы XIII–XV вв. Тюмень, 1995.

Заходер Б.Н. Ширазский купец на Поволжье в 1438 г. (К вопросу о русских экономических связях с Сибирью, Средней Азией и Передним Востоком) // Краткие сообщения Ин-та востоковедения. XIV. М., 1955.

Карпов С.П. Торговля зерном в Южном Причерноморье в XIII–XV вв. // Византийский временник. Т. 50. М., 1989.

Карпов С.П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: проблемы торговли. М., 1990.

Карпов С.П. Документы по истории венецианской фактории Тана во второй половине XIV в. // Причерноморье в средние века. М., 1991.

Карпов С.П. Латинская Романия. СПб., 2000.

Книга Марко Поло / Пер. старофранц. текста И.П. Минаева. Ред. и вступит. статья И.П. Магидовича. М., 1955.

Краснов Ю.А. Некоторые вопросы истории земледелия у жителей города Болгара и его округи // Город Болгар: Очерки истории и культуры. М., 1987.

Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись) // ПСРЛ. Т. XXVIII. М.; Л., 1963.

Летопись по Воскресенскому списку // ПСРЛ. Т. VII. СПб., 1856.

Лимонов Ю.А. Из истории восточной торговли Владимиро-Суздальского княжества // Международные связи России до XVII в. М., 1961.

Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. Т. XXV. М.; Л., 1949.

Недашковский Л.Ф. Рыболовный инвентарь из Укека и его округи // Поволжье и сопредельные территории в средние века. Тр. ГИМ. 2002. Вып. 135.

Недашковский Л.Ф. Нижневолжский золотоордынский город и его округа // РА. 2006. № 4.

Петренко А.Г. Остеологические остатки животных из Болгара // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. М., 1988.

Плано Карпини. История монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны / Ред., вступит. статья и прим. Н.П. Шастиной. М., 1957.

Полубояринова М.Д. Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. М., 1991.

Приселков М.Д. Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950.

Радлов В.В. Ярлыки Токтамыша и Темир-Кутлуга // ЗВОРАО. 1889. Т. III.

Рашид ад-Дин. Переписка / Пер., введ. и ком. А.И. Фалиной. М., 1971.

Савченкова Л.Л. Черный металл Болгара. Типология // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996.

Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. СПб., 1884.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. М.; Л., 1941.

Устав для генуэзских колоний в Черном море, изданный в Генуе в 1449 году // Зап. Одесского общества истории и древностей. Т. V. Одесса, 1863.

Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.

Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья: Керамика. Торговля. Быт. М., 2001.

Цалкин В.И. Домашние животные Золотой Орды // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отд. биолог. Т. LXXII. Вып. 1. М., 1967.

Шильтбергер И. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год. Баку, 1984.

Шрайнер П. Купцы и товары Причерноморья: фрагмент византийской конторской книги // Byzantino-Bulgarica. Sofia, 1981.

Ярлыки татарских ханов московским митрополитам (краткое собрание) // Памятники русского права. Вып. 3. М., 1955.

Cathay and the way thither / Transl. and ed. Yule H. V. I. L., 1866.

Codex Cumanicus / Ed. Kuun G.; with the Prolegomena to the Codex Cumanicus by Louis Ligeti. Budapest, 1981.

Drimba V. Codex Comanicus: Édition diplomatique avec facsimilés. Bucarest, 2000.

Il libro dei conti di Giacomo Badoer (Costantinopoli 1436–1440). Testo a cura di Umberto Dorini e Tommaso Bertelè. Venice, 1956.

Il mappamondo di Fra Mauro. A cura di Tullia Gasparrini Leporace, presentazione di Roberto Almagia. Venice, 1956.

Kramarovsky M.G. The Golden Horde and Levant in the epoch of Fr. Petrarca: trade, culture, handcrafts // Rivista di Bizantinistica. № 3. Bologna, 1993.

Pegolotti F.B. La pratica della mercatura / Ed. Evans A. Cambridge; Massachusetts, 1936.

Economy of the Golden Horde population

L. F. Nedashkovsky

Summary

The settled regions of the Golden Horde had a well developed agriculture. The main crop was millet, followed by rye, wheat, barley, oat and peas. Hunting, was mainly for furs and had little importance as a source of meat in comparison with livestock, which was popular not only among nomads but was also exported to India, Persia and European countries. Fishing was also well-developed and the products were exported abroad. Sturgeon and white sturgeon were an especially important food item. Among trades, sa extraction, honey, grasses and roots gathering should be mentioned. Ulus Jochi had crafts that were well-developed for the time in question. The Golden Horde Volga region had very wide trade relations: Rus, Western and Central Europe, Black Sea region, Mediterranean, Near and Middle East, Central Asia, India, China, Korea.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2009, № 1, с. 99–111

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ ТАТАРСТАНА

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ КРЕМЛЯ ХАНСКОЙ КАЗАНИ
(по материалам раскопок 1994–2005 гг.)

© 2009 г. А. Г. Ситдиков, Ф. Ш. Хузин
Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань

В середине XV в. Казань становится столицей государства, получившего в исторической литературе название "Казанское ханство". Возрождение былых торговых традиций Волжской Булгарии, выгодное расположение на Волге способствовали возвышению города и повышению его роли в транзитной торговле. К началу XV в. это уже крупный торгово-ремесленный город с международной ярмаркой на Гостином острове. Усилившись экономически и политически, Казань к середине XV в. превратилась в самостоятельный региональный центр. Эти объективные причины во многом определили выбор первых казанских ханов, сделавших ее своей столицей, а укрепленную крепость на современном Кремлевском холме – местом постоянного пребывания.

Период Казанского ханства в истории татарского народа долго оставался слабо исследованным в археологическом отношении. Его памятники почти не подвергали раскопкам (небольшие работы охранно-спасательного характера в Казанском кремле вели в 1920–1950-е годы И.Н. Бороздин и Н.Ф. Калинин, в 1970-е – А.Х. Халиков, Л.С. Шавохин и А.Г. Мухамадиев). Ситуация существенно изменилась с созданием в 1994 г. Государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника "Казанский кремль", который совместно с Институтом истории АН РТ и Казанским государственным университетом выступил инициатором планомерных и крупномасштабных археологических исследований (руководитель экспедиции – Ф.Ш. Хузин). За 1994–2005 гг. на территории кремля и в исторической части города заложено более 60 раскопов общей площадью около 20 тыс. м^2 (рис. 1) при средней мощности культурного слоя до 3 м (в районе оборонительных стен толщина слоя до 8–12 м).

Одно из достижений Казанской археологической экспедиции – создание стратиграфической шкалы культурных отложений кремля за тысячелетний период его функционирования, включающей пять хронологически разновременных слоев. С периодом Казанского ханства связан III слой, хорошо отличающийся от вышележащего II (русского времени) и нижележащего IV (золотоордынского времени) как по консистенции и структуре (плотная пестроцветная супесь со строительными остатками), так и по комплексу находок (в их числе – многочисленные монеты преимущественно русского чекана второй половины XV – первой половины XVI в.). От II слоя его отделяет углистая прослойка пожара 1552 г., прослеженная практически на всех раскопах. Средняя мощность III слоя 70–80 см (в южной, менее освоенной части кремля до 20–30 см). С ханским временем увязывается большое количество строительных горизонтов разных объектов – жилых и хозяйственных построек, каменных зданий, фортификационных сооружений (рис. 2 *А*). Активная застройка Казанской крепости в ханский период приводила к разрушению более ранних напластований и включению в горизонты слоя значительного объема материкового грунта и более раннего вещевого материала.

Как показали наши исследования, к моменту образования Казанского ханства укрепленная часть города (в аутентичных источниках – *арк*) находилась в пределах крепости домонгольско-золотоордынского времени. После образования ханства численность населения заметно выросла, были освоены новые территории, увеличилось количество жилых и общественных построек. В этот период закрепились ранее сформировавшиеся принципы внутренней планировки города, но произошли и изменения, особенно в расположении укреплений.

Долгое время среди исследователей не было единства по вопросу о южной границе укреплений Казанской крепости. Она увязывалась, как правило, с остатками "старых городней", упоминаемых в Писцовой книге г. Казани 1565–1568 гг. (Материалы по истории…, 1932. С. 6), а также со рвом, зафиксированным в ходе наблюдений И.Н. Бороздина и Н.Ф. Калинина в 1928, 1947 гг. Л.С. Шавохин, вслед за П. Заринским (1884) и М.Г. Худяковым, полагает, что при описании боев за Казань в источниках якобы отсутствует упоминание штурма крепости (кроме описания столкновений русских отрядов с сеидом Кул Шарифом и его шакирдами у мечети на Тезицком

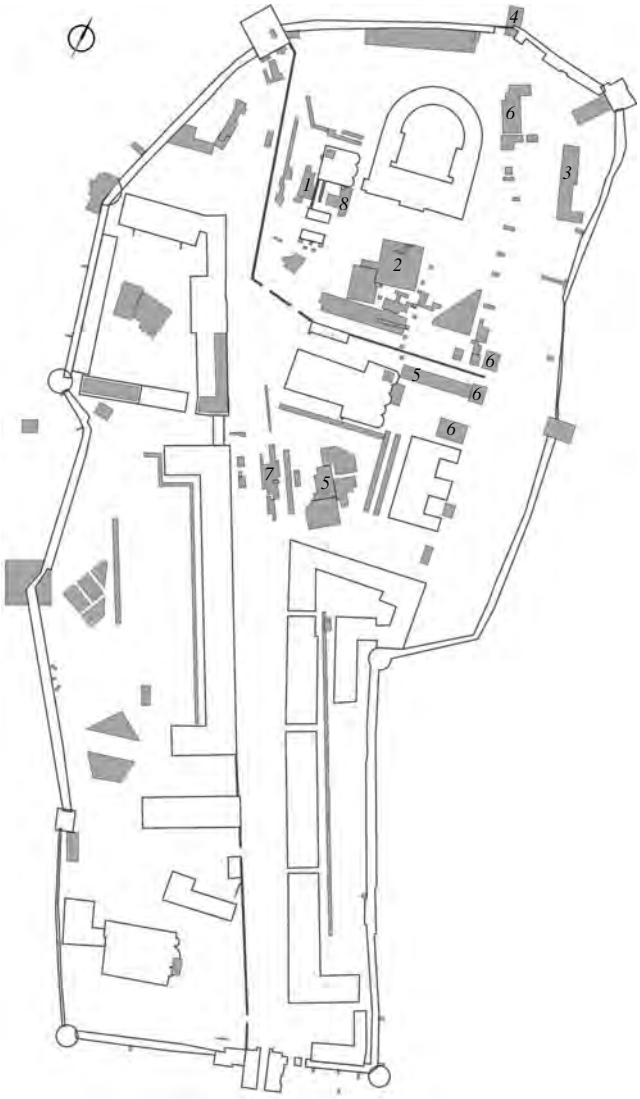

Рис. 1. План Казанского кремля с обозначением раскопов. *1* – ханские мавзолеи (раскоп IV, 1977 г.); *2* – ханский дворец (раскоп XLVIII, 2001 г.); *3* – кожевенные мастерские (раскоп XIII, 1997–2000 гг.); *4* – северная каменная башня ханского кремля (раскоп XXXV, 2000 г.); *5* – каменные здания первой половины XVI в., земляной вал XI в. (раскопы II и III, 1994–1997 гг.); *6* – каменная стена XII–XVI вв. (раскопы V, X, XIV, XVIII, XIX, XXXIII, 1995–2000 гг.); *7* – укрепления и проездные ворота XI–XII вв. Раскоп XX 1999–2000 гг.; *8* – Ханская мечеть XVI в. Раскоп XII 2002 г.

рву). Таким образом, Л.С. Шавохин вообще отрицает существование крепости как самостоятельной части города, а выявленный предшествующими исследователями ров и "старые городни" считает остатками временных укреплений, возведенных русскими сразу после взятия города и заброшенных после строительства белокаменной стены в 1560-х годах (1988).

Подобную "реконструкцию" опровергают письменные источники, упоминающие в топографической структуре города сильно укрепленный ("бе бо зело крепок") "вышгород" (Курбский, 1986. С. 253), "арк" (Усманов, 1979. С. 318), "град" (Патриаршая или Никоновская летопись, 2000. Т. XII. С. 121, 122, 253; Т. XIII. С. 47) и раскопки 2002, 2004 гг., которые выявили продолжение оборонительных рвов шириной 14 м между Преображенской (Тюменской) и Пятигранной башнями в районе Спасо-Преображенского собора недалеко от места раскопок 1928 г. (Бороздин, 1929. С. 37–40; Старков, 2006. С. 160). Таким образом, зафиксирован участок рва, известного по описаниям Писцовой книги 1565–1568 гг. как остатки старых укреплений (Материалы по истории…, 1932. С. 12). На той же линии лежит ров, выявленный наблюдениями Н.Ф. Калинина в 1947 г., который он рассматривал как остатки южных укреплений ханского кремля (1957. С. 245).

Не до конца решены проблемы, связанные с расположением других стен кремля ханского времени. Важное значение имеет локализация проездных башен, сохранившихся до настоящего времени и упоминаемых в письменных источниках второй половины XVI в. вместе со старыми названиями. Так, северо-западные Тайницкие ворота в ханское время носили название Нур-Али (Муралеевы), северо-восточные Воскресенские назывались Елбугиными, юго-западные Преображенские – Тюменскими, восточные Дмитриевские – Сбойливыми (Материалы по истории…, 1932. С. 6). Опираясь на эти данные, можно наметить линию фортификации ханской крепости, проходившей, повторяя рельеф местности, по верхнему краю крутых склонов Кремлевского холма. Судя по письменным источникам, посад Казани был укреплен деревянной стеной, состоявшей из городен (Древняя Казань…, 1996. С. 100).

Большинство исследователей полагало, что и крепость на горе имела только деревянные укрепления. Неожиданными оказались результаты исследований руинированных остатков Северной башни и прилегающей к ней стены современного кремля. В сохранившихся документах XVIII–XIX вв. эта башня описывается как круглая, построенная в русское время, т.е. не ранее второй половины XVI в. Ее остатки были открыты на раскопе XXXV (площадь 250 м^2, руководители А.М. Губайдуллин, Ф.Ш. Хузин). Но на этом же месте выявлены остатки и более ранней прямоугольной башни, строительный горизонт которой стратиграфически четко увязывался с III слоем (буро-коричневый пестроцвет с суглинистыми включениями). Комплекс находок из этого слоя включает фрагменты глиняной посуды красного цвета с розоватым оттенком и обломок чаши с бирюзовой поливой, характерные для гончарства ханского времени; четыре железных наконечника стрелы, бронзовую сюльгаму-застежку XIV–XV вв., железные пряжки, ножи, подкову для обу-

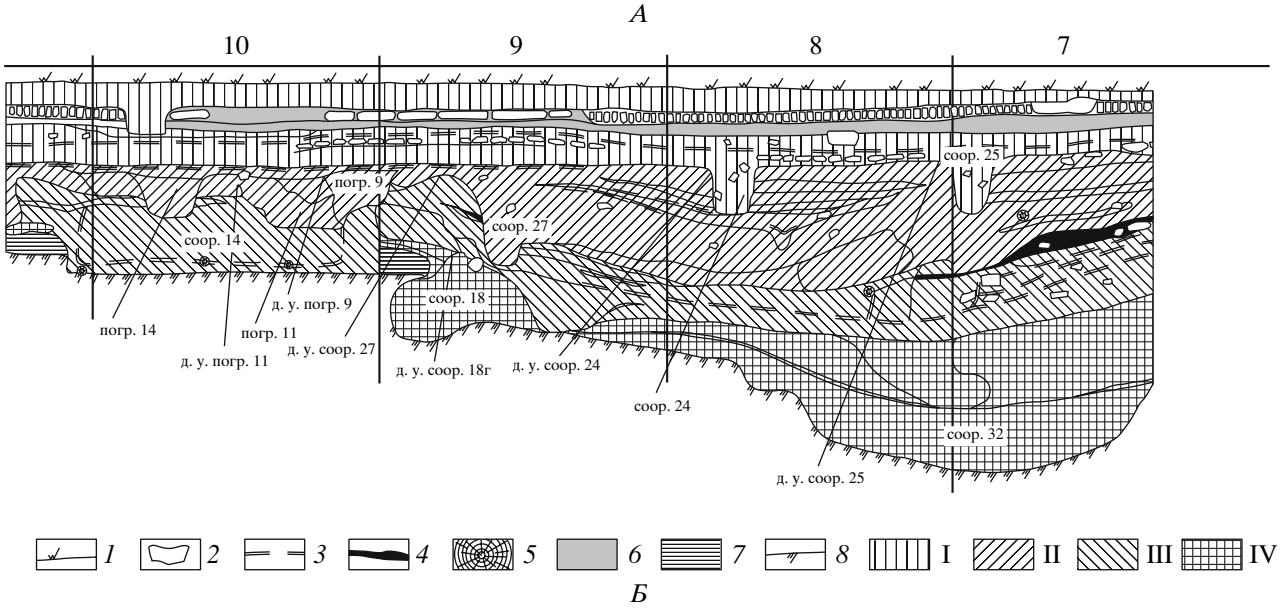

Рис. 2. Остатки укреплений древней Казани. *А* – раскоп VI. Профиль западной стенки. Условные обозначения: *1* – дерн; *2* – камень ; *3* – древесный тлен; *4* – углистая прослойка; *5* – дерево; 6 – песок; *7* – серый подзол; *8* – материковый желтый суглинок. Слои: I – XVIII–XX вв.; II – вторая половина XVI–XVII в.; III – слой ханской Казани второй половины XV – первой половины XVI в.; IV – слой княжеской Казани второй половины XIII – первой половины XV в. *Б* – вид белокаменной башни первой половины XVI в.

ви, глиняные пряслице и грузило для рыболовной сети (Валиев, 2004. Рис. 5).

Башня, сохранившаяся на высоту 400 см (северный фасад), имела в плане форму, близкую подпрямоугольной (длина восточной стороны 870 см, западной – 840, северной – 960 (рис. 2 *Б*); южная сторона (длина 940 см) вплотную примыкает к кремлевской стене. Камни в кладке башни и стены сложены в перевязь, т.е. составляют единое целое, что свидетельствует об их синхронности (Губайдуллин, 2001. С. 24–26; Валиев, 2004. С. 39–47). Раскоп XLIII площадью 88 м^2, заложенный с внутренней стороны кремля, показал, что нижние ряды известняковых блоков крепостной

стены действительно связаны со слоем ханского времени (Губайдуллин, 2002. С. 7).

Кладка стен башни (толщина 220–240 см) – порядовая, двухпанцирная с забутовкой: крупные хорошо отесанные камни использованы в кладке наружного и внутреннего фаса стены, мелкие и средние камни – для забутовки. В качестве связующего раствора применена известь. Внутреннее помещение башни в плане близко прямоугольнику (450 × 430 × 480 × 460 см). В западной, восточной и северной частях зафиксированы прямоугольные ниши бойниц первого яруса.

Восточная сторона ханского двора также была укреплена каменной стеной еще в домонгольское время; она функционировала в период Золотой Орды и, не исключено, в период ханства. Н.Ф. Калинин считал, что стены ханского двора были каменными (1957. С. 245), но неоспоримых данных не имел. Раскопами V, X, XV, XVIII, XIX по восточному склону Кремлевского холма в 1995–2000 гг. изучены остатки каменной стены шириной в основании 250–300 см, примыкавшей, вероятно, к Северной башне (Мухамадиев, 1995. С. 32–34; Ситдиков, Хузин, 2001. С. 12–15). В русское время, очевидно, часть стены разобрали и перестроили, но после строительства новой фортификационной линии в низменной части современного кремля она потеряла прежние функции.

Уникальный материал по топографии северной части кремля, где, по данным письменных источников, располагался ханский двор, накоплен раскопками на территории современной резиденции президента РТ. Центральный объект раскопа XLVIII (540 м^2, руководитель Н.Г. Набиуллин) – остатки нижней части каменного здания (18 × 22 м), сохранившегося на уровне фундамента (ширина 1.6–1.8 м, высота до 1.3–1.5 м) (рис. 3). Дно котлована под фундаментом уплотнено деревянными сваями диаметром 15–20 см, расположенными в ряд на расстоянии 50 см друг от друга. Сам фундамент выложен из довольно крупных каменных блоков, хорошо отесанных и скрепленных известковым раствором. Поперечные стены образовали четыре подвальных помещения размерами 6.6 × 4.4 м (северо-западное), 6.2 × 4.4 м (северо-восточное), 6.8 × 8.4 м (юго-западное) и 6.4 × 8.4 м (юго-восточное). Последнее помещение состояло из двух частей, 6.4 × 3.4 м каждая (Набиуллин, 2004. С. 36, 37). Это комплекс административного назначения: он мог иметь отношение к резиденции казанских ханов и сопоставим с “Большой палатой в Царевом дворе”, упомянутой в Писцовой книге г. Казани 1565–1568 гг. (Материалы по истории…, 1932. С. 8).

Еще одно монументальное сооружение ханского времени частично вскрыто в ходе охранно-спасательных работ с северной (раскоп XLI, 116 м^2, руководитель Р.Ф. Шарифуллин) и восточной сторон башни Сююмбеки (шурфы и наблюдения А.Г. Ситдикова), приблизительно в 50 м к З от вышеописанного здания (рис. 1, *8*). Оно состояло из двух частей: белокаменной и кирпичной. Белокаменная часть здания стратиграфически связана с нижними горизонтами III слоя, дневной уровень кирпичной части восходит к его верхним горизонтам. Размеры здания – 15 × 30 м. Оно ориентировано на запад – З–ЮЗ (азимут 207°), т.е. в сторону Мекки, что дает некоторое основание видеть в нем плохо сохранившиеся остатки ханской мечети, локализуемой на основании татарских преданий именно на этом месте.

Юго-западная часть постройки уходит под основание башни Сююмбеки, время строительства которой до последнего времени оставалось дискуссионным. Многие исследователи хотели видеть в ней архитектурное сооружение первой половины XVI в. Новые археологические материалы свидетельствует о более позднем времени. Судя по стратиграфии и находкам из засыпи котлована, изученное нами белокаменно-кирпичное здание в какой-то степени использовалось в русское время и прекратило существование только в конце XVII или даже в начале XVIII в. (Ситдиков, Старков, 2004. С. 11, 12). На его месте и построена башня, ставшая позднее архитектурным символом Казани.

С запада к ханской мечети примыкали мавзолеи казанских ханов, выявленные еще в 1977 г. раскопками А.Х. Халикова (1997. С. 22–48) (рис. 1, *1*). Погребенные лежали в глубокой могильной яме в двойном деревянном гробу, внутренний из которых был обтянут шелковой тканью и тонкой кожей при помощи серебряных гвоздей и фигурных накладок. На могилах стояли надгробные камни, от которых сохранились обломки с каллиграфической надписью. По результатам комплексных исследований материалов из раскопа 1977 г. были предварительно определены могилы двух ханов – Махмуда (Махмутека), сына Улуг-Мухаммада, правившего с 1445 г. до начала 1460-х годов, и Мухаммад-Эмина, занимавшего ханский престол в 1487–1496 и 1502–1518 гг. (Хузин, Газимзянов, 1997. С. 15–18). Мавзолей практически полностью исследован в 2004–2005 гг. (раскоп LV, руководитель А.Г. Ситдиков, Ф.Ш. Хузин). Это прямоугольное сооружение (18 × 6 м) из известняковых камней со следами грубой обработки, скрепленных известковым раствором (рис. 4). Внутри мавзолея дополнительно выявлено еще два белокаменных масштаба над могилами ханов. (Погребения в ходе исследований не вскрывались; раскоп законсервирован и находится под стеклянным колпаком.)

На территории ханского двора раскопом XXXIV (525 м^2, руководитель А.Г. Ситдиков) исследовались и рядовые сооружения, часть которых представляет жилые дома с хозяйственными построй-

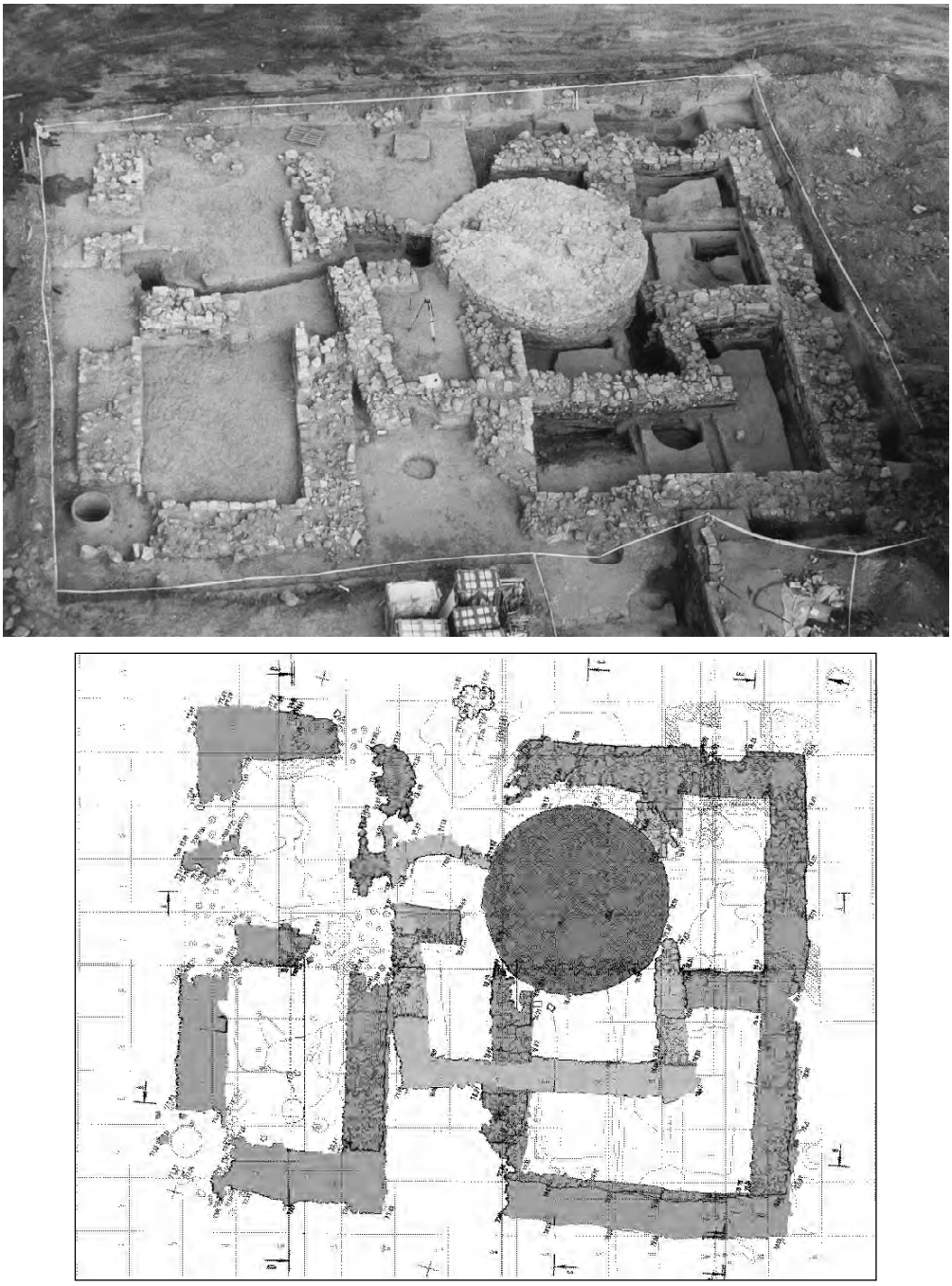

Рис. 3. Общий вид и план раскопа XLVIII с фундаментами ханского дворца (XV – первая половина XVI в.); жилой постройки (начало XIX в.) и круглого фонтана (первая половина XIX в.).

ками в виде прямоугольных в плане (4 × 4 м) ям с опущенными в них срубами из горбылей. Сооружения расположены в два ряда вдоль незастроенной полосы “улицы” со следами деревянного мощения. Из числа поздних объктов III (“ханского”) слоя выделяется подпольная часть жилища (сооружение 23) – яма с отвесными стенками и ровным дном на глубине 77 см от уровня выявления. В яму опущен сруб (440 × 418 см) из горбылей, обугленных в результате пожара. Внутри сруб заполнен темно-бурой пестроцветной супесью с обильными включениями золы и угля от сгоревших верхних конструкций наземной постройки. На полу обнаружены фрагменты трех разбитых чернолощеных кубышек и россыпь сильно окисленных серебряных монет первой половины XVI в. Из более чем 270 монет, побывавших в огне, после чистки удалось определить только 160 экз.

Рис. 4. Раскопки южной части мавзолея Казанских ханов.

Все они, кроме анонимного пула времени правления золотоордынского хана Узбека (1312–1342 гг.), являются монетами русского чекана. Самые ранние – денги времени правления Василия III (1505–1533 гг.), самые поздние – денги и копейки Ивана IV, отчеканенные после 1547 г., но не позднее 50-х годов XVI в. (Булыгин, 2001. С. 312–316; Мухаметшин, Ситдиков, 2001. С. 308–311). В той же постройке и рядом с ней обнаружены многочисленные наконечники стрел и пищальные пули, развалы сосудов, в том числе белоглиняного кумгана с зеленой поливой, и другие находки, свидетельствующие о ее гибели в огне пожара 1552 г.

Раскопы II, III, XX за пределами ханского двора, перед Благовещенским собором, построенным псковскими мастерами в 1556–1562 гг., предоставили не менее ценную информацию о каменном строительстве ханского времени. В раскопе II (587 м^2, руководители Ф.Ш. Хузин, Р.Ф. Шарифуллин) на глубине 60–70 см от современной поверхности расчищены руины кирпичного здания XVII–XVIII вв. (сооружение 1), под которым, в слое III ханского времени, выявлены остатки фундамента из крупных отесанных камней, скрепленных известковым раствором (сооружение 2). В северо-западной части раскопа, а также в примыкавшем к нему раскопе III (210 м^2, руководители Ф.Ш. Хузин, Н.Г. Набиуллин) следы фундамента здания зафиксированы на глубине 240 см от современной поверхности (преимущественно в виде полосы дубовых свай-коротышей, вбитых в целях уплотнения грунта, и небольших фрагментов кладки из известняковых камней). Предполагаемые размеры сооружения – около 30 × 19 м.

О времени строительства здания можно судить по двум кладам монет. Клад № 1 лежал под северо-восточным углом здания и содержал 556 серебряных монет-“чешуек” хорошей сохранности. Клад № 2 был найден под северо-западным углом того же здания и состоял из 1449 монет-“чешуек”. По неопубликованным пока данным А.С. Мельниковой и Д.Г. Мухаметшина, Большой клад содержал по одной монете Ярославского и Можайского княжеств, 16 монет чеканено в Рязани. Города Тверь и Новгород представлены соответственно 32 и 42 монетами, Псков – 181 монетой. Остальные монеты чеканены в Москве. Старшими следует считать монеты Новгорода и Пскова середины XV в., младшими – монеты Василия III. Около 90% монет относятся к периоду правления Ивана III (1462–1505 гг.). Малый клад по составу не особенно отличается от Большого, что свидетельствует об одновременности их накопления. Однако в Малом кладе больше монет удельных княжеств и нет монет Василия III – таким образом, он формировался чуть раньше Большого

клада. Клады указывают, что ко времени их зарытия каменное здание уже существовало. Полученный в ходе раскопок массовый археологический материал также подтверждает, что начало функционирования постройки относится к первой четверти XVI столетия.

Еще одна каменная постройка, функционально связанная с вышеописанной, изучена на раскопе XX (200 м^2, руководитель А.Г. Ситдиков), заложенном на газоне у проезда Шейнкмана в районе исторически известного и археологически выявленного Тезицкого рва. Она стояла на месте западного пилона крепостных ворот и примыкающих к ним сооружений предшествующей эпохи. К сожалению, здание не удалось вскрыть полностью. В изученной части оно сохранилось на высоту 164 см (7–9 рядов кладки); ширина стены 120 см. Кладка панцирная: с внешней и внутренней сторон регулярной горизонтальной кладкой выложены крупные камни из отесанного известняка, забутовка между ними из беспорядочно набросанных камней без следов обработки. Предполагаемые размеры здания – 11.5 × 12 м.

В слое разрушения сооружений, который перекрывался сверху прослойкой пожарища, обнаружены наконечники стрел, каменное ядро, обугленные человеческие останки, указывающие на трагические события 1552 г. Обращают на себя внимание некоторые архитектурные детали, обломки штукатурки, кашинных плит с бирюзовой и ультрамариновой поливой, которыми облицовывались фасады зданий. Сведения письменных источников позволяют предположить, что изученные объекты – остатки исторической мечети Кул Шарифа и медресе при ней, возле стен которых 2 октября 1552 г. произошло ожесточенное столкновение штурмующих и защитников города (Хузин, Ситдиков, 2005. С. 16, сл.). Такая интерпретация результатов раскопок позволяет отвести мнение исследователей, предлагавших искать руины легендарной мечети под фундаментом Благовещенского собора.

Представления о массовой застройке центральной части кремля дали исследования на территории Пушечного двора (раскоп I, 330 м^2, руководители Ф.Ш. Хузин, А.Г. Ситдиков). Объекты ханского времени начали выявляться на глубине 180–190 см от современной поверхности. III слой (мощность вне объектов 80–100 см) состоял из плотной буро-коричневой пестроцветной супеси с включениями угля, древесного тлена, обломков камней и кирпичей; линзы желтого суглинка в слое образованы выбросами из ямных сооружений и котлованов жилищ, а углистые прослойки в разных горизонтах связаны с пожарами. В раскопе изучено более трех десятков срубных жилищ с подпольями и хозяйственных построек, дневные уровни которых стратиграфически восходили к слою ханского периода. Выделяются четыре строительных горизонта, свидетельствующие о достаточно высокой интенсивности жизни в этот период. К ее завершающему этапу (первый строительный горизонт) относятся шесть сооружений (2, 3, 9, 10, 15, 153), уничтоженные пожаром 1552 г. Со вторым строительным горизонтом связаны 16 сооружений (9А, 13, 14, 15А и др.), с третьим горизонтом – пять (15Б, Г, Е, 24А, 28) и с четвертым, наиболее ранним горизонтом – три (16, 30 и 38).

Один из интереснейших объектов на I раскопе – настил уличной мостовой шириной около 4–5 м, зафиксированный в виде древесной трухи. Удалось выделить четыре прослойки древесного тлена, относящиеся к разным горизонтам III слоя. Следует заметить, что вышеперечисленные сооружения располагались по обеим сторонам улицы. На участках настила полностью отсутствовали постройки, связанные с периодом Казанского ханства, за исключением нескольких ямных сооружений раннего горизонта. Аналогичные наблюдения сделаны в профиле стенки котлована фундамента столовой в 1995 г. В разрезе фиксировались следы деревянного настила улицы, упомянутой в Писцовой книге г. Казани 1565–1568 гг. как “переулок против Благовещения” (Материалы по истории…, 1932. С. 8). Следы мощеных улиц периода Казанского ханства были обнаружены также в раскопах IX, XIII, XX, XXXIV.

В этом отношении интересны материалы раскопа IX (232 м^2, руководитель А.Г. Ситдиков), заложенного в 1997 г. с восточной стороны Благовещенского собора. С отложениями периода Казанского ханства соотносятся более 20 срубных построек и хозяйственных ям, из которых четыре погибли при пожаре 1552 г. Они образуют улицу шириной более 3.5 м. Фиксируется три строительных периода мостовой и прилегающих к ней сооружений. Улица функционировала и в раннерусское время, что нашло отражение в Писцовой книге 1565–1568 гг., где она отмечена как “переулок к Благовещенью”, идущий от Воскресенской башни к собору (Материалы по истории…, 1932. С. 11).

Выделяется сооружение 16 – остатки срубного дома (3.8 × 2.7 м) со слегка углубленной в землю подпольной частью. Заполнение сооружения состояло из темно-бурой плотной пестроцветной супеси с мощными прослойками угля, золы, прокаленной земли. Прослойка пожара четко увязана с завершением III слоя и сопоставима с событиями 1552 г. Под сгоревшими деревянными конструкциями лежали обугленные человеческие кости, а также комплекс бытовых предметов – частично ошлакованная керамическая посуда, комки шерсти и мотки шерстяных ниток, кусочки ткани, обломки обугленной прялки, лапти (рис. 5, *А*), куски оплавленной меди, глиняная обмазка и пр.

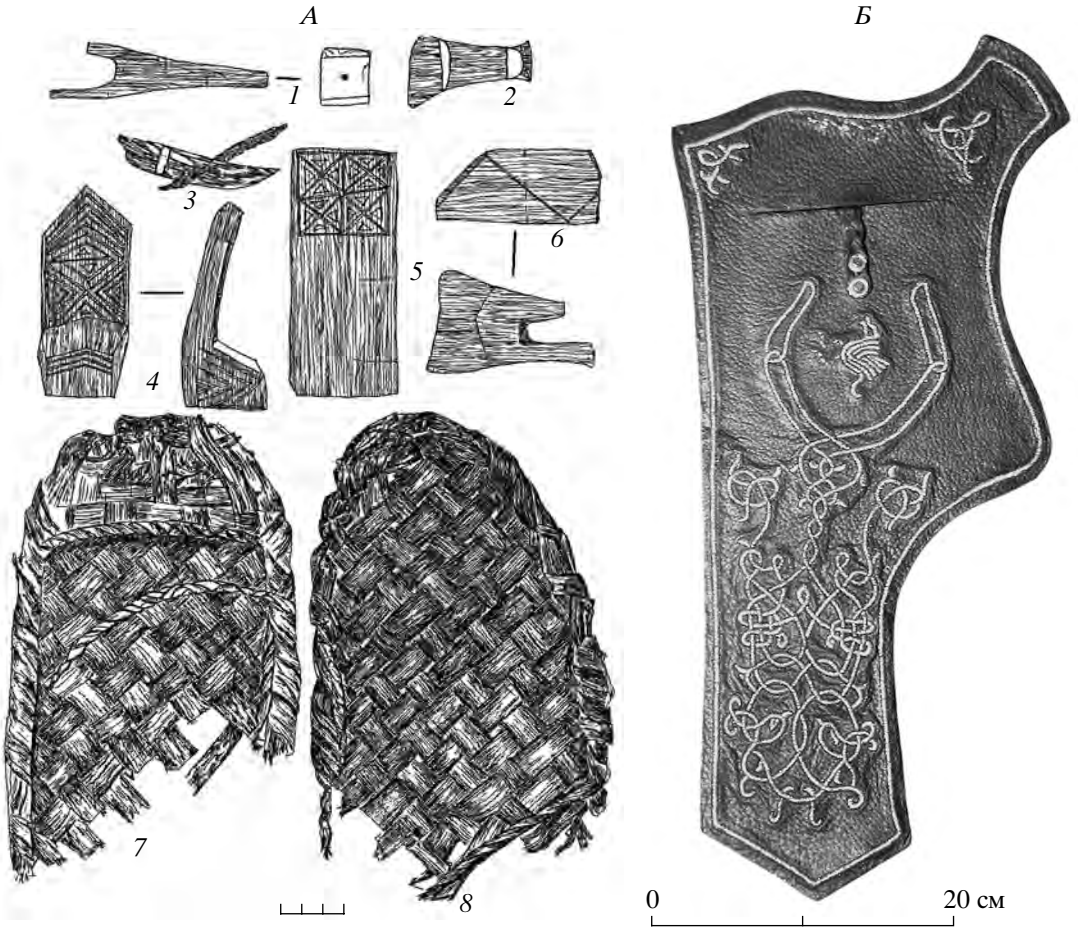

Рис. 5. Изделия из кожи и дерева. *А* – деревянные предметы (раскоп IX, сооружение 16, слой III, выб. *4–5*); *Б* – реконструкция кожаного колчана (раскоп XIII).

(Ситдиков, Хузин, 1997). Хозяин постройки, очевидно, занимался домашним ткачеством и прядением и погиб во время штурма города войсками Ивана Грозного.

Уникальный материал получен в результате исследований в низменной северо-восточной части современного кремля за пределами ранних укреплений. В раскопе IV (110 м^2, руководитель Ф.Ш. Хузин) у Воскресенской (Елбугиной?) проездной башни были выявлены остатки бревенчатых конструкций нескольких жилищ (Хузин, 2001. С. 20–22). В числе находок большое количество кашинных мозаичных вставок с голубой поливой, которыми, возможно, были украшены постройки ханского двора, находившиеся на холме. Найдено также много наконечников стрел, что указывает на активные бои в этом районе, упоминаемые в источниках при описании штурма города в 1552 г. Именно здесь последние защитники города в отчаянной схватке пытались выйти к р. Казанка. Однако локализуемые в этом районе остатки Елбугиных ворот ханского времени найти не удалось.

Рядом с Воскресенскими воротами в раскопе XIII (500 м^2, руководители Ф.Ш. Хузин, Н.Г. Набиуллин) обнаружены остатки уличной мостовой шириной 3.6 м. Следы мощения прослежены в длину на 9 м. Под мостовой лежал культурный слой мощностью 10–15 см, который покоился на погребенной почве. Относительно хорошая сохранность деревянного настила из жердей, горбылей, коры дуба и липы позволяет реконструировать покрытия других улиц, где мощение фиксировалось лишь в виде древесного тлена. В раскопе выявлены прекрасно сохранившиеся срубные постройки размерами от 3 × 3 до 5 × 5 м, с большим количеством кожаных изделий (около 10 тыс. фрагментов обуви) (рис. 6). Уникальным является колчан для лука с вышивкой в виде стилизованного растительного орнамента и изображения зооморфного существа (рис. 5*Б*). В этом районе, несомненно, находились мастерские по изготовлению кожаной обуви (Набиуллин, 2004. С. 33–35).

Следы ремесленного производства были выявлены также в раскопе XXXVI (200 м^2, руководитель П.Н. Старостин) у Северо-Восточной баш-

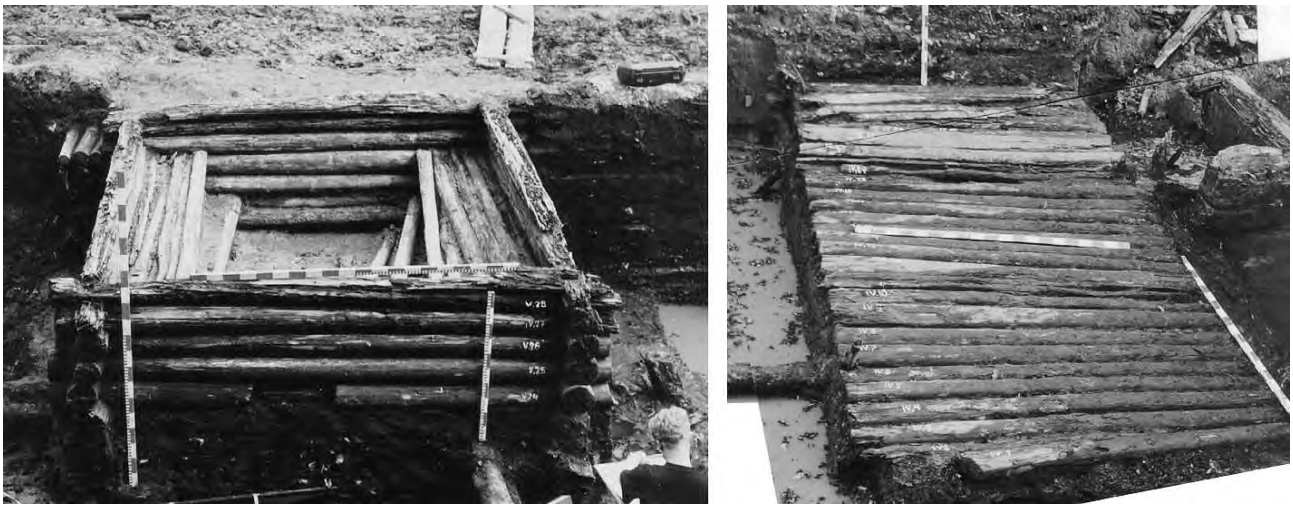

Рис. 6. Раскоп XIII. Сооружения 29, 28.

ни, возведенной во второй половине XVI в. Здесь найдены остатки металлургического производства эпохи Казанского ханства в виде деревянной постройки с кирпичными печами и горном (Старостин, 2002. С. 14–17). Последний имел круглую в плане форму диаметром около 1 м с сужением в верхней части. Стенки толщиной 15 см выложены из кирпича. В кладке кирпич скреплен глиняным раствором, а с внутренней стороны покрыт огнеупором. С южной стороны к нему примыкала предгороновая яма диаметром до 1.2 м. В заполнении найдены обломки кирпича, куски медного шлака, слитки металла.

Материальная культура татарского населения ханской Казани до последнего времени археологически почти не изучалась. Раскопки на территории кремля дали обильный материал, позволяющий восполнить этот пробел.

Накоплен выразительный комплекс неполивной гончарной керамики. Большая часть в ней – более 40% от общего количества – керамика, условно названная Т.А. Хлебниковой "казанской" (рис. 7*Г*). Ее особенности: окислительный обжиг, заметное количество песка, красно-розоватый цвет поверхности, многозонный тонкий орнамент в виде широкой волны. Изредка на изделиях встречаются узкие полосы лощения. Технологические истоки этой керамики увязываются с золотоордынскими традициями городов Нижнего Поволжья, хотя одновременно наблюдается близость к булгарской посуде (Хлебникова, 1984; Кокорина, 1995. С. 29–32; 1999. С. 80–88).

Другую большую группу – более 20% от общего количества – составляет "керамика в булгарских традициях" (рис. 7*В*). По формам она мало отличается от общебулгарской посуды предшествующих периодов (Хлебникова, 1984; Кокорина, 1995. С. 29–32) Т.А. Хлебниковой выделена также так называемая татарско-русская керамика, которой в некоторых раскопах до 30% от общего числа фрагментов (рис. 7*А*). Наличие черной и серой лощеной керамики характерно не только для материальной культуры населения ханской Казани, но и синхронных русских поселений (Чернов, 1991. С. 58). В керамическом материале присутствует и русская белоглиняная керамика: в "ханском" слое кремля ее почти 10% от всех керамических сосудов (рис. 7*Б*). Столь же часто встречаются фрагменты лепной "поволжско-финской" посуды.

Качество продукции гончаров Казанского ханства, как справедливо отмечают исследователи, несколько ухудшается по сравнению с предшествующим периодом. Это видно и по находкам в Казанском кремле и подтверждается исследованиями Русско-Урматского селища и Камаевского городища (Кокорина, 1999. С. 77–102; Кокорина, Фахрутдинов, 1999. С. 103–134). В местной керамике под воздействием инородных традиций появилась определенная специфика, началось сложение своеобразного "казанского" типа, но процесс его формирования не был завершен.

Поливные изделия из III слоя представлены керамической посудой и облицовочными изразцами. Поливная посуда делится на ряд групп. Значительная группа образована фрагментами красноглиняных кувшинчиков с рельефным орнаментом, покрытых двусторонней зеленой поливой на белом ангобе; аналогичные находки обнаружены в раскопах Н.Ф. Калинина и Л.С. Шавохина (Калинин, 1957. С. 135; Шавохин, 1975. С. 9). Со слоем Казанского ханства связаны и фрагменты красноглиняных чаш с голубой поливой. Найдены обломки кашинной посуды с поливой белого цвета, производившейся в Иране в XV–XVII вв., и фрагменты китайского белого фарфора с синей росписью, относящегося к эпохе династии Мин XV–XVI вв. (Шавохин, 1976. С. 207, 208).

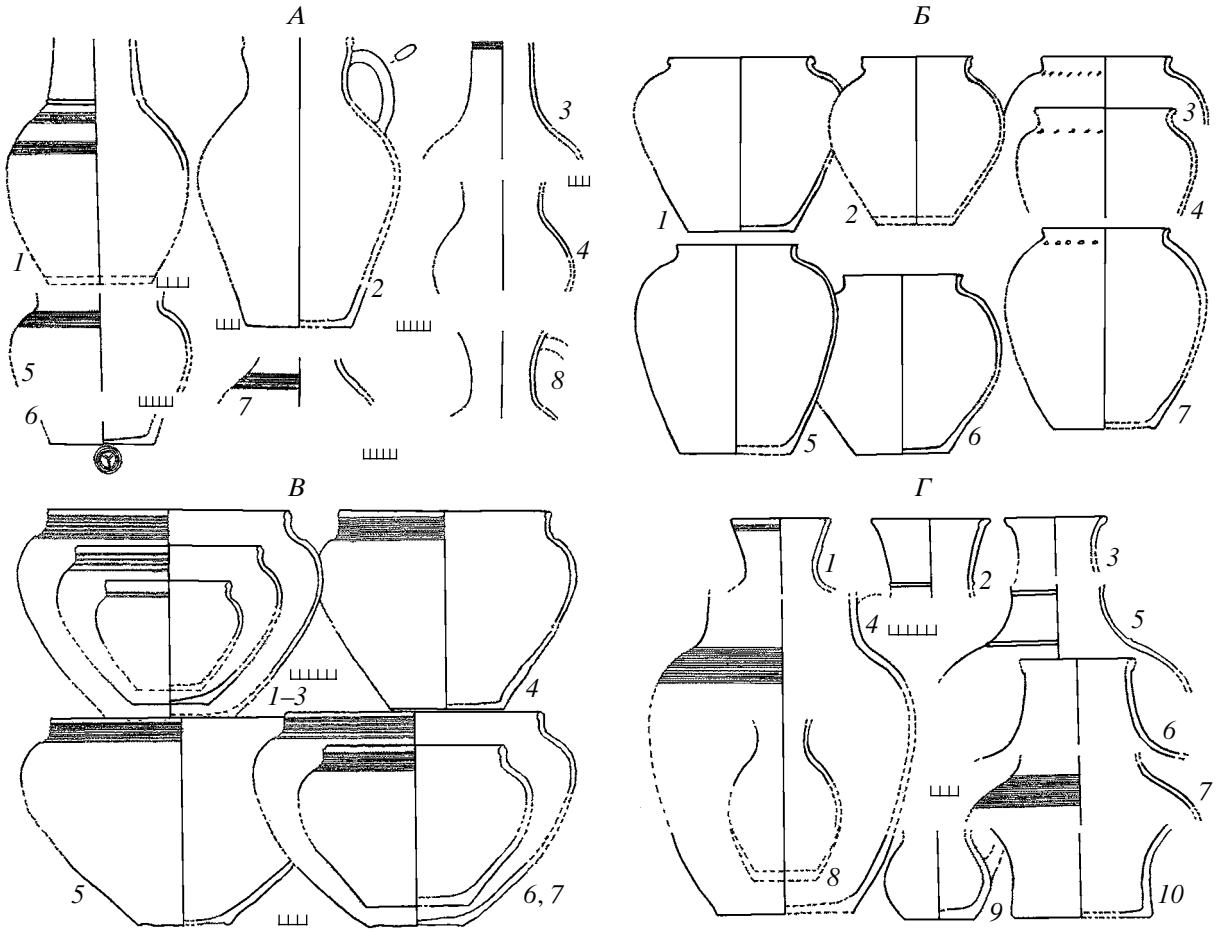

Рис. 7. Керамика Казани XV–XVII вв. *А* – с черной поверхностью группы “татарско-русская”; *Б* – белоглиняная русская; *В* – “в болгарских традициях”; *Г* – казанская.

Большую группу составляют кашинные мозаичные вставки с бирюзовой и ультрамариновой поливой. Подобные изделия есть в материалах нижневолжских и среднеазиатских городов XIV–XV вв. (Федоров-Давыдов и др., 1974. С. 96, 105, 118). Помимо мозаичных кашинных вставок, в фасадном убранстве зданий активно использовались герихи, известные по материалам Н.Ф. Калинина и А.Х. Халикова (Калинин, 1955. С. 120; Халиков, 1997. С. 27). При строительстве монументальных зданий применялся крупномерный брусковый кирпич (7 × 15 × 28 см) и тесаные блоки из камня-известняка. Специфичным строительным материалом, характерным только для слоев Казанского ханства, являются небольшие (20 × 20 × 3 см) глиняные плитки, вероятно, для облицовки печей (Калинин, 1955. С. 135).

При раскопках собрано значительное количество обломков надгробных камней XV – первой половины XVI в. (Халиков, 1997. Рис. 12). Выявлены они и на территории Спасо-Преображенского собора, в кладке Благовещенского собора (Ситдиков, 2006. Прил.).

Характерные находки из слоя разрушения 1552 г. – каменные (известняковые) ядра и их крупные обломки (известно более 50 шт.), а также ядра из гранита и железа. Известняковые ядра делятся на две большие группы, отличающиеся размерами: одна имеет диаметр 50–60, другая – 25–30 см. При этом диаметр гранитных ядер не превышает 13–15, железных – 8–12 см. Зажигательные ядра (диаметр 9–12 см) делались из глины с 5–6 небольшими (0.5 см в диаметре) отверстиями на поверхности для фитилей; в их внутренние полости заливалась горючая жидкость. Глиняные ядра найдены на многих поселениях эпохи Золотой орды и Казанского ханства (Кокорина, 1995. С. 84).

Предметы вооружения представлены железными наконечниками стрел. Особенно много их в прослойке пожара 1552 г. По формам они близки к типам, распространенным в XII–XIV вв. Учитывая условия находки, в некоторых случаях не исключается вероятность их попадания из более ранних слоев. Из III слоя происходит большое количество предметов конского снаряжения: подпружных пряжек, подков и гвоздей к ним. Подковы

Рис. 8. Изделия из кости (*А*), камня и стекла (*Б*).

в основном одношипные с четырьмя отверстиями. Подобные изделия имеют большой хронологический диапазон бытования – с XI по XVII в. (Хузин, 1985. С. 211. Рис. LXXI, *3*).

Среди бытовых вещей чаще всего встречаются глиняные напрясла, железные ножи и ножницы, светцы, ключи от дверных замков, дужки от ведер, фрагменты деревянных и медных сосудов. Скобяные изделия включают гвозди, скобы, дверные петли, пробои. Имеется большое число обломков чугунных котлов, которые появляются, судя по материалам Болгарского городища, в

XIV в. (Савченкова, 1996. С. 58, 59). Многочисленную группу железных изделий составляют сапожные подковы и мелкие гвозди к ним. Среди подков выделяются типы А и Б по классификации Б.А. Колчина (1959. С. 108–110). В русских памятниках их появление связывают с XIV в., но у булгар и их потомков сапожные подковы имеют более широкий диапазон бытования – XI–XVI вв. (Савченкова, 1996. С. 63, 64). В числе находок, связанных с сельскохозяйственной деятельностью, – обломки серпов, кос-горбуш и каменные жернова.

Изделия из кости представлены наконечниками стрел, гребнями, пуговицами и их заготовками, шилами-проколками, кочедыками, иглами для плетения рыболовных сетей (рис. 8*А*, *7*); с рыболовством связаны также глиняные и каменные грузила, железные крючки таких же форм, которые часто находят и на русских памятниках. Среди редких костяных вещей – шахматная фигурка (рис. 8*А*, *18*). Хорошо представлены кожаная обувь (более 10 тыс. деталей) и предметы, связанные с кожевенным производством (подошвы, голенища со следами швов и орнамента, каблуки, деревянная колодка); большая их часть происходит из раскопа XIII, где изучены жилища-мастерские кожевников.

Предметов украшения немного. Многочисленнее всего бусы из полудрагоценных камней (рис. 8*Б*). На раскопе XIII обнаружены два металлических перстня, из “оловянистой бронзы” и серебра (с каменной вставкой бирюзового цвета), на раскопе XX – обломок сердоликового перстня (аналоги есть на нижневолжских памятниках Золотой Орды, см.: Полубояринова, 1991. С. 70–73). К деталям одежды относятся бронзовые литые подвески-пуговицы шаровидной и грушевидной форм с круглым ушком; аналогичные датируются по новгородским материалам в пределах XI–XV вв., хотя, по наблюдениям М.В. Седовой, встречаются вплоть до XVIII в. (1981. С. 155). Представляет интерес медный гвоздик с изображением барса, обнаруженный в раскопе III 1994 г.

Ярким материалом, иллюстрирующим активность городской жизни, являются костные остатки животных. Из III слоя раскопов Казанского кремля происходит более 130 тыс. костных фрагментов (Асылгараева, 2003). Рацион питания населения ханской Казани, по заключению специалистов, несколько отличался от предшествующего периода. Возрастает количество костей свиньи, что, несомненно, связано с ростом числа русских на территории города. Много также лошадей. В числе домашних животных палеозоологи выделяют кошку и собаку. Об активных торговых контактах Казани свидетельствуют кости верблюда. В слое увеличивается по сравнению с предшествующим периодом доля охотничьей промысловой фауны (лось, косуля, кабан, медведь, заяц), обнаруживаемой чаще всего вблизи ханского двора, что, вероятно, указывает на увлечение хана и его окружения охотой.

В слоях эпохи Казанского ханства собрано большое количество зерен культурных растений. Видовой состав сельскохозяйственных культур в значительной степени состоит из ржи. Показателем преобладания ржи является и слабая засоренность зернового материала, что объясняется ее способностью подавлять сильнее других культур рост сорняков и спецификой посева после чистого пара. Среди выделенных культур большой процент пшеницы летней, есть зерна ячменя, овса, гороха. В одной из проб отмечены зерна южной туранской пшеницы. В отобранных образцах имеются скопления зерен малины.

Таким образом, раскопками последних лет накоплен уникальный комплекс материалов, ярко иллюстрирующий особенности культуры средневекового татарского города. Ханский кремль представлял собой средоточие экономической, политической и культурной жизни столицы, где уживались различные религии и народы, участвовавшие в событиях второй половины XV – первой половины XVI в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Асылгараева Г.Ш. Морфологические особенности костей домашних сельскохозяйственных животных (по материалам археологических раскопок Казанского кремля): Автореф. дис. … канд. вет. наук. Казань, 2003.

Бороздин И.Н. Археологические разведки в Кремле. I. Разведка близ Киприановой церкви // Матер. по охране, ремонту и реставрации памятников ТССР. Т. III. Казань, 1929.

Булыгин А. Типология монет из клада, обнаруженного в 2000 году на территории Казанского кремля // Великий Волжский путь. Казань, 2001.

Валиев Р.Р. Исследования Северной башни и прилегающей к ней стены Казанского кремля (по раскопкам 2003 г.) // Сб. матер. итоговых конф. ученых Ин-та истории АН РТ за 2003–2004 гг. Казань, 2004.

Губайдуллин А.Г. Археологические исследования Северной башни Казанского кремля // АОТ: 2000 год. Казань, 2001.

Губайдуллин А.Г. Археологические исследования в северной части Казанского кремля (раскоп XLIII) // АОТ: 2001 год. Казань, 2002.

Древняя Казань глазами современников и историков / Сост., комм. Ф.Ш. Хузина и А.Г. Ситдикова. Казань, 1996.

Заринский П. Топография г. Казани в 1522 г. во время осады его русскими войсками // Тр. IV АС. Т. I. Отд. 2. Казань, 1884.

Калинин Н.Ф. Раскопки в Казанском Кремле в 1953 году // Изв. КФАН СССР. Сер. гуманит. наук. Вып. 1. Казань, 1955.

Калинин Н.Ф. История Казани с древнейших времен до XVI в.: Дис. … докт. ист. наук. Казань, 1957.

Кокорина Н.А. Керамика Камаевского городища (культурно-хронологическое соотношение) // Заказанье: проблемы истории и культуры. Казань, 1995.

Кокорина Н.А. Керамика усадьбы гончара из Иски Казани // ТА. 1999. № 1–2.

Кокорина Н.А., Фахрутдинов Р.Г. Гончарный комплекс золотоордынского периода из Иски Казани // ТА. 1999. № 1–2.

Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. 1959. № 65.

Курбский А. История о великом князе Московском // Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI в. / Сост. и ред. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. М., 1986.

Материалы по истории Татарской АССР. Писцовые книги города Казани. 1565–68 гг. и 1646 г. Л., 1932.

Мухамадиев А.Г. Казань – город каменный // Заказанье: проблемы истории и культуры. Казань, 1995.

Мухаметшин Д.Г., Ситдиков А.Г. Клад монет, зарытый в 1552 году в Казанском кремле (предварительное сообщение) // Великий Волжский путь. Казань, 2001.

Набиуллин Н.Г. Новые данные по археологии средневековой Казани (обзор материалов некоторых охранно-спасательных раскопов) // ТА. 2004. № 1–2 (10–11).

Патриаршая или Никоновская летопись // ПСРЛ. 2000. Т. XII, XIII.

Полубояринова М.Д. Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. М., 1991.

Савченкова Л.Л. Черный металл Болгара. Типология // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996.

Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода X–XV вв. М., 1981.

Ситдиков А.Г. Казанский кремль: историко-археологическое исследование. Казань, 2006.

Ситдиков А.Г., Старков А.С. Археологические охранно-спасательные наблюдения на территории Казанского кремля // АОТ: 2000 год. Казань, 2004.

Ситдиков А.Г., Хузин Ф.Ш. Раскоп IX 1997 года // Архив Музея-заповедника "Казанский кремль". Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 462.

Ситдиков А.Г., Хузин Ф.Ш. Исследования белокаменной стены древней Казани по восточному склону Кремлевского холма // АОТ: 2000 год. Казань, 2001.

Старков А.С. О некоторых итогах исследований на территории Спасо-Преображенского монастыря Казанского кремля (раскоп LII 2002, 2004 гг.) // Казань в средние века и раннее новое время. Матер. Всерос. науч. конф. Казань, 2006.

Старостин П.Н. Итоги исследований у Северо-Восточной башни Казанского кремля (раскоп XXXVI) // АОТ: 2001 год. Казань, 2002.

Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. Казань, 1979.

Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Гусева Т.В. Исследование трех усадеб в восточном пригороде Нового Сарая (Царевского городища) // Города Поволжья в средние века. М., 1974.

Халиков А.Х. Остатки ханских мавзолеев в Казанском кремле // Мавзолеи Казанского кремля (опыт историко-антропологического анализа). Казань, 1997.

Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. М., 1984.

Хузин Ф.Ш. Снаряжение всадника и верхового коня // Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. М., 1985.

Хузин Ф.Ш. Новые открытия в Казанском Кремле (предварительные сообщения о раскопках 1997 года) // Tatarica. 1997/98. № 1.

Хузин Ф.Ш. Археологическое изучение каменных сооружений средневековой Казани // Древности Московской земли. Проблемы современной археологии. М., 2001.

Хузин Ф., Газимзянов И. Историческая атрибутация захоронений из мавзолеев Казанского Кремля // МКК. 1997.

Хузин Ф.Ш., Ситдиков А.Г. О локализации в Казанской крепости исторической мечети Кул Шарифа // Эхо веков. 2005. № 2 (41).

Чернов С.З. К хронологии московской керамики конца XV–XVI вв. // Московская керамика: новые данные по хронологии. М., 1991.

Шавохин Л.С. Отчет о работах в Казанском кремле в 1975 г. // Архив ОПИ ИА РАН. Р-1. № 5670.

Шавохин Л.С. Раскопки в Казанском Кремле // АО–1975. 1976.

Шавохин Л.С. Средневековая Казань дорусского времени в историко-археологическом отношении: Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1988.

Archeological study of Khan's Kazan (on the basis of data from the 1994–2005 excavations)

A. G. Sitdikov, F. Sh. Khuzin

Summary

In 1445, Kazan became the administrative center of the state which historical publications name the Kazan Khanate. The Kazan Kremlin became the political center of the new state. The third layer of the stratigraphic sequence in the Kazan Kremlin is assumed to be connected with the formation of the cultural layer during the time of the Kazan Khanate. This layer was covered over by the second layer, which is charcoal. The latter must have appeared during the 1552 fire. Many building horizons from various archeological objects were identified within the modern Kremlin. A total area of over 20 000 square meters has been investigated. Unique monumental complexes have been revealed: Khan's palace, Khan's mosque, Khan's mausoleum, Kul Sharif mosque, etc. Archeologists studied the interior plan of the town and the street structure as well as the character of housing possessions, dwellings and auxiliary structures. The material culture of the population of Khan's Kazan was revealed for the first time.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2009, № 1, с. 112–124

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ ТАТАРСТАНА

КОЖЕВЕННОЕ ДЕЛО ХАНСКОЙ КАЗАНИ
(по материалам раскопок 1994–2005 гг.)

© 2009 г. Р. Р. Валиев

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань

В историко-археологической литературе, посвященной ремесленной деятельности населения Волжской Булгарии, Золотой Орды и Казанского ханства, довольно глубоко рассматриваются такие отрасли производства, как гончарное, металлургическое и металлообрабатывающее, ювелирное, стеклодельное, косторезное и т.д. Однако специальные исследования по кожевенному делу Казанского ханства, а также более ранних булгаро-татарских государств, практически отсутствуют, за исключением небольшой работы Т.А. Хлебниковой (1988), хотя многие авторы упоминают о нем как об одной из традиционных и высокоразвитых отраслей экономики предков татар, ссылаясь при этом на сообщения русских летописцев ("болгаре суть вси в сапозех") и восточных авторов (кожа "булгари" как статья экспорта).

До 1950-х годов археологические раскопки в Казани практически не проводились. Раскопки в северо-западной части кремля, состоявшиеся в 1953–1954 гг., дали небольшой материал по кожевенному делу (Калинин, 1955). В ходе раскопок 1988 г. на пересечении ул. Баумана и Кремлевский спуск были выявлены две постройки с большим количеством фрагментов кожаной обуви, которые интерпретированы как кожевенные мастерские (Халиков, 1988. С. 34).

В результате широкомасштабных раскопок Казанского кремля, проведенных в 1994–2005 гг. археологической экспедицией Института истории АН РТ под руководством Ф.Ш. Хузина, был накоплен огромный материал в виде различных кожаных изделий и орудий кожевенного и сапожного ремесел (ножи, колодки, шилья, подковки и т.д.). Наибольшее количество археологической кожи – более 10 тыс. фрагментов – дал раскоп XIII общей площадью 500 м^2, заложенный у подошвы склона в восточной части Кремлевского холма. Кроме того, на раскопе хорошо сохранились деревянные сооружения, располагавшиеся по обе стороны улицы с деревянной мостовой и определенные исследователями как остатки кожевенных мастерских ханского времени (Набиуллин, 2001; 2004).

Из этого раскопа нами обработано около 2 тыс. единиц находок, на основании которых можно достаточно подробно рассмотреть технологию кожевенного и сапожного дела Казани середины XV – первой половины XVI в. При работе автор опирался на опыт и разработанные методики отечественных исследователей (Изюмова, 1959; Оятева, 1965; 1970; 1973; 1976; Курбатов, 1999; 2004; Осипов, Лихтер, 2004; Осипов, 2006).

Сырьем для кожевенного производства Казани служили шкуры лошадей, крупного и мелкого рогатого скота. Результаты визуального осмотра образцов кожи, в основном различных деталей обуви, показали, что среди них преобладают изделия, изготовленные из шкур молодых и взрослых особей крупного рогатого скота, меньше изделий из шкур мелкого рогатого скота и еще меньше – из шкур лошади. Видовую принадлежность сырья обувных деталей из коллекции Казанского кремля в какой-то степени отражает табл. 1.

Шкуры обрабатывали для выделки меха и изготовления кожи. Овчина в основном шла на изготовление зимней одежды – шуб, тулупов и т.д. Кроме домашних животных в пошиве одежды использовали шкуры диких зверей, о чем свидетельствуют и "Записки" А. Курбского: "бо тамо родятся куны дорогие, и белки и протчие зверие ко одеждам и ко ядению потребны…" (Древняя Казань…, 1996. С. 128).

Процесс изготовления кожевенного материала можно представить по кустарному производству более позднего времени (XIX – начало XX в.), а также благодаря лучшей его изученности в средневековых русских городах, присовокупив результаты физико-химических анализов. Для выделки кожи сперва со шкуры удаляют волосяной покров вместе с эпидермисом и подкожной клетчаткой, и оставшийся средний слой – дерму обрабатывают с помощью различных операций. Алгоритм производства выглядит следующим образом: замачивание (промывка и отмачивание шкуры), мздрение (очистка от рыхлой подкожной клетчатки, остатков мяса и жира), золение (сгонка волоса с верхним роговым слоем), квашение для размягчения кожи, дубление, выравнивание, крашение и жирование. Такая последовательность является общей для всего кожевенного производства; различия у разных народов суще-

Таблица 1

Сырье	Количество	%
Крупный рогатый скот	217	18.08
Мелкий рогатый скот	102	8.5
Лошадь	7	0.58
Неопределенное	874	72.84
Всего	1200	100

Таблица 2

Качество	Количество	%
Хорошее	1248	75.36
Плохое	408	24.64
Всего	1656	100

ствовали лишь в приспособлениях, способах и приемах применения этих операций как результат эволюции ремесла.

Материалы раскопок Болгарского городища дали основание О.С. Хованской полагать, что процесс сгонки волоса со шкуры булгарские ремесленники производили обработкой хлебным тестом (1951. С. 124), а не золением и известкованием, как было принято в русских городах средневековья (Курбатов, 2004. С. 11; Осипов, 2006. С. 59). Представляется вероятным применение именно такого способа и в период Казанского ханства. Данный прием придавал коже эластичность и прочность, позволял избегать жесткости и дополнительных операций по выведению золы и извести с нее, так как при золении получается жесткая грубая кожа. Для мягчения кожи русские ремесленники использовали хлебные кисели или квасы, которые в летописях упоминаются как "квас уснiян" (Лаврентьевская летопись, 1846. С. 8). Г.Г. Поварнин считает, что использование киселей привело к появлению юфти, а кисели и обработка шкур хлебными растворами начали применяться русскими кожевенниками в XIII–XIV вв., перенявшими этот прием у волжских булгар (1912. С. 147).

Для дубления кожевенниками Казани использовалось дубовое и ивовое корье, что подтверждается его присутствием в большом количестве в слое периода функционирования кожевенной мастерской. Физико-химическими анализами установлено применение в качестве дубителя ивового корья у булгар уже в X–XIII вв. (Хованская, 1951. С. 124). Этим данным не противоречат результаты химического анализа, проведенного по материалам "археологической кожи" ханского слоя из раскопок Н.Ф. Калинина в 1953 г.: "кожа прекрасно продублена растительным дублением (вероятно, корьем), имеет коэффициент продуба 34.6%" (1955. С. 135).

Равномерный окрас по всей толщине кожи и отсутствие расслоения свидетельствуют о высоком качестве дубления, тогда как светлые полосы в середине кожи и наличие расслоения – об обратном. В результате визуального осмотра определено, что вся исследованная нами кожа была продублена достаточно хорошо, о чем свидетельствуют данные табл. 2.

Кожа из раскопок Казани имеет ровную толщину от 0.3 до 3.5 мм, не считая расслоившиеся фрагменты еще меньшей толщины. При этом назначение изделия (головка, подошва, голенище, задник) не зависит от толщины кожи, так как присутствуют детали обуви различной толщины, хотя и прослеживается определенная закономерность (например: задники сапог жесткой конструкции имеют толщину 1.5–2.5 мм; толщина поднарядов 0.5–1.5 мм).

По мнению некоторых исследователей, крашение применялось русскими ремесленниками еще в XI в. (Изюмова, 1959. С. 195, 196; Колчин, 1985. С. 269; Осипов, 2006. С. 63, 64; Оятева, 1962. С. 87, 88), однако А.В. Курбатов считает, что высококачественная разноцветная кожа стала выделываться лишь в XIV–XV вв. (2004. С. 12–15). Вся коллекция "археологической кожи" из раскопок Казанского кремля имеет темно-коричневую или темно-бурую окраску, как и кожаные изделия Болгара (Хлебникова, 1988. С. 245), однако письменные источники и лингвистические данные сообщают о выделке булгарами высококачественной юфтевой кожи красного цвета – "булгари" и сафьяна зеленого цвета (Саттарова, 2004. С. 16; Хвольсон, 1869. С. 181). Слово "юфть" известно в русских источниках с XVI в. и обозначает высококачественный сорт краснодубного кожевенного товара (Курбатов, 2004. С. 13). Описывая русскую обувь и выделку кожи, этнограф Д.К. Зеленин пишет: "В старые времена выделкой юфти славились волжские булгары, а после них – русские" (1991. С. 220). Н.И. Костомаров, описывая обувь XVI–XVII вв., заимствованную русскими у татар, отмечает: "Сапоги, чоботы, башмаки, ичетыги были всегда цветные, чаще всего красные и желтые – иногда зеленые, голубые, лазоревые, белые, телесного цвета" (1860. С. 63). Следует заметить, что выделанная кожа уже в процессе дубления приобретает тот или иной окрас, смотря каким материалом производился продуб: ивовая кора придает коже светло-розовый цвет, дубовая – светло-желтый, еловая – желтый, кора лиственницы – красноватый и т.д. (Поварнин, 1917. С. 131–168; 1923. С. 5–13; 1945. С. 10–24).

Готовые кожи булгарские кожевенники жировали яичным белком, что установлено химическими анализами (Хованская, 1951. С. 124). Ка-

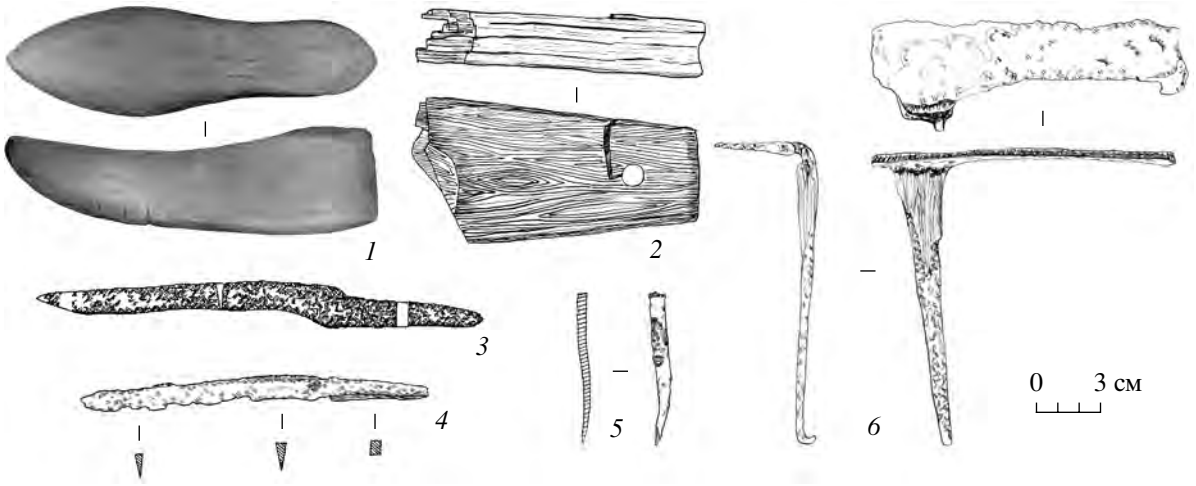

Рис. 1. Кожевенно-сапожные инструменты: *1* – колодка, *2* – колотушка, *3, 4* – ножи, *5* – шило, *6* – скребок. *1, 2* – дерево; *3–6* – железо.

занские мастера как наследники волжских булгар, вероятно, продолжали использовать в жировании те же приемы и материалы, что и их предшественники. В русском кожевенном деле технология изготовления сырья, сложившаяся в XIII в., также не претерпевает существенных изменений до XVIII в.

По мнению некоторых исследователей, в русских городах до XV в. продолжалось совмещение кожевенного и сапожного ремесел (Арциховский, 1949. С. 126–128; Рыбаков, 1948. С. 402). С.А. Изюмова, однако, считает, что разделение на кожевенников и сапожников произошло уже в XII–XIII вв., вследствие увеличения спроса на кожевенную продукцию (1959. С. 195). На совмещение кожевенного и сапожного ремесел в мастерской из раскопа XIII указывает тот факт, что здесь кроме археологической кожи и большого количества дубового и прочего корья, желудей и скопления волос животных встречены сапожные инструменты, колодки и колотушки, ножи, скребок (рис. 1). Однако не исключено, что рядом располагались мастерские по выделке кожи и мастерские по изготовлению кожаной продукции.

Кожевенные изделия из раскопок представлены многочисленными деталями и фрагментами обуви, обрезками от раскроя, отходами производства и неопределенными фрагментами, ножнами и чехлами для ножей, колчаном и саадаком, кошельками, ремнями и т.д. При анализе отдельных деталей обуви прослеживается различие в их скреплении, которое производилось в основном ниточным швом. По следам, оставленным на изделиях (сквозные и несквозные отверстия, деформация края), выделяются следующие виды швов: сквозной (сандальный), выворотный, тачной, потайной (в подтай), перемоточный (через край). Встречаются также комбинированные и декоративные швы, которые являются более сложными разновидностями описанных выше (Курбатов, 2004. С. 78).

Среди кожаных изделий наиболее многочисленными являются детали обуви и фрагменты от них, к которым относятся головки и поднаряды к ним, голенища и штаферки, подошвы и флики от каблуков, задники с карманами, вставками и нашивками, стельки и т.д. На основе обработанного материала из XIII раскопа (1656 экз.) можно проследить соотношение различных деталей обуви: голенище – 136, головка – 158, подошва – 142, задник – 78, каблук и флики от каблука – 51, поднаряд – 46, карман задника – 62, вставка в карман задника – 58, нашивка на задник – 13, штаферка – 17, стелька – 14, обрезки от раскроя – 473, прочие изделия – 38, неопределенные изделия и фрагменты изделий вторичного использования – 440.

Целые формы обуви, сложные составные или простые цельнокроеные, среди находок из ханского слоя не обнаружены, однако их можно реконструировать по отдельным деталям и некоторым средневековым рисункам (Герберштейн, 1988. С. 114). Отсутствие обуви, сшитой из нескольких деталей, объясняется плохой сохранностью льняных нитей, соединяющих детали, вследствие чего обувь распадается. Отсутствие же одночастной или цельнокроеной обуви можно объяснить тем, что казанские мастера не изготовляли такой вид обуви в силу того, что среди населения бытовал и пользовался популярностью другой тип низкой обуви, которая шилась из отдельных деталей. Надо отметить, что одночастная обувь не встречается и на более ранних булгаро-татарских памятниках. Поршни, выкроенные из одного куска кожи, распространенные среди обуви русских городов средневековья, появились здесь только со второй половины XVI в., что под-

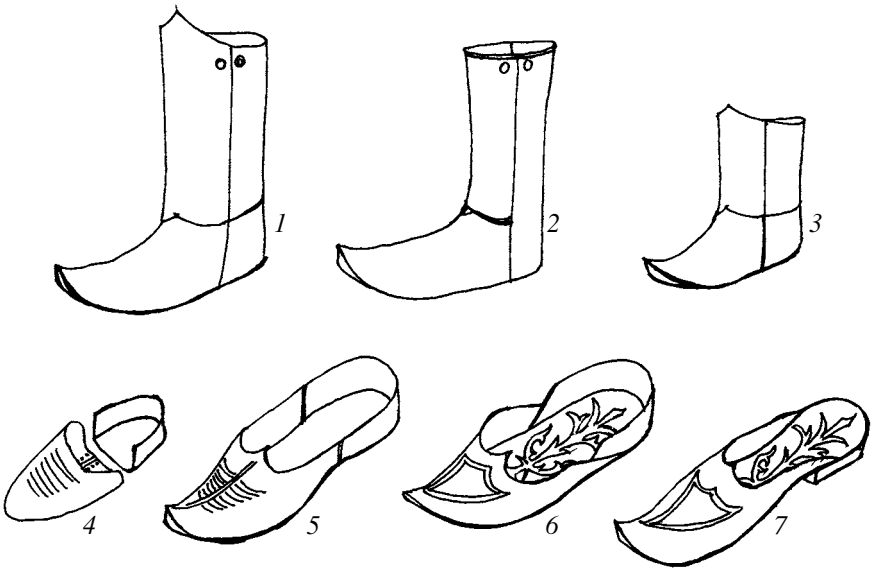

Рис. 2. Формы казанской обуви середины XV – первой половины XVI в. (реконструкция).

тверждается находками из русского слоя Казани и Свияжска.

Среди различных видов обуви, существовавших у русского населения XVI–XVII вв., Н.И. Костомаров перечисляет, как уже говорилось, сапоги, чоботы, башмаки и ичетыги (1860. С. 62, 63). Ичетыги (ичиги) он считает заимствованными от татар. Судя по этимологии, другие виды обуви также имеют тюрко-татарское происхождение (см.: Даль, 1865. С. 535, 686; Ахметьянов, 1969. С. 397, 550; 1989. С. 33, 66, 67). При визуальном анализе остатков кожаной обуви, по технологическим особенностям, т.е. раскрою, приемам пошива, конструированию деталей, декорированию и прочим признакам, удалось выявить фасоны, характерные для следующих видов высокой и низкой обуви Казани XV – первой половины XVI в.: 1) итек – сапоги "жесткой конструкции" (рис. 2, *1*); 2) ичиги, ичетыги (читек) – мягкие сапоги (рис. 2, *2*); 3) чоботы – полусапожки (рис. 2, *3*); 4) башмаки – мягкие и жесткие туфли, сандалии или галоши (рис. 2, *4–7*). Возможно, существовали и другие виды обуви, которые пока археологически не зафиксированы.

Одним из распространенных видов обуви в Казани в ханский период, как и в более раннее время, были итек – сапоги "жесткой конструкции" (подавляющее большинство определяемых обувных деталей относится именно к сапогам). Широкое использование сапог в качестве повседневной обуви у булгар известно уже с X в. Лаврентьевская летопись (1846. С. 36) сообщает, что после похода на булгар в 985 г. воевода Добрыня, осмотрев пленных, сказал князю Владимиру: "иже суть вси в сапозех". В XIII–XIV вв. сапоги с заостренным носком и кососрезанным голенищем, заимствованные у татар, распространяются и у населения русских городов (Осипов, 2006).

Сапоги (итек) представляли собой обувь с высоким голенищем, головкой (с поднарядом), одно- или многослойной подошвой с внутренним или внешним наборным каблуком и наборным задником, состоящим из самого задника, кармана, вставок и нашивки. Основные детали сапог изготовлялись в основном из жестких и грубых сортов кожи, даже детали верха имеют толщину до 2.2 мм. Несмотря на некоторые отличия в выкройке и оформлении, прослеживается стабильность и стандартизация конструирования различных деталей.

Голенища сапог составлялись из двух частей – передней и задней, которые соединялись друг с другом тачным или выворотным швом (рис. 3, *1–9*). Нередко части голенищ собирались из отдельных 2-3 деталей (к основной пришивались дополнительные), соединявшихся тачным швом, или по краям имели фигурные вырезы – места сшивания отдельных деталей (рис. 3, *5–9*). Высота голенищ варьирует в пределах 22–31 см, в большинстве случаев они расширяются кверху. Формы верхнего края в основном прямые (рис. 3, *1, 2*) или кососрезанные, чаще с центра к бокам (рис. 3, *3–6*). Верх голенищ часто обшит дополнительной деталью – штаферкой, имеющей как практическое (предохранение от износа и деформации верха), так и декоративное (сокрытие края обреза и неровностей) значение (рис. 3, *1, 10–12*). В качестве декора верх голенищ часто имеет круглые отверстия или вырезы, куда тачным швом пришивались детали, видимо, отличающиеся по цвету от голенища (рис. 3, *1, 4, 5*). Голенища с головкой и задником соединялись тачным или выворотным швом.

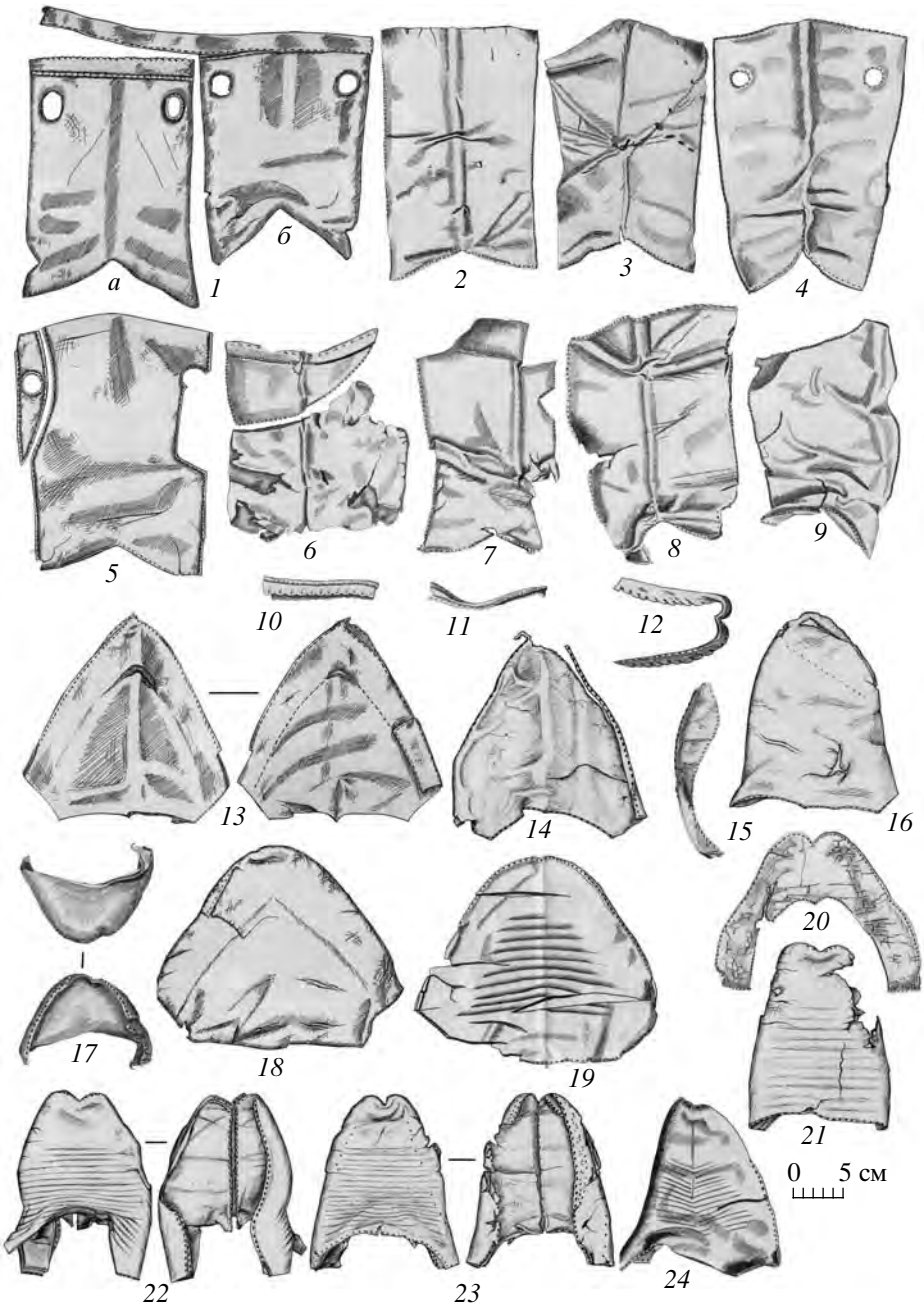

Рис. 3. Детали итек (сапог “жесткой конструкции”): *1–9* – голенища; *10–12* – штафирки; *13–14, 16–24* – головки; *15* – поднаряд.

Головки сапог выкраивались из цельного куска кожи, но иногда встречаются и составные головки из нескольких деталей, соединенных тачным или выворотным швом, которые являются свидетельством ремонта или декоративным элементом (рис. 3, *13–24*). Ширина головок больше длины в среднем на 8–10 см, а толщина составляет 1–2.5 см в зависимости от сорта кожи. По оформлению носков головки делятся на три вида: остроносые (острый сходящийся симметричный) (рис. 3, *13–14, 16*); круглоносые (выпуклый сходящийся симметричный) (рис. 3, *17–19*); с ярко выраженным треугольным вырезом для крепления подошвы (вогнутый сходящийся симметричный) (рис. 3, *20–24*). Все головки имеют более или менее выраженный вырез носка. На подъеме стопы головки имеют прямой (рис. 3, *18, 19*), вогнутый (рис. 3, *13, 14, 16, 21–24*) и сложный фигурный (рис. 3, *20*) обрез края. Боковые обрезы головок скошенные (рис. 3, *13, 14, 16, 18, 19, 21–24*), реже прямые (рис. 3, *20*).

Сапожные головки имели дополнительные детали – поднаряды, обхватывающие только переднюю или всю внутреннюю бахтармяную поверхность. Поднаряды, состоявшие из двух одинаковых по форме кусков кожи, соединялись одновременно друг с другом швом "через край" и с головкой потайным швом (рис. 3, *15, 22, 23*).

Элементами декора на поверхности головок можно считать тиснение, линование и надрезы, которые наносились перпендикулярно оси стопы. В результате тиснения поверхность головки получалось волнистой (рис. 3, *19, 21*) и предохраняла ее от появления грубых складок на подъеме стопы, таким образом выполняя и функциональное значение. При линовании мастер проводил по поверхности кожи острием горячего металлического предмета. Кроме прямых линий (рис. 3, *22, 23*) встречается и елочное линование (рис. 3, *24*). В некоторых случаях, при грубой и жесткой коже, сапожник наносил ножом параллельные резные линии. Этот прием, как линование и тиснение, придавал головке некоторую эластичность и ослаблял нагрузку на стопу при ходьбе. Данные приемы использовались еще булгарскими мастерами в X–XIII вв. (Хлебникова, 1988. С. 248). Надо отметить, что тиснение заметно как с лицевой стороны (мерея), так и на бахтарме, а следы линования и резных линий остаются только на мерее.

Головка соединялась с задником тачным или выворотным швом. При сшивании с подошвой использовали потайной шов (возможно, это комбинированный шов – совмещение выворотного с потайным), который в геленочной части на месте соединения с задником переходила в сквозной шов (рис. 3, *13, 14, 19–24*).

Задники сапог выкраивались как единое целое с голенищем, они часто встречаются с обрезанным голенищем вследствие вторичного использования (рис. 4, *1–5, 27, 28*), так и отдельной деталью (рис. 4, *6–18, 21–26*). Кроме того, в целях экономии материала мастер составлял задник из двух частей или половин (рис. 4, *21–26*), которые соединялись только тачным швом, а не выворотным, так как задники выкраивались из жесткой кожи толщиной 1.5–3 мм. Известен один экземпляр двухдетального задника со швом "через край" (рис. 4, *14*), так как составная часть была незначительной. Форма раскроя задника стандартная: прямой или заостренный верх, прямые или наклонные боковины, ровный слегка закругленный или с вогнутым вырезом обрез нижнего края (рис. 4, *1–29*).

Отличительной чертой сапог "жесткой конструкции" являются наборные задники общей толщиной до 1 см (рис. 4, *27, 28, 33, 38*), т.е. на собственно задник изнутри потайным швом пришивался карман (рис. 4, *30–35*), куда вставлялись кожаные и берестяные прокладки (рис. 4, *20, 27–29, 33, 36–45*). Часто данный набор по центру вертикально скреплялся сквозным швом с широким захватом. Затем на лицевую наружную сторону задника вставилась треугольная накладка, закрывающая данный шов (рис. 4, *46–49*), и весь набор сквозным швом крепился на подошве. Надо отметить, что при этом накладка непосредственно к заднику не пришивалась. Украшением на задник могли служить металлические фигурные накладки или гвоздики, от которых сохранились следы в центре нижней части задников (рис. 4, *1–3, 8, 17*). Украшенный "блестящими гвоздиками" задник был найден в "ханском" слое Кремля при исследованиях Н.Ф. Калинина, который ошибочно принял его за верхний край голенища (1955. С. 136, 137).

Форма раскроя головки и задника обуславливала форму раскроя подошвы, вследствие чего выделяются остроносые, различной заостренности (рис. 5, *1–6, 10–12*), со скругленным носком, с заостренной вытянутой пяткой (рис. 5, *8*) подошвы, у взрослых моделей длиной 23–38 см. Подошвы толщиной 1.5–2.5 мм были однослойными и многослойными, при этом у последних толщина внутренней подошвы составляла 0.8–1.5 мм, т.е. была тоньше внешней. В большинстве случаев у многослойных подошв между верхней и нижней пластинами из подкладок толщиной 0.5–1 мм собирался невысокий внутренний каблук (рис. 5, *2, 4, 7, 12*). По этимологии слово "каблук", видимо, тюрко-татарского происхождения, было заимствовано русскими, как и другие слова кожевенно-сапожной лексики (Полонская, 1991. С. 109).

Наборный каблук, собранный из фликов толщиной в среднем 1 мм, сшивался с подошвой сквозным швом и подбивался железными гвоздиками, от которых остаются характерные следы. В декоративных целях миниатюрными гвоздиками подбивались и загнутые вверх носки подошв. Подошва сшивалась с головкой потайным (в геленочной части сквозным) швом, с задником – сквозным швом. Следы потайного шва фиксируются в виде двух параллельных рядов несквозных, а сквозного – в виде одного ряда вертикальных отверстий (рис. 5, *1–8*, *10–12*).

Ичетыги (ичиги) представляли собой сапоги из мягкой кожи с мягкими подошвами без каблука, в большей части цельные. Для наибольшей прочности в задник пришивался карман, позднее вставляли кусок шагреневой кожи (Татары…, 1967. С. 134, 135). Они являлись широко распространенным видом обуви у населения Казани ханского времени. Их истоки некоторые исследователи находят на Алтае (Валеева-Сулейманова, 1986. С. 49). Ичетыги являлись повседневной обувью, одевали их большей частью дома или на улицу (в сочетании с низкой обувью). Первоначально они были популярны и распространены среди обоих полов населения, позднее под влиянием

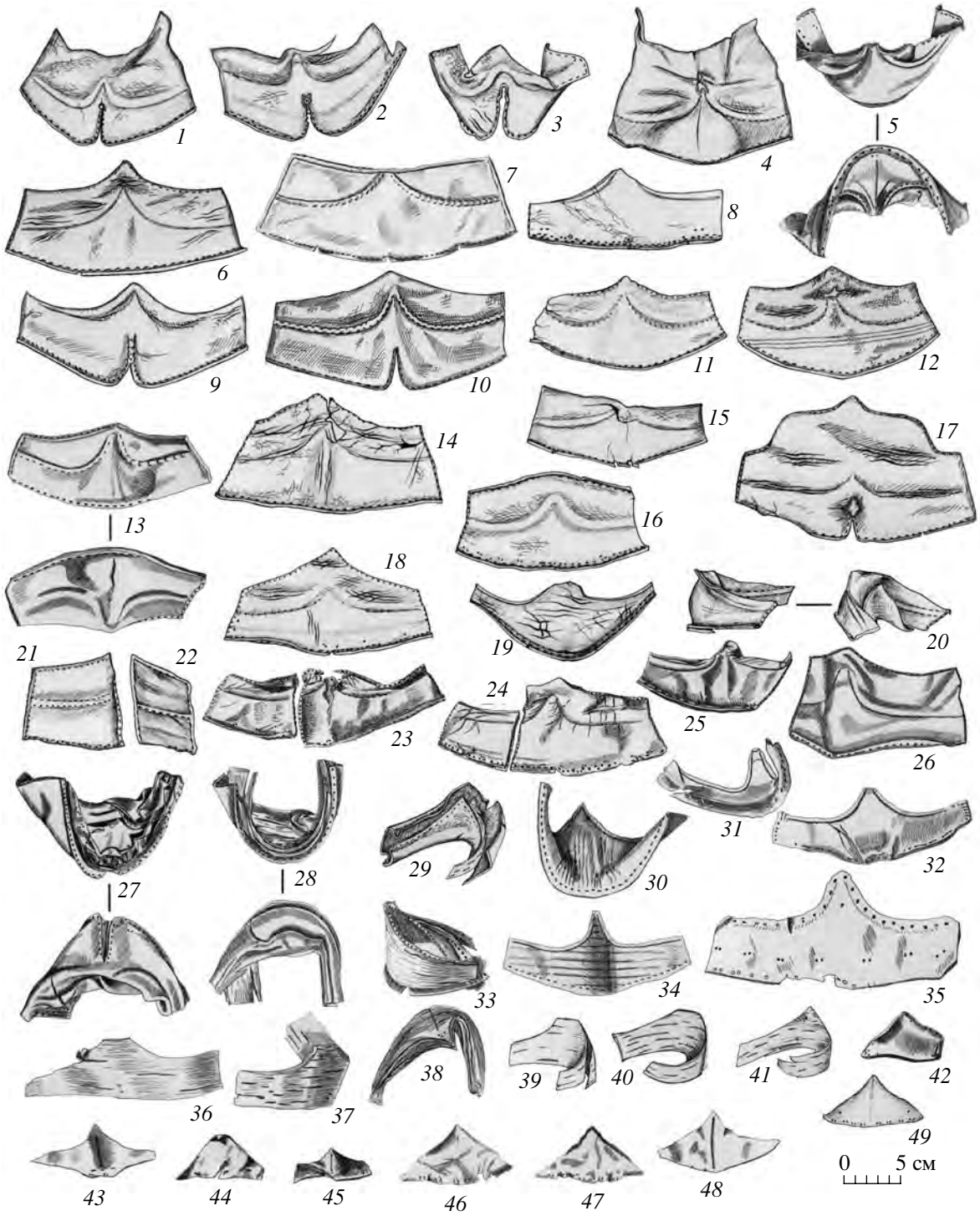

Рис. 4. Детали итек (сапог “жесткой конструкции”): *1–26* – задники; *27–29* – задники с карманом и вставками; *30–35* – карманы (*33* – карман с берестяной вставкой); *36–41* – берестяные вставки; *42–45* – кожаные вставки; *46–49* – нашивки на задник.

русской и западноевропейской моды стали женской обувью.

Схожие мягкие сапоги были распространены в XIII – первой половине XIV в. в Твери и других русских городах, но отличались от казанских тем, что верх обуви с подошвой сшивался выворотным или тачным швом, отсутствовали дополнительные детали (Курбатов, 2004. С. 43, 44). Рассматривая разновидности русской обуви XVI–XVII вв., Н.И. Костомаров дает описание ичетыг:

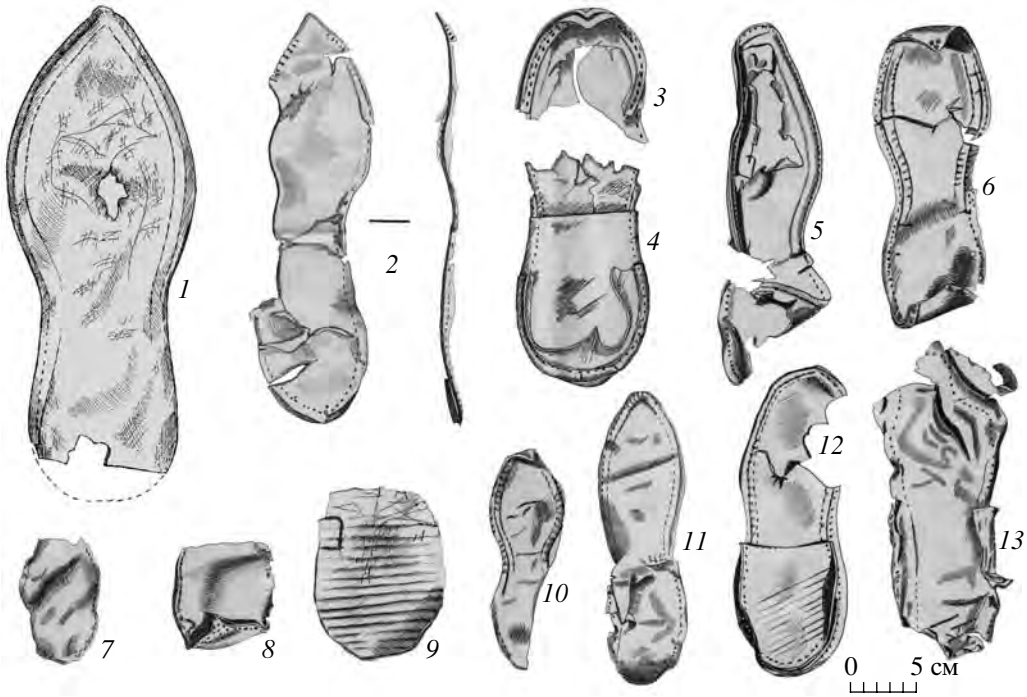

Рис. 5. Подошвы, заготовка и подметка обуви: *1–8, 10–12* – подошвы; *9* – заготовка; *13* – подметка.

"это были сафьянные чулки и разделялись на два вида: полные, достигавшие до колен, и полуполные" и объясняет, что при них носили башмаки (1860. С. 63).

В XV–XVI вв. отличием ичетыг от сапог "жесткой конструкции" являлось, видимо, лишь то, что они шились из тонкой эластичной кожи толщиной не более 1.5 мм, подошва была однослойной, а задник не был жестким и многодетальным, хотя и укреплялся карманом. По этой причине разрозненные детали сапог и ичетыг различить крайне сложно. Детали верха ичетыг состояли из головки, передней половины голенища и задника, переходящего в заднюю часть голенища (рис. 6, *2, 3*). Сшивали детали выворотным или тачным швом, при последнем могли использовать два варианта: обычный – отверстиями на тыльной бахтармяной стороне или специальный – отверстиями на лицевой стороне, мерее (рис. 6, *3–6*). При специальном тачном шве, возможно, использовали цветные нити или металлические проволоки, которые выполняли еще и декоративную функцию, вследствие чего ичиги воспринимались как узорно вышитые чулки. Данный прием соединения деталей привел позднее к появлению вида шва под названиями "татарский", "казанский" или "казанский шов в тачку" (Гулова, 1983. С. 22–25; Саттарова, 2004. С. 12, 13).

Как и у сапог, голенища ичетыг иногда имеют вырезы по краям, круглые отверстия, куда пришивались разные по цвету детали, обшивая иногда штаферкой (рис. 6, *3–5*). Голенища и головки на месте соединения могли фигурно выкраиваться (рис. 6, *1, 6*). Головки, возможно, были без поднаряда, имели тиснение или линование, соединялись с голенищем, как и сапожные, тачным или выворотным швом (рис. 6, *1–6*). По всей вероятности, остроносые с треугольным вырезом на носке головки, сохранившие следы потайного шва по середине внутренней поверхности, являются ичижными и чеботными. Потайной шов проходил по образовавшимся от тиснения углублениям и подтягивал носок (рис. 6, *11–17*). Однослойные подошвы толщиной не более 1.5 мм были остроносые и при сшивании с головкой загибались вверх.

Чоботы являются менее определяемым видом обуви по сохранившимся деталям, так как шились, в отличие от русских полусапожек, из отдельных деталей и представляли собой сапоги с короткими голенищами. По определению Н.И. Костомарова, "чоботы были полусапожки с остроконечными загнутыми кверху носками" (1860. С. 63). К деталям верха чобот можно отнести двусоставные голенища ровные или расширяющиеся кверху, высотой 14–20 см, выкроенные из кожи толщиной 1.2–2 мм (рис. 6, *7–11*). Форма верхнего края прямая (рис. 6, *7, 10*) или кососрезанная (рис. 6, *9, 11*) и могла обшиваться штаферкой (рис. 6, *9, 10*). Вероятно, чоботы были преимущественно женской обувью.

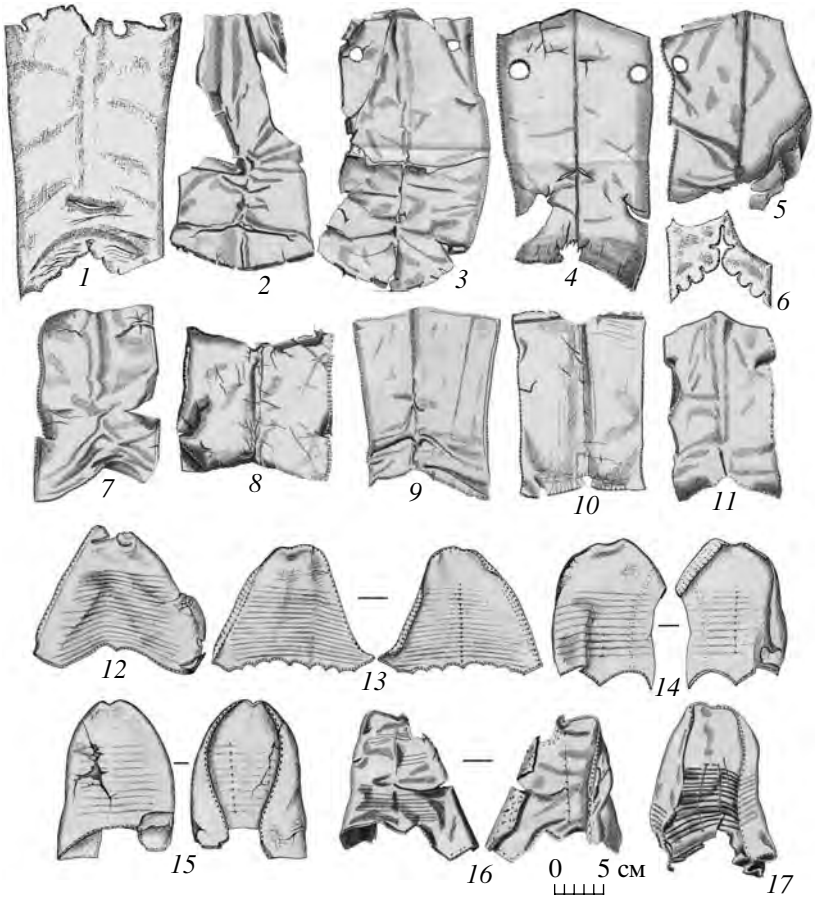

Рис. 6. Детали ичетыг и чобот: *1–6* – голенища ичетыг; *7–11* – голенища чобот; *12–17* – головки ичетыг и чобот.

В XVI–XVII вв. башмаки "были принадлежностью не только женщин, но и мужчин; при них носили ичетыги" (Костомаров, 1860. С. 63). Подтверждают это мнение и археологические находки из "ханского" слоя Казани. Судя по размерам отдельных башмачных головок и пары женских башмаков, сохранившихся относительно целыми, изготовлялись они для обоих полов (рис. 7, *1а, 2д, е, 3, 4*). По форме носков головок башмаки, как и сапоги, были трех видов: остроносые (острый сходящийся симметричный) (рис. 7, *1б*); круглоносые (выпуклый сходящийся симметричный) (рис. 7, *3, 4, 10*); с треугольным вырезом для крепления подошвы (вогнутый сходящийся симметричный) (рис. 7, *2д, е, 11*). По раскрою и конструкции различаются несколько типов башмаков. Встречена одна передняя часть башмака из цельного куска кожи толщиной 1.5 мм, где головка с прямым обрезом края на подъеме стопы, огибая стопу, переходила в подошву, и края соединялись тачным швом по центру стопы (рис. 2, *4*; 7, *10*). В практических и декоративных целях головку линовали.

Остальные стандартные и характеризируются наличием коротких головок с длинными боковинами, поднаряда, подошвы и стельки. Их головки выкраивались с боковинами, образующими как бы "крылья", которые при сшивании с подошвой образовывали "берцы" башмака высотой 2.5–3.5 см (рис. 7, *1б, д, е, 3, 4, 11*). Существуют два вида обреза боковин головок: прямой (вертикальный) (рис. 7, *4, 11*) и скошенный (рис. 7, *2д*). Прямой обрез, свидетельствующий о наличии задника, видимо, характеризирует второй тип башмаков, где боковины головки сшивались с задником, закрывая всю стопу (рис. 2, *5*). Скошенный обрез боковин может говорить о существовании третьего и четвертого типов башмаков. Третий тип представляется башмаками, где боковины головки, смыкающиеся с подошвой в геленочной части, не сшивались непосредственно с задником, а "сходились в середине борта, налагая один фрагмент на другой, образуя специфическую выемку" (Суслова, Мухамедова, 2000. С. 85), и пришивались к жесткой подошве (рис. 2, *6*). Четвертый тип башмаков отличается отсутствием задника, вследствие чего боковины головки смыкались с подошвой в геленочной части (рис. 2, *7*).

Последние три типа башмаков, возможно, имели и невысокий каблук, во всяком случае уже

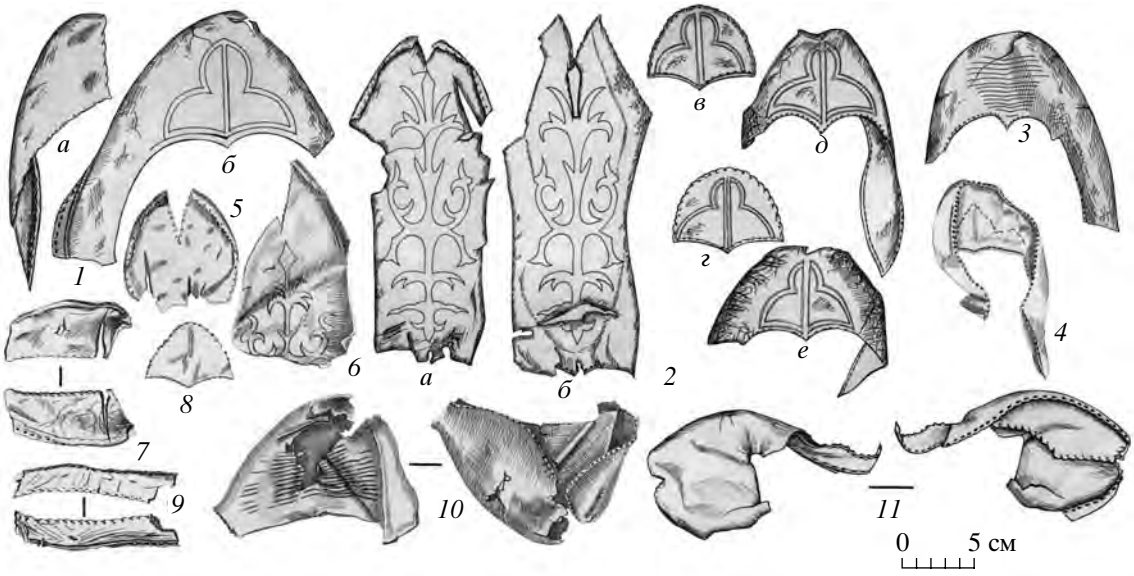

Рис. 7. Детали башмаков: *1б, 2д, е, 3, 4, 10, 11* – головки; *1а, 2в, г, 7–9* – поднаряды; *2а, б, 5, 6* – стельки.

в XVII–XVIII вв. под влиянием западноевропейской моды каблуки были очень распространены в русских городах (Осипов, 2006. С. 87). О бытовании высоких каблуков в XVI–XVII вв. говорит и Н.И. Костомаров: "башмаки были с такими высокими подборами, что передняя ступня не касалась земли, если встать на каблук" (1860. С. 63).

Головки башмаков имели тиснение, линование и нашивку из кожи или ткани (рис. 7, *1б, д, е, 3, 10*). Интересно тиснение в виде трилистника, которое фиксируется и на поверхности поднаряда (рис. 7, *1б, 2в–е*). Поднаряды были цельные или двухдетальные (рис. 7, *1а, 2в, г, 7–9, 11*), которые швом "через край" соединялись со стелькой. Стельки вследствие того, что у низкой обуви внутренняя сторона подошвы была обнажена (открыта), могли украшаться резьбой растительного орнамента (рис. 7, *2а, б, 6*). Кстати, данный орнамент аналогичен тем, которые нанесены на сапоги и снаряжение в рисунке С. Герберштейна (1988. С. 114).

Кроме остатков деталей обуви, которые составляют большую часть находок "археологической кожи", из "ханского" слоя происходят колчан, саадак, ножны, чехлы для ножей, кошельки, ремни, обрезки раскроя и большое количество изделий, определение которых затруднительно в силу их плохого состояния или многократного использования.

Колчан происходит из "ханского" слоя раскопа XIII (Набиуллин, 2004. С. 35). Он фигурно выкроен и украшен изящной вышивкой по шнурку в виде сильно стилизованного растительного орнамента и изображением зооморфного существа ("Зиланта"). В верхней части имеет надрез длиной 13 см, в центре верхней части и по углам фиксируются следы от металлических заклепок. Длина его составляет 54.5 см, ширина в верхней части 26.2, в середине – 23.6, в нижней – 13.4. Колчан изготовлялся из одинаково выкроенных частей кожи толщиной 2 мм.

Саадак обнаружен в раскопе LXIII-Д (руководители А.Г. Ситдиков, З.Г. Шакиров). Он выкроен из одного куска кожи толщиной 1.5 см трапециевидной формы, в центре нижней части которого делался треугольный вырез, затем заготовка загибалась по центру и края сшивались комбинированным способом сквозного шва. Саадак в готовом виде имел треугольную форму длиной более 53 и шириной вверху 25 см. Края его были украшены зигзагообразным тиснением. В нижней и верхней частях имеются следы от нашивок или заплат в виде сквозных нитяных и ремешковых отверстий с широким захватом (рис. 8, *1а, б*).

Чехлы ножей относятся к группе с центральным швом, т.е. кожу сгибали и края сшивали тачным или сквозным швом по центру или середине лезвия ножа (рис. 8, *2, 3, 5*). В одном случае кроме шва по центру в верхней части чехла имеется боковой шов, выполненный "через край". Чехол крепился на поясе кожаным ремешком шириной 3–4 мм, который продевался в прорези с двух сторон центрального шва и завязывался (рис. 8, *3*). Они изготовлены из кожи толщиной 1 мм, ширина у устья составляет 4.5–5 см.

Ножны длиной более 26 см изготовлены из кожи толщиной 1.2 мм с боковым швом в тачку. Ширина у устья составляет 4.5 см (рис. 8, *4*). Внутри ножен, как и у чехлов для ножей, какие-либо

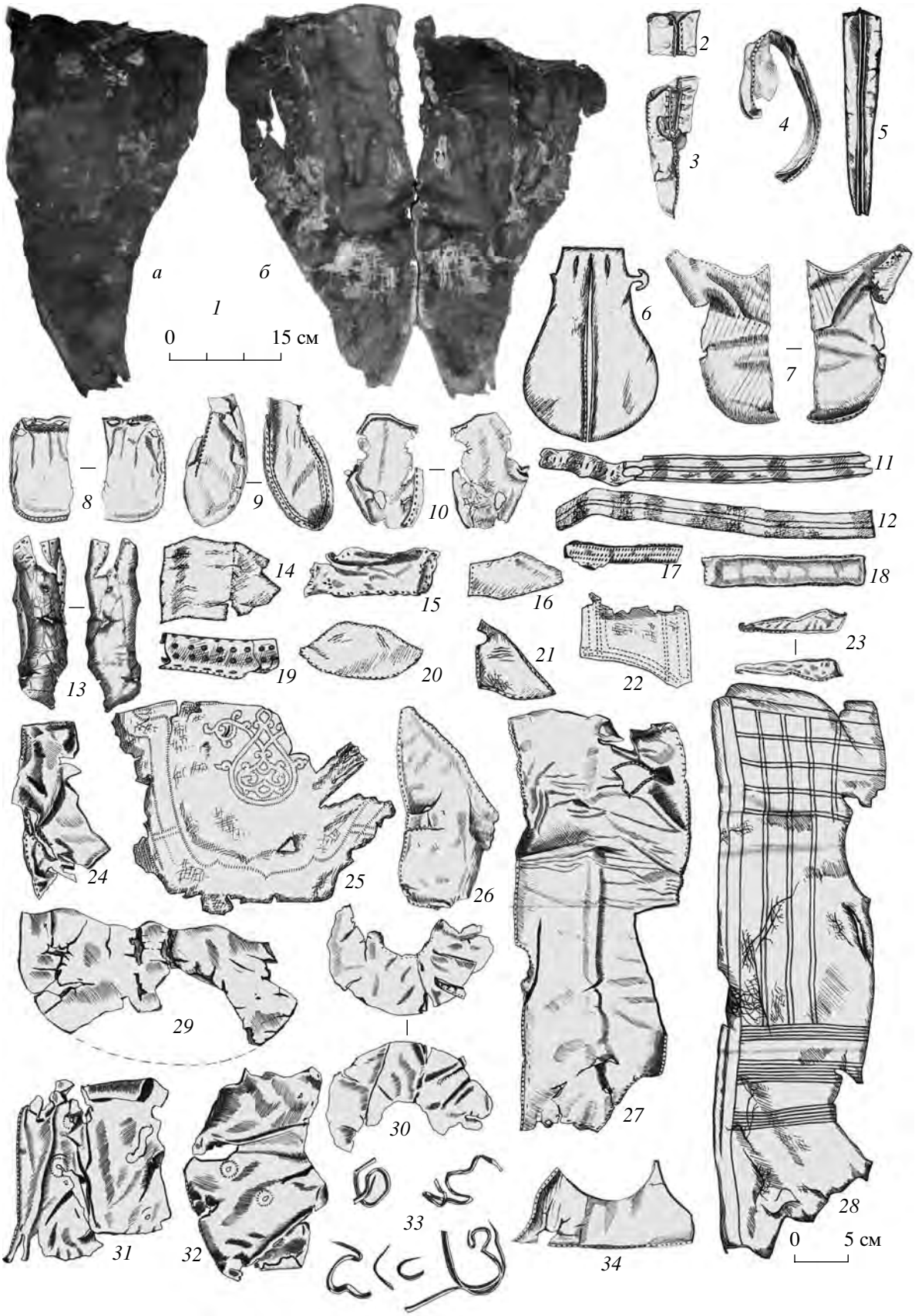

Рис. 8. Другие изделия: *1* – саадак (*а* – вид изделия, *б* – вид раскроя); *2, 3, 5* – чехлы для ножей; *4* – ножны; *6–8* – кошельки; *9, 10* – вместилища; *11, 12* – ремни; *13–32* – детали изделий; *33, 34* – обрезки раскроя.

следы от деревянных или берестяных обкладок не зафиксированы.

Кошельки изготовлены из двух или более деталей толщиной 1–1.5 мм, которые сшивались тачным или выворотным швом. Различные по форме, они имеют выпуклое тулово и округлый низ. Один кошелек (максимальная ширина 12 и высота 17.3 см) по центру имеет вертикальный разрез, нижняя часть которого сшита тачным швом. Верхняя часть кошелька выкроена с Т-образными ушками или завитками, которыми он крепился на поясе, и прорезями для стягивания ремешком (рис. 8, *6*). Фрагмент другого кошелька, размерами 15 × 11 см, является частью одной половины, которые сшивались переметочным швом. Внешняя поверхность (мерея) с диагональным тиснением и со следами потайного шва имеет некоторую стертость. Вероятно, кошелек изготовлен из вторичного сырья (рис. 8, *7*). Один из фрагментов, высотой 9.5 см, относится к прямоугольному кошельку, который изготовлялся из двух половинок, скрепляющихся выворотным швом. Верх заготовки загибался вовнутрь и переметочным швом пришивался к несквозному надрезу на стороне бахтармы. В верхней части кошелька имеются прорези для продевания ремешка (рис. 8, *8*).

Несколько изделий-вместилищ толщиной кожи 1.5 мм не поддаются определению. Одно из них вытянутой формы, размерами 8 × 12 см, имеет поднаряд. По краям изделия фиксируются следы от потайного шва (рис. 8, *9*). Другое, размерами 11.7 × 7.3 см, сшивалось со второй половиной выворотным швом, в верхней части прослеживается тачной шов (рис. 8, *10*).

Ремни в ханском слое Казани встречены в небольшом количестве Они изготовлены из кожи толщиной 1–1.5 мм, ширина их составляет 2.5 см, сохранившаяся длина достигает 31–35.5 см. Ремни имеют продольное тиснение (рис. 8, *11–12*). На одном фрагменте посередине сделаны овальные вырезы размерами 1.8 × 0.7 см и серия мелких сквозных прорезов на сужающейся до 2 см оконечности (рис. 8, *11*).

Среди казанских находок кожи ханского времени встречается широкий спектр разнообразных изделий, атрибуция которых затруднительна или невозможна в силу их фрагментарности. Вероятно, они относятся к деталям одежды, снаряжения или бытовым изделиям. Из “ханского” слоя происходят фрагменты округлых изделий, выкроенных из кожи толщиной 0.5–1.5 мм (рис. 8, *29, 30*), со следами швов на некоторых из них (рис. 8, *30*). Существуют фрагментированные изделия, соединявшиеся тачным швом, на которых фиксируются отверстия и следы от круглых накладок и нашивок диаметром 1.3–1.5 см (рис. 8, *31, 32*). Также встречены мелкие и крупные детали неопределенных изделий с различными вариантами швов (рис. 8, *13–28*).

Наибольшее количество находок “археологической кожи” относится к обрезкам от раскроя деталей, различных по размерам и толщине. Присутствие на обрезке от раскроя утолщения края кожи и местами волосяного покрова является характерной чертой деталей, выкроенных с края кожевенного листа. Наиболее четко на обрезках фиксируются следы раскроя подошв, так как раскрой их приходился на край кожевенного листа. Часты среди деталей обрезки со следами швов, что свидетельствует о вторичном использовании изношенных изделий (рис. 8, *34*), хотя преобладают обрезки от новых кож (рис. 8, *33*). Иногда обрезки деталей сохраняют характерные признаки в виде деформаций и т.д. (рис. 5, *9*).

Таким образом, проанализировав сведения письменных источников, данные археологических исследований и результаты анализа вещественного материала, можно заключить следующее. В XV – первой половине XVI в. казанские татары, будучи преемниками волжских булгар, продолжали и развивали технологию кожевенного и сапожного дела своих предшественников. В сапожном деле сохраняются традиционные фасоны и формы, в частности остроносые формы как высокой, так и низкой обуви. Для казанского сапожного производства XV – первой половины XVI в. характерно изготовление только сложносоставной обуви. Кроме обуви изготовляли и другие виды кожевенной продукции: воинское снаряжение, детали конской упряжи, бытовые предметы.

Булгаро-татарское кожевенно-сапожное производство повлияло и благоприятно сказалось на развитии этого вида ремесла и у соседей. С этим влиянием связано, в частности, появление и широкое использование киселевания и квашения при выделке кожи, а также распространение многих видов и форм обуви в русском кожевенном деле, что отмечается большинством отечественных исследователей. Высококачественная продукция казанских мастеров составляла важную долю экспорта Казанского ханства в торговле с Московским государством и с азиатскими странами, что подтверждается письменными и археологическими источниками. Казань в XV – первой половине XVI в. являлась одним из крупных центров кожевенно-сапожного производства не только в Среднем Поволжье, но и Восточной Европе. Даже после падения столицы ханства и присоединения региона к Русскому государству она быстро вернула свои позиции в производстве кожевенно-сапожной продукции и торговле ею.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арциховский А.В. Раскопки на Славне в Новгороде // МИА. 1949. № 11.

Ахметьянов Р.Г. Этимологические основы лексики татарского языка: Дис. ... канд. филолог. наук. Казань, 1969.

Ахметьянов Р.Г. Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья. М., 1989.

Валеева-Сулейманова Г.Ф. Древнеалтайские параллели в народном искусстве казанских татар // Историко-культурные контакты народов Алтайской языковой общности. История, литература, искусство. М., 1986.

Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988.

Гулова Ф.Ф. Татарская национальная обувь. Казань, 1983.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Ч. 1, 2, IV. М., 1863–1866.

Древняя Казань глазами современников и историков / Сост. и авт. коммент. Ф.Ш. Хузин, А.Г. Ситдиков. Казань, 1996.

Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991.

Изюмова С.А. К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого // МИА. 1959. Вып. 65.

Калинин Н.Ф. Раскопки в Казанском кремле в 1953 году // Изв. КФАН СССР. Сер. гуманит. наук. Вып. 1. Казань, 1955.

Колчин Б.А. Ремесло // Древняя Русь: город, замок, село. М., 1985 (Археология СССР).

Костомаров Н.И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. СПб., 1860.

Курбатов А.В. Исследование М.К. Каргера: коллекция кожаных предметов из раскопок 1957 г. на Верхнем замке Полоцка // Раннесредневековые древности северной Руси и ее соседей. СПб., 1999.

Курбатов А.В. Кожевенное производство Твери в XIII–XIV вв. (по материалам археологических исследований 1993–1997 гг.). СПб., 2004.

Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. I. СПб., 1846.

Набиуллин Н.Г. Охранно-спасательные раскопки в северо-восточной части Казанского кремля (раскоп XI-II) // АОТ: 2000 год. Казань, 2001.

Набиуллин Н.Г. Новые данные по археологии средневековой Казани (обзор материалов некоторых охранно-спасательных раскопов) // ТА. 2004. № 1–2.

Осипов Д.О. Обувь Московской земли XII–XVIII вв. // Матер. охранных археол. исследований. Т. 7. М., 2006.

Осипов Д.О., Лихтер Ю.А. Системное описание и классификация кожаной обуви (методические рекомендации). М., 2004.

Оятева Е.И. Обувь и другие кожаные изделия древнего Пскова // АСГЭ. 1962. Вып. 4.

Оятева Е.И. Обувь и другие кожаные изделия Земляного городища Старой Ладоги // АСГЭ. 1965. Вып. 7.

Оятева Е.И. Кожаная обувь из средневековых городов Польши (Краткий обзор публикаций) // АСГЭ. 1970. Вып. 12.

Оятева Е.И. К методике изучения древней кожаной обуви // АСГЭ. 1973. Вып. 15.

Оятева Е.И. Две публикации средневековой кожаной обуви. Критические замечания // АСГЭ. 1976. Вып. 17.

Поварнин Г.Г. Очерк мелкого кожевенного производства в России. СПб., 1912.

Поварнин Г.Г. Дубильные материалы, их использование, свойства и обработка. Томск, 1917.

Поварнин Г.Г. Русские концентрированные дубильные материалы. М., 1923.

Поварнин Г.Г. Производство дубильных соков из местного сырья. М., 1945.

Полонская М.Ю. Кожаная обувь древнего Смоленска // Смоленск и Гнёздово. М., 1991.

Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М., 1948.

Саттарова Л.И. Казанская узорная кожа. М., 2004.

Суслова С.В., Мухамедова Р.Г. Народный костюм татар Поволжья и Урала (середина XIX – начало XX вв.). Казань, 2000.

Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М., 1967.

Халиков А.Х. Наблюдения в Казани // АО–1986. 1988.

Хвольсон Д.А. Известия о хозарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и русаах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн-Даста. М., 1869.

Хлебникова Т.А. Кожевенное дело // Город Болгар: очерки ремесленной деятельности. М., 1988.

Хованская О.С. Новые данные о городе Болгаре // КСИИМК. 1951. Вып. XXXVIII.

Leather industry in Khan's Kazan (on the basis of data from the 1994–2005 excavations)

R. R. Valiev

Summary

In the Kazan Khanate, as well as in earlier Turkic-Tatar states, leather industry is the least studied area of manufacture. Large-scale excavations in the Kazan Kremlin revealed many leather items and leatherworking and shoemaking tools. The largest amount of archeological leather – over 10000 fragments – came from dig 13 in the eastern part of the Kremlin hill. We have processed about 2000 finds, which allowed to study the tanning and shoemaking industry in Kazan in the middle of the 15th – first half of the 16th cc. The article summarizes the available data on raw materials, means of manufacturing leather items, tailoring techniques, detail construction and decorating. Types of leather goods have been identified, for instance, shoes, military items, household items. The author comes to the conclusion that in the middle of the 15th – first half of the 16th cc. the leather industry in Kazan, which absorbed the traditions of Bulgar nomads, was at a high level of development and influenced the evolution of the craft in question in neighboring regions.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2009, № 1, с. 125–139

ПУБЛИКАЦИИ

СЕЛЬМЕНТАУЗЕНСКИЙ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЙ МОГИЛЬНИК В ЧЕЧНЕ

© 2009 г. М. Х. Багаев*, Х. М. Мамаев**

** Чеченский государственный университет, Грозный*

*** Академия наук Чеченской Республики, Грозный*

В 1987 г. у горного селения Сельментаузен Веденского района Чеченской Республики (в то время ЧИАССР), расположенного в так называемых Черных горах, археологическим отрядом Чечено-Ингушского госуниверситета был обнаружен и частично исследован раннесредневековый могильник (рис. 1).

Предварительное сообщение о памятнике было опубликовано в 1992 г., однако так случилось, что несколько позднее, в ходе последующих известных событий в Грозном, погибли находки и практически вся документация о могильнике, но чудом уцелели основные рисунки к статье, которую собирались опубликовать авторы. Несмотря на утрату части сведений об обряде (в частности, о расположении предметов в погребениях) и разрозненности ряда вещевых комплексов, сохранившиеся в виде иллюстраций данные об инвентаре захоронений представляют большой интерес не только для раннесредневековой археологии Чечни, территории, связывающей воедино два субрегиона Северного Кавказа – Северо-Восточный и Центральный Кавказ. Поэтому авторы все же решились ввести в научный оборот сохранившиеся материалы.

Могильник расположен в 1.5 км восточнее селения, на левом берегу небольшой речки Булкх в местечке под названием Дангин-ирзо (рис. 1, *1*). Погребения были открыты случайно во время вспашки, разрушившей несколько захоронений. Для исследования на краю поля был заложен раскоп площадью 96 м^2, включивший в себя и территорию с затронутыми погребениями. Всего было обнаружено 12 одиночных могил, представлявших грунтовые ямы с заоваленными углами, контуры которых в большинстве случаев четко зафиксировать не удалось. Глубина залегания могил колебалась от 0.3 до 0.7 м от современной поверхности; погребенные покоились на спине, с вытянутыми конечностями (в отдельных случаях голени ног были перекрещены), головой на ЮВ. Несколько раз в изголовьях обнаруживались костные остатки жертвенных животных, в засыпи ям фиксировались древесные угольки (Багаев, 1992).

Погребение 1. Детский костяк (в вытянутым положении) сопровождали предметы, картину размещения которых восстановить не удалось. Это бронзовые литая головка медведя с ушком, антропоморфная (?) фигурка с петелькой, две спиралевидные пронизки из плоской проволоки, браслет с заостренными концами и разбитый орнаментированный стакан из цветного стекла, лежавший у черепа (рис. 2*А, 1–5*).

Погребение 2. Данные о деталях обряда ограничены – в грунтовой яме остатки очень плохо сохранившегося потревоженного (?) костяка с неясным размещением находок. Судя по расположению сосудов, погребенный лежал головой на ЮВ.

Инвентарь захоронения состоял из металлических предметов. Это крупная обломанная бляха, орнаментированная с лицевой стороны пятью выпуклостями и треугольниками между ними из оттисков пуансона, составлявших в целом крестовидный орнамент (рис. 2*А, 6*); четыре серьги из овальных колец (на одном – утолщение) разной сохранности, к которым подвешены литые “столбики” из шариков разной величины и количества – от двух до четырех (рис. 2*А, 7, 8, 10, 14*); три спиралевидные пронизки из плоской проволоки (рис. 2*А, 9*); круглая плоская бляха с прямоугольным выступом в центре (рис. 2*А, 11*); выгнутая колесовидная бляха с насечками по окружности и треугольными отверстиями (рис. 2*Б, 1*); литой конусовидный умбон, оформленный “жемчужинами” по краю (рис. 2*А, 12*); очковидная подвеска из толстой проволоки с петелькой для крепления (рис. 2*А, 13*); семь браслетов: маленький из круглого в сечении прута с заостренными концами и шесть более крупных, три из которых одинаковы – неширокие пластинчатые с “треугольниками” на концах, один плоский с завернутыми концами и гравированной ломаной линией на корпусе, два экземпляра овальные в сечении, корпус одного орнаментирован кольцевидными насечками (рис. 2*А, 15*; 2*Б, 5–10*); литой бубенчик с прорезью (рис. 2*А*, *17*); три литых плоских бляхи (застежки ?): одна в виде круглой пластинки с насечками по краю, круглыми отверстиями по окружности и “перекладиной” в центре, две шестилопастные с фестончато вырезанными краями (рис. 2*А, 18–20*); крупный перстень с овальной вставкой, удерживаемой четырьмя “лапками” (рис. 2*Б, 4*); небольшая литая (?) Т-образная фибула с двускат-

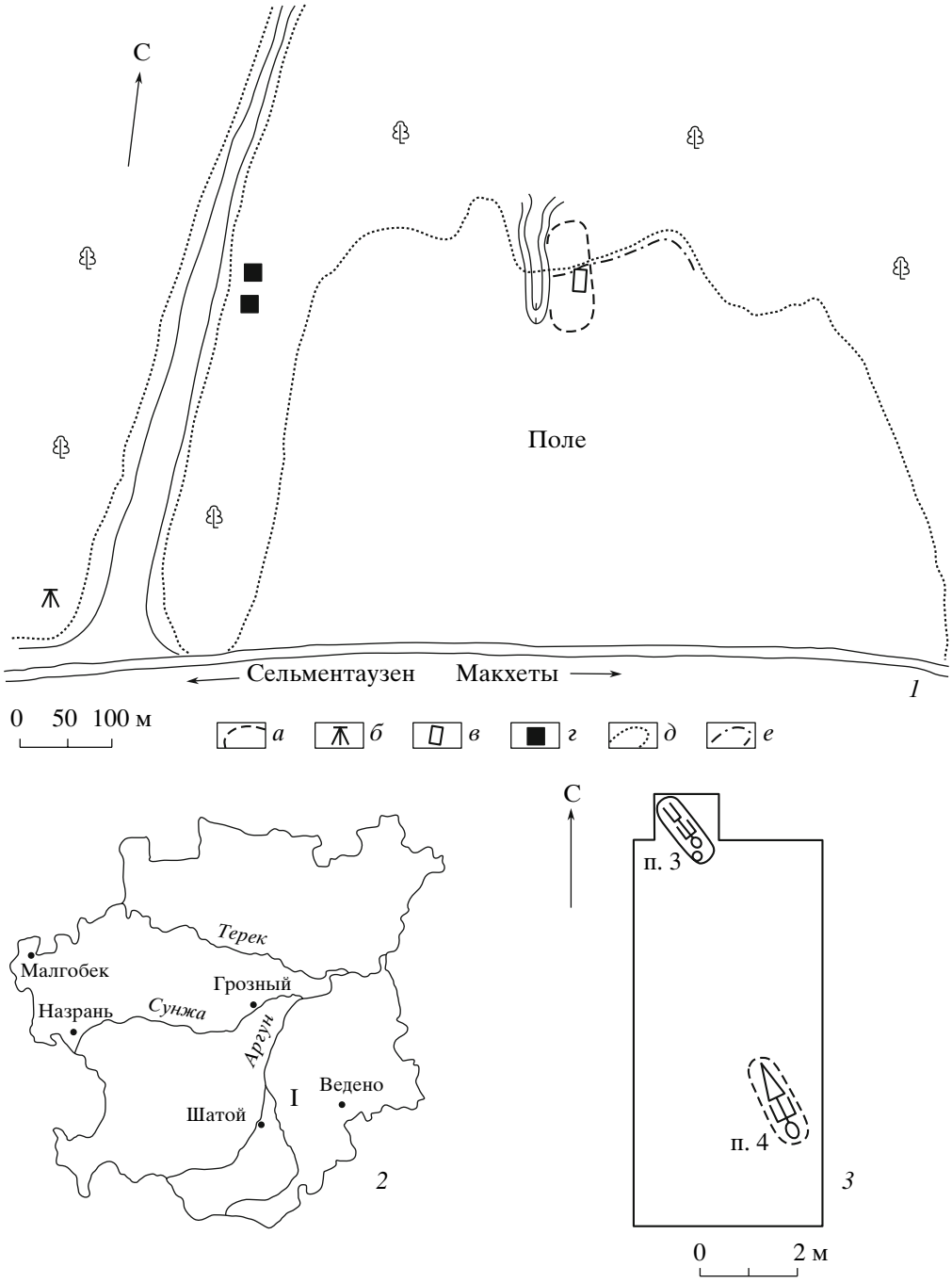

Рис. 1. *1* – ситуационный план Сельментаузенского могильника; *2* – схема нахождения могильника (I); *3* – часть раскопа 1. Условные обозначения: *а* – приблизительные границы могильника; *б* – триангуляционный знак; *в* – раскоп; *г* – жилые дома; *д* – граница леса; *е* – забор из сетки.

ной дужкой и подтреугольной ножкой (рис. 2*Б, 2*); железный нож (рис. 2*Б, 3*).Особо выделяется довольно крупный равноконечный литой крест с петлей для подвешивания, круглой выпуклиной на средокрестии и парными “жемчужинами” на концах ветвей (рис. 2*А, 16*). В погребении были также два глиняных сосуда, рисунки которых не сохранились.

Погребение 3. В грунтовой яме подпрямоугольной формы со скругленными углами зафиксирован лежавший на спине с вытянутыми конечностями костяк подростка, головой на ЮВ. За черепом у стенки могилы выявлены хорошо выделанный гончарный кувшин с тонкой лентовидной ручкой (рис. 3*А, 2)* и часть тушки жертвенного животного. Здесь было обнаружено так-

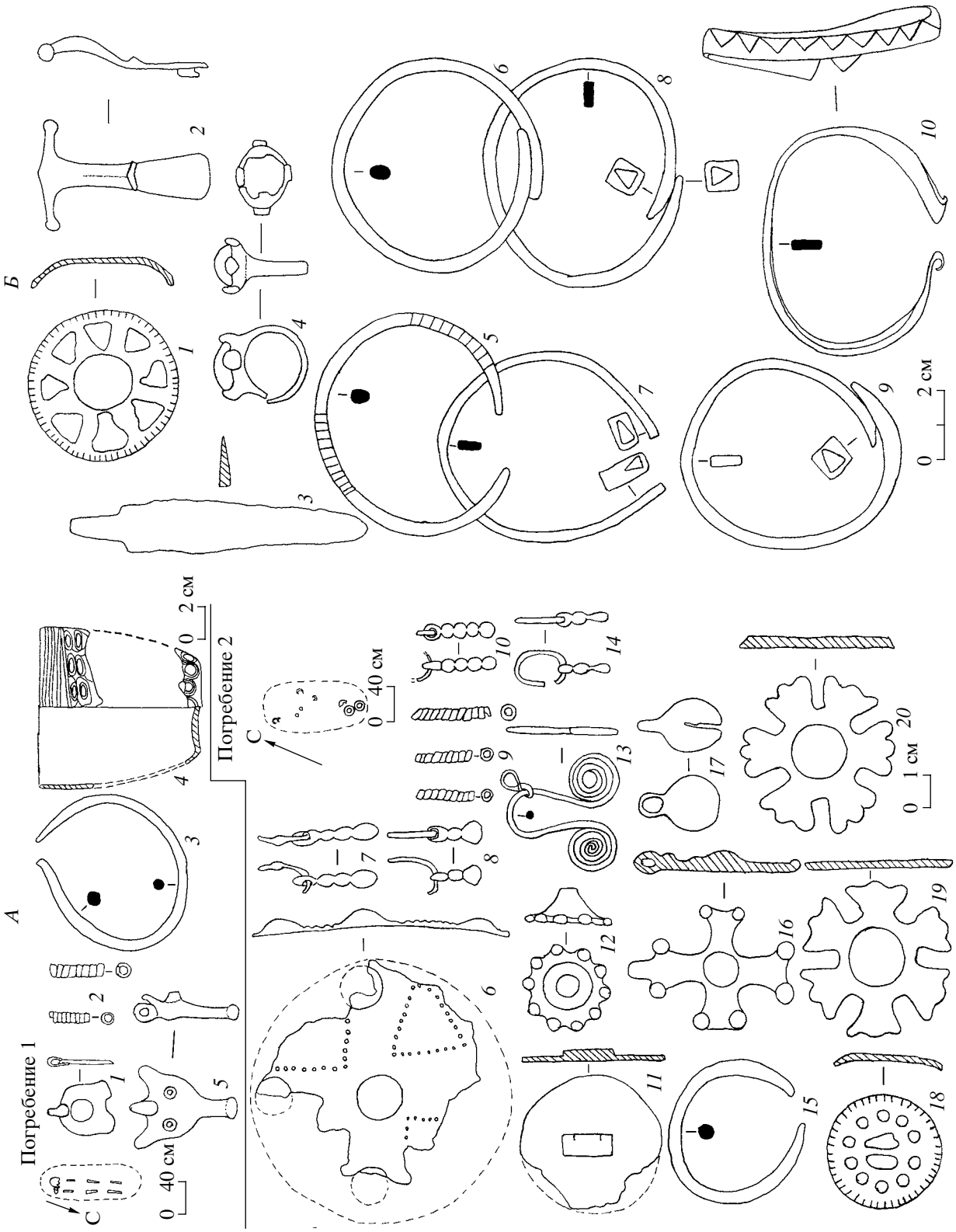

Рис. 2. *А* – планы погр. 1 и 2, находки из погр. 1 (*1–5*) и погр. 2 (*6–20*); *Б* – находки из погр. 2.

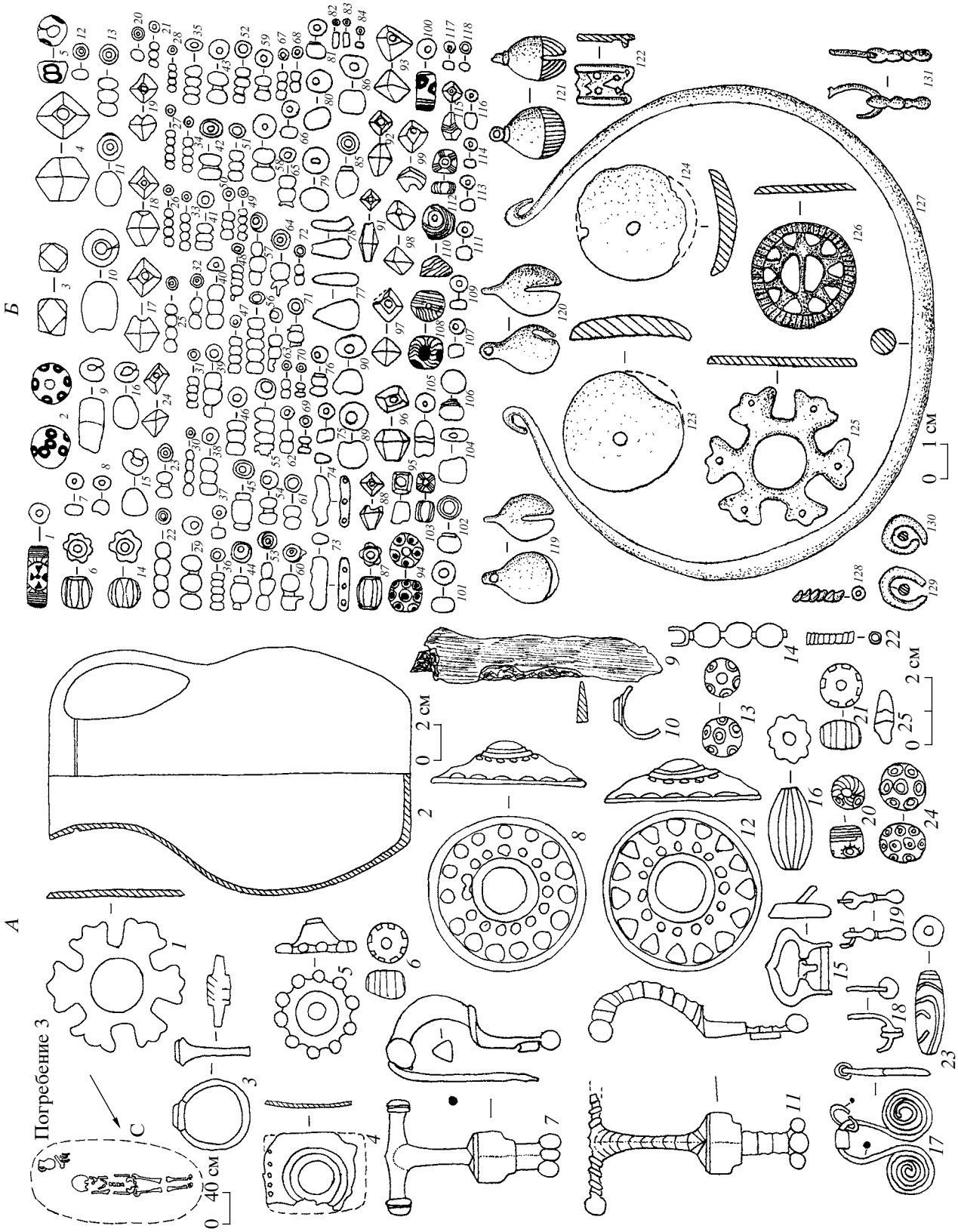

Рис. 3. Погр. 3. *А* – план и находки; *Б*, *В* – находки.

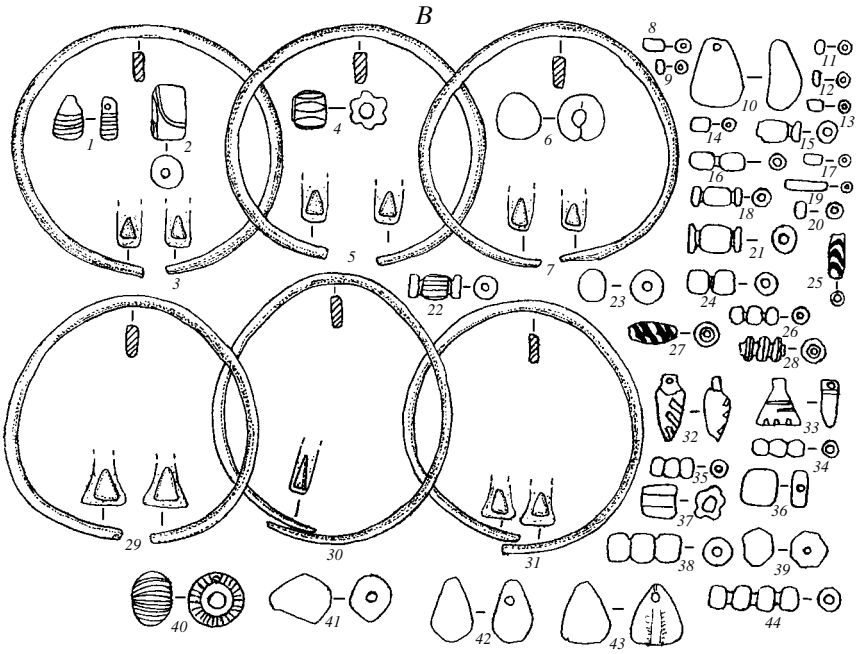

Рис. 3. Окончание.

же большое количество других находок, размещение которых не устанавливается. Обилие вещей в данном случае действительно необычно – можно предположить, что здесь смешались находки как минимум из двух могил. Однако, по словам М.Х. Багаева, в одном из исследованных захоронений число предметов было "очень большим". Но тогда получается, что общее количество зафиксированных погребений равно 11, а не 12, как указывалось в предварительном сообщении. Поэтому вопрос остается открытым.

Среди металлических предметов, найденных в захоронении, две шестилопастных бляхи с фестончато вырезанными краями и мелкими кружочками (рис. 3*А, 1*; 3*Б, 125*); кольцевидная застежка (?) с насечками по окружности и "перекладиной" (рис. 3*Б, 126*); три литых бубенчика с прорезью: один с пластинчатым, два с петлевидными ушками, один из которых орнаментирован внизу (рис. 3*Б, 119–121*); три перстня с прямоугольными щитками – на одном несколько насечек, два повреждены (рис. 3*А, 3, 10*); обломок тонкой прямоугольной пластинки с концентрическими кругами и полоской оттисков пуансона по краю (рис. 3*А*, *4*); литой конусовидный умбон с "жемчужинами" по основанию (рис. 3*А, 5*); две большие литые (?) Т-образные фибулы с дуговидной спинкой и фигурной ножкой[1], корпус одной орнаментирован "чешуйками", а перекладина – каннелюрами, имитирующими разнонаправленную обвивку (рис. 3*А, 7, 11*); очковидная подвеска с пластинчатой трубочкой на дужке и проволочным колечком для крепления (рис. 3*А, 17*); две крупные выпуклые литые (?) круглые бляхи с прорезным орнаментом (рис. 3*А, 8, 12*); литая пряжка с рамкой подтреугольной формы и перекладиной для закрепления ремня (рис. 3*А, 15*); три фрагментированные серьги – одна с овальным кольцом, на котором закреплен дисковидный шарнир для подвески с тремя полыми (?) овальными металлическими бусинами, у второй – подвеска литая из двух бусин, третья – с литой подвеской из трех бусин разного размера и выступом на овальном кольце (рис. 3*А, 14, 18, 19*; 3*Б, 131*); две серьги (?) кольцевидной формы с разомкнутыми концами из толстой проволоки (рис. 3*Б, 129, 130*); две спиралевидные пронизки из плоской и трехгранной проволоки (рис. 3*А, 22*; 3*Б, 128*); поясная накладка подпрямоугольной формы с гравированным орнаментом и штифтом для крепления (рис. 3*Б, 122*) и, наконец, гривна из гладкого прута, утолщенная в центральной части, с петлевидными концами (рис. 3*Б, 127*).

В этом же погребении были также найдены небольшой обломанный железный нож со следами деревянных ножен (рис. 3*А, 9*) и шесть металлических узких пластинчатых браслетов с двумя вариантами оформления концов – с прямыми и треугольно-расширенными, орнаментированными "треугольниками" (рис. 3*В, 3, 5, 7, 29–31*).

В состав этого комплекса входит и большое количество разнообразных бус, в большинстве стеклянных. Для нескольких экземпляров сохра-

[1] Ножки фибул заканчиваются отлитыми вместе с корпусом несколькими округлыми шариками, которые А.К. Амброз назвал "гирькой" (1971. С. 130).

нились сведения о расцветке: это две глазчатые округлые из черного стекла с сине-белыми глазками; две сигаровидные – крупная коричневого цвета с белым меандровым узором; цилиндрическая глазчато-полосатая красно-желто-синей расцветки; уплощенно-шаровидная зеленого цвета с красными продольными полосами; такая же, но бело-черной расцветки; клыковидная подвеска из продольных полосок прозрачного, синего и красного цветов и крупная эллипсоидная желобчатая из синего стекла (?) (рис. 3*А, 6, 13, 16, 20, 21, 23–25*). В последующем изложении из-за отсутствия данных о расцветке бус цветовые характеристики не указываются. По этой же причине по рисункам невозможно отличить одноцветные стеклянные бусы от изготовленных из минералов – исключая такие заведомо очевидные случаи, как, например, эллипсоидные желобчатые из сердолика, хрусталя и т.д. Для получения в дальнейшем сопоставимых результатов при определении форм мы используем разработки В.Б. Ковалевской (1998; 2000) и О.Ю. Жиронкиной (1998).

Остальные бусы могут быть охарактеризованы следующим образом. Это одноцветные – полиэндрическая (рис. 3*Б, 3*); четырехгранные бипирамидальные (рис. 3*Б, 4, 17–19, 24, 88, 91–93, 96–99, 115* (?); ребристые эллипсоидные (рис. 3*Б, 6* – 6 экз., *14* – 4 экз., *87*; 3*В, 4, 37*)[2]; неправильно-шаровидные (уплощенные) (рис. 3*Б, 7, 8, 15, 66, 79, 80, 84, 89, 90, 101, 109* – 3 экз., *111* – 2 экз., *113, 114, 117* – 4 экз., *118* – 3 экз.; 3*В, 6, 9, 11, 12, 20, 23*); подцилиндрические (рис. 3*Б, 9, 16, 75, 82, 83, 86, 107, 116*; 3*В, 8, 13, 14, 17, 19*); эллипсоидные (рис. 3*Б, 10, 11*); параллелепипедные разделители (деформированы) с тремя отверстиями (рис. 3*Б, 73, 74*); параллелепипедные (рис. 3*Б, 104*; 3*В, 36*); неправильно-кубовидная (рис. 3*Б, 95*); биконическая (рис. 3*В, 41*) и подвески – уплощенные вытянуто-каплевидной формы (рис. 3*Б, 77–78* (?); 3*В, 10*); асимметрично-биконическая (рис. 3*В, 42*) и коническая с гранью (рис. 3*В, 43*). Две последние изготовлены из минералов, скорее всего сердолика (ср.: Ковалевская, 1998. С. 22).

Еще одну группу бус составляют экземпляры с металлической прокладкой – как одиночные уплощенно-шаровидной или подцилиндрической формы разного диаметра (рис. 3*Б, 12, 20, 37, 102* и *106* – по 2 экз.), так и многочастные с количеством "долек" от 2 до 5 (рис. 3*Б, 13, 21–23, 25–36, 38–43, 46–65, 67–72, 76*; 3*В, 16, 24, 26, 28, 34, 35, 38, 44*). Найдены также "катушкообразные" бусы (рис. 3*Б, 44, 45, 85* (?); 3*В, 15, 18, 21, 22*).

Среди многоцветных глазчато-полосатых есть цилиндрические (рис. 3*Б, 100*), в том числе с "крестообразным" орнаментом (рис. 3*Б, 1*), а также подшаровидной формы (рис. 3*Б, 108*); среди глазчатых – шаровидные и подшаровидные (рис. 3*Б, 2, 94*), конусовидная усеченная (рис. 3*Б, 5*); среди полосатых – кубообразная (рис. 3*Б, 103*), параллелепипедная (рис. 3*Б, 112*), бипирамидальная четырехгранная (рис. 3*Б, 115*), цилиндрические (рис. 3*Б, 9, 105*; 3*В, 2, 25*), эллипсоидная (рис. 3*В, 27*), уплощенно-шаровидная (рис. 3*В, 40*), неправильно-конусовидная (рис. 3*Б, 110*) и подвески – уплощенно-каплевидная (рис. 3*В, 1*), трехгранная призматическая с выделенным ушком (рис. 3*В, 33*) и конусовидная из фаянса (?) (рис. 3*В, 32*). К этому же погребению отнесены и две перламутровые подвески (рис. 3*Б, 123, 124*).

Погребение 4. В плохо сохранившейся овально-вытянутой яме на глубине 0.68 м был обнаружен костяк, лежавший на спине, головой на ЮВ. Кисти рук были уложены на таз, ног – скрещены в голенях. В засыпи ямы встречались древесные угольки. Погребенную сопровождал обильный инвентарь. Это тот случай, когда сохранился полевой чертеж, который позволяет установить размещение предметов (рис. 4*А, 1*).

Наиболее интересной находкой представляется головной убор, реконструированный М.Х. Багаевым в полевых условиях. Это высокий остроконечный колпак, верхушка которого с лицевой стороны украшена тремя тонкими квадратными пластинками, орнаментированными концентрическими кругами, окаймленными по периметру полосками из оттисков пуансона. Ниже размещалась плоская круглая бляха, под которой крепилась треугольная металлическая пластинка с основанием в виде трубочки, на которой с двух сторон висели крупные шаровидные бубенчики (?), а еще ниже находилась крупная литая умбоновидная бляха с "жемчужинами" по окружности основания и верхушке конуса. Налобная часть убора по нижнему краю украшалась четырьмя подпрямоугольными орнаментированными тонкими пластинками (рис. 4*А, 2*).

Ниже височных костей с обеих сторон лежали литые серьги с овальными кольцами, к которым прикреплялись подвижные "столбики" из биконических бусин (рис. 4*А, 6, 12*). В области шеи и плеч было обнаружено большое количество разнообразных стеклянных и каменных бус, часть из которых монохромна. Среди последних эллипсоидные (рис. 4*Б, 5, 13*); кубообразные (рис. 4*Б, 10, 28*); подцилиндрические разной степени усеченности (рис. 4*Б, 20, 27, 29, 40, 44*); неправильно-шаровидные (рис. 4*Б, 18, 19, 30, 39*); кольцевидная (рис. 4*Б, 25*); полиэндрическая (рис. 4*Б, 24*); подквадратные ромбообразные в сечении (рис. 4*Б, 26, 37*); эллипсоидная граненая (рис. 4*Б, 38*). Много разноцветных глазчатых – подцилиндрической и неправильно-шаровидной форм (рис. 4*Б, 11, 12, 23, 32, 41, 43, 45–47, 49–52, 54, 55, 60, 62, 63, 65, 67–71*); полосатых – вытянуто-эллипсоидной, подци-

[2] Количество одинаковых бус в некоторых случаях известно, так как было отмечено на иллюстрациях.

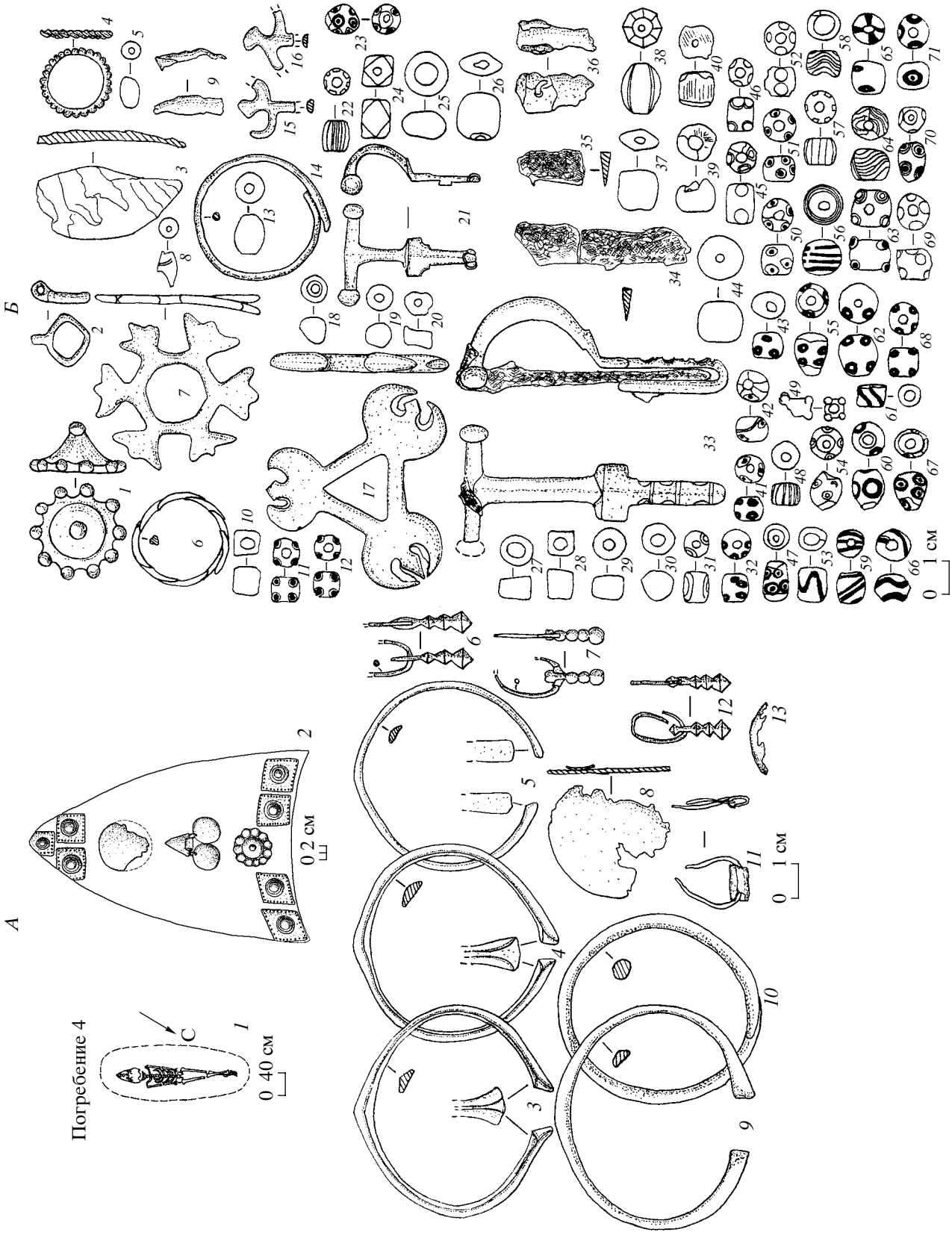

Рис. 4. Погр. 4. *А* – план (*1*), реконструкция головного убора (*2*) и находки (*3–13*); *Б* – находки.

линдрической, неправильно-шаровидной форм (рис. 4*Б, 8, 22, 48, 56–59, 61, 64, 66*) и несколько экземпляров, сочетающих глазки и полосы (рис. 4*Б, 42, 47, 67*).

У правого предплечья были найдены обломки треугольной (?) пряжки (рис. 4*Б, 15, 16*), в верхней части грудной клетки – маленькая Т-образная литая (?) шарнирная фибула с дуговидной спинкой и фигурной ножкой без иглы (рис. 4*Б, 21*). У локтя справа находилось металлическое кольцо с рубчиками по окружности (рис. 4*Б, 4*) и маленький железный нож – фрагментированный, со следами деревянных ножен и бронзовой обкладкой (рис. 4*Б, 34–36*).

На этом же уровне на костяке обнаружились следующие предметы: большая Т-образная литая шарнирная фибула с дуговидной спинкой, фигурной фасетированной ножкой, переходящей в подогнутый длинный приемник, и застегнутой железной иглой (рис. 4*Б, 33*), лежавшая справа от позвоночника; литая шестилопастная бляха с фестончатыми краями (рис. 4*Б, 7*) – в центре; слева – плоская круглая подвеска с отверстием из раковины; крупная литая треугольная пряжка (?) с зооморфно оформленными концами (рис. 4*Б, 17*) и проволочная ромбовидная подвеска с петелькой (рис. 4*Б, 2*). На запястье правой руки два браслета – сегментовидный и треугольный в сечении с утолщенными концами и серединой (рис. 4*А, 3, 4*); левой – три разных браслета: сегментовидный в сечении с тремя утолщениями, такой же в сечении со слегка утолщенными концами и округлый в сечении с заостренными и заходящими концами (рис. 4*А, 5, 9, 10*). Еще один браслет – круглопроволочный с заходящими концами (рис. 4*Б, 14*) – лежал на поясе, в центре. У пяточных костей справа был подобран седьмой браслет – маленький ложновитой с заходящими концами (рис. 4*Б*, *6*).

К этому же погребению относятся несколько предметов с неустановленным расположением. Это серьга с овальным кольцом, к которому прикреплен столбик из округлых шариков (рис. 4*А, 7*), плоская разломанная круглая пластинка с креплением (рис. 4*А, 8, 13*) и деформированное проволочное кольцо с трубочкой, свернутой из тонкой пластинки (рис. 4*А, 11*).

Часть предметов, происходивших из разрушенных могил, М.Х. Багаев с помощью информаторов, собиравших находки на вспаханном поле, разделил на отдельные комплексы. В полевой документации они и обозначались как комплексы – в отличие от раскопанных погребений.

Погребение 5 (комплекс 1). В него входят округлая плоская поясная (?) бляха с неясным орнаментом и подвесным кольцом подтреугольной формы (рис. 5, *4*); плоская литая (?) фигурки петуха с двумя петельками (рис. 5, *6*); круглое проволочное кольцо с обломком подвески (рис. 5, *7*); литой орнаментированный бубенчик грушевидной формы с изображением креста (рис. 5, *9*); круглый в сечении заостренный железный стержень (обломанный наконечник стрелы?) (рис. 5, *5*) и два одноцветных стеклянных разделителя (один поврежден) (рис. 5, *8, 10*).

Погребение 6 (комплекс 2). Находки: обломки двух тонких пластинок с орнаментом – на одной две концентрических окружности с выпуклостью в центре (рис. 5, *11*), на другой – одна окружность (рис. 5, *14*); одноцветная бусина шаровидной формы (рис. 5, *12*) и спиралевидная пронизка из слегка ограненной проволоки (рис. 5, *13*).

Погребение 7 (комплекс 3). Сохранившийся инвентарь представлен следующими предметами из металла: большая Т-образная фибула с дуговидной спинкой и широкой двускатной ножкой, заканчивающаяся “гирькой” (рис. 5, *22*); крупная плоская роговидная подвеска (рис. 5, *18*); округлая (обломана) плоская пластинка с невысокой выпуклостью и маленьким отверстием для крепления (рис. 5, *19*); заклепка с полукруглой головкой (рис. 5, *23*); две спиралевидные пронизки из ограненной проволоки (рис. 5, *24, 25*); два округлых бубенчика с прорезью, один со слабо заметной огранкой (рис. 5, *20, 21*). Сюда же относятся четыре стеклянные бусины – многоцветные крупная уплощенно-шаровидная глазчатая (рис. 5, *26*), маленькая шаровидная с полосками (рис. 5, *17*) и две маленькие одноцветные – обломанная кубовидная и неправильно-шаровидная (рис. 5, *15, 16*).

Погребение 8 (комплекс 4). От него сохранилась только пара одинаковых браслетов из узкой пластинки с расширяющимися концами, на которые нанесены чуть углубленные треугольники (рис. 5, *27, 28*).

Погребение 9 (комплекс 5). Единственная сохранившаяся находка – это часть литой серьги (?) в виде трехгранной подвески со столбиком из трех шариков на конце (рис. 5, *29*).

Погребение 10 (комплекс 6). Сохранились металлическая булавка с частично ограненной головкой, изогнутым и обломанным (?) стержнем (рис. 5, *30*); кольцо с бусиной (?) (рис. 5, *33*); обломок плоской круглой металлической пластинки (рис. 5, *32*); плоский в сечении металлический браслет – один конец заострен (рис. 5, *34*); цилиндрическая одноцветная стеклянная бусина (рис. 5, *31*).

Погребение 11 (комплекс 7). Он состоял из следующих находок: небольшой фрагментированный горшок с прямым слегка утолщенным венчиком (рис. 6, *16*); три металлических (бронзовых?) браслета – два сегментовидных в сечении, первый из которых с заостренными концами (рис. 6, *18*), второй с тремя утолщениями (один конец утрачен) (рис. 6, *17*); третий браслет из толстого круг-

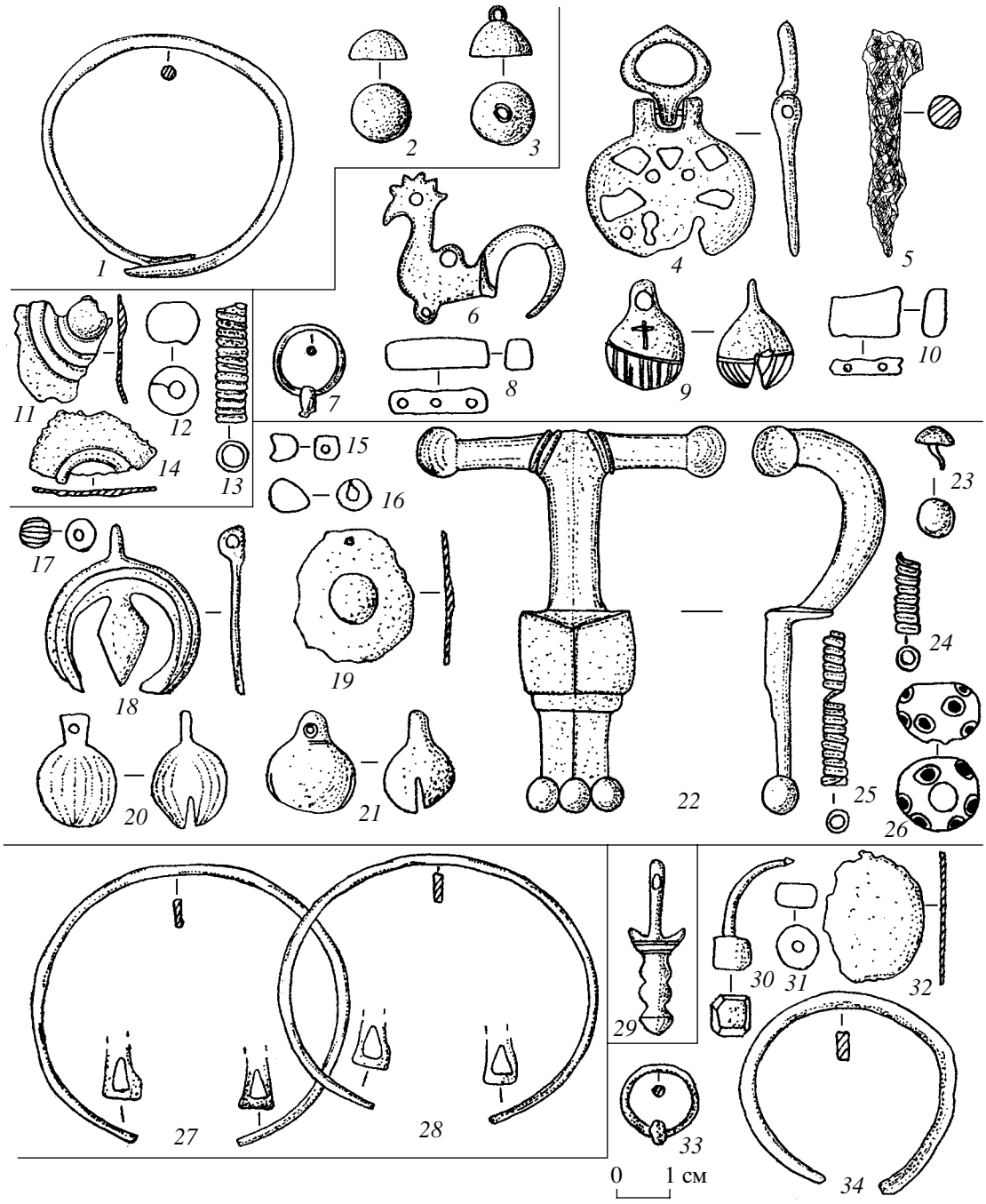

Рис. 5. Случайные находки, кв. А-1, раскоп 1 (*1–3*) и находки из погр. 5–10: погр. 5 / компл. 1 (*4–10*); погр. 6 / компл. 2 (*11–14*); погр. 7 / компл. 3 (*15–26*); погр. 8 / компл. 4 (*27, 28*); погр. 9 / компл. 5 (*29*); погр. 10 / компл. 6 (*30–34*).

лого в сечении прута (рис. 6, *19*) и десять стеклянных бусин – одноцветная четырехгранная бипирамидальная (рис. 6, *3*); девять полихромных: полосатые – три эллипсоидных усеченных (бочковидные) (рис. 6, *9, 12, 15*) и две вытянуто-эллипсоидных (сигаровидных) (рис. 6, *7, 11*); три полосато-глазчатых – две усеченно-эллипсоидные (рис. 6, *13, 14*), “таблеткообразная” (рис. 6, *6*) и одна глазчатая шаровидная – с отслоившимися глазками (рис. 6, *4*).

Сюда же относятся три металлических бубенчика с прорезью и пластинчатыми ушками – два с едва заметной огранкой корпуса (рис. 6, *5, 8*), один гладкий (рис. 6, *2*); обломанный железный нож (рис. 6, *10*). В этот же комплекс входит красноглиняный одноручный кувшин с оттянутым сливом, орнаментированный углубленной полоской у основания горла (рис. 6, *1*).

К сожалению, определить принадлежность остальной части находок к конкретным комплек-

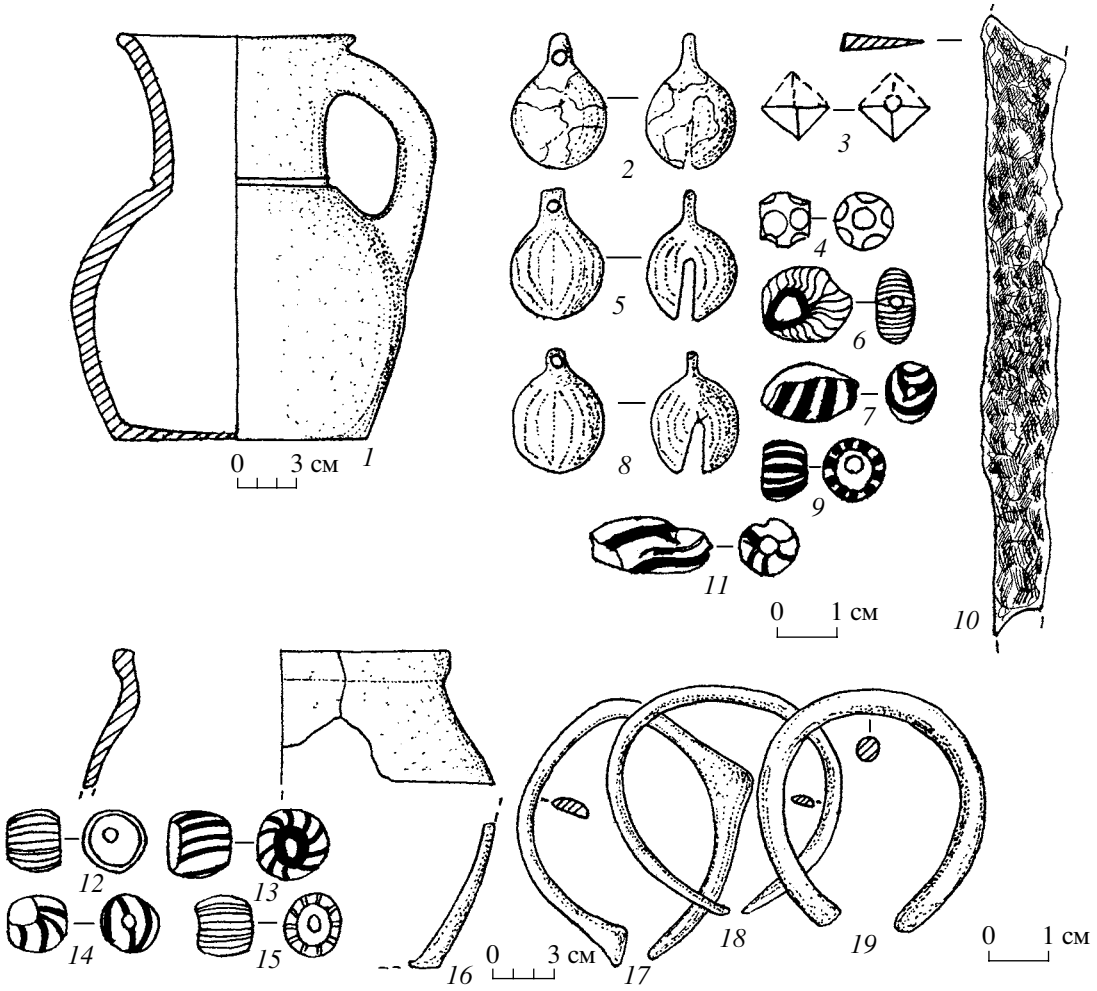

Рис. 6. Находки из погр. 11 / компл. 7.

сам не удалось. Возможно, какие-то из представленных на рис. 7 предметов отражают наборы из одного погребения, но достоверно установить это сейчас не представляется возможным. Находки описываются ниже по следующим категориям: украшения и амулеты, предметы быта. Разделение это довольно условно, так как в северокавказском средневековье целый ряд вещей, прежде всего украшений, выполнял и обереговые функции (см.: Албегова, 2001. С. 84).

К первым относятся серьги – литая в виде овального кольца с выступом в верхней части и неподвижно закрепленной колонкой из биконических бусин (рис. 7*А, 3*) и скрученная из проволоки (рис. 7*А, 14*). От второй такой же остался обломок кольца (рис. 7*А, 13*). Возможно, еще один обломок принадлежал простой кольцевидной серьге (рис. 7*А, 6*).

Среди браслетов шесть из узких пластинок – четыре с прямыми (рис. 7*А, 15, 23, 28*; 7*Б, 28*; 7*В, 12*) и два – с расширенными подтреугольными концами (рис. 7*В, 5, 6*); семь округлых в сечении – три с орнаментированными квадратными в сечении концами, на одном из которых нанесено по паре насечек (рис. 7*Б, 29, 30*; 7*В, 9*), два с насечками на обоих концах (рис. 7*В, 27*; 7*Г, 27*), один неорнаментированный с прямоугольным и заостренным концами (рис. 7*В, 7*) и еще один со слегка заостренными концами (рис. 7*В, 10*). Два браслета, сегментовидных в сечении, относятся к образцам с тремя утолщениями (рис. 7*Б, 26*; 7*Г, 28*).

Выделяется шейная гривна с петлевидными концами (рис. 7*В, 13*).

Среди находок этой группы три фибулы – две из них одинаковые Т-образные с “гирьками” на конце приемника, спинка и перекладина одной покрыта валиками, имитирующими обвивку (рис. 7*Б, 1*; 7*Г, 26*); третья большая с двускатной спинкой, расширяющейся к концу ножкой и перекладиной с имитацией обвивки (рис. 7*Г, 10*). Есть и пряжки – треугольная с рифлеными кольцами на углах (рис. 7*Б, 6*), литая с неясной орнамента-

цией подпрямоугольного щитка и пластинчатым язычком (рис. 7*Г, 11*). Сюда же относятся бляшки поясов – овальная с прорезной орнаментацией и подвесным треугольным кольцом (рис. 7*Г, 29*), щитовидная сдвоенная (рис. 7*Б, 9*).

Найдены также три шестилопастные бляхи – застежки (?) (рис. 7*Г, 12*), две из них тождественны (рис. 7*Б, 2*; 7*Г, 34*).

Собственно бляхи представлены двумя крупными образцами – одна с прорезным декором из треугольных и овальных отверстий по окружности и выпуклостью в центре, обведенной двойным валиком (рис. 7*В, 11*), вторая, аналогичная по форме, с гравированным орнаментом в виде ромбов и шестью отверстиями для крепления (рис. 7*Б, 17*). Выделяется бляха в виде маски, изображающей узкое лицо, со следами отверстий для крепления (рис. 7*Б, 23*) и поврежденный умбон с "жемчужинами" на верхушке конуса и по окружности основания (рис. 7*А, 31*). Две простые выпуклые бляхи, к одной из которых прикреплена очковидная подвеска с двумя пластинчатыми трубочками на дужке (рис. 7*А, 19–21*), судя по находке из погребения 4, являлись украшением головного убора.

Найдено также два бубенчика со слабой огранкой корпуса и прямоугольными пластинчатыми ушками (рис. 7*А, 22, 27*). Возможно, половинкой крупного бубенчика является и еще одна находка, однако здесь не исключено превращение в подвеску и обломившейся ложечки (рис. 7*А, 26*).

Среди этих находок довольно много бус. Это одноцветные – шаровидные и неправильно-шаровидные (рис. 7*Б, 3, 14–16, 24*; 7*Г, 1, 2, 4–7, 9, 13, 14, 19, 20, 22, 23, 35, 36*), цилиндрические разной величины (рис. 7*Б, 22, 25*; 7*Г, 17*), "таблетковидная" (рис. 7*Г, 21*), эллипсоидные разной степени усеченности (рис. 7*Б, 5, 10, 15, 18*), биконическая (рис. 7*Б, 19*), полиэндрическая (рис. 7*Б, 20*), пронизь с тремя отверстиями (рис. 7*Б, 12*). Среди многоцветных есть полосатые неправильно-шаровидной формы (рис. 7*Г, 24, 33*), эллипсоидные с "сетчатым" орнаментом (рис. 7*Б, 21*; 7*Г, 15, 30*); глазчато-полосатые эллипсоидные различной усеченности (рис. 7*Б, 7, 8*; 7*Г, 8, 25, 31, 32*); глазчатые – эллипсоидная усеченная с крапинками (рис. 7*Г, 3*), трехгранная призматическая (рис. 7*Г, 18*), уплощенно-шаровидная (рис. 7*Б, 11*). Найдена также двухдольчатая бусина с металлической прокладкой (рис. 7*Г, 16*). Очевидно, в составы ожерелий входили и спиралевидные пронизки (в основном из ограненной проволоки) цилиндрической и конусовидной форм (рис. 7*А, 1, 2, 4, 5, 9, 10, 16, 18*).

Амулетами являлись две колесовидные подвески, соединенные цепочкой (рис. 7*В, 4, 8, 14*), колесовидная подвеска с насечками по краю (рис. 7*В, 3*), фигурка коня (?) с отверстиями для крепления (рис. 7*А, 32*) и, видимо, металлические ложечки – целая и обломки двух ручек (рис. 7*А, 12, 17*; 7*Б, 13*). Обнаружены отдельные обрывки цепочек (рис. 7*А, 8*), два из которых некогда составляли единое целое (рис. 7*А, 7, 11*).

Среди рассматриваемых находок – железные обломанные ножи и фрагменты таковых (рис. 7*А, 24, 25, 29, 30*). Самый крупный образец из найденных мог иметь коленчатую форму (рис. 7*В, 1*). Назначение круглого плоского диска неясно – возможно, это зеркало, хотя у него и нет обычного в этом случае ушка (рис. 7*В, 2*).

Кроме того, в кв. А-1 раскопа 1 отдельно были найдены круглопроволочный браслет с заостренными концами и полая шаровидная пуговица (рис. 5, *1–3*).

Таков сохранившийся материал, детальный анализ которого здесь не представляется возможным. Заметим лишь, что дата могильника предварительно определялась в рамках VIII–IX вв. (Багаев, 1992). Сейчас ее можно несколько уточнить.

Предметов, а тем более комплексов, которые могли бы относиться ко времени ранее второй половины VIII в., среди рассматриваемых материалов мало. Это некоторые образцы бус, браслет с тремя утолщениями (остальные такие же – поздние варианты), отдельные экземпляры треугольных "рогатых" пряжек и фибул. Появление Т-образных шарнирных фибул, таких браслетов и пряжек датируется VII в. (Амброз, 1989), широкое же их распространение относится к последующему времени – второй половине VIII–IX в. (Амброз, 1971), как и пряжек "тюркского" типа, аналогичных найденной в погребение 3 (рис. 3*А, 15*) (Магомедов, 1983. С. 82, 83).

К ранней группе находок примыкает, очевидно, и нательный крест из погребения 2 с обильным инвентарем, что в принципе может и не определять конфессиональной принадлежности погребенного (Мусин, 2006. С. 181), но, видимо, все зависит от культурно-исторического контекста. Похожие кресты так называемого византийского типа датируются в кавказских древностях временем не ранее VII в. (Магомедов, 1983. Рис. 27, *1*; Калантарян, 2003. С. 332. Табл. 143, *23*). Несколько подобных крестов было найдено и в святилище у сел. Шенако в Тушетии (Горная Грузия), основная масса находок откуда отнесена к VIII–XI вв. Кстати, там же обнаружена и похожая фигурка петуха, более того, целая группа предметов из Шенако находит прямые параллели в раннесредневековых древностях Чечни и Ингушетии (Долаберидзе, 1973). В Восточном Средиземноморье и Западной Европе они появляются раньше (Мусин, 2006. С. 173–175. Ил. 4, *5*). Но в данном случае дата корректируется серьгами с бусинными подвесками (рис. 2*А, 7, 8, 14*), которые появляются в могильниках Среднего Притеречья

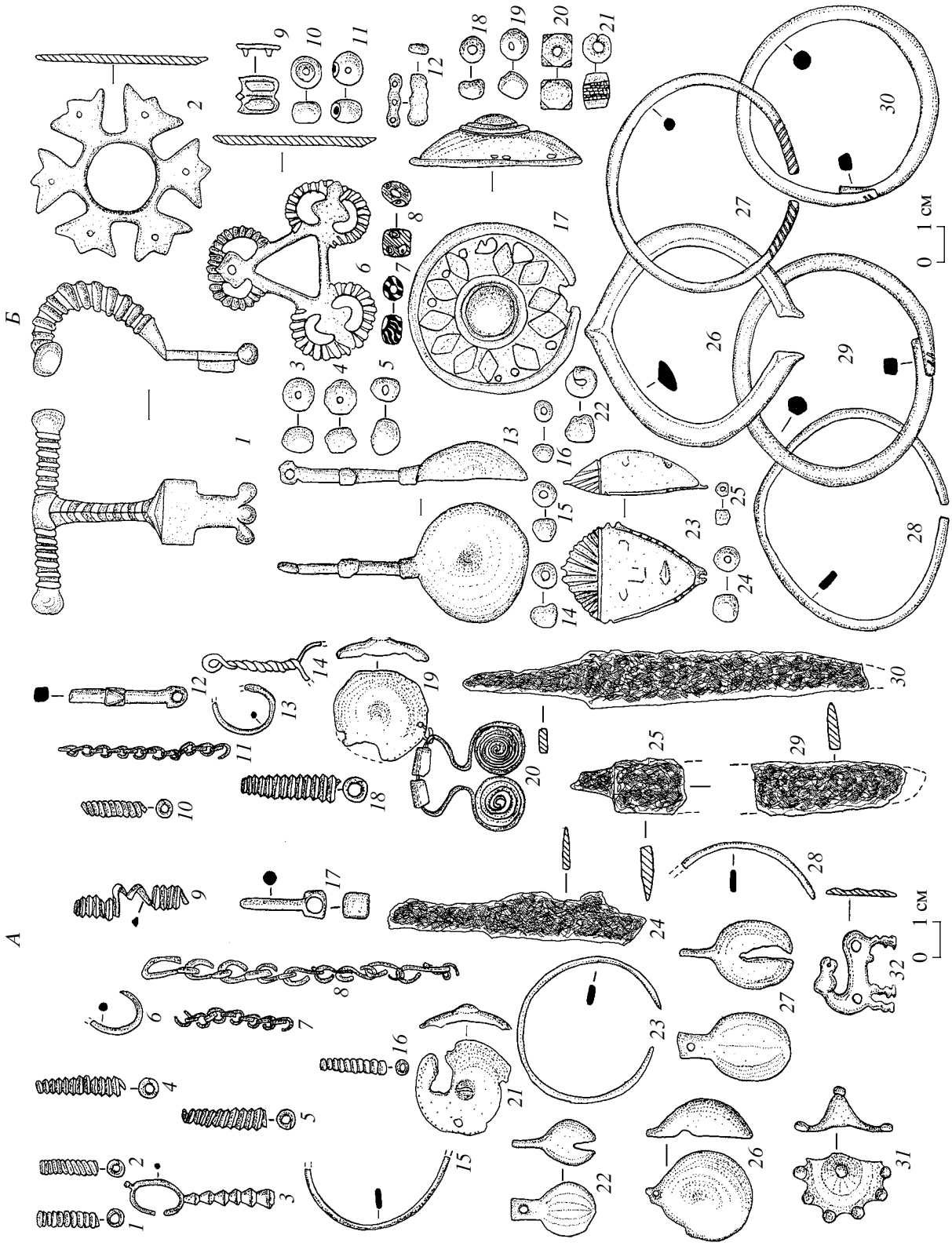

Рис. 7. Внекомплексные находки из Сельментаузенского могильника.

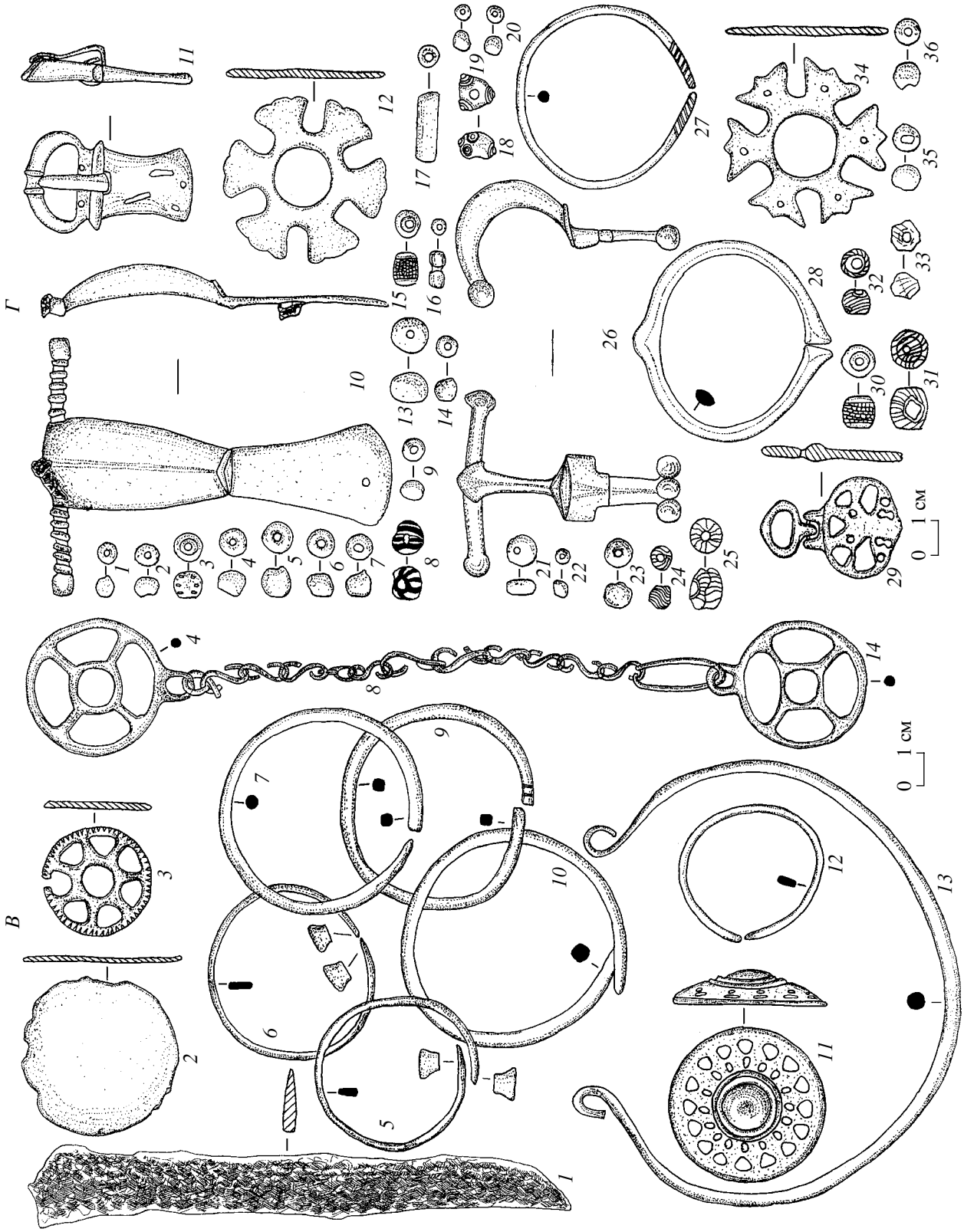

Рис. 7. Окончание.

не ранее второй половины – конца VIII в. (Мамаев, 1985).

Часть материалов Сельментаузенского могильника производит впечатление более поздних – эти предметы (например браслеты с подтреугольными концами) в большинстве своем находят соответствия в Элистанжинском и Дуба-Юртовских могильниках, где основная часть погребений датируется IX–X вв. (Багаев, 1979; Багаев, Мамаев, 1990; Мамаев, Савенко, 1988). Неясен вещевой контекст для скрученной из проволоки серьги (рис. 7*А, 14*), но такие же обнаружены в погребении 6 первого из указанных некрополей, которое относится ко второй половине – концу IX в. (Багаев, 1979. Рис. 4, *3*; Багаев, Мамаев, 1990. С. 20), а также в погребении 1 Майртупского катакомбного могильника (Багаев, Мамаев, 2008). Аналогичные украшения входили в состав инвентаря склепа 4, X–XII вв., Аркасского 1 могильника (Сагитова, 2004. Табл. III, *41, 42*). Кстати, в указанном погребении 6 уже упоминавшегося Элистанжинского могильника обнаружились аналогии накладкам головного убора из погребений 3, 4 Сельментаузенского могильника (рис. 4*А, 2*) (Багаев, 1979. Рис. 4, *11*), а также плоской круглой бляхе с крестовидным орнаментом из "ложной" зерни (рис. 2*А, 6*) (Багаев, 1979. Рис. 4, *10, 12, 14, 15)* – датировка последней контролируется близкой находкой в сборах 1986 г. из Дуба-Юрта (Мамаев, Савенко, 1988. Рис. 12, *22*; Круглов, 1938. Рис. к стр. 14, *1*). В том же погребении Элистанжинского могильника был найден обломок ножки литой Т- образной фибулы с "гирькой", принятый тогда за замочек от пояса (Багаев, 1979. С. 92. Рис. 3, *17*).

Таким образом, основная часть представленных находок может быть отнесена ко времени не ранее середины VIII в., верхняя дата могильника уходит к рубежу IX–X вв. Более детальное определение рассматриваемых материалов не входит в возможности данной публикации, к тому же хронология большинства раннесредневековых могильников предгорно-горной Чечни и Дагестана, являющихся основным источником аналогий, нуждается в серьезных уточнениях (Мамаев, 2008).

Что касается этнической принадлежности и культуры Сельментаузенского могильника, то она определяется близостью его погребального обряда и части инвентаря Дайскому могильнику (Багаев, 1970). Судя по всему, это не прямая временная последовательность (фиксируется хронологический разрыв), но очевидное продолжение эволюции культуры представленного Дайским могильником горного социума, ставшего позднее органической частью средневекового чеченского этноса.

Авторы выражают признательность С. Буркову и А. Бурковой (Мирзоянц), в свое время подготовившим рисунки материалов Сельментаузенского могильника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Албегова З.Х. Палеосоциология аланской религии VII–IX вв. (по материалам амулетов из катакомбных погребений Северного Кавказа и Среднего Дона) // РА. 2001. № 2.

Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. Ч. II // СА. 1971. № 3.

Амброз А.К. Хронология древностей Северного Кавказа V–VII вв. М., 1989.

Багаев М.Х. Раннесредневековая материальная культура Чечено-Ингушетии: Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1970.

Багаев М.Х. Элистанжинский раннесредневековый могильник // АВЭИСК. Грозный, 1979.

Багаев М.Х. Археологические работы близ селения Сельментаузен в Чечено-Ингушской Республике // XVII "Крупновские чтения" по археологии Северного Кавказа. Майкоп, 1992.

Багаев М.Х., Мамаев Х.М. Раскопки Элистанжинского могильника (Юго-Восточная Чечня) в 1979 году // Актуальные проблемы археологии и этнографии народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1990.

Багаев М.Х., Мамаев Х.М. Новые сведения о раннесредневековых катакомбных могильниках в Чечне // Юбилейные XXV "Крупновские чтения" по археологии Северного Кавказа. Владикавказ, 2008.

Долаберидзе Р.М. Археологический материал из села Шенако (Тушетия). Тбилиси, 1973.

Жиронкина О.Ю. Лингвистическое обеспечение систематизации раннесредневековых бус Юго-Восточной Европы // Ковалевская В.Б. Хронология восточноевропейских древностей V–IX веков. Вып. 1. Каменные бусы Кавказа и Крыма. М., 1998.

Ковалевская В.Б. Хронология восточно-европейских древностей V–IX веков. Вып. 1. Каменные бусы Кавказа и Крыма. М., 1998.

Ковалевская В.Б. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. Хронология восточно-европейских древностей V–IX веков. Вып. 2. Стеклянные бусы и поясные наборы. М., 2000.

Калантарян А.А. Армения. Гл. 12. Раннее средневековье (IV–VIII вв.) // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII вв. М., 2003. (Археология).

Круглов А.П. Археологические раскопки в Чечено-Ингушетии летом 1936 г. // Зап. ЧИНИИЯИ. Т. I. Грозный, 1938.

Магомедов М.Г. Образование Хазарского каганата. М., 1983.

Мамаев Х.М. Население плоскостной зоны Среднего Притеречья в эпоху раннего средневековья (материальная культура по данным погребальных памятников): Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1985.

Мамаев Х.М. Харачоевский раннесредневековый могильник (история открытия и изучения) // Вестн. АН Чеченской Республики. № 1. Грозный, 2008.

Мамаев Х.М., Савенко С.Н. Дуба-Юртовские катакомбные могильники // Новые археолого-этнографиче-

ские материалы по истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1988.

Мусин А.Е. Археология “личного благочестия” в христианской традиции Востока и Запада // Христианская иконография Востока и Запада в памятниках материальной культуры Древней Руси и Византии. СПб., 2006.

Сагитова М.Д. Аркасский склеповый могильник // Проблемы древней истории и культуры Северного Кавказа. М., 2004.

Selmentausen Early Medieval cemetery in Chechnya

M. Kh. Bagaev, Kh. M. Mamaev

Summary

The article gives a detailed presentation of the materials, preserved only in drawings, which were found at Selmentausen Early Medieval cemetery in the Vedenskiy region of Chechnya, partially investigated in 1987. The materials include the description of four excavated burials and their inventory, finds from ruined graves (seven complexes) and a large number of finds that cannot be linked to specific complexes. The materials include ornaments, amulets, household items. On the whole, the material dates to the middle of the 8th – border of the 9th–10th cc. and belongs to a culture that was subsequently integrated into the Medieval Chechen ethnos.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2009, № 1, с. 140–151

ПУБЛИКАЦИИ

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО РАДИОУГЛЕРОДНОЙ ХРОНОЛОГИИ ЗАУРАЛЬЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЭПОХИ

© 2009 г. Н. П. Матвеева*, Л. А. Орлова, Т. Н. Рафикова***

** Институт гуманитарных исследований Тюменского государственного университета*

*** Объединенный институт геологии, геофизики и минералогии СО РАН, Новосибирск*

В наше время воздействие методов радиоуглеродного датирования на формирование схем историко-культурного развития отдельных периодов, территорий и даже больших регионов исключительно велико. И хотя, как пишет Е.Н. Черных: "Хронологическая революция свершилась" (2005. С. 40), но свершилась она пока еще главным образом в умах археологов, склонившихся к признанию ее успехов. На практике сегодня археология Урала и Сибири базируется на точном естественно-научном датировании лишь в сравнительно малой степени, в основном применительно к изучению каменного века. В приложении к бронзовому и железному векам идет запаздывание включения в арсенал обязательных методик исследователя радиокарбонного датирования органики. В последнее десятилетие достигнуты существенные успехи в изучении хронологии железного века степной и лесостепной зон Сибири, особенно кочевых культур (Зайцева и др., 1997. С. 36–44; 2006. С. 23–25; Бородовский, Орлова, 2001. С. 287–289; Кубарев, Орлова, 2006. С. 139–141; Матвеева и др., 2005. С. 56–60, 87–92; Семенцов и др., 1997. С. 86–93 и др.). Для эпохи средневековья применение радиоуглеродных датировок большинством археологов до сих пор считается излишним в силу достаточной обеспеченности культурных слоев поселений, и тем более могильников, разнообразным инвентарем. С таким подходом трудно согласиться, поскольку большинство типов орудий труда и вооружения, не говоря уже об украшениях и предметах культа, бытуют несколько веков. Особенно велика консервативность лесных таежных культур, как кажется, тысячелетиями довлеющая над совершенно незначительными изменениями.

Научное изучение средневекового периода лесного и лесостепного Зауралья началось с 60-х годов XX в., когда были произведены раскопки ряда опорных объектов, разработаны первые периодизации. Их слабостью была опора только на типологический анализ материала. Накопление источников, их осмысление помогло уточнить и подкорректировать ряд положений, но для разрешения дискуссионных проблем, таких как начало и характер переходного периода от раннего железного века к средневековью, хронологические позиции бакальской и юдинской культур и т.д., необходимо привлечение новых методов исследований. Убедительности типологических построений для средневековых памятников лесного и лесостепного Зауралья препятствует отсутствие погребальных комплексов; кроме того, многослойность поселений, смешение материала в результате деятельности поздних насельников или современного человека затрудняет соотнесение датирующего инвентаря с определенной культурой.

Утвердившаяся в научной литературе схема средневекового периода западной части Западной Сибири, наиболее ясно выраженная В.А. Могильниковым, выглядит следующим образом. Начало средневековой эпохи связано с памятниками молчановского типа VII–IX вв., локализующимися на западе региона в бассейнах рек Тавда и Тура и потчевашской культуры VI–IX вв. в Ишимо-Иртышском ареале. Расположенное посередине лесное и лесостепное Притоболье осталось белым пятном на археологической карте района. Развитое средневековье (X–XIII вв.) представляли бакальская культура в лесостепном Тоболо-Ишимье, петрогромская на Горном Урале и юдинская в южнотаежном Притоболье, граничившая на севере с памятниками кинтусовского этапа нижнеобской культуры (Могильников, 1987. С. 165–216). Однако данная периодизация оставляет лакуну в четыре-пять веков в культурном развитии лесостепной части долины р. Тобол между концом раннего железного века (саргатской культурой) и бакальской культурой. Это не могло не вызвать критики, тем более что они имеют много общего в керамических комплексах. Другой слабой стороной существующей периодизации является определение молчановского типа памятников как начального этапа средневековья, неудачно названного, так как этот термин устойчиво связан в историографии с выделенной М.Ф. Косаревым молчановской культурой переходного времени от бронзового века к железному в Томско-Нарымском Приобье (1987. С. 300–302). Тщательный анализ материалов Молчановского городища на р. Тура близ Тюмени показывает их большое сходство с юдинскими. То же можно за-

метить относительно Андрюшиного городка, исследовавшегося И.Я. Словцовым в XIX в. и рекогносцировочно В.Н. Чернецовым в 50-е годы XX в. Вместе с Перейминским могильником и городищами Жилье и Юдинское они собственно и составляют весьма слабую источниковую базу молчановского типа, причем инвентарь некрополя существенно отличен от поселенческого.

Особенно проблематична хронология бакальской культуры. Первоначально К.В. Сальников датировал ее IV–VIII вв. н.э., связав с предшествующей сарматской культурой (1961. С. 51; 1956. С. 214). Затем в 60-е годы XX в. В.Ф. Генинг и Б.Б. Овчинникова пересмотрели хронологические границы бакальской культуры, перенеся ее в развитое средневековье в рамках IX–XV вв. (Генинг, Овчинникова, 1969. С. 137; Овчинникова, 1987. С. 142, 143), что было принято с некоторыми уточнениями В.А. Могильниковым (1987. С. 179–183), Н.П. Матвеевой и Т. М. Потемкиной (Потемкина, Матвеева, 1997. С. 50). В 90-е годы дискуссия о нижней границе существования бакальской культуры разгорелась с новой силой. В.Д. Викторова и В.М. Морозов высказались в пользу возврата к сальниковским датам (1993. С. 178; Морозов, 2003. С. 166, 167). Позднее к сторонникам удревнения культуры присоединились Д.Н. Маслюженко и авторы данной работы (Маслюженко, 2003. С. 124–128; 2005. С. 172–175; Матвеева, 2005. С. 176; Матвеева и др., 2007. С. 83, 98).

По нашему мнению, определяющими в разработке периодизации и хронологии лесостепных культур средневековья, страдающих от недостатка погребальных комплексов, должны явиться результаты радиокарбонного датирования органических материалов из раскопок, которыми мы располагаем в достаточном объеме. Другое дело, что часть образцов залегала в неглубоких слоях поселений, пронизанных корнями растений, была подвержена влиянию поверхностных вод, появилась при ограблении могил. Эти условия обнаружения, несомненно, снижают точность результатов этой группы проб (Бутомо, 1965. С. 31, 32). По преимуществу эти внешние влияния ведут к омоложению таких дат. Но для древесины следует учитывать, как правило, отсутствие верхних слоев бревна с корой, наиболее точно отражающих возраст порубки дерева, что в свою очередь несколько занижает возраст. Насколько оба отмеченных фактора нивелируют друг друга, судить трудно, но полагаем, что они способствуют наложению разнонаправленных ошибок.

Активное изучение средневековых памятников лесного и лесостепного Зауралья, проведенное в последние годы тюменскими археологами, позволило получить репрезентативную серию образцов дерева и угля из их жилых и оборонительных сооружений. Здесь мы вводим полученные данные в научный оборот и предлагаем на их основе с учетом стратиграфии и датировок по инвентарю корректировку схемы историко-культурного развития Зауралья в VI–XV вв. н.э. Наиболее представительная серия дат выполнена для Коловского городища, ряд датировок имеется для городищ Красногорского, Барсучьего, Святого Бора 5, Криволукского, Молчановского, Чимги-Туры и Хрипуновского могильника. Одиночные даты средневековой эпохи получены еще с двух некрополей и трех поселений (выполнены в Объединенном институте геологии, геофизики и минералогии СО РАН, Уральском педагогическом институте).

Коловское городище расположено на высоком мысу правого берега р. Исеть в 8 км к В от с. Красногорского, 2 км к СЗ от д. Лога в Исетском районе Тюменской области (рис. 1) и сохранило остатки нескольких периодов проживания в бронзовом, раннем железном веке и в средневековье. В 2001–2006 гг. Н.П. Матвеева на укрепленной части изучила две трети цитадели и половину второй площадки, фортификацию третьей из площадок городища, провела раскопки на селищах. Основной слой раннего железного века памятника принадлежит саргатской культуре. Радиоуглеродные даты позволили надежно определить верхнюю границу ее функционирования началом V в. н.э. (Матвеева и др., 2005. С. 56–59, 88–92). Кроме Коловского поселения аналогичные результаты по датировке финальной стадии саргатской культуры получены при анализе образцов Рафайловского городища (Матвеева и др., 2004. С. 90, 91, 93, 94), а еще раньше по материалам поселения Ипкуль XV (Корякова и др., 1988. С. 125, 126).

Средневековый этап заселения Коловского городища представлен материалами из наземных сооружений бакальской культуры, также встречены немногочисленные развалы юдинской, кушнаренковской и карымской керамики. При изучении оборонительной линии цитадели городища была зафиксирована стена в виде клети из уложенных в несколько ярусов бревен, ячейки ее были заполнены мелкими ветками, сучьями, листьями, спекшейся золой и прочими мусорными массами. Судя по ямкам, с внешней стороны клеть поддерживали вертикально установленные столбы (рис. 2). Удовлетворительная сохранность древесины из нее позволила получить представительную серию из 17 дат, указывающих на V–VIII вв. н.э. (табл. 1, рис. 3).

Помимо средневековых из оборонительной конструкции получены даты, относящиеся к концу раннего железного века – III – началу V в. н.э. Пять проб отобраны в кв. А-Д/36–39, причем две от жердей, расположенных с внешней стороны вала и не вписывающихся в общую конструкцию

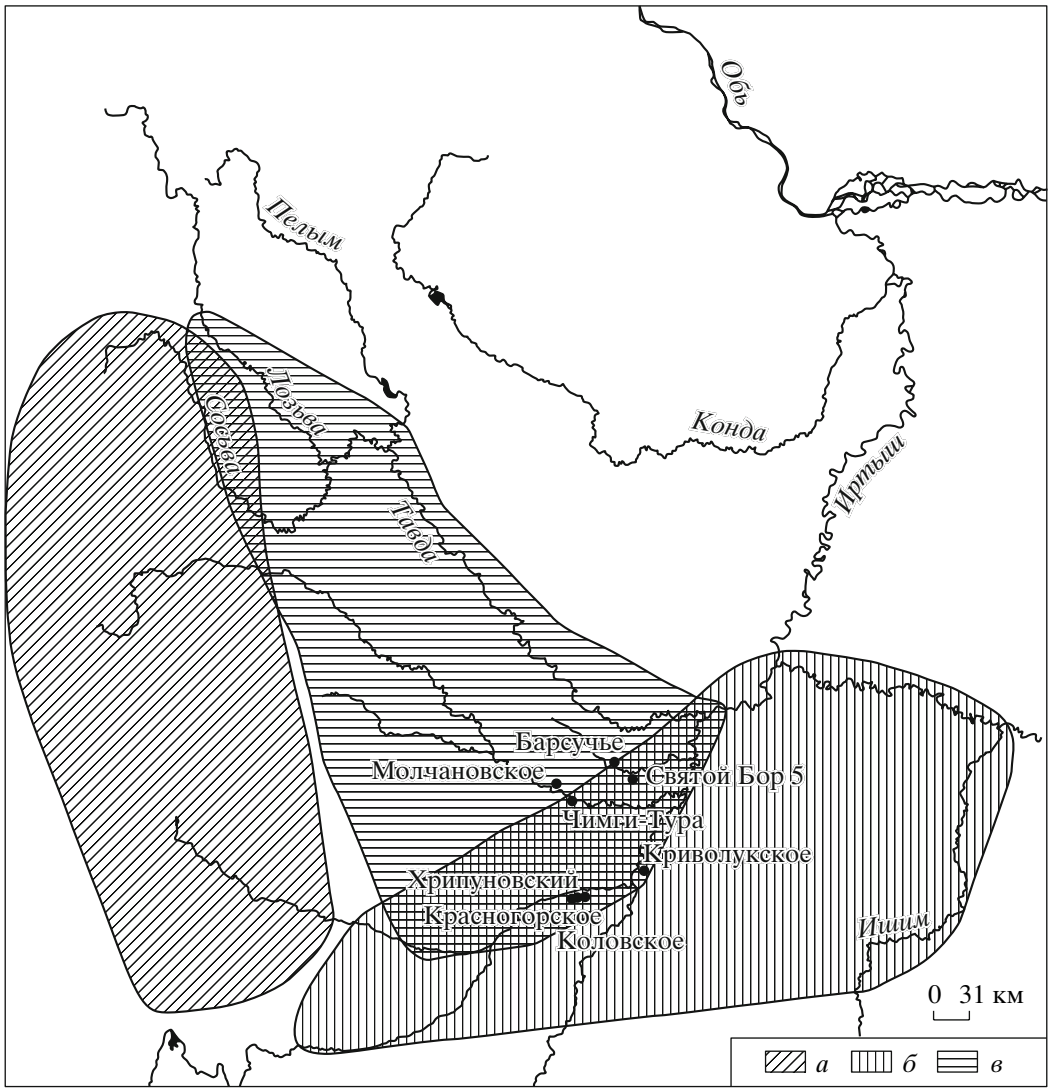

Рис. 1. Ареалы памятников средневековых культур лесного и лесостепного Зауралья: *а* – петрогромская; *б* – бакальская; *в* – юдинская.

стены (рис. 2). Возможно, что это часть обороны раннего железного века, неповрежденная средневековыми насельниками. Еще один образец получен из заполнения саргатского рва. Таким образом, ранним железным веком датированы шесть проб, отобранных из нижнего яруса бревенчатой стены. Это позволяет нам предположить, что возрождение жизни на городище в средневековый период произошло через непродолжительный интервал времени и новые насельники использовали старые бревна при сооружении фортификации цитадели.

Несколько периодов обитания в средневековье зафиксировано на расположенном в 8 км к З от Коловского Красногорском (Лизуновском) городище. Оборонительные линии памятника содержат следы нескольких перестроек (Матвеева, 1997. С. 247–249). Первоначальное возведение укреплений связано с бархатовской, затем гамаюнской культурами позднего бронзового века. Обновление фортификаций, заключающееся в углублении гамаюнского рва на 0.7 м и подсыпке вала до 3 м, относится, судя по результатам радиокарбонного датирования проб, к 540–660 и 900–1020 гг. н.э. при вероятности 68.2% и к 430–670 и 890–1030 гг. н.э. при вероятности 95.4% (табл. 1, рис. 3). К этому же времени принадлежат образцы из межжилищного пространства и вторичного заполнения жилища 6, показывающие при вероятности 68.2% на 880–980 и 880–1040 гг. н.э., а при 95.4% на 780–990 и 770–1160 гг. н.э. (табл. 1, рис. 3). Результаты анализа стратиграфического расположения средневековой керамики свидетельствуют о принадлежности данного слоя бакальской культуре (Матвеева и др., 2007. С. 83). По всей видимости, здесь мы фиксируем два пери-

Таблица 1. Калибровка дат, полученных по углю и древесине из памятников бакальской культуры. OxCal, версия 3.10

Код	Объект	Значение	Вероятность 68.2%	Вероятность 95.4%
СОАН-4601	Коловское городище. Уголь от горизонтального бревна стены вала, кв. Г-38, гл. отбора 80 см[1]	1275 ± 35	685–775 AD	660–860 AD
СОАН-4810	Коловское городище. Уголь от горизонтального бревна стены вала, кв. Г-37, гл. отбора 62 см	1465 ± 25	560–640 AD	540–650 AD
СОАН-4811	Коловское городище. Уголь от горизонтального бревна стены вала, кв. Д-37, гл. отбора 46 см	1475 ± 30	560–640 AD	530–650 AD
СОАН-6012	Коловское городище. Древесина от горизонтально лежавшего бревна на вершине вала цитадели, кв. в-37, гл. отбора 55 см	1605 ± 25	410–540 AD	400–540 AD
СОАН-6013	Коловское городище. Древесина от горизонтально лежавшего бревна на вершине вала цитадели, кв. е-35, гл. отбора 55 см	1645 ± 65	260–540 AD	240–560 AD
СОАН-6014	Коловское городище. Древесина от горизонтально лежавшего бревна на вершине вала, кв. г-37, гл. отбора 45 см	1605 ± 45	410–540 AD	340–570 AD
СОАН-6016	Коловское городище. Древесина от горизонтально лежавшего бревна на вершине вала, кв. г-37, гл. отбора 70 см	1635 ± 35	340–530 AD	260–540 AD
СОАН-6019	Коловское городище. Среднее бревно заплота, вершина вала, кв. е-37, гл. отбора 40 см	1570 ± 45	430–540 AD	400–600 AD
СОАН-6494	Коловское городище. Обугленная древесина, кв. л-33, гл. отбора 60 см	1625 ± 45	380–540 AD	260–550 AD
СОАН-6495	Коловское городище. Обугленная древесина, кв. к-35, гл. отбора 48 см	1580 ± 25	430–535 AD	420–540 AD
СОАН-6496	Коловское городище. Обугленная древесина, кв. ж-35, гл. отбора 48 см	1520 ± 75	430–620 AD	390–660 AD
СОАН-6497	Коловское городище. Обугленная древесина, кв. и-35, гл. отбора 66 см	1430 ± 30	604–654 AD	560–670 AD
СОАН-6498	Коловское городище. Обугленная древесина, кв. л-35, гл. отбора 62 см	1500 ± 65	440–650 AD	420–660 AD
СОАН-6499	Коловское городище. Обугленная древесина, кв. л-34, гл. отбора 64 см	1630 ± 35	380–540 AD	340–540 AD
СОАН-6500	Коловское городище. Обугленная древесина, кв. к-35, гл. отбора 62 см	1630 ± 35	380–540 AD	340–540 AD
СОАН-6501	Коловское городище. Обугленная древесина, кв. л-34, гл. отбора 89 см	1525 ± 75	430–610 AD	390–660 AD
СОАН-6502	Коловское городище. Обугленная древесина, кв. л-35, гл. отбора 61 см	1540 ± 40	430–600 AD	420–620 AD
СОАН-5680	Красногорское городище. Древесина от столба в кв. 1 траншеи, столб 3, гл. отбора 145 см	1070 ± 30	900–1020 AD	890–1030 AD
СОАН-5681	Красногорское городище. Древесина от горизонтально лежащих жердей в кв. 11 траншеи, гл. отбора 105 см	1465 ± 65	540–660 AD	430–670 AD
UPi-756	Красногорское городище. Межжилищное пространство	1137 ± 38	880–980 AD	780–990 AD
UPi-761	Красногорское городище. Вторичное заполнение жилища 6	1070 ± 79	880–1040 AD	770–1160 AD
СОАН-6269	Хрипуновский могильник. Древесина от северной плахи колоды из могилы 60, гл. отбора 70 см	1380 ± 80	580–570 AD	530–880 AD
СОАН-6291	Чимги-Тура. Древесный уголь из заполнения шурфа 14, кв. А-2, гл. отбора 130 см	890 ± 75	1030–1220 AD	1020–1280 AD
СОАН-6292	Чимги-Тура. Древесный уголь из шурфа 15, гл. отбора 100 см	525 ± 70	1300–1450 AD	1290–1490 AD
СОАН-6293	Чимги-Тура. Древесный уголь из шурфа 14, кв. Б-2, гл. отбора 100 см	820 ± 55	1160–1280 AD	1110–1290 AD

[1] Здесь и далее глубины даны от поверхности.

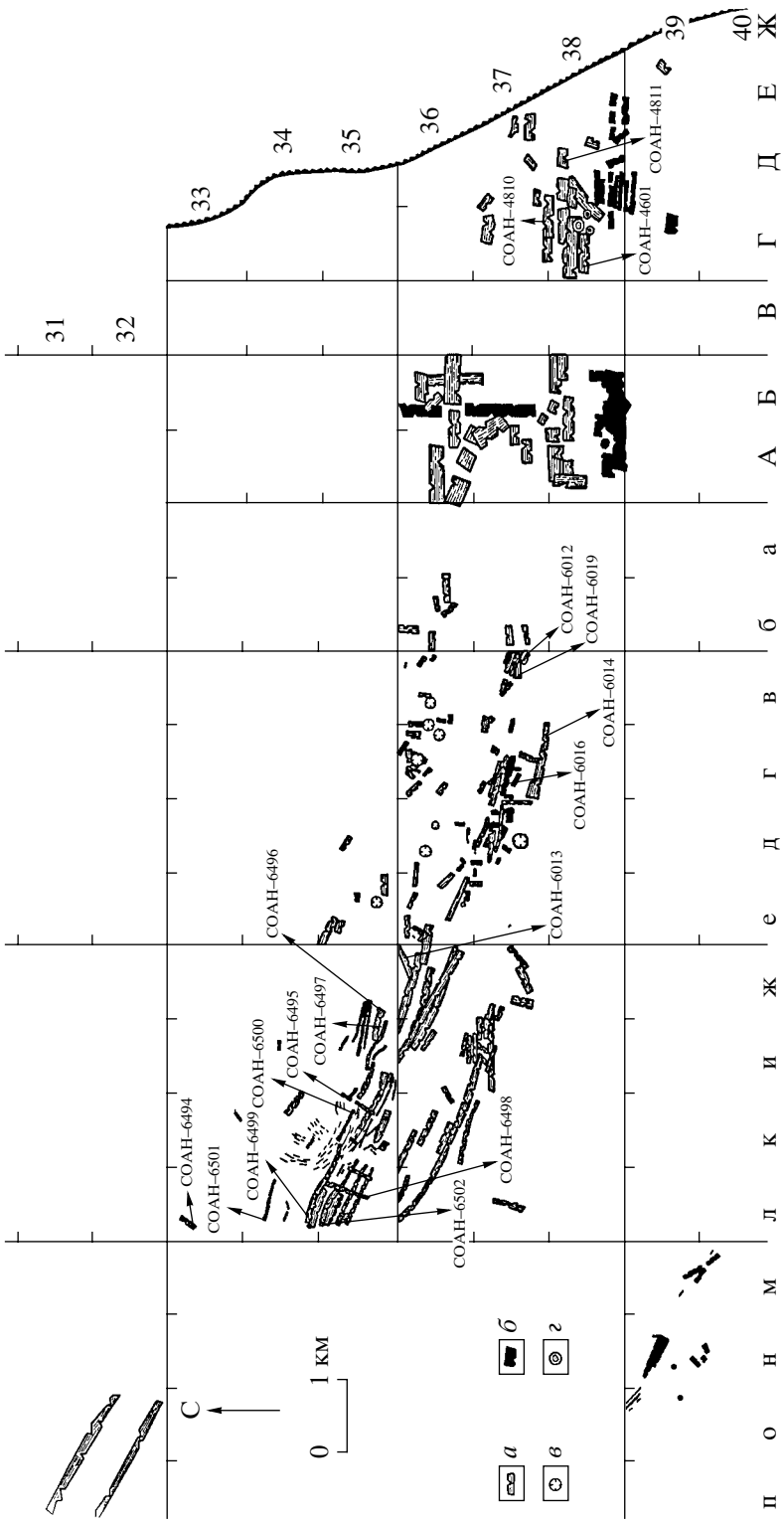

Рис. 2. План бревен от клети и горизонтальной стены цитадели Коловского городища. Условные обозначения: *а* – дерево средневекового периода; *б* – дерево раннего железного века; *в* – ямки от столбов; *г* – вертикально стоящие столбы.

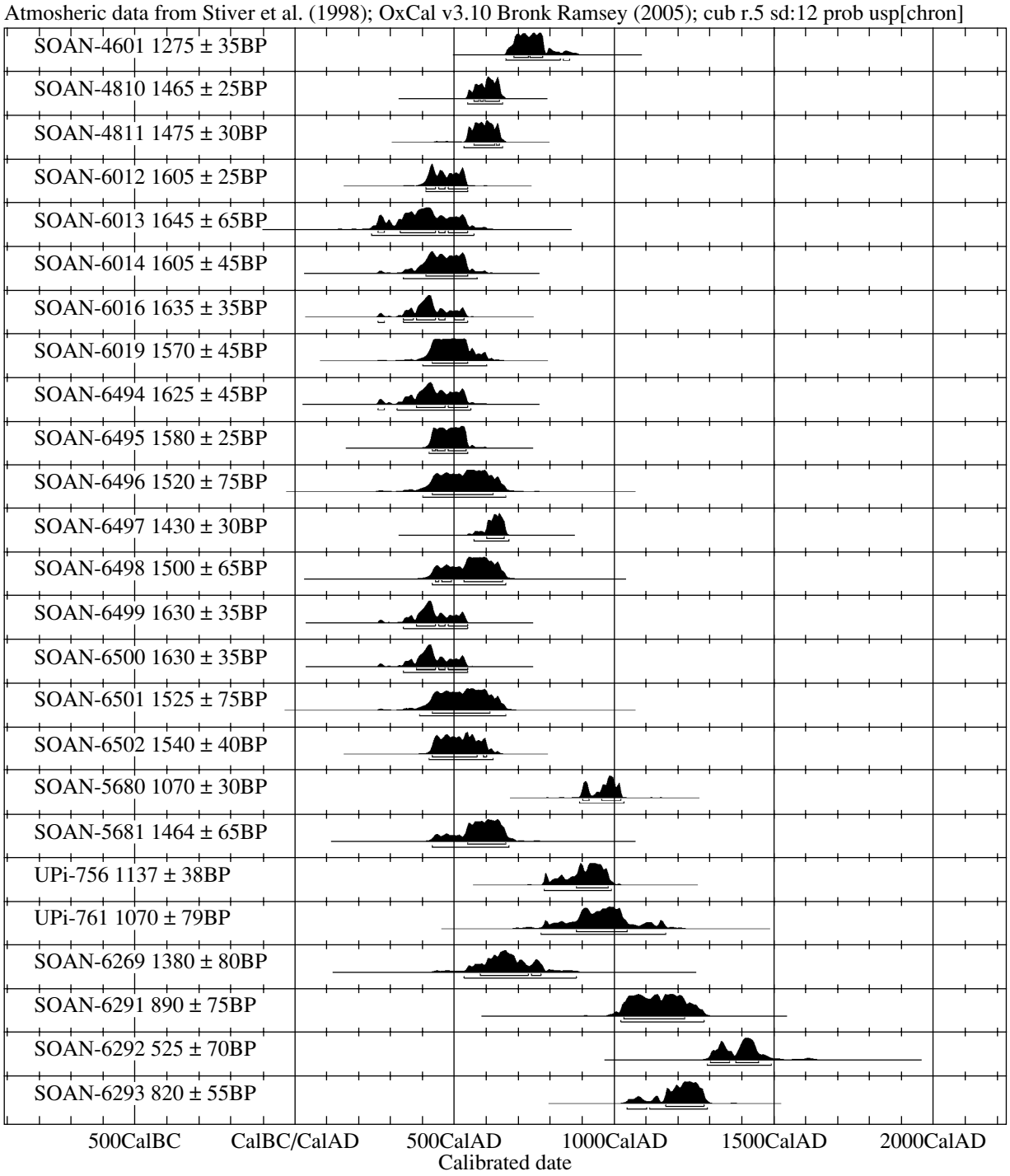

Рис. 3. График распределения калиброванных дат из объектов бакальской культуры.

ода обживания мыса бакальским населением – в VI–VII и IX – начале XI в. н.э.

Следующий этап заселения Лизуновского мыса и обновления фортификационной линии связан с появлением насельников юдинской культуры. Об этом свидетельствуют результаты радиокарбонного датирования проб из вторичного заполнения жилища 6, с вероятностью 68.2% указывающие на 1120–1160 и 1160–1270 гг. н.э. и с вероятностью 95.4% на 1000–1170 и 1040–1290 гг. н.э. (табл. 2, рис. 4). Кроме того, его связь с юдинской культурой доказывает фиксация на внутренней площадке городища под дерном почти целого сосуда с гребенчато-шнуровым орнаментом.

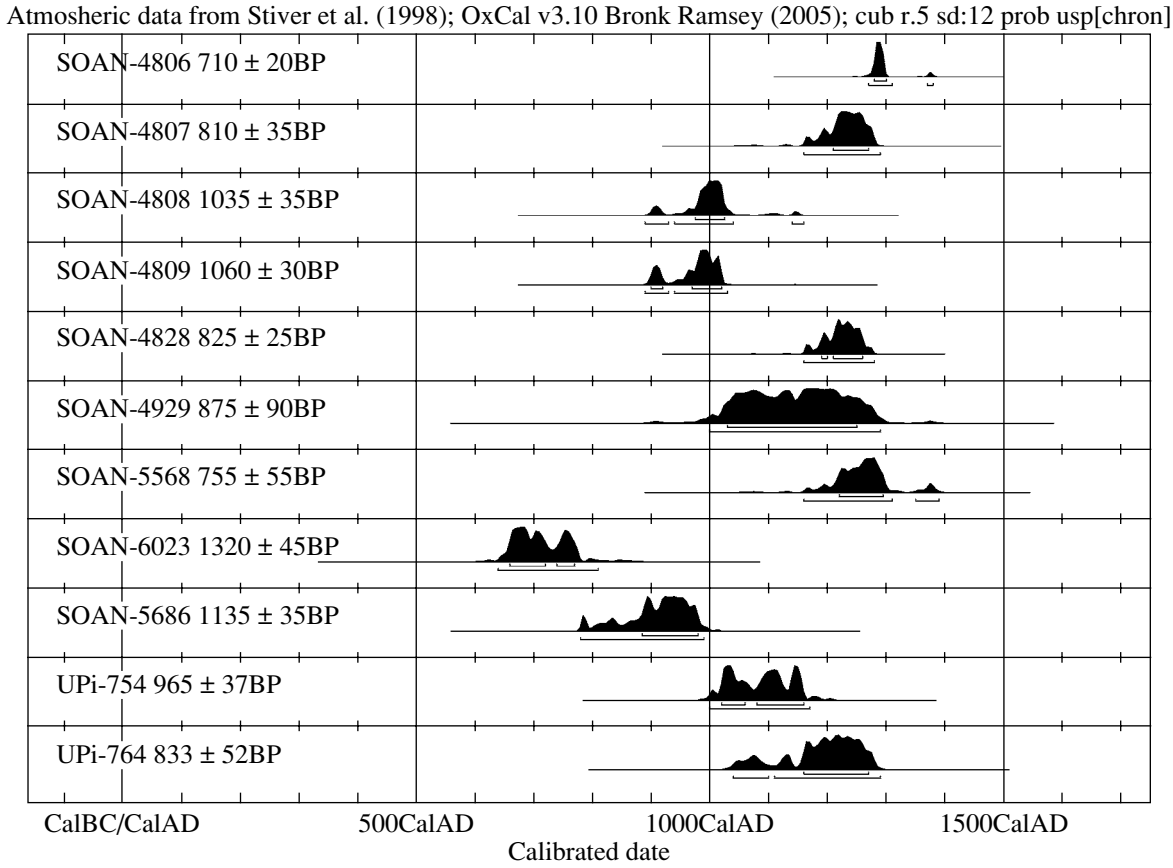

Рис. 4. График распределения калиброванных дат из памятников юдинской культуры.

Таким образом, результаты исследования Красногорского и Коловского городищ позволяют не только определить хронологические позиции бакальской и юдинской культур в Притоболье, но и засвидетельствовать, что первую здесь сменяет вторая в начале XI в. н.э. Судя по материалам Коловского городища, пребывание юдинского населения было непродолжительным, так как оставленный им культурный слой очень тонок, следы долговременных построек не выявлены, керамика зафиксирована в основном целыми развалами. В то же время возведение мощных оборонительных линий на Красногорском городище явно указывает на неспокойную обстановку в регионе в начале развитого средневековья, что совершенно неудивительно, так как, видимо, р. Исеть являлась пограничной зоной между лесом и степью.

Исследование расположенного поблизости Хрипуновского могильника, помимо основного алакульского комплекса бронзового века, позволило изучить три группы средневековых захоронений, оставленных, судя по устройству могил и сопроводительному инвентарю, разным в культурном отношении населением. Первая группа погребений (20, 26) в прямоугольных ямах, с ориентацией покойного головой на СЗ, с большим количеством сопроводительного инвентаря (бусы, бронзовое височное кольцо, бубенчики, коньковая подвеска и др.) датирована первой половиной XIII в. и отнесена к юдинской археологической культуре (Матвеева, 1997. С. 257–261).

Отлично от них погребение 60, совершенное в деревянном гробу-ящике. Покойный был ориентирован головой на ЮЗ, руки вытянуты вдоль тела. Сопутствующий инвентарь (бронзовый бубенчик, бронзовая и железная пряжки, колчан с железными наконечниками стрел, однокольчатые удила с роговыми псалиями) указывает на VIII–X вв. н.э. Найденный в могиле сосуд без узора находит аналогии в бакальской керамике (Костомарова, 2007. С. 62). Результаты радиокарбонного датирования образца, отобранного от юго-западной плахи деревянной обкладки могилы, возможное время захоронения с вероятностью в 68.2% помещают в рамки 580–770, а с вероятностью в 95.4% – в 530–880 гг. н.э. (табл. 1, рис. 3).

Еще ряд захоронений (30, 38, 41, 42, 48а, 55, 61, 72) совершены в прямоугольных ямах с ориентировкой покойного головой на З и СЗ, без инвентаря. Образцы, отобранные из могил 55 и 61, с вероятностью 68.2% указывают на 1420–1530 и

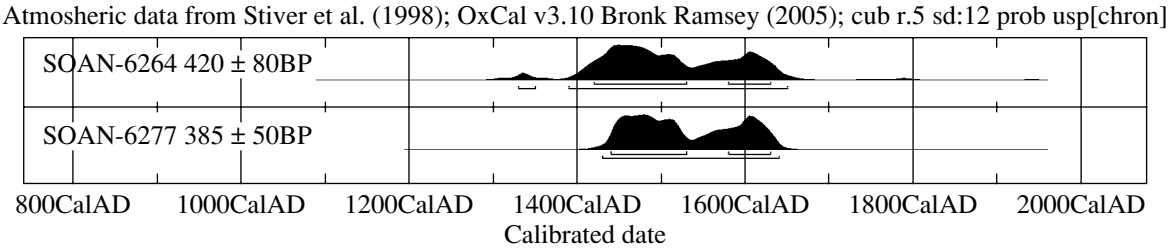

Рис. 5. График распределения калиброванных дат из погребений 55, 61 Хрипуновского могильника.

1440–1530 гг. н.э., с вероятностью 95.4% на 1390–1650 и 1430–1640 гг. н.э. (рис. 5). По мнению Н.П. Матвеевой, некрополь оставлен тюркизированными самодийцами или уграми (Матвеева и др., 2003. С. 26–43). Аналогии данные погребения находят в прииртышских некрополях Окунево 3 (Могильников, 1997. С. 57–63) и Красноярский (Данченко, Согрин, 1999. С. 144–159).

Верхняя граница бакальской культуры намечена лишь приблизительно и определяется временем ассимиляции автохтонного населения тюрками. Некоторую ясность в решении этого вопроса могут внести материалы рекогносцировочного исследования Царева городища, или Чимги-Туры, столицы Тюменского ханства, проведенные А.В. Матвеевым в 2005 г. Из отобранных трех проб две (СОАН-6291, 6293), взятые из одного шурфа из слоя с бакальской керамикой, с вероятностью 68.2% дают интервалы 1030–1220 и 1160–1280 гг. н.э., а с вероятностью 95.4% указывают на 1020–1280 и 1040–1290 гг. н.э. Образец из другого шурфа, но из того же слоя с бакальскими черепками, датирует материал с вероятностью 68.2% 1300–1450 гг. н.э., с вероятностью 95.4% – 1290–1490 гг. н.э. (табл. 1, рис. 3). Таким образом, верхняя граница культуры по материалам Царева городища может относиться к XV в. н.э.

Далее обратимся к вопросам хронологии юдинской культуры, не поднимавшимся в литературе после работ 60-х годов XX в. Тогда В.Д. Викторовой на основании анализа керамических и инвентарных комплексов памятников из собственных раскопок и разведок УАЭ на реках Пышма, Ница, Тура и Тавда была предложена периодизация средневекового этапа. Она отнесла к его началу во второй четверти I тыс. н.э. три типа памятников: прыговский и туманский, сформировавшиеся на местной основе, и батырский, оставленный пришлым с территории горно-лесного Зауралья или Прикамья населением. В VI–IX вв. в бассейнах рек Тура и Тавда, по мнению исследовательницы, проживали носители двух культурных традиций: молчановской и тынской, генетически восходящей к туманской. В X–XIII вв. практически всю территории лесного Зауралья занимало население юдинской культуры, сложившееся при взаимодействии предшествующего и также делящегося по отличиям в орнаментации керамики на два локальных варианта – юдинский в нижнем и среднем течении Туры и нижнем течении Тавды и заозерный – в верхнем течении Тавды (Викторова, 1969. С. 12–18; 1968. С. 240–256; Викторова, Кернер, 1988. С. 136–140).

Данная схема вызывает ряд возражений. Во-первых, доказано, что керамика прыговского типа одновременна кашинской и входит с ней в один пласт древностей – кашинскую культуру раннего железного века (Матвеева, 1994. С. 129–142; Чикунова, 2005. С. 82–91). Во-вторых, не ясно, что представляет собой молчановский тип памятников. В.Д. Викторова относила к нему 15 объектов. На сегодняшний день три из них полностью уничтожены, семь, в том числе два некрополя, изучены раскопками, и только одно из городищ (Жилье) являлось однослойным. Развернутых публикаций материалов исследований нет, кроме того коллекции памятников раздроблены и хранятся в разных музеях страны, т.е. состояние источниковой базы оставляет желать лучшего. Поэтому Т.Н. Рафиковой были проведены раскопки на Молчановском городище как эпонимном памятнике раннего средневековья. В результате было исследовано два жилища, различия в конструкции которых заставляют предполагать либо разное функциональное назначение построек, либо их асинхронность. Из вторичного заполнения жилища 1 было отобрано два образца для радиокарбонного анализа. Первый – из слоя с большим количеством углей и фрагментами жердей, оставшихся скорее всего от сгоревшей и обрушившейся кровли постройки, с вероятностью 68.2% указывает на 660–770 гг. н.э. и с вероятностью 95.4% на 640–810 гг. н.э. Второй, относящийся скорее к конструкции второй постройки, с вероятностью в 68.2% показал на 885–980 гг. н.э., а с вероятностью 95.4% – на 780–990 гг. н.э. (табл. 2, рис. 4). К сожалению, разрушенный верхний слой памятника не позволил выявить следы перестроек, но разновременность застройки кажется вполне вероятной. Таким образом, мы можем говорить, о функционировании поселения в VII–X вв. н.э.

Таблица 2. Калибровка дат, полученных по углю, из памятников юдинской культуры. OxCal, 3.10

Код	Объект	Значение	Вероятность 68.2%	Вероятность 95.4%
СОАН-4806	Барсучье. Уголь от сгоревшей балки, первичное заполнение жилища 1, кв. Ж-1, гл. отбора 60 см	710 ± 20	1280–1300 AD	1270–1380 AD
СОАН-4807	Барсучье. Уголь от сгоревшей части постройки. Вторичное заполнение жилища 2, кв. В-6, гл. отбора 40 см	810 ± 35	1210–1270 AD	1160–1290 AD
СОАН-4808	Барсучье. Уголь из вторичного заполнения жилища 1, кв. В-1, гл. отбора 60 см	1035 ± 35	975–1025 AD	890–1160 AD
СОАН-4809	Барсучье. Уголь со дна котлована жилища 2, кв. Б-6, гл. отбора 1.25 м	1060 ± 30	900–1020 AD	890–1030 AD
СОАН-4928	Святой Бор 5. Котлован жилища 2, кв. Ж-9, гл. отбора 30 см	825 ± 25	1190–1260 AD	1160–1280 AD
СОАН-4929	Святой Бор 5. Котлован жилища 2, кв. Е-7, гл. отбора 40 см	875 ± 90	1030–1250 AD	1000–1290 AD
СОАН-5568	Криволукское. Древесный уголь, кв. Ц-7, жилища 5, гл. отбора 30 см	755 ± 55	1220–1295 AD	1160–1390 AD
СОАН-6023	Молчановское городище, кв. А-1, гл. отбора 30 см	1320 ± 45	660–770 AD	640–810 AD
СОАН-5686	Молчановское городище, кв. А-2, гл. отбора 20 см	1135 ± 35	885–980 AD	780–990 AD
UPi-754	Красногорское городище. Вторичное заполнение жилища 6	965 ± 37	1020–1160 AD	1000–1170 AD
UPi-764	Красногорское городище. Вторичное заполнение жилища 6	833 ± 52	1160–1270 AD	1040–1290 AD

Сопоставление основных элементов декора и техники орнаментации керамического комплекса городища с материалами юдинских поселений выявило их большую близость, в особенности почти тождественность посуде с памятников р. Тура. Необходимо отметить, что сама В.Д. Викторова Молчановское городище относила как к раннему, так и к развитому средневековью. Керамика, по всей видимости, была рассортирована типологически, из соображений ее предполагаемого развития по пути упрощения орнаментации. К раннему периоду отнесены сосуды с приостренно-отогнутым венчиком, вертикальной сравнительно высокой шейкой и округлым туловом, украшенные горизонтальными и вертикальными зигзагами, наклонными столбиками, выполненными в гребенчатой технике, фигурными, в основном уголковыми, штампами и шнуровыми оттисками. Юдинскую же керамику она считает более однородной, украшенной простыми гребенчато-шнуровыми линиями (Викторова, Морозов, 1993. С. 184–189). Но оба варианта орнаментации – нарядный и простой – встречены как на многих юдинских памятниках рек Тобол и Исеть: Криволукское, Коловское и р. Тавда: Барсучье, Святой Бор 5, Ипкуль 13 (Матвеева, Бахарева, 2003. С. 93–97), так и на памятниках р. Тура, относимых к молчановским: Жилье, Андрюшин городок, Молчановское. Иначе говоря, разновидности узоров существовали на протяжении и раннего, и развитого средневековья. Прибегнуть к сравнению погребального обряда мешает его слабая изученность, можно лишь отметить его неустойчивость. Поэтому мы предлагаем отказаться от понятия “молчановский тип” памятников и рассматривать относимые ранее к нему материалы в рамках единой юдинской культуры.

Анализ юдинской керамики из новых раскопок тюменских археологов – городищ Барсучьего, Святого Бора 5, Криволукского, Красногорского, Коловского, по отличиям в деталях орнаментации и композиционном построении узора подтверждает существование двух локальных вариантов юдинской культуры, но заставляет пересмотреть их расположение в пространстве и вслед за этим – названия. Первый вариант, названный нами южным, включает в себя объекты лесостепной и подтаежной зон, т.е. расположенные в бассейнах рек Тура, Исеть и среднем течении Тобола. Памятники таежной зоны, локализующиеся в бассейнах рек Тавда, Лозьва, Пелым и Вагиль, мы предлагаем объединить в северный вариант (Матвеева, Рафикова, 2005. С. 177–180).

Интересные результаты получены при исследовании Барсучьего городища в бассейне р. Тавда. В маленьком раскопе были обнаружены два разновременных жилища. Первое датировано по углю от сгоревшей балки из первичного заполнения постройки с вероятностью 68.2% в пределах 1280–1300 гг. н.э. и с вероятностью 95.4% – 1270–1380 гг. н.э., по углю из вторичного заполнения жилища 2 с вероятностью 68.2% в рамках 1210–1270 гг. н.э., а с вероятностью 95.4% – 1160–1290 гг. н.э. Второе, более ранее, судя по образцу из первичного заполнения, функционировало в 900–1020 гг. н.э. с вероятностью в 68.2% и в 890–1030 гг. н.э. с вероятностью в 95.4%; опираясь на дату по углю из вторичного заполнения жилища 1 – с вероятностью в 68.2% в 975–1025 гг. н.э.,

Таблица 3. Калибровка единичных дат, полученных из средневековых объектов памятников бронзового и раннего железного веков. OxCal, 3.10

Код	Объект	Значение	Вероятность 68.2%	Вероятность 95.4%
СОАН-3421	Гаевский 2, к. 19, деревянная конструкция на подкурганной площадке	1035 ± 50	900–1040 AD	890–1160 AD
СОАН-3526	Н-Ингальский 1 могильник, к. 1, п. 4, древесина из насыпи над могилой	850 ± 50	1070–1260 AD	1030–1280 AD
СОАН-3528	Н-Ингальский 1 могильник, древесина из насыпи над могилой	810 ± 30	1215–1264 AD	1160–1290 AD
СОАН-4933	Рафайловское селище, р. 8. Древесный уголь из ямы 9, кв. Ж-7, гл. отбора 30 см	1145 ± 35	780–980 AD	780–990 AD
СОАН-4935	Рафайловское городище. Древесный уголь, кв. п1/12, гл. отбора 60 см	395 ± 25	1440–1610 AD	1430–1630 AD
СОАН-5684	Городище Бол. Имбиряй 3. Древесный уголь, кв. Г-7, гл. отбора 66 см	1470 ± 35	560–640 AD	530–660 AD
СОАН-5683	Городище Бол. Имбиряй 3. Древесный уголь, кв. Б-1, гл. отбора 74 см	1530 ± 35	430–600 AD	430–620 AD
СОАН-6288	Заводоуковское 9. Древесный уголь из соор. 1, кв. К-2, гл. отбора 100 см	665 ± 70	1230–1400 AD	1220–1420 AD
СОАН-6290	Заводоуковское 9. Древесный уголь, яма 1, кв. В-9, гл. отбора 118 см	550 ± 65	1300–1440 AD	1290–1450 AD

а с вероятностью 95.4% – в 890–1160 гг. н.э. (табл. 2, рис. 4). Другими словами, можно говорить о двух периодах обитания на памятнике – во второй половине X – начале XI в. и в конце XIII в. Анализ керамики позволил проследить динамику форм посуды – в увеличении доли закрытых чаш и слабопрофилированных горшков и орнаментации – в усложнении композиционного построения узора и увеличении многообразия элементов орнамента (Матвеева, Зайцева, 2004. С. 58–60).

Существенно отличны от Барсучьего материалы городища Святой Бор 5, расположенного в 12 км к ЮВ от него. Объект датирован по двум образцам из заполнения жилища 2. Первый с вероятностью в 68.2% указал на период 1030–1250 гг. н.э. и с вероятностью 95.4% на 1000 – 1290 гг. н.э.; второй с вероятностью в 68.2% на 1190–1260 гг. н.э. и при 95.4% вероятности на 1160–1280 гг. н.э. (табл. 2, рис. 4). Декор посуды памятника скромен, фигурные штампы редки и представлены в основном полулунными и круглыми вдавлениями. Подобная керамика более характерна для памятников южного локального варианта. Тонкий культурный слой, слабая насыщенность находками свидетельствуют о его кратковременном заселении. Скорее всего он был оставлен мигрантами из бассейна р. Тура (Матвеева, Бахарева, 2004. С. 174–177).

Помимо вышеназванных памятников, единичные средневековые даты получены для ряда объектов бронзового и раннего железного веков (табл. 3). Так, образец угля с Рафайловского селища указывает на 780–980 гг. н.э. с вероятностью 68.2% и на 780–990 гг. н.э. с вероятностью 95.4%. Мы связываем его с юдинской культурой на основании обнаружения в слое нескольких фрагментов керамики. Вторую дату, с вероятностью 68.2% указывающую на 1440–1610 гг. н.э. и с вероятностью 95.4% на 1430–1630 гг. н.э., относим к татарскому периоду, что подтверждается находкой на памятнике развала татарского сосуда. Отсутствие средневекового инвентаря и посуды на городище Большой Имбиряй 3 и поселении Заводоуковском 9 при наличии угля может объясняться кратковременным пребыванием средневековых насельников на памятнике. Датировка древесины XI–XIII вв. в насыпи над саргатским погребением Нижнеингалького 1 могильника объясняется, по всей видимости, ограблением некрополя группой “юдинцев”.

Достаточно сложным представляется вопрос о связи зауральской юдинской и среднеуральской петрогромской культур. Первоначально они считались синхронными (Могильников, 1987. С. 177–179). В начале 1990-х годов В.Д. Викторова, В.М. Морозов, С.Е. Чаиркин на основании анализа материалов останца Старичного и результатов радиокарбонного датирования стоянки Исетское XIIIБ удревнили ее до VI–IX вв. н.э. С X в. часть петрогромского населения, по мнению исследователей, начала проникать в Прикамье, часть спустилась с гор в лесное Зауралье, став одним из компонентов сложения юдинской культуры (Викторова, Чаиркин, 1999. С. 174; Морозов,

2004. С. 110–114). По-нашему мнению, данный тезис нуждается в дополнительной аргументации.

В литературе высказано мнение, что угорское население, проживавшее в Притоболье, к XIV в. было вытеснено или ассимилировано пришлыми тюркскими племенами (Викторова и др., 1964. С. 197). Данный вывод не согласуется со сведениями письменных источников, указывающих на проживание в XVI в. в регионе полиэтничного населения (Миллер, 1998. С. 30, 85, 87, 92) и нуждается в проверке (табл. 2, рис. 4).

Таким образом, на основании рассмотренной выше серии дат мы полагаем возможным предварительно определить хронологический диапазон развития лесостепной бакальской культуры как конец V–VI–XV в. н.э. Кроме того, полагаем возможным объединить молчановские и юдинские древности в один таксон – юдинскую культуру подтаежной зоны, относя ее к VII–XIV вв. н.э. Место выделенных В.Д. Викторовой памятников макушинского типа XIV–XV вв. в историко-культурной схеме Зауралья ввиду их слабой источниковой базы также подлежит верификации.

Ситуация в лесном Зауралье на протяжении всего средневекового периода была достаточно сложна, границы расселения общностей многократно менялись. Но конкретную динамику этнокультурного взаимодействия еще предстоит обнаружить.

Авторы благодарят С.В. Берлину, младшего научного сотрудника ИГИ ТюмГУ, за помощь в полевых работах на Коловском и Красногорском городищах, а также доктора исторических наук А.В. Матвеева за предоставление неопубликованных данных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бородовский А.П., Орлова Л.А. Радиоуглеродные датировки Быстровского некрополя раннего железного века из Новосибирского Приобья // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск, 2001.

Бутомо С.В. Радиоуглеродное датирование и построение абсолютной хронологической шкалы археологических памятников // Археология и естественные науки. М., 1965.

Викторова В.Д. Памятники лесного Зауралья в X–XIII вв. н.э. // УЗ ПермГУ. 1968. № 191.

Викторова В.Д. Население эпохи железа лесной полосы среднего Зауралья (опыт систематизации археологических памятников): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Свердловск, 1969.

Викторова В.Д., Генинг В.Ф., Стоянов В.Е. Археологическая экспедиция Уральского университета // Археология и этнография Башкирии. Т. II. Уфа, 1964.

Викторова В.Д., Кернер В.Ф. Памятники эпохи железа у озера Осинового // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1988.

Викторова В.Д., Морозов В.М. Среднее Зауралье в эпоху позднего железного века // Кочевники уралоказахстанских степей. Екатеринбург, 1993.

Викторова В.Д., Чаиркин С.Е. Останец Старичный – новый памятник петрогромской культуры // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 3. Екатеринбург, 1999.

Генинг В.Ф., Овчинникова Б.Б. Пахомовский могильник // Вопросы археологии Урала. Вып. 8. Свердловск, 1969.

Данченко Е.М., Согрин С.В. Предварительные результаты исследования Красноярского курганного могильника эпохи позднего средневековья // Гуманитарное знание. Сер. “Преемственность”. Вып. 3. Омск, 1999.

Зайцева Г.И., Васильев С.С., Марсадолов Л.С. и др. Радиоуглерод и дендрохронология ключевых памятников Саяно-Алтая: статистический анализ // Радиоуглерод и археология. Вып. 2. СПб., 1997.

Зайцева Г.И., Алексеев А.Ю., Чугунов К.В. Соотношение хронологических шкал европейских и азиатских памятников раннескифского времени // Современные проблемы археологии России. Т. II. Новосибирск, 2006.

Корякова Л.Н., Морозов В.М., Суханова Т.Ю. Поселение Ипкуль-XV – памятник переходного времени от раннего железного века к средневековью в Нижнем Притоболье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1988.

Косарев М.Ф. Эпоха поздней бронзы и переходное время от бронзового века к железному // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. (Археология СССР).

Костомарова Ю.В. Погребение средневекового времени с Хрипуновского могильника (по результатам раскопок 2005 г.) // AB ORIGINE. Тюмень, 2007.

Кубарев Г.В., Орлова Л.А. Радиоуглеродное датирование древнетюркских памятников Алтая // Современные проблемы археологии России. Т. II. Новосибирск, 2006.

Маслюженко Д.Н. К вопросу о причинах появления городищ бакальской культуры на берегах рек Исеть и Тобол // Угры: Матер. VI Сибирского симпоз. “Культурное наследие народов Западной Сибири”. Тобольск, 2003.

Маслюженко Д.Н. Происхождение и ранний период эволюции бакальской культуры (не археологический взгляд на археологическую проблему) // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. Томск, 2005.

Матвеева Н.П. Ранний железный век Приишимья. Новосибирск, 1994.

Матвеева Н.П. Новые средневековые памятники из северной лесостепи Притоболья // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. Томск, 1997.

Матвеева Н.П. Средневековые материалы Коловского городища // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. Томск, 2005.

Матвеева Н.П., Бахарева Т.Н. Сравнительный анализ средневековых керамических комплексов лесного

Зауралья // Источники по истории Западной Сибири. Ч. I. Сургут, 2003.

Матвеева Н.П., Бахарева Т.Н. Средневековое городище Святой Бор 5 в лесном Зауралье // Четвертые берсовские чтения. Екатеринбург, 2004.

Матвеева Н.П., Волков Е.Н., Рябогина Н.Е. Новые памятники бронзового и раннего железного веков // Древности Ингальской долины: Археолого-палеогеографическое исследование. Вып. 1. Новосибирск, 2003.

Матвеева Н.П., Зайцева Е.А. Исследование средневекового городища Барсучье в лесном Зауралье // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Вып. 5. Тюмень, 2004.

Матвеева Н.П., Ларина Н.С., Берлина С.В., Чикунова И.Ю. Комплексное изучение условий жизни древнего населения Западной Сибири (проблемы социокультурной адаптации в раннем железном веке). Новосибирск, 2005.

Матвеева Н.П., Рафикова Т.Н. Отличительные признаки керамических комплексов юдинской культуры // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. Томск, 2005.

Матвеева Н.П., Рафикова Т.Н., Берлина С.В. К вопросу о хронологической позиции бакальской культуры (по материалам исетских городищ) // AB ORIGINE. Тюмень, 2007.

Матвеева Н.П., Чикунова И.Ю., Орлова Л.А., Поклонцев А.С. Новые исследования Рафайловского городища // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Вып. 5. Тюмень, 2004.

Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. (Археология СССР).

Могильников В.А. Позднесредневековые материалы из комплекса памятников у дер. Окунево в Тарском Прииртышье (к проблеме происхождения тарских татар) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Вып. 1. Тюмень, 1997.

Морозов В.М. Бакальская культура, бакальский тип памятников: к истории изучения // Междунар. (XVI Уральское) археолог. совещание. Пермь, 2003.

Морозов В.М. История петрогромской культуры // Четвертые берсовские чтения. Екатеринбург, 2004.

Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державе по сии времена / Кн. первая. М., 1998.

Овчинникова Б.Б. О зауральских памятниках сылвенской этнокультурной области конца I – начала II тыс. н.э. // Ранний железный век и средневековье урало-иртышского междуречья. Челябинск, 1987.

Потемкина Т.М., Матвеева Н.П. Большое Бакальское городище // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Вып. 1. Тюмень, 1997.

Сальников К.В. Исетские древние поселения (по материалам обследования среднего течения реки Исети в 1940 году) // СА. 1956. № XXV.

Сальников К.В. Основные итоги и проблемы археологического изучения Южного Урала // ВАУ. 1961. Вып. 1.

Семенцов А.А., Зайцева Г.И., Герсдорф Й. и др. Вопросы хронологии памятников кочевников скифской эпохи Южной Сибири и Центральной Азии // Радиоуглерод и археология. Вып. 2. СПб., 1997.

Черных Е.Н. Дендрохронология и радиокарбонное датирование в современной археологии // Археология и естественно-научные методы. М., 2005.

Чикунова И.Ю. Итоги и проблемы изучения кашинской культуры // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Вып. 6. Тюмень, 2005.

New data on the radiocarbon chronology of Medieval Trans-Urals

N. P. Matveyeva, L. A. Orlova, T. N. Rafikova

Summary

On the basis of radiocarbon dating of a representative series of organic material and analysis of the stratigraphy and inventory of Medieval sites excavated in the forest and forest-steppe Trans-Urals, the article corrects the scheme for the historical and cultural development of the region in the 5th–15th cc. The chronological position of Bakalda culture is determined within the 5th–15th cc. Analysis of pottery complexes from sites in the forest Trans-Urals, and the results of new investigations, allowed the authors to put forth the suggestion that Molchanovo and Yudino antiquities can be integrated into a single taxon – Yudino culture of the 7th–14th cc. The Late Medieval period was characterized by polyethnic population.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2009, № 1, с. 152–161

ПУБЛИКАЦИИ

СТРОИТЕЛЬНЫЕ РАСТВОРЫ РУССКИХ КРЕПОСТЕЙ XVI–XVII вв.

© 2009 г. К. С. Носов

Российская академия государственной службы при президенте РФ, Москва

Всестороннее изучение памятников зодчества невозможно без знания строительно-технических приемов, использовавшихся для их возведения. Непременным атрибутом каменных и кирпичных памятников средневековой Руси был строительный раствор. Исследование состава строительных растворов позволяет установить строительные методы, принадлежность памятника к той или иной строительной школе, воссоздать строительный раствор для реставрационных работ, определить место добычи материала, и наконец, может помочь в датировке памятников.

Несмотря на то, что научное исследование древнерусских строительных растворов началось еще в 1930 г. (Швецов, Суровцов, 1930), а в 1963 г. увидела свет монография по истории вяжущих веществ (Значко-Яворский, 1963), строительные растворы до сих пор остаются изученными крайне слабо. Причина этого заключается, с одной стороны, в явно недостаточном количестве изученных образцов, а с другой – в том, что анализы проводились по разным методикам. Последнее обстоятельство не позволяет сравнивать результаты между собой. Более того, разнятся даже методы: в одних случаях исследователи полагались исключительно на химический метод анализа (Швецов, Суровцов, 1930), в других – на петрографический (Селиванова, 1982), в третьих – на гранулометрический (Медникова, Раппопорт, 1991), в четвертых – на сочетание гранулометрического и химического методов (Медникова, 1982), в пятых – на сочетание петрографического и гранулометрического методов (Медникова и др., 1983), в шестых – на сочетание петрографического и химического методов (Юнг, 1949; 1951; Белик, Папкова, 1953), в седьмых – на сочетание механического, петрографического и химического методов анализа (Медникова и др., 1978). В большинстве случаев исследователи никак не обосновывали выбор того или иного метода. Не наблюдается и совершенствования методов анализа с течением времени. Казалось бы, наилучшие результаты должен дать комплексный подход с использованием трех методов анализа – механического (гранулометрического), петрографического и химического. Однако такой анализ проводился только в 1978 г. Исследователи более позднего времени изучали строительные растворы, как правило, только одним из этих методов. Несомненно, настало время выработать оптимальный метод анализа строительных растворов и проводить анализ по одинаковым методикам.

Основное внимание исследователей строительных растворов древнерусских памятников привлекали культовые сооружения, причем в большинстве случаев домонгольского периода.

Б.С. Швецов и В.В. Суровцов изучили растворы семи памятников XII–XVII вв., в том числе каменно-кирпичного рва на месте Красной площади (на глубине 2 м, 1508 г.) и стены Китай-города между Варварскими и Никольскими воротами (1535 г.) в Москве. Растворы памятников XVI–XVII вв. оказались известково-песчаными на воздушной извести, что особенно удивительно для кладки кремлевского рва и объясняет малую прочность этого раствора, постоянно подверженного действию воды.

В 1949 г. В.Н. Юнг опубликовал результаты анализов семи образцов из памятников XI–XVII вв. Из военных сооружений им были изучены “части крепостного сооружения” Ивангорода (XV в.) и “крепости, пристройка начала семнадцатого века” (Ивангород, XVII в.). К сожалению, столь неинформативные указания не позволяют проверить или воспроизвести результаты. Остается лишь гадать, была ли взята проба из стены или фундамента, из облицовочной кладки или забутовки. Более того, “крепостное сооружение” XV в. может относиться как к первоначальной крепости 1492 г., так и к Большому Бояршему городу, построенному в 1496 г., а “крепость, пристройка начала семнадцатого века” – к Переднему городу или к облицованному камнем Боярскому валу. Данные по этим семи образцам позднее были систематизированы и вошли в монографию В.Н. Юнга, опубликованную в 1951 г. Никаких новых анализов она не включала.

В 50-х годах XX в. Я.Г. Белик и Л.П. Папкова (1953. С. 124–131) выполнили анализ строительного раствора (также примененного в качестве штукатурки) Золотых ворот в Киеве, а Б.С. Лысин и Ю.Е. Корнилович (1956. С. 89–94) изучили растворы двух киевских соборов XI в. и также Золотых ворот. Все растворы оказались известково-цемяночными с различным содержанием песка, без добавлений гипса и карбонатных заполнителей. Цемянка часто встречается в виде крупных

включений битого кирпича. Ю. Генцы и Т.В. Левина (1958. С. 14) провели простейший анализ раствора Софийского собора в Новгороде; раствор оказался известково-цемяночным со следами льняной костры и соломы, пористость составляла 51%.

В капитальную монографию И.Л. Значко-Яворского вошло исследование более 220 проб строительных растворов памятников с территории бывшего СССР. Однако в отношении средневековой Руси автор ограничился только химическим анализом одного раствора "для методического сопоставления", так как строительные растворы средневековой Руси не были "отнесены к первоочередным объектам исследования в связи с тем, что они в какой-то мере изучены другими исследователями" (Значко-Яворский, 1963. С. 252).

Е.Ю. Медникова, П.А. Раппопорт и Н.Б. Селиванова (1978) исследовали ряд культовых памятников древнего Смоленска. Н.Б. Селиванова (1982) изучила строительные растворы церкви и ее пристройки в Новогрудском детинце (XIV–XVII вв.). В тот же год вышла в свет статья Е.Ю. Медниковой, посвященная исследованию строительных растворов крепости Остров. Гранулометрический анализ позволил разделить образцы на две группы, предположительно соответствующие разным строительным периодам (первая группа – 1425–1450 гг., вторая группа – 1500 г.). На основании химического анализа были рассчитаны гидравлические модули.

Первая попытка выявить характерные особенности строительных растворов различных архитектурных школ домонгольского периода была предпринята Е.Ю. Медниковой, П.А. Раппопортом и Н.Б. Селивановой в 1983 г. С этой целью ими было изучено около 30 растворов церквей и соборов Киева, Переяславля, Полоцка, Владимира-Волынского, Новгорода, Галича, Чернигова, Суздаля, Боголюбова и Юрьева-Польского. Исследователи применили два метода анализа – петрографический и гранулометрический. Правда, не все растворы были проанализированы обоими методами. Так, петрографически было изучено 27 образцов, а гранулометрически только 23. Большой объем исследованного материала позволил авторам выделить основные закономерности производства строительных растворов в разных регионах.

В 1991 г. была опубликована работа Е.Ю. Медниковой и П.А. Раппопорта, в которой исследователи предприняли попытку проследить эволюцию строительных растворов внутри одной архитектурной школы – новгородской. Исследователям удалось проследить изменения в составе заполнителя в зависимости от времени постройки памятника. Соответственно все памятники были разделены на четыре группы. Кроме того, выяснилось, что состав строительного раствора далеко не идентичен даже в пределах одного памятника. Это указывает на то, что компоненты раствора вводились без точной дозировки.

Всего на настоящий момент изучено около 110 строительных растворов для примерно 90 древнерусских памятников. Из них около 70 памятников датируются XI–XIII вв., 8 – XIV–XV вв. и 12 – XVI–XVII вв. При этом на долю сооружений оборонительного зодчества приходится только шесть памятников, из которых один датируется XI в. (Золотые ворота в Киеве), два – XV в. (Остров и Ивангород), два – XVI в. (ров Московского кремля и стена Китай-города) и один – XVII в. (Ивангород). Если памятники зодчества Древней Руси изучены относительно неплохо, то этого нельзя сказать о памятниках XIV в. и позднее.

В настоящей работе изучены строительные растворы ряда памятников оборонительного зодчества. Были исследованы 13 кладочных растворов русских крепостей XVI–XVII вв. **1. Нижний Новгород,** кремль, 1500–1517 гг., археологическая яма рядом с Дмитриевской (Дмитровской) башней, фундамент стены. **2. Нижний Новгород,** кремль, 1500–1517 гг., остатки Зачатьевской (Зачатской) башни, разрушенной в XVIII в., наземная часть постройки. **3. Коломна, 1525–1531 гг.,** разлом стены у Спасской башни, забутовка. **4. Коломна, 1525–1531 гг.,** разлом стены у Погорелой башни, забутовка. **5. Зарайск, 1528–1531 гг.,** стена между Тайницкой и Спасской воротной башнями, забутовка в месте обвалившейся белокаменной облицовки. **6. Зарайск, 1528–1531 гг.,** стена между Тайницкой и Спасской воротной башнями, фундамент. **7. Серпухов,** конец 1550-х годов, торец восточного фрагмента стены, забутовка. **8. Борисов городок,** 1598 г., обнажившаяся из-под дерна каменно-кирпичная россыпь на кромке холма, где ранее стояла крепость. **9. Смоленск, 1596–1602 гг.,** башня Волкова, кирпичная кладка-забутовка под обвалившейся белокаменной облицовкой. **10. Смоленск, 1596–1602 гг.,** пролом в стене между башнями Орел и Позднякова, забутовка стены. **11. Смоленск, 1596–1602 гг.,** прясло у башни Веселуха, забутовка в месте обвалившейся белокаменной облицовки. **12. Смоленск, 1596–1602 гг.,** башня Орел, кирпичная кладка над разрушенной бойницей. **13. Вязьма,** 1631–1634 гг., раствор снят с большеразмерного кирпича (поврежден, примерные размеры 29.5 × 13.5 × 7.5 см), обнаруженного рядом со Спасской башней.

Кроме того, для сравнения были проанализированы: один современный раствор – **14. Смоленск,** творильная яма реставраторов у прясла рядом с башней Волкова и три раствора из средне-

вековых укреплений Англии и Уэльса – **15. Чепстоу (Chepstow),** Южный Уэльс, D-образная башня на южной стороне замка (этот участок обороны построен при Уильяме Маршале в 1189–1219 гг.); **16. Конуи (Conwy),** Северный Уэльс, трещина в башне городской стены, 1280-е годы; **17. Кембер (Camber),** юго-восточная Англия, забутовка стены в месте обвалившейся облицовочной кладки, 1539 г.

Все исследованные пробы были отобраны К.С. Носовым. Главной проблемой при отборе проб было найти участок укрепления, не подвергавшийся перестройке и реставрации в более позднее время. Именно по этой причине многие известные крепости не попали в исследуемые объекты. Например, Московский кремль настолько часто реставрировался, что найти участок с кладкой конца XV в. не представлялось возможным, а доступные укрепления Китай-города были в значительной степени или даже полностью перестроены в XIX в. Для каждого исследуемого памятника перед отбором проб изучались материалы по истории его укреплений и их реставрации. В связи с тем, что облицовочная кладка, как правило, подновлялась в последующие века, большинство проб были отобраны из забутовки. При отборе проб русских строительных растворов одним из важнейших ориентиров служил большеразмерный кирпич – характерный признак крепостного зодчества XVI–XVII вв. Большеразмерный кирпич довольно сильно варьировался по размерам. Наиболее типичный имел размеры 30 × 14 × 8 и 30.5 × 14.5 × 7.5 см (Трофимов, Кирьянов, 1953. С. 324). По распоряжению Бориса Годунова была введена стандартизация кирпича. Такой кирпич, именовавшийся государевым или казенным, имел размеры 7 × 3 × 2 вершка (31.5 × 13.5 × 9 см) (Косточкин, 1964. С. 13). Общим для этого кирпича было некратное соотношение размеров сторон. Позднее, при ремонтных работах XVIII – начала XIX в. также использовался большеразмерный кирпич, но уже с кратным соотношением сторон (6 × 3 × 1.5 вершка, или 27 × 13.5 × 6.8 см). При более поздних реставрациях применялся обычный маломерный кирпич (Трофимов, Кирьянов, 1953. С. 324).

Для исследования отобранных проб применялись химический и петрографический методы анализа. Химический анализ рентгенофлуоресцентным методом был выполнен И.А. Рощиной (ГЕОХИ РАН) на спектрометре “AXIOS Advanced”. Пробы и стандартные образцы были приготовлены в виде тонких таблеток диаметром 20 мм из навесок в 300 мг со связующим веществом (C_9H_8). Петрографический анализ проведен Р.В. Лобзовой (ГосНИИР) на бинокулярном микроскопе МБС-10 и поляризационном микроскопе ПОЛАМ Р210 в шлифах. Небольшие размеры кусков проб, включения гальки, кирпича и пр., а также отсутствие специального оборудования не позволили провести испытание образцов на прочность. Прочность определялась лишь субъективно вручную на излом и истирание.

С методологической точки зрения оптимальным представляется сочетание химического и петрографического методов анализа. Отдельно взятые ни петрографический, ни химический методы анализа не дают достаточных сведений о составе строительных растворов. Петрографический метод не позволяет рассчитать важные для определения характера строительного раствора модули, а химический анализ не дает возможности судить о корректном соотношении вяжущего и заполнителя, их составе и характере специфических добавок или примесей. Гранулометрический (или механический) метод анализа, на наш взгляд, является хотя и интересным, но необязательным методом анализа для древних строительных растворов. Его во многом перекрывает петрографический анализ.

Чтобы был понятен ход дальнейших рассуждений, необходимо кратко остановиться на основных понятиях. Это тем более важно, что порой исследователи путают некоторые понятия, что вносит дополнительную неразбериху в результаты анализов.

Для скрепления каменной и кирпичной кладки применяют строительный раствор. Последний состоит из вяжущего и заполнителя и иногда специальных добавок. В средневековой Руси в качестве вяжущего использовалась известь. Ее получали обжигом известняка, мела и других карбонатных горных пород в специальных печах. При этом образуется негашеная известь, или известь-кипелка CaO. При обработке ее водой образуется гидроксид кальция, известный также как гашеная известь, или известь-пушонка $Ca(OH)_2$. При гашении извести избытком воды в специальных творильных ямах или ящиках образуется известковое тесто. Само по себе известковое тесто дает сильную усадку и способно растрескиваться. Поэтому к нему добавляют заполнители (обычно песок), одновременно значительно удешевляющие строительство. В зависимости от весового соотношения известкового теста и заполнителя различают очень жирные (1 : 0.1–1 : 1.5), жирные (1 : 2–1 : 4) и тощие (1 : 5–1 : 7) строительные растворы (Значко-Яворский, 1963. С. 88). В современной строительной практике растворы чаще делят на жирные, нормальные и тощие. Нормальные растворы, соответствующие жирным по вышеприведенной классификации (т.е. имеющие соотношение теста и заполнителя от 1 : 2 до 1 : 4, обычно 1 : 3), считаются оптимальными для кладки стен, жирные и тощие по современной классификации рассматриваются как нежелательные крайности. Современная классификация представляется лучше

Таблица 1. Химический анализ растворов

№	Памятник	SiO_2	Al_2O_3	Fe_2O_3	MgO	CaO	Na_2O	K_2O	SO_3	P_2O_5	ППП*
	Русские крепости XVI–XVII вв.										
1	Нижний Новгород	66.03	2.32	0.77	0.50	15.90	0.66	0.68	0.82	2.34	9.47
2	Нижний Новгород	56.44	2.10	0.87	0.58	25.04	0.37	0.63	0.11	0.12	13.60
3	Коломна	25.22	1.40	0.71	2.45	38.68	1.67	0.82	0.72	0.17	27.35
4	Коломна	40.16	1.71	0.66	1.90	34.59	0.22	0.42	0.21	0.14	19.60
5	Зарайск	27.24	1.56	0.89	4.08	38.37	сл.	0.20	0.11	0.05	27.42
6	Зарайск	65.13	2.48	0.57	0.52	17.47	0.34	0.64	1.06	0.10	11.24
7	Серпухов	15.71	0.75	0.74	3.73	43.14	0.09	0.19	0.03	0.11	34.68
8	Борисов городок	23.48	1.67	1.04	15.96	24.85	0.24	0.40	0.02	0.11	31.35
9	Смоленск	49.8	3.32	1.24	11.18	15.86	0.56	0.98	0.02	0.12	16.16
10	Смоленск	18.71	1.62	0.81	1.32	44.98	0.22	0.38	0.02	0.09	31.46
11	Смоленск	24.08	2.32	1.00	0.71	40.33	1.02	0.93	0.04	0.11	28.61
12	Смоленск	8.33	0.67	0.72	0.82	45.45	2.08	0.35	0.06	0.08	40.69
13	Вязьма	15.84	1.33	1.92	0.91	48.80	0.13	0.36	0.04	0.13	29.46
	Современный раствор реставраторов										
14	Смоленск	51.51	3.03	1.08	2.85	24.77	0.58	1.06	0.05	0.08	14.50
	Средневековые укрепления Англии и Уэльса										
15	Чепстоу (Chepstow)	61.34	3.05	2.27	0.75	18.01	0.45	0.86	0.05	0.15	12.65
16	Конуи (Conwy)	29.52	2.19	1.52	0.47	37.18	0.45	0.50	2.09	0.09	26.12
17	Кембер (Camber)	28.97	1.04	1.73	0.53	37.06	0.76	0.38	0.73	0.16	28.43

* Потери при прокаливании.

применявшейся ранее, так как понятие жирный раствор (соответствующий нормальному) приводило некоторых исследователей к неверному выводу, что эти растворы характеризуются избыточным количеством извести по отношению к заполнителю. Далее мы будем применять современное деление на жирные (от 1 : 0.1 до 1 : 2), нормальные (1 : 2–1 : 4) и тощие (от 1 : 4 до 1 : 7) растворы.

Для характеристики строительных растворов были введены гидравлический (основной) и известково-магнезиальный модули. Гидравлический модуль определяется как весовое отношение процентного содержание CaO к (SiO_2 + Fe_2O_3 + Al_2O_3). Высокий гидравлический модуль свидетельствует о воздушности извести (раствора), а низкий – о гидравличности. Гидравлическая известь в отличие от воздушной способна схватываться и во влажной среде, поэтому ее можно использовать не только в наземных сооружениях, но и в фундаментах. Известково-магнезиальный модуль рассчитывается как отношение по массе процентного содержания CaO к процентному содержанию MgO. Если этот модуль выше 12, говорят о маломагнезиальной, от 4 до 12 – о магнезиальной, от 4 до 1.6 – о доломитизированной, меньше 1.6 – о доломитовой извести. Чем ниже известково-магнезиальный модуль, тем выше содержание магния и соответственно выше прочность раствора, и наоборот.

Результаты анализов сведены в табл. 1 и 2. В табл. 3 представлены свойства растворов, которые вытекают из данных химического и петрографического анализов: известково-магнезиальный модуль, гидравлический (основной) модуль, частная глиноземистость, соотношение вяжущего и заполнителя и общий характер растворов.

Гидравлический (основной) модуль рассчитан для раствора, а не для исходной извести. Это обусловлено тем, что мы не знаем, какое содержание SiO_2 и полуторных окислов было в исходной извести, а какое поступило из заполнителя. Многие исследователи пытались определить гидравлический модуль исходной извести. При этом они исходили из постулата, что при растворении в разбавленной соляной кислоте в раствор переходит только известь (и продукты ее карбонизации), а в нерастворимой части остается весь заполнитель. Однако этот постулат неверен. Еще В.Н. Юнг отмечал, что «определить точно величину “основного” модуля исходной извести не представляется возможным, поскольку в растворимую часть исследуемого вещества переходит некоторая часть наполнителя» (Юнг, 1949. С. 242). Сам В.Н. Юнг

Таблица 2. Петрографический анализ растворов

№	Памятник	Датировка	Прочность	Вяжущее		Заполнитель			Прочее
				содержание, %	состав	содержание, %	тип зернистости основной массы	основной минеральный состав	
Русские крепости XVI–XVII вв.									
1	Нижний Новгород	1500–1517 гг.	Средняя	15	Известково-глинистое	85	Среднезернистый	Кварцевый песок с примесью полевого шпата, глауконита и обломков пород (алевролит, известняк)	Обломки кирпича (до 1%)
2	Нижний Новгород	1500–1517 гг.	Средне-высокая	14	Известковое	85	Среднезернистый	Кварцевый песок с примесью полевого шпата, глауконита и обломков пород (кремень, недожженный известняк, карбонат)	Единичные обломки кирпича, шлак
3	Коломна	1525–1531 гг.	Низкая	85	Известковое	15	Мелкозернистый	Кварцевый песок с включениями недожженного известняка	Единичная кирпичная мука
		1525–1531 гг.	Высокая	49	Известковое	50	Мелко-среднезернистый	Кварцевый песок с примесью полевого шпата и карбоната	Обломки кирпича (до 1%)
4	Коломна	1525–1531 гг.	Высокая	30	Известковое	70	Тонко-мелкозернистый	Кварцевый песок с примесью полевого шпата и известняка	Единичная кирпичная мука и обломки кирпича
5	Зарайск	1528–1531 гг.	Средняя	55	Известковое	45	Тонко-мелкозернистый	Кварцевый песок, карбонат (до 15%), примесь биотита, магнетита, мусковита, глауконита, алевролита	Единичная кирпичная мука
6	Зарайск	1528–1531 гг.	Высокая	29	Известковое с примесью гипса	70	Мелко-среднезернистый	Кварцевый песок с примесью полевого шпата, мусковита, известняка	Единичные раковины
7	Серпухов	Конец 1550-х годов	Средняя	80	Известковое	18	Среднезернистый	Кварцевый песок с примесью алевролита, гранита и мрамора	Обломки раковин
8	Борисов городок	1598 г.	Высокая	55	Известковое	45	Среднезернистый	Кварцевый песок с примесью полевого шпата, глауконита, алевролита, бобовин окислов железа и карбонатной породы	Единичная кирпичная мука и обломки кирпича, уголь
9	Смоленск	1596–1602 гг.	Средняя	12	Известковое	80	Мелко-среднезернистый	Кварцевый песок с примесью полевого шпата, биотита, лимонита и недожженного известняка	Единичные обломки кирпича и кирпичная мука, пластинки слюды, шлак, желтые рубашки лимонита

Таблица 2. Окончание

№	Памятник	Датировка	Прочность	Вяжущее		Заполнитель			Прочее
				содержание, %	состав	содержание, %	тип зернистости основной массы	основной минеральный состав	
10	Смоленск	1596–1602 гг.	Средняя	85	Известковое	15	Мелкозернистый	Кварцевый песок с примесью полевого шпата и обломков известняка	Шлак
11	Смоленск	1596–1602 гг.	Высокая	50 (участками от 30 до 70)	Известковое	50 (участками от 10 до 80)	Мелкозернистый	Кварцевый песок, карбонат (до 10%), примесь полевого шпата, глауконита, кварцита	Обломки кирпича (до 2%) и раковин, кирпичная мука
12	Смоленск	1596–1602 гг.	Высокая	75	Известковое	25	Мелко-, средне- и крупнозернистый	Кварцевый песок, карбонат (до 5% известняка), примесь полевого шпата, алевролита и кремня	–
13	Вязьма	1631–1634 гг.	Низкая	87	Известковое	10	Мелко-среднезернистый	Кварцевый песок, карбонат (5–7%), примесь слюды и бобовин окислов железа	Единичная кирпичная мука
Современный раствор реставраторов									
14	Смоленск	Современный	Высокая	30–90	Известковое	10–70	Мелко-среднезернистый	Кварцевый песок	Единичная кирпичная мука
Средневековые укрепления Англии и Уэльса									
15	Чепстоу (Chepstow)	1189–1219 гг.	Низкая	10	Известковое	85	Неравномернозернистый: от мелкозернистого до крупнозернистого	Кварцевый песок с примесью глауконита, алевролита, кремня, известняка и оолитов окислов железа	Единичные обломки кирпича и кирпичная мука
16	Конуи (Conwy)	1280-е годы	Низкая	65	Известковое	25 (участками от 10 до 50)	Мелко-среднезернистый	Кварцевый песок с примесью бобовин окислов железа, алевролита, песчаника и карбонатных пород	Единичный уголь, обломки раковин
17	Кембер (Camber)	1539 г.	Средняя	60	Известковое	40	Мелкозернистый	Кварцевый песок с примесью полевого шпата, глауконита, известняка и бобовин окислов железа	Единичные обломки кирпича

Таблица 3. Свойства растворов

№	Памятник	Датировка	Известково-магнезиальный модуль	Гидравлический (основной) модуль раствора	Частная глиноземистость, *A*	Соотношение известь-кипелки и заполнителя	Соотношение известь-пушонки и заполнителя	Соотношение известкового теста и заполнителя	Характер раствора
Русские крепости XVI–XVII вв.									
1	Нижний Новгород	1500–1517 гг.	31.8	0.23	4.88	1 : 10.1	1 : 7.7	1 : 3.8	Маломагнезиальный, нормальный
2	Нижний Новгород	1500–1517 гг.	43.2	0.42	7.93	1 : 10.8	1 : 8.2	1 : 4.1	Маломагнезиальный, тощий
3	Коломна	1525–1531 гг.	15.8	1.42	–21.91	1 : 0.3 1 : 1.8	1 : 0.2 1 : 1.4	1 : 0.1 1 : 0.7	Маломагнезиальный, жирный
4	Коломна	1525–1531 гг.	18.2	0.81	8.76	1 : 4.2	1 : 3.2	1 : 1.6	Маломагнезиальный, жирный
5	Зарайск	1528–1531 гг.	9.4	1.29	13.17	1 : 1.5	1 : 1.1	1 : 0.6	Маломагнезиальный, жирный
6	Зарайск	1528–1531 гг.	33.6	0.26	12.04	1 : 4.3	1 : 3.3	1 : 1.6	Маломагнезиальный, жирный
7	Серпухов	Конец 1550-х годов	11.6	2.51	3.88	1 : 0.4	1 : 0.3	1 : 0.2	Магнезиальный, жирный
8	Борисов городок	1598 г.	1.6	0.95	8.26	1 : 1.5	1 : 1.1	1 : 0.6	Доломитизированный, жирный
9	Смоленск	1596–1602 гг.	1.4	0.29	13.11	1 : 11.9	1 : 9.0	1 : 4.5	Доломитовый, тощий
10	Смоленск	1596–1602 гг.	34.1	2.13	8.30	1 : 0.3	1 : 0.2	1 : 0.1	Маломагнезиальный, жирный
11	Смоленск	1596–1602 гг.	56.8	1.47	–3.58	1 : 0.6	1 : 0.5	1 : 0.2	Маломагнезиальный, жирный
12	Смоленск	1596–1602 гг.	55.4	4.68	–30.70	1 : 0.6	1 : 0.5	1 : 0.2	Маломагнезиальный, жирный
13	Вязьма	1631–1634 гг.	53.6	2.56	7.12	1 : 0.2	1 : 0.16	1 : 0.1	Маломагнезиальный, жирный
Современный раствор реставраторов									
14	Смоленск	1596–1602 гг.	8.7	0.45	9.10	1 : 2.1	1 : 1.6	1 : 0.8	Магнезиальный, жирный
Средневековые укрепления Англии и Уэльса									
15	Чепстоу (Chepstow)	1189–1219 гг.	24.0	0.27	13.51	1 : 15.2	1 : 11.5	1 : 5.7	Маломагнезиальный, тощий
16	Конуи (Conwy)	1280-е годы	79.1	1.12	8.90	1 : 0.8	1 : 0.6	1 : 0.3	Маломагнезиальный, жирный
17	Кембер (Camber)	1539 г.	69.9	1.17	–6.10	1 : 0.8	1 : 0.6	1 : 0.3	Маломагнезиальный, жирный

определял гидравлический модуль в весьма широком диапазоне, принимая, что половина окислов кремния, алюминия и железа может относиться к извести, а половина – “к растворимой части наполнителя”. Однако И.Л. Значко-Яворский и последующие исследователи не учитывали это предупреждение и проводили расчет гидравлического модуля исходной извести, опираясь лишь на данные химического анализа для растворимой в соляной кислоте части. Но в соляной кислоте может раствориться часть заполнителя (эта часть будет особенно значительной при карбонатном заполнителе), а часть исходной извести может оказаться нерастворимой в кислоте. Поэтому расчеты гидравлического модуля оказываются в лучшем случае неточными, а в худшем – просто неверными. Мы предлагаем ввести понятие гидравлического модуля для раствора (именно его

значения представлены в табл. 3). Значения этого модуля для раствора нельзя сравнивать со значениями для исходной извести. Лишь накопление данных со временем позволит вывести определенные закономерности и сравнивать значения между собой. Чем ниже значение этого модуля, тем выше содержание кварцевого песка и полуторных окислов, соответственно раствор более тощий и гидравлический, и наоборот.

Для определения количества глинозема нами была рассчитана принятая в геологии так называемая частная глиноземистость *A*. Этот параметр определяется по формуле

$$A = Al_2O_3 - (K_2O + Na_2O + CaO').$$

Так как в изучаемых растворах содержание CO_2 (находится, наряду с кристаллизационной водой, в потерях при прокаливании – ППП) превышает 10 мас. % или сопоставимо с содержанием CaO, параметр CaO' можно не учитывать. Тогда получаем формулу

$$A = Al_2O_3 - (K_2O + Na_2O).$$

Расчет производится в молекулярных количествах, которые рассчитываются как (мас. %/молекулярный вес) × 1000.

Частная глиноземистость показывает уровень глиноземистых примесей (влияющих на гидравличность раствора) и калиево-натриевых солей. Чем выше этот параметр, тем выше содержание глинозема (Al_2O_3) и ниже содержание солей. Например, для глин этот параметр варьируется от +100 до более +200, для разных типов песчаников – от +1.0 до +29.0, а для кварцевого песка равен –3.0 (Соболев, Фельдман, 1984. С. 110, 111).

Соотношение вяжущего и заполнителя в табл. 3 представлено в трех вариантах: для извести-кипелки (оксид кальция), извести-пушонки (гидроксид кальция) и известкового теста – смесь гидроксида кальция с водой в соотношении 1 : 1 по весу (Значко-Яворский, 1963. С. 88). Такая вариативность представления материала облегчит сравнение результатов анализов, полученных в данной работе, с результатами анализов других исследователей. Дело в том, что до сих пор не выработан единый стандарт представления результатов анализов древних строительных растворов. В строительстве известь используют в виде известкового теста, которое смешивают в определенном соотношении с заполнителем. В связи с этим И.Л. Значко-Яворский призывал представлять результаты именно в таком виде (1963. С. 93). Однако многие исследователи и до него, и после представляли результаты своих анализов в виде соотношения заполнителя не с тестом, а с известью-кипелкой или известью-пушонкой. В связи с этим образовалась большая путаница. Нередки случаи, когда одни исследователи считают данный раствор жирным, а другие называют его тощим.

Более того, разнятся и методы определения соотношения вяжущего и заполнителя. Одни исследователи определяют его, исходя из данных химического анализа, другие – петрографического. На наш взгляд, предпочтительным является последний метод, так как химический анализ не позволяет точно отделить вяжущее от заполнителя. Петрографический анализ в этом отношении более надежен. Соотношение вяжущего и заполнителя в табл. 3 рассчитано для большинства образцов именно на основании данных петрографического анализа. Исключение составляют лишь несколько плохо перемешанных растворов (№ 11, 14, 16 и 17), где петрографический анализ, показывающий соотношение в каком-то одном срезе, может дать неверные результаты. В таких случаях более обоснованным представляется использование результатов химического анализа, которые, несмотря на возможность определенной погрешности, должны оказаться более точными, так как показывают валовое соотношение составляющих.

При использовании данных как петрографического, так и химического анализов необходимо вводить специальные поправочные коэффициенты (позволяющие пересчитать вяжущее на CaO, $Ca(OH)_2$ и тесто), так как петрографический анализ представляет известковое вяжущее в виде карбоната кальция ($CaCO_3$; известь для растворов старше 200–300 лет в значительной степени, иногда полностью, карбонизирована), а химический анализ – в виде CaO. Об этом многие исследователи забывали, что привело к ошибкам в определении степени жирности растворов и невозможности сравнивать разные исследования между собой.

Исследование показало, что все 13 строительных растворов русских крепостей XVI–XVII вв. являются известково-песчаными, т.е. резко отличаются от в целом известково-цемяночных растворов XI–XIII вв. Вяжущая масса в исследованных растворах известковая, редко известково-глинистая. Заполнителем в основном является кварцевый песок (SiO_2), часто с примесью обломков пород (известняка и др.). Иногда явно присутствует недожженный известняк. Количество карбонатов не превышает 10% всего заполнителя (для № 12, Смоленск) и как правило находится в пределах до 5%. Как известно, карбонатный заполнитель повышает прочность и удобообрабатываемость раствора, а также ускоряет его твердение (Значко-Яворский, 1963. С. 256). Поэтому, возможно, древние строители и не стремились специально очищать известь, экспериментально установив, что присутствие примеси недожженного известняка положительно сказывается на

качестве растворов. Более того, есть свидетельства специального введения карбонатных заполнителей в раствор. В некоторых пробах (например № 3 и 4 из Смоленска) петрографически установлено наличие вкраплений повторно использовавшейся извести (вероятно, к тому моменту карбонизированной, а значит, карбонатной добавки). Как известно, Смоленская крепость строилась "городовым мастером" Федором Конем. За несколько лет до этого Федор Конь принимал участие в строительстве Астраханского кремля. При возведении последнего ему прислали известь, которая была "обивана с кирпичю" при разборке построек бывшей Золотой Орды города Сарая. Известно, что "Федор Конь тое известь смотрив, сказал: толко тое известь мешати вполы с новою известью, и она в городовое дело пригодится" (Акты исторические…, 1841. С. 438; Косточкин, 1964. С. 38–40). Прием использования бывшей в употреблении извести (фактически карбонатной добавки) был хорошо известен русским зодчим.

Процентное соотношение вяжущего и заполнителя в исследованных растворах колеблется значительно: от 12% вяжущего на 80% заполнителя (№ 9, Смоленск) до 87% вяжущего на 10% заполнителя (№ 13, Вязьма). По современным строительным нормативам, большинство растворов (10 из 13) относятся к жирным, два к тощим и только один – к нормальным. При этом подавляющее большинство жирных растворов являются чрезвычайно жирными с соотношением компонентов от 1:0.1 до 1:0.7. Это отражает уже отмечавшуюся исследователями памятников XI–XIII вв. тенденцию применения древнерусскими строителями именно жирных растворов с высоким содержанием вяжущего (Медникова и др., 1978. С. 55). Недавние исследования показывают, что повышенное содержание извести является основным фактором долговечности и воздухоустойчивости древних строительных растворов. Современные цементы с 10–30% извести оказываются куда менее воздухоустойчивы (Значко-Яворский, 1963. С. 262).

Состав изученных растворов порой значительно колеблется даже в пределах одного памятника. Особенно наглядно это видно на примере Смоленска, где четыре образца растворов сильно разнятся по прочности, соотношению вяжущего и заполнителя, количеству карбонатной составляющей в заполнителе, степени магнезиальности и по качеству перемешанности раствора. Разнообразие состава раствора в пределах одного памятника говорит о крайней неустойчивости рецептуры изготовления растворов – черта, отмечавшаяся еще для смоленских памятников XII–XIII вв. (Медникова и др., 1978. С. 56).

Большинство растворов маломагнезиальны, хотя встречаются также магнезиальный (№ 7, Серпухов), доломитизированный (№ 8, Борисов городок) и даже доломитовый (№ 9, Смоленск) растворы. Почти во всех растворах отмечены обломки кирпича и кирпичная мука. Однако их количество очень незначительно (не превышает 2%, а обычно составляет лишь доли процента) и не сравнимо с количеством цемянки в памятниках зодчества XI–XIII вв. Колеблющееся, порой ничтожное количество кирпичной добавки и часто наблюдающаяся ее грубозернистость, по мнению И.Л. Значко-Яворского (1963. С. 65), свидетельствует об использовании таким образом периодически накапливавшегося на строительстве кирпичного боя.

Современный раствор реставраторов (№ 14, Смоленск) – магнезиальный, жирный, близкий по составу древнерусским растворам, но отличается крайне плохой перемешанностью.

Исследованные растворы средневековых укреплений Англии и Уэльса очень близки по составу растворам русских крепостей XVI–XVII вв. Они маломагнезиальны, два из них чрезвычайно жирные, один тощий. Все растворы известково-песчаные, с примесью карбонатов и очень низким содержанием цемянки (доли процента). Схожий состав растворов характерен и для других объектов средневекового военного зодчества, например для растворов крепостей Германии и Нидерландов (Значко-Яворский, 1963. С. 164–166) или крепостного ансамбля Фуны (XV в., Крым) (Кирилко, 2005. С. 250–261).

Сравнение строительных растворов оборонительных сооружений XVI–XVII вв. с культовыми памятниками того же времени позволяет выделить следующие общие черты: известковое вяжущее, песчаный заполнитель с карбонатной составляющей (обычно до 10%, редко больше), очень незначительное содержание цемянки. Вместе с тем соотношение вяжущего и заполнителя в культовых сооружениях обычно различается не столь сильно, как в памятниках военного зодчества. Не встречается в первых и столь жирных растворов. Возможно, это лишь случайность, но возможно, и нет. Вследствие недостаточности накопленного материала пока нельзя говорить определенно, различались ли по составу строительные растворы культового и оборонного зодчества. С одной стороны, можно предположить, что в силу традиции в каждом регионе строительная школа применяла один и тот же строительный раствор во всех памятниках. С другой стороны, каменные и кирпичные крепостные сооружения, обычно состоявшие из лицевых стенок и забутовки посередине, требовали высокой прочности раствора для кладки лицевых стенок и огромного количества раствора (к которому, возможно, предъявляли меньше требований) для заливки бута. Совершенно очевидно, что накоплен-

ного материала пока недостаточно, чтобы делать общие выводы о закономерностях эволюции строительных растворов в позднесредневековой Руси и их характеристиках в памятниках разного назначения.

Дальнейшее накопление материала по анализам строительных растворов позволит раскрыть эволюцию строительной техники, выявить архитектурные школы и характерный хронологический состав растворов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. I. СПб., 1841.

Белик Я.Г., Папкова Л.П. Некоторые исследования строительных материалов киевских Золотых ворот // Изв. АН СССР. Сер. геолог. 1953. № 5.

Генцы Ю., Левина Т.В. Строительные материалы, примененные в некоторых памятниках архитектуры древнего Новгорода // Науч. работы студентов Ленинградского инженерно-строительного ин-та. 3. Л.; М., 1958.

Значко-Яворский И.Л. Очерки истории вяжущих веществ от древнейших времен до середины XIX в. М.; Л., 1963.

Кирилко В.П. Крепостной ансамбль Фуны 1423–1475 гг. Киев, 2005.

Косточкин В.В. Государев мастер Федор Конь. М., 1964.

Лысин Б.С., Корнилович Ю.Е. Исследование древних киевских строительных растворов // Сб. науч. работ по химии и технологии силикатов. М., 1956.

Медникова Е.Ю. К вопросу о качестве извести в древнерусских строительных растворах // КСИА. 1982. Вып. 172.

Медникова Е.Ю., Раппопорт П.А. Строительные растворы древнего Новгорода // СА. 1991. № 4.

Медникова Е.Ю., Раппопорт П.А., Селиванова Н.Б. Изучение древнесмоленских строительных растворов // КСИА. 1978. Вып. 155.

Медникова Е.Ю., Раппопорт П.А., Селиванова Н.Б. Древнерусские строительные растворы // СА. 1983. № 2.

Селиванова Н.Б. Опыт петрографического изучения строительных растворов построек Новогрудского детинца // КСИА. 1982. Вып. 172.

Соболев Р.Н., Фельдман В.И. Методы петрохимических пересчетов горных пород и минералов. М., 1984.

Трофимов И.В., Кирьянов И.А. Материалы к исследованию Нижегородского кремля // МИА. 1953. № 31.

Швецов Б.С., Суровцов В.В. Древние строительные растворы // Тр. Ин-та строительных материалов. Вып. 32. М., 1930.

Юнг В.Н. О древнерусских строительных растворах // Сб. науч. работ по вяжущим материалам. М., 1949.

Юнг В.Н. Основы технологии вяжущих веществ. М., 1951.

Mortars of Russian fortresses of the 16th – 17th cc.

K. S. Nossov

Summary

Mortar from seven 16th – 17th cc. Russian fortresses (Nizhny Novgorod, Kolomna, Zaraisk, Serpukhov, Borisov Gorodok, Smolensk and Vyazma) was studied with the help of chemical and petrographic analysis. The following mortars were analyzed for comparison: contemporary mortar used by restorers in Smolensk and three mortars from Medieval fortifications in England and Wales: Chepstow, Conwy and Camber. For all the investigated mortars, lime-magnesian module, hydraulic (main) module, specific alumina and cohesive to filler ratio were calculated. The study showed that all the mortars from the 16th – 17th cc. Russian fortresses were sand-lime, which is in sharp contrast with the mainly crushed brick-lime mortars used in the 11th – 13th cc. Most of the mortars are low-magnesian and rich, with components ratio from 1:0.1 to 1:0.7.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2009, № 1, с. 162–165

ПУБЛИКАЦИИ

О ДАТАХ СМЕРТИ Е.Ф. ПОЖАРСКОЙ И В.П. ПОЖАРСКОГО: ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

© 2009 г. Л. А. Беляев

Институт археологии РАН, Москва

В 1994 г. были опубликованы семь надмогильных белокаменных таблиц, происходящих из Спасо-Евфимиева монастыря в Суздале (Курганова, 1994. С. 396–404). Одна из них (И.Д. Пожарского) найдена еще в XIX в. на месте разрушенной усыпальницы князей Хованских и Пожарских, шесть других – в ремонтных кладках западной стены монастыря при реставрационных работах 1988–1989 гг.: отца и матери князя Дмитрия Михайловича Пожарского, его сыновей Никиты (в других источниках не встречается), Федора и Ивана, его внука (?) Василия, а также Хованских: Никиты Андреевича (мужа Дарьи Пожарской), их сына Петра, брата Никиты Андреевича – Ивана Андреевича и его жены княгини Анны. Позже эти плитки-таблички неоднократно привлекались при рассказе о некрополях Суздаля и о роде Пожарских (Курганова, 2007. С. 69. Рис. 52; 2006; Завещание…, 2000. С. 15, прим. 25; и др.). Они выставлены в экспозиции музея в Спасо-Евфимиевом монастыре с этикетками соответствующего содержания.

На их чтение пришлось обратить внимание в связи с раскопками усыпальницы в ходе подготовительных работ по восстановлению памятника князю Дмитрию Пожарскому, предпринятых в 2008 г. (руководители Л.А. Беляев, И.В. Папин). Идентификация погребальных комплексов потребовала составления точного списка погребенных, и при чтении были обнаружены две ошибки в датах. Их повторения в дальнейшем следует избегать, так как они влияют на историю рода Пожарских и атрибуцию конкретных погребений.

В надписи матери Д.М. Пожарского (“Лета 7//148 апреля в 7 день преста//вися раба Божия княгиня Еу//фросиния Федоровна княз // Михаилова жена Федоро//вича Пожарскава во иноцех // скимница Евъникея” вполне ясно видна хорошо сохранившаяся дата под титлом (рис. 1). В чтении Н.М. Кургановой она почему-то дана без четвертого знака (“И”=8), в результате чего в пересчете получился 1632 год, в то время как должен быть 1640. Правильность такого чтения подтверждает запись Вкладной книги Троице-Сергиева монастыря: “148-го году июля в 18 день боярин князь Дмитрей Михайлович Пожарский дал вкладу по матери своей княгине Марье Федоровне, во иноцех Евдокее, денег 50 рублев. И за тот вклад княгиню Евдокею написал в вечное поминание и в кормовые книги” (Вкладная книга…, 1987. С. 101). Разница имен не должна смущать: мать кн. Пожарского была в крещении Евфросиния, Мария ее второе имя/прозвище в придворной жизни (так же как Дмитрий – второе имя ее сына, в крещении Козьмы); разница монашеских имен тоже объяснима – обрядом принятия схимницей нового имени, в результате чего образуется ряд “Евфросиния – Евдокия – Евникея”. Оговорю здесь менее значительную, но все же ошибку: вместо ясно написанного твердого знака в имени “Евъникея” Н.М. Курганова прочла букву “S”, зело (рис. 1), в результате чего возникла отсутствующая в святцах “Евзникея”, многократно повторенная с тех пор и в печати, и в сети Интернет.

Таким образом, жизнь Марии Пожарской, и так достаточно долгая, удлиняется еще на 8 лет: в год смерти ей было более 80; сколько известно, она вышла замуж за князя Михаила Федоровича Пожарского в 1571 г., что предполагает возраст никак не менее 13–15 лет. Она пережила не только мужа (умер в 1587 г.) на 53 года, но и по крайней мере одного из внуков, Федора Дмитриевича (умер в 1633 г.). Не останавливаясь здесь на иных известных версиях, укажу, что дата смерти1607 г., названная “Русским биографическим словарем” (1905. С. 220, 221), опровергается уже вкладом Марии и ее сына в 1615 г. Евангелия в Евфимиев монастырь. Кроме того, среди вкладов по душам усопших родственников кн. Д.М. Пожарского в Спасо-Евфимиев монастырь мать упомянута последней, вслед за первой женой Прасковьей (умерла в 1635 г.).

Вторая ошибка вкралась в чтение даты смерти В.П. Пожарского, вероятного правнука Марии/Евфросинии. Она составляет ровно 20 лет. При этом дата читается столь же отчетливо: “Лета 7//148 го апреля в 24 день//на паметь святаго мученика Савы//Стратилата преставися раб//Божий младенец князь Василей//Петрович Пажарскай” (рис. 2). Найти источник, подтверждающий дату смерти младенца, значительно труднее, и вряд ли это необходимо (о существовании у Петра Дмитриевича младенца сына Василия, впрочем, было известно до находки, например, “Рус-

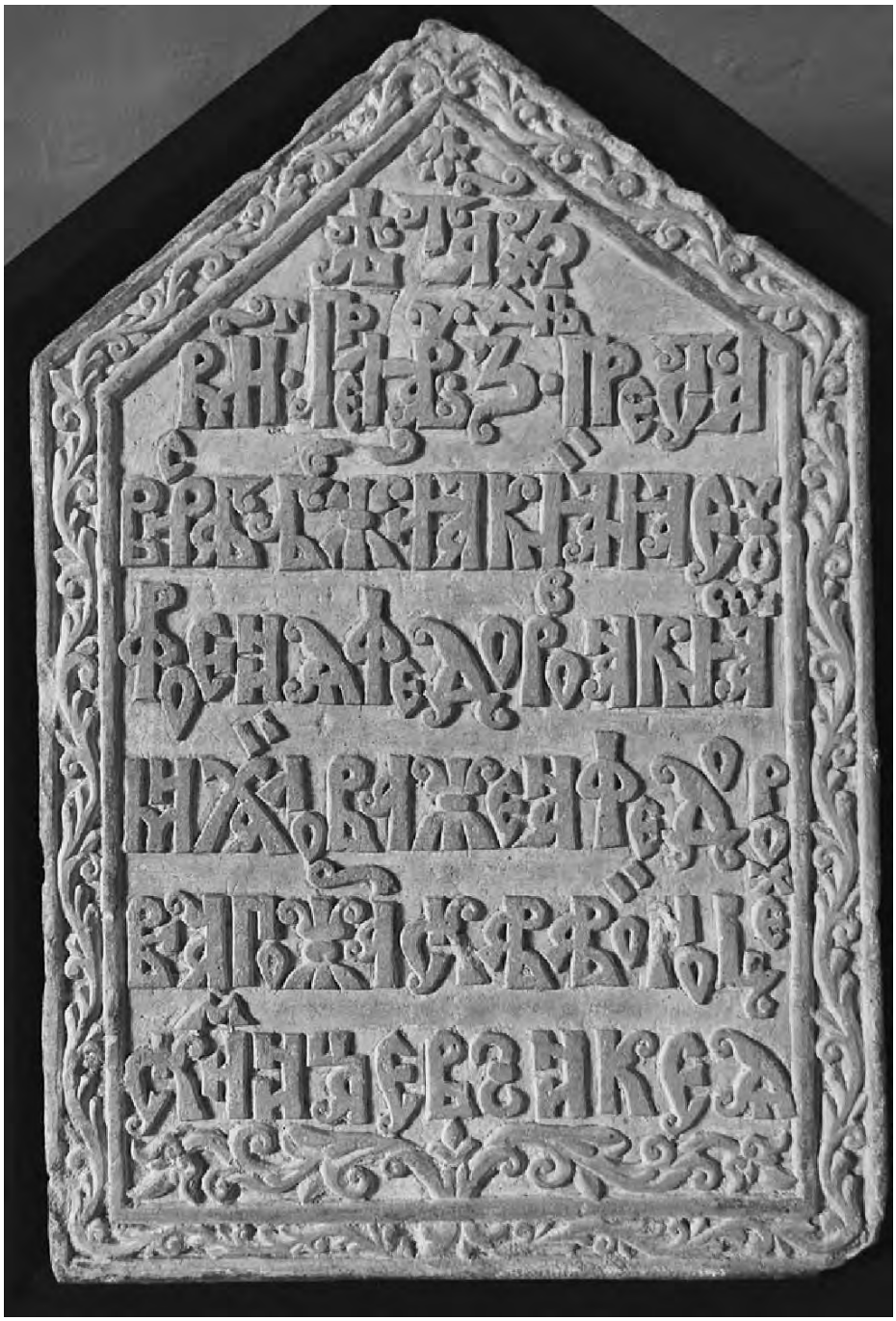

Рис. 1. Надгробная доска Е.Ф. Пожарской, 1640 г.

Рис. 2. Надгробная доска В.П. Пожарского, 1640 г.

скому биографическому словарю"). Ясно, что по необъяснимой причине автор первого чтения увидел на месте трехмачтового с центральным ромбом "М" (=40) букву "К" (=20), что неверно: даже в сложной вязи две тяги буквы "К" не соединяют с мачтой следующей по порядку буквы. Поэтому дату следует пересчитать: 1640 год, а не 1620. Это лучше отвечает и возможной родственной связи Василия Петровича: его вероятный отец, Петр Дмитриевич, упоминается в документах только с 1621 г. и умирает в 1647 г., а предполагаемому деду, Дмитрию Михайловичу, в 1640 г. было 62 года (что для дедушки все же естественней, чем 42).

Сближение дат смерти Е.Ф. и В.П. Пожарских делает понятным и казавшийся до сих пор странным разнобой в стиле оформления досок из усыпальницы. Все они пятигранные, с треугольным "фронтоном", и все нарезаны вязью с выпуклыми буквами на углубленном фоне, обронной работой (подробных описаний не даю, так как они приведены у Н.М. Кургановой). Однако у четырех ранних плиток (1587 (?), 1608, дважды 1633 гг.) рамка простая, даже без профиля, а буквы нарезаны угловатым рубленым шрифтом. Любые украшения отсутствуют.

Обе плиты 1640 г. совершенно иные: в рамках пропущена искусно вырезанная цветущая лоза; вверху и внизу текст обрамлен пышным растительным орнаментом. Вязь вычурная, с множеством украшений. Эти плиты декорированы даже пышнее, чем большая и более поздняя настенная плита Ивана Дмитриевича Пожарского (умер в 1668 г.). Теперь, когда плиты не разделены значительным временным промежутком, ясно, что они сделаны в одной мастерской (если не одним мастером) и, возможно, почти одновременно. Интересно, что дни смерти тоже оказались близкими (7 и 24 апреля), между ними всего три недели – можно предположить, что смерть правнука и его прабабушки каким-то образом связаны (например через заразную болезнь), хотя в довольно обширной семье Пожарских можно ожидать и простого совпадения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987.

Завещание князя Дмитрия Пожарского. Духовная грамота. Публикация Ю.М. Эскина // Отечественная история. 2000. № 1.

Курганова Н.М. Надгробные плиты из усыпальницы князей Пожарских и Хованских в Спасо-Евфимиевом монастыре Суздаля // ПКНО. 1993. М., 1994.

Курганова Н.М. Новые находки надгробных плит из усыпальницы князей Пожарских и Хованских в Спасо-Евфимиевом монастыре Суздаля // Матер. конф. "Дмитрий Михайлович Пожарский – русский национальный герой". Суздаль, 03.11.2006 г. (www/gorod-suzdal.ru)

Курганова Н.М. Страницы истории некрополя города Суздаля. М., 2007.

Русский биографический словарь. Т. "Плав – Прямо". М., 1905.

On the history of the Prince Dmitry Pozharsky Family: epigraphic notes

L. A. Beliaev

Summary

Not long ago, in 1980s, six inscribed tombstones of Prince Pozharsky's family were uncovered at the Spaso-Euphymiev monastery in Suzdal. All six inscriptions have been soon published. However, the dates on two of them have been written improperly. One of the tombstones, which belongs to Euphymia, the mother of Prince Dmitry Pozharsky, was dated back to 1632. (Prince Dmitry Pozharsky was a prominent commander of the early 17th c., who helped to bring the Time of Troubles to an end and obtained from the Tsar an unprecedented title of the Saviour of Motherland). The second one, which belongs to the grandson of the Prince, was dated to 1620. Actually, in both cases, the proper reading of these inscriptions confirms the date "1640", which contributes an essential missing piece to the history of the Pozharsky's family.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2009, № 1, с. 166–174

ИСТОРИЯ НАУКИ

Г.А. БОНЧ-ОСМОЛОВСКИЙ: ПУТЬ В АРХЕОЛОГИЮ

© 2009 г. Н. И. Платонова

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский родился 04.11.1890 г. под Минском, в имении Блонь. Потомок старинного дворянского рода, он был сыном профессиональных революционеров[1], но не последовал семейной традиции. В его юношеском дневнике о революции нет ни слова. Мальчиком Глеб увлекался психологией и мечтал о естественно-научном образовании[2].

В 1909 г. он знакомится с В.В. Богдановым – ученым секретарем Этнографического отдела Общества любителей естествознания, археологии и этнографии (ОЛЕАЭ). Встреча оказалась судьбоносной. Прекрасный музеевед и этнограф-собиратель, беззаветно влюбленный в свое дело, Богданов оказал на юношу большое влияние. Психология была забыта. Поступив в тот же год на естественное отделение физмата Санкт-Петербургского университета, Глеб сразу, еще до начала занятий, срывается в этнографическую поездку на Кавказ.

В этом, конечно, сказался пример В.В. Богданова. Когда-то и он предпринял свое первое "путешествие" в одиночку, на собственные средства (Личное дело Богданова В.В. Л. 10). Именно от него Глеб Анатольевич воспринял главные заповеди своей дальнейшей этнографической работы: не бояться ходить одному; в дома входить гостем, а не официальным лицом; по возможности "вживаться" в быт исследуемого народа.

На первых порах Богданов стал фактическим руководителем Глеба Анатольевича: помогал ему советами; в 1910 г. составил для него "Программу" этнографического обследования осетин (Арх. авт.). С 1912 г. положение меняется. Глеб Анатольевич начинает посещать лекции Ф.К. Волкова, читавшего на естественном отделении курсы палеоэтнологии, физической антропологии и сравнительной этнографии.

С этого момента его летние поездки обретают новый статус: они превращаются в экспедиции, организованные Этнографическим отделом Русского музея (далее: ЭОРМ). Курировал их сам Ф.К. Волков, по совместительству хранитель музея. По окончании такой командировки студент был обязан, под его руководством, провести "подробную регистрацию" собранных коллекций. На основе их потом писалось "зачетное сочинение" или делался доклад в Русском Антропологическом обществе при Санкт-Петербургском университете (РАОПУ) (Тихонов, 2003. Прил. № 30).

Работы Бонч-Осмоловского, уже успевшего к тому времени собрать на Кавказе обильный материал, быстро привлекли внимание. По приглашению Ф.К. Волкова, в 1912 г. он выступил в РАОПУ сразу с двумя докладами – сначала о семейном и родовом строе хевсур, затем об их обычаях и верованиях. Первое из этих выступлений, прекрасно построенное, заслужило одобрительную оценку присутствовавшего на нем М.М. Ковалевского. О ценности хевсурских коллекций Глеба Анатольевича свидетельствует и письменная благодарность, вынесенная ему Советом ЭОРМ. Полвека спустя специалисты особо отмечали добротность его научной документации[3]. Тем не менее близких, непринужденных отношений с учителем у него не сложилось. Почему?

Ф.К. Волков неизменно был "центром притяжения" для своих учеников. "Он умел быть не только ученым и преподавателем, – вспоминал позднее один из них, – он жил и нашими интересами… Его Кабинет на 16-й линии был для нас самым приятным местом обсуждения планов работ и различных начинаний" (Золотарев, 1918. С. 356, 357). С некоторыми коллегами, близкими Ф.К. Волкову (Л.Е. Чикаленко и Б.Г. Крыжановским), у Г.А. Бонч-Осмоловского завязалась искренняя дружба. Но он так и не стал полностью "своим" в их кругу.

20 лет спустя, в марте 1934 г., когда следователи клещами вытаскивали из него показания о "школе украинских националистов", якобы со-

[1] О революционной деятельности семьи Бонч-Осмоловских см.: Клейн, 1986.

[2] Статья написана в основном на базе материалов, находящихся в личном архиве автора. Цитаты из них приведены либо по подлинникам, либо по их рукописным и машинописным копиям, сделанным вдовой Г.А. Бонч-Осмоловского Н.В. Тагеевой. Копии используются в тех случаях, когда оригиналы, переданные Н.В. Тагеевой в архивы, находятся в составе необработанных фондов, недоступных для читателя. Подробнее о судьбе архива Бонч-Осмоловских см.: Платонова, 2005.

[3] Торчинская Э.Г. "Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский – этнограф-собиратель (о коллекциях, собранных Г.А. Бонч-Осмоловским в ГМЭ народов СССР)" // Докл. на Науч. чтениях к 100-летию Г.А. Бонч-Осмоловского 14.11.1990 (ЛОИА АН СССР).

зданной в университете его покойным учителем, измученный Глеб Анатольевич обмолвился: "На собраниях у Волкова я, *по ряду личных обстоятельств*, бывать не мог, но через Крыжановского всегда подробно был об них осведомлен…" (курсив мой. – *Н.П.*) (Дело… Л. 707).

Что это за "личные обстоятельства", теперь можно только гадать. Возможно, причины отчуждения коренились в характере Глеба Анатольевича. Отринув народнические убеждения родителей, он нацепил на себя маску бывалого, холодного скептика. Между тем в университете кипели политические страсти (Анциферов, 1992. С. 185–189). Ф.К. Волкова вечно окружала радикально настроенная молодежь. Г.А., "утративший веру отцов", порою выглядел тут белой вороной. «Он чужой! – сокрушался Л.Е. Чикаленко. – Теперь "отцы и дети" наоборот. Дети пламенных отцов – усталые, маловерные. Выросшие в революционной среде, они с детства к ней привыкли, она лишена в их глазах возвышающей романтики!..»[4]

Но возможно и другое. К моменту своего появления у Волкова Бонч-Осмоловский уже был связан узами ученичества с В.В. Богдановым – этнографом школы Д.Н. Анучина и ближайшим сотрудником последнего. Отношения Волкова и Анучина были непростыми, а в 1910-х годах особенно.

Они были сверстниками, оба получили естественно-научное образование и стажировались во Франции у П. Брока. Оба считали антропологию синтетической наукой, объединяющей разные подходы к изучению Человека. Оба обладали поистине энциклопедическими знаниями и были не просто блестящими лекторами – Учителями. Оба оставили по целой плеяде разносторонне подготовленных учеников.

На этом сходство кончается, и начинаются различия, тоже знаменательные. Научные заслуги Д.Н. Анучина были высоко оценены уже при его жизни. И высшие, и средние чиновники перед ним тушевались. Даже закрытие кафедры антропологии в Московском университете не смогло помешать Анучину читать студентам те курсы лекций, какие он считал нужным.

Положение Ф.К. Волкова было иным. За революционные увлечения он 28 лет провел в изгнании и вернулся на родину почти 60-летним. Научные степени иностранных университетов в России не признавались. *Docteur es sciences* Сорбонны оказался в Петербургском университете в положении нищего приват-доцента, читавшего необязательный курс. Бесконечные экспедиции для пополнения фондов ЭОРМ были ему тяжелы – подводило здоровье. А чем прокормить семью? Он стойко нес свое бремя, но временами взрывался, наговаривал лишнего. В бытность свою в Париже он сотрудничал с Д.Н. Анучиным. В России они так и не смогли поладить. Но в истории археологической науки их имена неизменно стоят рядом (Платонова, 2003).

Г.А. Бонч-Осмоловский учился в университете не в лучшую пору взаимоотношений двух научных светил (Тихонов, 2003. Прил. № 27). Вполне возможно, он оказался "меж двух огней", отдалившись в результате и от Волкова, и от Богданова. Позднее, уже став археологом-первобытником, Г.А. Бонч-Осмоловский называл своим учителем одного Федора Кондратьевича. И это так, если иметь в виду антропологию и археологию. Именно Волкову он был обязан фундаментальностью научной подготовки и умением четко структурировать материал, проявившимся уже в его студенческих докладах.

Зато интерес Глеба Анатольевича к полевой этнографии на старших курсах заметно ослабевает. Юношеский романтизм, толкавший его на "неведомые тропы", уже отступал в сторону, а научная зрелость все не приходила. Характерная деталь: ни одно из четырех сообщений, сделанных им в научных обществах Санкт-Петербурга в 1912–1913 гг., так и не превратилось в полноценную публикацию. В 1915 г., даже не сдав последних экзаменов, не защитив диплома, Г.А. Бонч-Осмоловский уходит добровольцем на фронт.

Окопная жизнь наградила его туберкулезом. Летом 1917 г., совершенно больной, он едва успевает уехать из Петрограда. Известия об октябрьском перевороте, о заключении позорного мира в Бресте застали его уже на юге России. В марте 1918 г. он записывает в дневнике:

"…Вот кончается эта грандиозная по своей трагичности эпоха истории… Боже мой! Но как могло случиться, что огромнейшее государство, живой организм вдруг разлезся по всем швам, оставив только кучу трухи большевизма?.." (Арх. авт.).

Однако полгода спустя испытания Гражданской войны обернулись для Г.А. Бонч-Осмоловского полной переоценкой ценностей. Белое движение он наблюдал "с изнанки" – со всеми его противоречиями и отсутствием организующей идеи. И в конце концов пришел к парадоксальному выводу: большевики – вот та сила, которая возродит былое величие России! Уверовав в это, Глеб Анатольевич стал ждать их прихода, а пока суд да дело, наладил связи с красным подпольем.

Наивно? – Возможно. Но важно понять: обретенная вера в то, что "действительное – разумно", спасла ему жизнь, дала силы бороться с тяжелой болезнью. Без этого Г.А. Бонч-Осмоловский никогда не реализовался бы как ученый. В Крыму

[4] Цит. по копии рукописи Н.П. Анциферова "Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский", сделанной Н.В. Тагеевой (Арх. авт.).

1919 г. он окончательно становится самим собой – таким, каким его запомнили близкие и коллеги.

“Мне не приходилось видеть человека более изможденного и более веселого одновременно… – вспоминала на склоне лет его первая жена О.Г. Морозова. – …Он ходил по городу со своей огромной улыбкой и раздражающе самоуверенной речью… Мы спорили с ним, рисовали на него карикатуры и смеялись… Когда ему надоедало смеяться, его сухие крупные губы становились строгими, лицо твердело, выражало волю, ум, страсть, больше того – одержимость… Был он великий жизнелюб. Многие соблазны рвали его на части… Страсть к археологии пришла к нему в зрелые годы…” (Морозова, 1976. С. 136, 137).

Немного оправившись в Крыму от болезни, Г.А. Бонч-Осмоловский возвращается к полевым этнографическим работам: проводит маршрут по Феодосийскому уезду, обследуя быт татар. Но дневниковые записи того периода не оставляют сомнений: этот путь для него уже пройден, а дальнейшие – неясны:

“11.09.19. …Много работаю по этнографии и с увлечением, и с какой-то безнадежностью… 12.09.19. …Набрал много этнографического материала, сделал массу наблюдений. Материал новый, но не с точки зрения этнологии: он только подтверждает уже более-менее установленное наукой… 19.09.19. Вчера был мой доклад о татарах… Первый после долгого перерыва войны и революции. В общем, прошел удачно: огромное количество материала поразило всех присутствующих. Я убедился, что, как собиратель этнографических сведений, стою вне сравнений. Научно доклад был обработан слабо, и это меня не удовлетворяет…” (Арх. авт.)

В это время в заметках Глеба Анатольевича часто проскальзывают мысли о значении этнологии как синтетической науки, о том, что она призвана изучать *законы, по которым развивалась доисторическая культура человечества*. Идея явно “носилась в воздухе”, шаг за шагом утверждаясь как аксиома, как фундамент дальнейших построений. Почва для нее была подготовлена трудами Д.Н. Анучина, Ф.К. Волкова, Э.Ю. Петри и др. Г.А. Бонч-Осмоловский, сам учившийся у Волкова, тем не менее воспринял указанную идею только сейчас, на исходе Гражданской войны. Чтобы говорить о “законах”, следовало осознать эволюцию первобытной культуры как *естественно-исторический процесс*. В годы студенчества он был далек от подобного подхода. Но к 1919 г. от его былой религиозности не осталось и следа. Зато… опустевшее место Бога заняла этнология.

“Большие мысли, большие надежды, огромные стремления! – записывает он в конце сентября. – И такая же ничем не преодолимая вера в эту науку! И так захотелось преодолеть свою лень, найти в жизни ту точку, вокруг которой удержаться в личной жизни, и все направить на свою основную цель!..” (Арх. авт.).

С приходом большевиков Г.А. Бонч-Осмоловский начинает работать зав. отделом по делам музеев и охране памятников Крыма (“Крымохрис”). Новая власть сполна оценила его “революционное” происхождение и искреннюю готовность сотрудничать. В 1921–1922 гг. перед ним открывалась головокружительная карьера советского общественного деятеля (Платонова, 1995). Но она не соблазняла Глеба Анатольевича. Он стремился к занятиям серьезной наукой и досадовал на нехватку в Крыму нужных материалов и литературы по этнологии.

С началом НЭПа в 1922 г. понемногу оживают центральные археологические учреждения. В Петрограде ключевые посты занимают теперь ученики Ф.К. Волкова. Этнологическим отделением РАИМК заведует А.А. Миллер, ЭОРМ – С.И. Руденко. Он же фактически “стоит у руля” целого ряда комиссий РАН (Платонова, 1997; 2004). Успешно работают и другие недавние коллеги Г.А. Бонч-Осмоловского по естественному отделению: П.П. Ефименко, Б.Г. Крыжановский, Д.А. Золотарев. Многие из них уже получили профессорское звание. Но на первых порах Глеб Анатольевич стремится из Крыма не в Петроград, а в Москву.

Там, в Москве, оставался его первый учитель – В.В. Богданов. Жив был и Д.Н. Анучин, еще в 1918 г. восстановивший на физмате МГУ кафедру антропологии. Наконец, в Москве работал Б.А. Куфтин, в ту пору один из немногих признанных специалистов по этнографии Крыма. В его лице Бонч-Осмоловский надеялся обрести нового руководителя. В марте 1922 г. он выступает в ОЛЕАЭ с докладом по этнографии крымских татар (Арх. авт.). Но все оказалось тщетным, найти в Москве работу не удалось. Личное же знакомство Глеба Анатольевича с Б.А. Куфтиным вскоре закончилось разрывом (Личное дело Бонч-Осмоловского Г.А. Л. 11об., 12об.).

Причина скорее всего в одном: Глебу Анатольевичу не хватило такта. Его “раздражающе самоуверенная” манера держаться разительно не соответствовала статусу недоучившегося студента. Но ведь этому ветерану войны и подполья было уже за 30! Он давно перерос ученический возраст и ничуть не заблуждался насчет своих собственных возможностей в науке. “Преодоление лени” – вот что было для него главной проблемой… Но неудача в Москве не обескуражила Г.А. Осенью он перебирается в Петроград и возвращается в университет, чтобы в 1923 г. окончить физмат по географическому отделению.

Впрочем, духовная тяга к Москве, к “школе Анучина” сохранялась у него всю жизнь. Начало

ей, видимо, положило общение с В.В. Богдановым. В дальнейшем Глеб Анатольевич легко находил общий язык с В.В. Бунаком, Б.С. Жуковым, М.В. Воеводским. Большая часть его докладов и сообщений по палеолиту 1924–1933 гг. сделана не в Ленинграде, а в Антропологическом институте при Первом МГУ. В 1937 г. именно этот институт протянет руку помощи вчерашнему зэку, официально не имевшему права проживания в больших городах. С ним заключат издательский договор на серию книг "Палеолит Крыма" (Платонова, 1995. С. 139–141). А осенью 1943 г. Глебу Анатольевичу, уже восстановленному в правах, придет долгожданное письмо от В.В. Бунака с приглашением работать у них постоянно (Арх. авт.). Этим планам помешает лишь скоропостижная смерть ученого… Но не будем забегать вперед.

В октябре 1922 г. Бонч-Осмоловский получает в ЭОРМ должность научного сотрудника. Он нужен музею как специалист по крымским татарам. Однако былые коллеги настроены к нему скептически. Уход его на фронт накануне экзаменов расценивается как легкомыслие. "Левые взгляды" и работа в Крыму – как непростительное "заигрывание с большевиками". Вдобавок известно: встав во главе Крымохриса, Глеб Анатольевич бестрепетно реквизировал в пользу Советов частные коллекции. Ему на роду было написано оставаться "чужим среди своих".

В университете Г.А. Бонч-Осмоловский стажируется в семинаре П.П. Ефименко по изучению кремневых индустрий. Налицо явная переориентация его интересов с "чистой этнографии" на археологию камня. Подтолкнули его к тому результаты разведок А.С. Моисеева, директора Ялтинского музея, который в 1920–1922 гг. систематически в одиночку обследовал Крымскую Яйлу. Собранные неолитические материалы показывали: люди густо заселяли эти места. Зримо подтверждались слова А.А. Спицына: первобытного человека нет там, где его не ищут. Мысли Глеба Анатольевича все более и более занимал древнейший период истории человечества. Пресловутой "точкой", вокруг которой вращается жизнь, становился палеолит Крыма.

Палеолитические памятники были открыты в Крыму К.С. Мережковским в 1879–1980 гг. Затем коллекции частью оказались утрачены, частью депаспортизованы. Р. Шмидт, шурфовавший крымские пещеры накануне Первой Мировой войны, палеолита не обнаружил и сделал выводы: в древности Крым был островом; находки Мережковского недостоверны. Указанное мнение господствовало на Западе, когда проблемой заинтересовался недоучившийся этнограф, заброшенный революцией на юг России (Бонч-Осмоловский, 1926. С. 75, 76).

П.П. Ефименко в отличие от Глеба Анатольевича увлекся палеолитом в юности. "Мне удалось, – заявлял он позднее, – благодаря тому, что моим учителем был Волков, сразу же, со студенческой скамьи, ясно осознать: для того, чтобы продвигать вопросы нашего палеолита, необходимо полностью освоить опыт западноевропейского… Мне пришлось делиться своим опытом… с большинством тех товарищей, которые сейчас работают… Одним из первых был Бонч-Осмоловский…" (Стенографический отчет…, 1937. Л. 107об., 108).

В активе П.П. Ефименко к 1923 г. уже было несколько удачных работ по материалам Мезина и Костенок. А вот его великовозрастному стажеру приходилось начинать все с нуля. Но Бонч-Осмоловский верил в свою звезду. Фундаментальное образование, полученное до революции, дало ему базовые знания в области этнографии, физической антропологии, первобытной археологии, геологии, географии. Азы типологии каменных индустрий, для того времени, на высоком уровне преподал ему П.П. Ефименко. Остальное должна была довершить его собственная научная одаренность.

Едва получив запоздалый диплом, Г.А. отправляется в Крым. Приходилось спешить – ему стукнуло уже 32 года. ЭОРМ не финансировал его работ по доисторической археологии. Главной задачей экспедиции считалось обследование татар. Но вместе с крымскими коллегами С.И. Забниным и Н.Л. Эрнстом Бонч-Осмоловский производит небольшие раскопки в пещере Кош-Коба. Ничего сенсационного они не находят, однако в слое как будто обнаруживаются признаки присутствия палеолитического человека.

В июне 1924 г. Г.А. выступает в РАИМК с докладом о Кош-Кобе и разведках в ее окрестностях. Резолюция по докладу, подписанная П.П. Ефименко, гласила: "…Совет 1 отделения РАИМК полагает, что исследование крымских палеолитических стоянок, предпринятое Г.А. Бонч-Осмоловским, является одной из насущнейших задач русской палеоэтнологии, и всемерно поддерживает пожелание докладчика, чтобы в текущем полевом сезоне были продолжены изыскания." (Платонова, 2002. С. 121, 122).

Но слова о "всемерной поддержке" оставались только словами. Летом 1924 г. Г.А. хотел провести разведку пещер второй гряды Крымских гор. "Никто не оспаривал величия начатого дела, кроме археологов и этнографов, – вспоминал С.Н. Бибиков. – Никто не ставил палок-рогаток на пути к познанию прошлого человечества вообще. Но никто не давал денег"[5]. И здесь Бонч-Осмоловскому очень пригодился недавний опыт

[5] Письмо С.Н. Бибикова к О.Г. Морозовой от 24.02.1971 (Арх. авт.).

административной работы в Крыму, а главное – приобретенные тогда связи и умение открывать перед собой двери кабинетов. В результате средства на археологические изыскания 1924 г. (более чем скромные!) все же были получены.

Стоит упомянуть колоритный эпизод, едва не оборвавший карьеру ученого в самом начале. В феврале 1924 г. на финской границе был арестован А.Э. Серебряков – в прошлом археолог, сотрудник Эрмитажа; потом белый офицер, эмигрант, вероятно, профессиональный разведчик. Той зимой он нелегально явился в Ленинград и несколько раз ночевал у Бонч-Осмоловского. При всей "левизне" своих взглядов, Глеб не мог выдать на расстрел друга своей юности (Платонова, 2002. С. 124, 125).

"Мои друзья, которых я видел… – показывал Серебряков на допросе, – весьма сочувственно относятся к советскому строю… Бонч-Осмоловский… полон энтузиазма ко всему совершающемуся… Даже хотел бы поступить в партию, но удерживает недостаток веры (sic! – *Н.П.*). Целиком ушел в свою научную работу…" (Платонова, 2002).

3 июля 1924 г. "друзьям" Серебрякова были направлены повестки с указанием явиться в ГПУ. Засим последовала подписка о невыезде. Впрочем, по повесткам явились не все. В ЭОРМ на запрос ГПУ о Г.А. Бонч-Осмоловском с полным правом ответили: отбыл в экспедицию. Где сейчас? – Неизвестно. Отсутствующего официально объявили "в розыск".

Задержись он в Ленинграде еще на неделю, Крымская экспедиция не состоялась бы. Но он уехал вовремя. В июле 1924 г. была проведена разведка около 20 пещер от Карасубазара до Инкермана. В конце августа начались раскопки могильника эпохи бронзы силами нескольких симферопольских мальчишек, которых начальник сумел заразить своим энтузиазмом. «Мы проявляли себя, как могли… – вспоминал С.Н. Бибиков о тех "героических" временах. – Благо в районе было много садов и не всегда внимательных к своему растительному добру хозяев.» (Арх. авт.).

11 сентября, когда раскопки уже подходили к концу, 17-летний Е.В. Жиров[6], пробираясь по крутому склону, сбился с тропы и наткнулся на неизвестный грот. Глеб Анатольевич описал его так: "…Навес, широко раскрытый на юг. В задней стене – низкий ход в глубину скалы. Жара в пещере отчаянная. Солнце в ней отражается, как в вогнутом зеркале. Я так и ахнул: вот подходящая квартира для пещерного человека! Тут было тепло и в ледниковые времена!.." (Бонч-Осмоловский, 1925. С. 58). Это и был знаменитый грот Киик-Коба ("Дикая пещера") в массиве известняков правого берега р. Зуи у с. Кипчак.

Шурфовка показала наличие в гроте культурных остатков. Палеолит! Раскопки были начаты сразу. Разборка велась послойно. После снятия верхнего гумуса Бонч-Осмоловский разбил раскоп на квадраты. Слои с культурными остатками и органикой разбирались тонкими скульптурными шпателями и шильями. Грунт дополнительно просеивался на грохоте. Эта методика складывалась на ходу – собственный опыт раскопок у автора был минимальный. Но определенная теоретическая подготовка у него имелась.

Безусловно, Глеб Анатольевич был знаком с отчетами К.С. Мережковского, писавшего о послойном стратиграфическом изучении пещер, а возможно, и с "Программой" раскопок костеносных пещер, изданной ОЛЕАЭ (Щуровский, 1878). В качестве "научных методов раскапывания" там упоминались съемка плана пещеры; проведение центральной линии; послойное вскрытие небольшими участками, с проведением параллельных разрезов.

Не стоит недооценивать и тот уровень информации, который давал своим студентам Ф.К. Волков. Сам он (как и Д.Н. Анучин) не был археологом-полевиком, но его рекомендации являлись обобщением самого передового мирового опыта. "Научно-производимая раскопка, – писал он, – должна иметь задачей не только извлечение из земли древних предметов, но и возможно полное восстановление всей той культуры, остатками которой они являются…" (Волков, 1900. С. 240). Его практическими рекомендациями были обязательное вычерчивание вертикальных и горизонтальных разрезов "культурного пласта"; горизонтальная расчистка объектов; "очень тщательная статистика" массового материала; необходимость брать при раскопках "все без исключения" – черепки, уголь, куски дерева, комья глины с отпечатками и т.д. (Волков, 1900. С. 242, 243).

Сейчас все это кажется "забеганием вперед". Сами ученики Ф.К. Волкова (П.П. Ефименко, Л.Е. Чикаленко и др.) в ходе раскопок Мезинской стоянки порой пренебрегали его указаниями. Сказывалась инерция мышления, ориентировка на общепринятое. У Г.А. Бонч-Осмоловского такая инерция отсутствовала. Он безошибочно выбирал все, наиболее перспективное в методическом плане, на ходу дополняя и совершенствуя приемы исследования.

Дополнительным источником опыта стало для него общение с Б.С. Жуковым, использовавшим в поле такие приемы, как поквадратная разбивка раскопа; послойная разборка напластований; нивелировка поверхности и находок; последовательное вскрытие небольших площадей, с подробной фиксацией разрезов; изготовление по-

[6] Жиров Евгений Владимирович – ученик Г.А. Бонч-Осмоловского, антрополог, сотрудник МАЭ. Погиб в блокаду.

квадратных карточек; взятие массового материала целиком[7].

Все это последовательно вводилось Глебом Анатольевичем в практику работ Крымской экспедиции. Нивелировка от условной горизонтали была начата им с 1925 г. Карточную систему фиксации он ввел в 1926 г. В ходе раскопок с самого начала учитывались все находки кремня, кости, древесного угля: "В палеолите нет бросового материала!" (Бонч-Осмоловский, 1940. С. 12).

Последовательное вскрытие небольших участков и подчеркнутое внимание к вертикальной стратиграфии являлись общей практикой палеоэтнологической школы. Бонч-Осмоловский не отказался от этого приема и позднее, в 1930-х годах, в пору всеобщего увлечения раскопками широкой площадью. При этом он вводил корректив: "каждый неделимый объект в виде скопления костей, ямки, погребения… должен вскрываться целиком, хотя бы он и заходил на соседние участки" (Бонч-Осмоловский, 1940. С. 9).

В ходе раскопок 1924 г. в Киик-Кобе были выявлены два палеолитических слоя ("верхний и нижний очаг"). Их разделял так называемый межочажный слой, но местами верхний очаг непосредственно перекрывал нижний. Именно на таком участке был обнаружен скорченный костяк примерно годовалого ребенка. Хотя и с большим трудом Глеб Анатольевич сумел вынуть его и закрепить. Уже при зачистке скального дна раскопа 19 сентября в нем обнаружилось продолговатое углубление:

«Гляжу – глазам не верю! – описывал он этот момент – Искусственное углубление в скале… да это могила!

Рассуждать долго не стали. Все столпились вокруг меня. Я стал осторожно расчищать яму… Могила пуста!..

Я продолжаю расчищать. Подхожу к концу могилы. Надежды нет.

И вдруг под шилом показалась одна кость, потом другая. Женя воскликнул: "Человек!" Ребята застыли, затаив дыхание.

Я сел, закурил и сказал: "Ну, ребята, дело серьезное. Придется остаться еще дня на два. Очистить и вынуть кости – мудрено…"

В могиле оказались кости человеческих ног…» (Бонч-Осмоловский, 1925. С. 61).

Так, в первый же год исследований Киик-Кобы в ходе мало подготовленных разведочных раскопок в руки начинающего исследователя попал материал, определивший весь его дальнейший путь – остатки погребения неандертальца. Стоит отметить: в ту пору мировая наука располагала данными всего о пяти достоверных находках *Homo neanderthalensis*. Равным образом не было известно случаев их *преднамеренного* захоронения.

Сказать, что вслед за этим открытием к Г.А. Бонч-Осмоловскому пришло признание, значит сильно погрешить против истины. Уникальность находки вкупе с неопытностью раскопщика рождали вокруг недоверие и зависть. "В связи с моими раскопками и открытием погребения в Крыму, – рассказывал Глеб Анатольевич в 1930 г., – стали возникать слухи, что в действительности никакого погребения нет, что, может быть, там просто свинья. Погребение стояло под гипсовым футляром в подвале [ЭОРМ. – *Н.П.*], вскрывать его было опасно. Тем не менее ввиду возникших слухов, пришлось его вскрыть, причем подтвердилось, что оно подлинное…" (Личное дело Бонч-Осмоловского Г.А. Л. 19).

Было и другое обстоятельство, омрачавшее его жизнь на рубеже 1924–1925 годов, – непрестанное ожидание высылки по "делу Серебрякова". Неслучайно в письме к В.В. Бунаку от 30.03.1925 имеется оговорка:

"…Я начинаю уже писать статью с предварительными данными. *Есть обстоятельства, заставляющие меня торопиться с этой работой. Если я не успею кончить, Вам сообщат об этом* [курсив мой. – *Н.П.*] – [тогда] прошу поместить в Антрополог. Журнале выдержки из моего письма…" (Арх. авт.).

Эта история получила неожиданный счастливый конец. По ходатайству влиятельных лиц А.Э. Серебрякову заменили расстрел десятью годами лагерей. Лиц, повинных в недоносительстве, помиловали (Платонова, 2002. С. 127, 128). Беда миновала. Но не менее полугода Г.А. Бонч-Осмоловский жил в непрерывном ожидании ареста. За эти полгода он успел провести первичную обработку коллекции и составить о ней все основные представления, которые легли в основу его дальнейших публикаций Киик-Кобы. Свидетельство тому – уже цитированное письмо:

"Многоуважаемый Виктор Валерьянович,

Мне было крайне досадно, что в прошлый свой приезд в Москву я не застал там Вас. Я хотел посоветоваться с Вами по целому ряду вопросов, касающихся обработки сделанных мною находок.

[7] Именно так велись раскопки Антропологической комплексной экспедицией Б.С. Жукова во второй половине 1920-х годов. Убедиться в этом можно, просмотрев его краткие отчеты в Научном архиве Государственного музея антропологии при МГУ (опись X). Там же сохранились образцы поквадратных карточек, по которым велась фиксация материала в поле. К сожалению, весь личный архив этого безвременно погибшего ученого, по-видимому, утерян.

Измерение костей человека, которое я производил, руководствуясь Волковым и внося туда дополнения по Булю, почти закончено…[8]

…Кремень мною разобран и изучен, но только сейчас удалось приступить к литературной его обработке. К сожалению… многих книг я не могу достать, а в имеющихся описание орудий носит поверхностный характер… Несомненно, закончить исследование можно будет только, побывав за границей…

Весь материал поступил в Русский музей. Остатки животных обрабатываются директором Зоологического музея Академии наук А.А. Бялыницким-Бирулей, древесный уголь – проф. Палибиным; кремень и кости человека обрабатываю я; первый – под руководством П.П. Ефименко, вторые – вместе с М.П. Грязновым, под общим руководством С.И. Руденко…

Копию прилагаемой описи и кратких сведений я пересылаю проф. Хрдличке по указанному Вами адресу…" (Арх. авт.).

Как видно, в ЭОРМ поначалу не были уверены в том, что "вчерашнему студенту" можно доверить систематизацию столь важного материала. Но из упомянутых "кратких сведений", опубликованных потом в РАЖ, видно, что автор раскопок отстоял право на самостоятельность суждений (Бонч-Осмоловский, 1926). Вопрос о необходимости "руководства" более не вставал.

Ответ из Москвы, составленный по всем правилам академической учтивости, не заставил себя ждать:

"Многоуважаемый Коллега, Глеб Анатольевич!

Организационный Комитет по созыву Второго Съезда зоологов, анатомов и гистологов… обратился ко мне с предложением привлечь к работам Съезда русских антропологов…

Полагая, что Вы разделяете убеждение в огромной важности… успешного проведения этого первого за последние 14 лет объединения русских антропологов, обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой принять участие в работах антропологической подсекции…

Свидетельствую глубокое уважение

В. Бунак" (Арх. авт.).

Это приглашение на Съезд стало по сути первым признанием высокого научного уровня "новичка". А в июне 1925 г. из Москвы в Крым отправилась экспертная комиссия Главнауки, образованная по инициативе Антропологического института при Первом МГУ. Возглавил ее тот же В.В. Бунак, членами комиссии стали В.А. Городцов и Б.С. Жуков.

Из "Журнала работ" комиссии следует, что приезжие специалисты осмотрели разрезы, заслушали объяснения Г.А. Бонч-Осмоловского и согласились с его главными выводами. Все трое признали четвертичный возраст костей из ямы под нижним слоем. Все нашли возможным считать это углубление "за искусственно разработанное"[9]. Все признали раскопки Киик-Кобы "удовлетворительными с методической и технической сторон" (Бонч-Осмоловский, 1940. С. 168, 169). О такой серьезной поддержке Глеб Анатольевич мог только мечтать. Она долженствовала раз и навсегда уничтожить самую почву для сомнений в его компетентности как археолога.

Стараниями Глеба Анатольевича сообщения об уникальных находках в Крыму быстро появились в печати. Информация о них прошла и за границей. Связующим звеном между Г.А. Бонч-Осмоловским и А. Хрдличкой, редактором *American Journal of the Physical Anthropology*, стал В.В. Бунак. Посылкой первой заметки в *L'Anthropologie* Бонч-Осмоловский был обязан своему родственнику-эмигранту, Ю.Е. Зандроку[10]. В результате, когда в 1926 г. Г.А. сумел-таки добиться командировки во Францию, его имя уже было "на слуху" у ведущих специалистов. Путешествие началось 1 июля по завершении раскопок в Сюреньских скальных навесах[11].

"Провинция Дордонь, местечко Les Eysies. – вспоминала О.Г. Морозова, сопровождавшая мужа в этой поездке. – Оттуда мы объездили на велосипедах все пещеры, все стоянки доисторического человека на скалистых обрывах…

В Париже Г.А. виделся с [А.] Брейлем, [М.] Булем и несколько позже с [Д.] Пейрони. Я присутствовала при встречах с аббатом Брейлем. Толстый пожилой аббат размахивал крыльями своей черной сутаны. Это был жизнерадостный и галантный человек. Он конфузил и смешил меня, расхваливая рисунки кремней.

Г.А. говорил по-французски с белорусским акцентом, не считаясь с иноземным синтаксисом.

[8] С 1924–1925 учебного года Г.А. начинает вести практикум по остеометрии и соматометрии на кафедре антропологии Географического института. Косвенно это свидетельствует и о его собственной квалификации антрополога. Зная характер заведующего кафедрой С.И. Руденко, трудно представить, что он мог допустить к студентам плохо подготовленного преподавателя.

[9] При этом В.В. Бунак и Б.С. Жуков были склонны признать, вслед за Г.А. Бонч-Осмоловским, связь могильной ямы с нижним слоем. По мнению В.А. Городцова, она относилась к верхнему слою. Позднее и сам автор раскопок встал на указанную точку зрения. Но в современном палеолитоведении его первоначальная версия рассматривается как более достоверная (Герасимова и др., 2007).

[10] Зандрок Юрий Евгеньевич – двоюродный брат О.Г. Морозовой, будущий директор музея г. Гренобля.

[11] В рамках данной статьи невозможно осветить всю многогранную раскопочную деятельность Г.А. Бонч-Осмоловского 1920 – начала 1930-х годов. Раскопки велись им в гротах Киик-Коба, Сюрень 1-2, Фатьма-Коба, Шан-Коба, Аджи-Коба.

Я смеялась. Брейль не мог удержаться от добродушного смеха. Г.А. смеялся тоже, но иногда сердился, что ему мешают высказаться. Эти встречи были исполнены дружелюбия, доверия и взаимного интереса.” (Платонова, 2005. С. 306)

В отчете самого Глеба Анатольевича о зарубежной командировке говорится следующее:

“Моя работа… разделялась на изучение древнепалеолитических культур (главным образом кремневой индустрии), рассеянных по местным музеям, и скелетов неандертальской расы.

При обработке кремневой индустрии я применял статистический метод, состоявший в тщательной классификации и подсчете орудий. Применение этого метода дало мне ряд интересных наблюдений и подтвердило мои предположения о кризисе классификации Мортилье в части, касающейся древнего палеолита. Того же мнения придерживается большинство французских ученых.

Чрезвычайно много дало мне изучение на месте древнепалеолитических стоянок: Ля Микок, Ле Мустье, Лоссель, Ля Ферраси и др. …Всего мною были проработаны ок. 50 коллекций по кремню и кости, и произведены соответствующие подсчеты и зарисовки.

Основными результатами моей поездки явились:

1) полное признание научного значения кииккобинских находок со стороны западноевропейских ученых.

2) подтверждение с их стороны культурно-хронологических определений слоев пещеры Киик-Коба и вновь раскопанных в 1926 г. стоянок Крыма.

3) принадлежность человеческих костей из Киик-Кобы к неандертальской расе категорически подтверждена виднейшими авторитетами в этой области – проф. Булем и Г. Мартеном.

4) благодаря участию в раскопках в Ложери От с Д. Пейрони и в Ля Кина с Г. Мартеном, мне пришлось убедиться, что французские методы работ в этой области значительно отстают по технике и учету материала от принятых у нас. Это объясняется отчасти необычайным богатством их палеолитических стоянок” (Арх. авт.).

Итогом командировки стало появление первой обобщающей археологической работы Глеба Анатольевича – “К вопросу об эволюции древнепалеолитических индустрий” (Бонч-Осмоловский, 1928). Французский перевод статьи был отослан в Париж А. Брейлю. В ответном письме, в частности, говорилось:

“…Вы очень хорошо использовали Ваше слишком короткое пребывание у нас… Основной наш метод довольно хорош, но в нем есть серьезные недостатки, из-за которых некоторые важные моменты не могли получить объяснения… Например, мне кажется, он не дал возможности понять леваллуа-мустьерскую технику раскалывания… Вопрос о технике раскалывания, который претерпевает революцию, является первоочередным. …Если бы Вы захотели дать в *L’Anthropologie* заметку о Киик-Коба и др. в размере листа, она там была бы очень хорошо принята…”[12] (Арх. авт.).

На содержании упомянутой статьи 1928 г. стоит остановиться подробнее. Материалы Киик-Кобы рассматриваются в ней на широком европейско-ближневосточном фоне. Излагая свою трактовку, Бонч-Осмоловский четко разделяет понятия “стадия культуры” и “геологическая эпоха” и специально оговаривает: его выводы касаются только *культурной хронологии* памятника (Бонч-Осмоловский, 1928. С. 148, 149).

Этот момент очень важен. В другой статье, оставшейся неопубликованной, указанная проблема рассмотрена Г.А. еще подробнее. Там он, в частности, пишет.

“По-видимому, различное содержание, вкладываемое в понятие датировки, и послужило основной причиной наших разногласий с Ефименко… Отсутствие… данных о последовательных сменах четвертичной фауны в Крыму заставляет меня отказаться от хронологической увязки этой культуры [нижнего слоя Киик-Кобы. – *Н.П.*] с геологическими факторами и с соответствующими западноевропейскими стадиями. Ефименко же пытается, на основании отрывочных фаунистических сведений, разрешить и этот весьма важный вопрос, причем палеоэтнологическая терминология принимает у него явный геологический оттенок.” (Арх. авт.).

Эта четко очерченная позиция Бонч-Осмоловского помогает уяснить природу предлагавшихся им “удревненных” датировок Киик-Кобы. Разумеется, глубокая древность даже “верхнего очага”, относимого им к микокской традиции, казалась ему вполне вероятной. “Культура микок” трактовалась тогда, как “восточная фация ашеля” (Бонч-Осмоловский, 1928. С. 148, 149). А мысль о “сверхпозднем” переживании среднепалеолитических традиций в Крыму, ныне получившая реальные обоснования, показалась бы в те годы абсурдной[13]. Однако Глеб Анатольевич подчеркивал: приведенные им *культурно-хронологические выкладки не позволяют устанавливать абсолютную датировку* памятника. В отличие от П.П. Ефименко он ясно видел различие между археологической периодизацией и хронологией как таковой[14].

[12] Перевод Н.В. Тагеевой, с коррективами Н.И. Платоновой.

[13] В современной науке нижний слой Киик-Кобы трактуется как микромустье зубчатое и относится к раннему вюрму. Верхний слой определяется как кииккобинская фация микока или пара-микок. Датировка его спорна: от ~55–40 до ~30 тыс. л.н. (Герасимова и др., 2007).

[14] К сожалению, данный вопрос оказался в дальнейшем безнадежно запутанным в советском палеолитоведении – вплоть до предложений датировать литологические пласты по характеру археологических находок.

Главной "изюминкой" статьи 1928 г. явилось то, что в ней Бонч-Осмоловский предложил – впервые в мировой науке о палеолите – "рассматривать… индустрии не как собрания отдельных орудий, а как комплексы, отражающие соответствующие стадии культурного развития". При этом он подчеркнул необходимость ориентации не на "руководящие ископаемые", а на весь инвентарь, на "самые употребительные, т.е. чаще всего встречающиеся орудия", с точными количественными подсчетами и построением графиков (Бонч-Осмоловский, 1928. С. 149, 150).

В СССР данный подход начал реализовываться в полной мере лишь с 1960-х годов. На Западе – с рубежа 1940–1950-х, с появлением обобщающих работ Ф. Борда. Ныне приоритет Г.А. Бонч-Осмоловского в разработке по крайней мере теоретической базы "системы Борда" представляется несомненным, хотя каждый из них шел к этому своим путем (Васильев, 1994. С. 203, 204). Выводы Ф. Борда о развитии техники изготовления орудий в целом оказались близки положениям Г.А. Бонч-Осмоловского. Только последний устанавливал технические приемы и навыки раскалывания кремня не путем эксперимента, как Борд, а путем детального изучения всего комплекса орудий, осколков, заготовок и т.д. Анализ киик-кобинских индустрий в статье 1928 г. представляет собой в сущности первый опыт теоретической проработки и практического применения нового, *технологического метода* анализа каменных артефактов.

С появлением в печати этой работы начинается подлинная зрелость Г.А. Бонч-Осмоловского как археолога. Трудно не согласиться с С.А. Васильевым, что уже в этой публикации автор по ряду позиций опередил мировое палеолитоведение на 20–25 лет (Васильев, 1994. С. 206). Впрочем, его современники о том не догадывались. Вот высказывание В.И. Равдоникаса, застенографированное в марте 1930 г.:

"Материал он давал по раннему палеолиту в СССР блестящий, и в этом его несомненная заслуга. В области же синтеза, обобщающих построений Бонч-Осмоловский не дал ничего…" (Личное дело Бонч-Осмоловского Г.А. Л. 14).

По словам О.Г. Морозовой, 1928 год стал для ее мужа "значительным и победным" (Арх. авт.). К сожалению, по времени это совпало с началом "Великого перелома" в СССР, когда условия работы ученых резко изменились. Жизнь и творчество Глеба Анатольевича рубежа 1920–1930-х годов, его работа в Четвертичной комиссии, арест в 1933 г., пребывание в Воркутинских лагерях и последующее возвращение в науку в конце 1930-х – все эти сюжеты невозможно вместить в рамки одной статьи. Они заслуживают отдельного рассмотрения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анциферов Н.П. Из дум о былом. Воспоминания. М., 1992.

Бонч-Осмоловский Г.А. Как мы нашли пещерного человека (из записной книжки археолога) // Новый Робинзон. 1925. № 1.

Бонч-Осмоловский Г.А. Доисторические культуры Крыма // Крым. 1926. № 2.

Бонч-Осмоловский Г.А. Палеолитическая стоянка в Крыму. Предварительное сообщение // РАЖ. 1926. Т. 14. Вып. 3/4.

Бонч-Осмоловский Г.А. К вопросу об эволюции древнепалеолитических индустрий // Человек. 1928. № 2/4.

Бонч-Осмоловский Г.А. Грот Киик-Коба. Палеолит Крыма. Вып. 1. М.; Л., 1940.

Васильев С.А. Г.А. Бонч-Осмоловский и современное палеолитоведение // РА. 1994. № 2.

Волков Ф.К. По поводу наших неолитических находок с керамикой домикенского типа // Киевская старина. 1900. Т. LXX. Июль-август.

Герасимова М.М., Астахов С.Н., Величко А.А. Палеолитический человек, его материальная культура и природная среда обитания. Иллюстрированный каталог палеоантропологических находок. СПб.; 2007.

Дело по обвинению Бонч-Осмоловского и прочих // Архив УФСБ по С.-Петербургу и Ленинградской области. № П30695. Т. 2.

Золотарев Д.А. Ф.К. Волков (некролог) // РИЖ. 1918. № 5.

Клейн Б.С. В годину испытаний. Минск, 1986.

Личное дело Богданова В.В. // РА ИИМК. Ф. 2. Оп. 3. № 63.

Личное дело Бонч-Осмоловского Г.А. // РА ИИМК. Ф. 2. Оп. 3. № 76.

Морозова О.Г. Одна судьба. Л., 1976.

Платонова Н.И. Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский. Этапы творческой биографии // Санкт-Петербург и отечественная археология. Историографические очерки. СПб.; 1995.

Платонова Н.И. Об одной попытке уточнения методов в русской археологии // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Т. 2. Псков; СПб.; 1997.

Платонова Н.И. К истории одного открытия в археологии // Культурное наследие Российского государства. Вып. 3. СПб.; 2002.

Платонова Н.И. Федор Кондратьевич Волков глазами ученика // АВ. 2003. № 11.

Платонова Н.И. "Дело" Сергея Ивановича Руденко. 1930–1957 // Невский археолого-историографический сб. СПб.; 2004.

Платонова Н.И. Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский: судьба ученого (по страницам семейного архива) // АВ. 2005. № 12.

Стенографический отчет собрания актива ГАИМК 13.04.1937 // РА ИИМК. 1937. Ф. 2. Оп. 1. № 35.

Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете. Историографические очерки. СПб.; 2003.

Торчинская Э.Г. "Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский – этнограф-собиратель (о коллекциях, собранных Г.А. Бонч-Осмоловским в ГМЭ народов СССР)" // Докл. на Науч. чтениях к 100-летию Г.А. Бонч-Осмоловского 14.11.1990 (ЛОИА АН СССР).

Щуровский Г.Е. Общая программа для исследования костеносных пещер // Тр. Имп. ОЛЕАЭ. 1878. Т. XVII. Тр. Антропологического отдела. № 1.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2009, № 1, с. 175–178

РЕЦЕНЗИИ

David Lewis-Williams. THE MIND IN CAVE. CONSCIOUNESS AND THE ORIGINS OF ART. Thames & Hudson. New York, 2002. 320 p., 94 ill., 27 in color.

В Западной Европе и в США сейчас выходит довольно много литературы о первобытном, особенно палеолитическом искусстве: от роскошных цветных альбомов издательства Seuil (Париж) под общей редакцией Ж. Клотта до покет-буков-путеводителей по отдельным памятникам. Как правило, это – популярная литература. Она интересна и полезна тем, что знакомит читателя с шедеврами древнейшего изобразительного искусства. Но не менее важны публикации специальных исследований по палеолитическому искусству и особенно – о его происхождении. На русском языке такие публикации единичны и не так уж много их на других языках. Именно поэтому рецензируемая книга привлекла наше внимание. Книги издательства Thames & Hudson обычно сочетают в себе высокий научный уровень с доступной для достаточно образованного широкого читателя формой изложения.

Автор книги проф. Дэвид Льюис-Уильямс – крупный специалист по первобытному искусству, автор сотен статей и десятков книг по этой тематике. Много лет он возглавлял исследовательский центр по наскальному искусству университета Witwaterstrand (Йоханнесбург, ЮАР). Сейчас по возрасту он перешел в статут почетного профессора и продолжает активно работать.

Книга состоит из краткого предисловия, десяти глав и заключения. В ней рассмотрено наиболее правдоподобное для современного уровня науки объяснение истоков изобразительной деятельности, которые, по мнению автора, кроются в эволюции человеческого разума. Кроманьонцы в отличие от неандертальцев обладали более развитым сознанием и нейропсихологической организацией, что и сделало возможным достижение шаманского транса и ярких картин воображения. Для некоторых людей стало важным нарисовать эти видения на стенах пещер. В их восприятии видения отделяли окружающий мир от мира духов, откуда приходили видения. Большое значение автор придает результатам антропологических исследований и самым современным достижениям нейропсихологии.

Главная мысль предисловия, подкрепленная эпиграфом из К. Маркса, состоит в том, что научные проблемы нужно решать, не ожидая накопления полной совокупности исходных данных, а по мере их формирования. Затем автор кратко останавливается на трех пещерах с палеолитической живописью – Труа Фрер, Нио и Шове, открытие которых, по его мнению, отражает три этапа (Three Time-Byte) накопления информации по проблеме происхождения искусства.

Первые две главы “Открытие человеческих древностей” и “Поиск ответов” предназначены в основном для широкого читателя. В них излагаются основы эволюции Земли и человека и первые открытия предметов искусства верхнего палеолита, т.е. те вопросы, которые специалисту известны. Затем читатель вводится в круг проблем, возникших после того, как в конце XIX – начале XX в. существование изобразительного искусства ледниковой эпохи было признано всеми. Льюис-Уильямс считает необоснованным использование понятия “искусство” для палеолитической живописи и пластики. По его мнению, оно вводит читателя в заблуждение, вольно или невольно вовлекая его в сферу современного искусствоведения. Эта идея созвучна давно высказанным в нашей литературе предложениям вместо понятия “искусство” пользоваться при изучении первобытных изображений термином “изобразительная деятельность” (Миллер, 1929; Пиотровский, 1932; Столяр, 1985; Шер, 1980; 1990 и др.).

Далее дается краткий обзор гипотез о происхождении искусства: “искусство для искусства”, т.е. инстинктивная для человека тяга к прекрасному (Э. Лартэ, Г. Кристи, Дж. Калверсон); тотемистическая и охотничья магия (С. Рейнак, А. Брейль и др.); мифологическая (А. Ламен-Эмперер, А. Леруа-Гуран). Вообще, конечно, гипотез намного больше (см., например: Вишняцкий, 1998), но автор, по-видимому, и не ставил перед собой задачи охватить их все. Таким образом, две первые главы можно считать своего рода введением к основному содержанию книги.

С третьей главы “Поиск ответов” автор переходит от давно известных фактов и гипотез к проблемам, возникшим в последние десятилетия и прежде всего к феномену верхнепалеолитической революции (45–35 тыс. лет назад). Именно к этому времени относит Льюис-Уильямс появление у кроманьонца способностей к созданию изображений. Он убежден, что неандертальцы такими способностями не обладали, несмотря на то, что более 10000 лет жили рядом с кроманьонцами и владели близкой технологией обработки камня. При этом, конечно, следовало бы прокомментировать находки в мустьерских слоях стоянок Берехат-Рам и Тан-Тан антропоморфных фигурок, но автор своего мнения не высказал.

В отличие от других ученых Льюис-Уильямс не считает очередное похолодание и наступление ледника, пик которого пришелся на 20–18 тыс. лет назад, одним из определяющих факторов для возникновения изобразительной деятельности. Наоборот, он считает, что климатические изменения произошли значительно позднее и поэтому не могли влиять на появление искусства (с. 72–74). Затем автор отмечает качественно новую технологию обработки камня, разнообразие и специализацию орудий труда, освоение навыков шитья и т.д., а также обработку кости, рога, древесины, бивня мамонта и зубов других животных. Более пластичные, чем камень, материалы стали основой для появления художественной резьбы и мелкой пластики.

Главным сдвигом в психологии труда автор считает то, что человек приобрел способность заранее достаточно ясно представлять себе, какой предмет он хочет изготовить, т.е. создавать его мысленную модель. К этому же периоду относятся и, несомненно, намеренные захоронения людей со следами ритуалов. Если о захоронениях неандертальцев можно спорить, то могилы людей верхнего палеолита сомнений не вызывают. Нелишне было бы также отметить, что именно в верхнем палеолите началось массовое изготовление не толь-

ко фигуративной пластики, но и украшений, амулетов и других неутилитарных предметов.

Автор считает, что *Homo sapiens* верхнего палеолита отличался от неандертальца не только хромосомной несовместимостью и не мог быть его эволюционным потомком по ряду других причин. Некоторые скелеты неандертальцев, найденные на Иберийском полуострове, датируются 27 тыс. лет тому назад (с. 83). Если популяция неандертальцев существовала так долго, то у нее просто не оставалось времени эволюционировать в анатомически современных людей. Ископаемые кости ранних *Homo sapiens sapiens*, найденные в Кафзехе, Израиль (с. 83), датируются временем от 90 до 60 тыс. лет назад, т.е. они тоже не могли произойти от европейского неандертальца.

Тот факт, что среди восточноевропейских верхнепалеолитических поселений преобладают более ранние, чем западноевропейские, Льюис-Уильямс считает доводом в пользу миграции с востока на запад, а не наоборот. Он также рассматривает разные возможные варианты исчезновения неандертальца с юга Западной Европы, например как конфликт и вытеснение или прерывистые контакты, либо, по гипотезе Э. Зуброва, как вымирание примерно за 1000 лет, обусловленное резким похолоданием (Zubrow, 1989).

Неандертальцы заимствовали у людей верхнего палеолита некоторые достижения материальной и, возможно, духовной культуры: технологию шательперрон, поздние захоронения, мелкие украшения. Но они не смогли позаимствовать стратегию охоты, погребальный обряд с символическим инвентарем, способность к изобразительной деятельности и не достигли социализации такой, например, какая прослеживается по памятнику Сунгирь с богатыми украшениями.

Только начиная с четвертой главы "Сущность разума" Льюис-Уильямс вплотную подходит к главной проблеме, которой посвящена его книга. Концепция сознания, которой он следует, позволяет сформулировать гипотезу о том, как складывалась изобразительная деятельность человека верхнего палеолита. Сначала стали осознаваться и запоминаться фигуры энтопического зрения – фосфены, т.е. воспринимаемые мысленным взором точки, круги, дуги, меандры, решетки и т.п., когда человек закрывает глаза. Такое восприятие происходит спонтанно и не вполне осознанно. Но если эти фигуры запомнились, то воспроизвести их на плоскости не составляет большого труда и для этого не нужен художественный талант. Это еще не галлюцинации, а просто "внутреннее зрение". Фосфены порождаются нейропсихическими процессами, одинаковыми у всех людей. Поэтому подобные изображения встречаются на всех континентах в изобразительных традициях разных культур, никогда между собой не соприкасавшихся.

Затем к внутреннему зрению прибавляется поток "портретных" форм объектов окружающей среды. Особенно активно они формируются в критических состояниях. Способности их воспроизведения, по-видимому, появляются не у всех, а только у людей с доминирующим правым полушарием, в котором формируются яркие зрительные образы. На третьей стадии наблюдаются заметные изменения в работе воображения, которое становится эмоционально более насыщенным. Возникают галлюцинации и запоминаемые сновидения.

В главах 5 и 6 ("Социологическое исследование 1: наскальное искусство Сан, Южная Африка" и "Социологическое исследование 2: наскальное искусство Северной Америки") представлены результаты сравнения наскальных изображений очень удаленных друг от друга регионов, намеренно выбранных для того, чтобы показать, что некоторые абстрактные и фигуративные изображения обнаруживают удивительное с точки зрения исторической компаративистики сходство. Материал, изложенный в этих главах, можно считать главной фактической базой гипотезы о роли нейрофизиологической составляющей в происхождении изобразительной деятельности.

В главе 5 автор уже не впервые обращается к исследованиям немецкого лингвиста В. Блика, который призывал изучать бушменское искусство изнутри, не притягивая к нему внешние атрибуты и западное понимание (с. 137). Сходство в сюжетах наскального искусства двух удаленных друг от друга континентов Льюис-Уильямс объясняет единой природой человеческой психики и тем, что изображения наносились шаманами, которые воспроизводили на плоскости скалы то, что им привиделось и "причувствовалось" в состоянии транса (соматические галлюцинации: боль, покалывание и т.д.).

Наряду со сходством в изображениях есть существенная разница в обрядах и прежде всего в степени их скрытности. Южноафриканский шаман всем рассказывает о своих "путешествиях" в мире духов. Центральный ритуал племени Сан – "Великий Танец", в котором участвуют все люди племени, а не избранные. Галлюциногены не используются, а состояние транса достигается ритмично повторяющимися движениями в нарастающем темпе, выкриками и ускоренным дыханием (гипервентиляция легких). Шаманы считают, что во время транса их дух выходит из тела через макушку и отправляется в путешествие по мирам духов. Особо высоким социальным статусом обладают шаманы в Калахари, и многие люди преодолевают большие расстояния, чтобы их увидеть. Одна из форм социальной дифференциации в южноафриканских племенах состоит в разделении людей на тех, кто "видит духов", и тех, кто их не видит. Наряду с ритуальным танцем и другими действиями создание изображений считается средством достижения мира духов.

Действия шаманов североамериканских индейцев состоят в вызывании видений с целью увидеть духа в облике животного, который станет помощником и источником силы. Как и африканские шаманы, они считают, что во время ритуала покидают свое тело. Как и африканцы, североамериканские индейцы считают наскальные изображения произведениями духов. У калифорнийских индейцев девочки и мальчики создают наскальные рисунки после инициации.

Глава 7 "Происхождение изобразительной деятельности", пожалуй, занимает центральное место в книге. Льюис-Уильямс считает, что способность к созданию изображений обусловлена особым типом сознания, которым обладает только *Homo sapiens sapiens*. Переход к этому типу сознания начался еще в Африке. Его отличительная особенность состоит в способности запоминать сны и видения. Изображения на плоскости Льюис-Уильямс считает не результатом переноса трехмерного оригинала в двухмерную плоскость, а фиксацией тех образов, которые возникали перед мысленным взором в измененном состоянии сознания. Трехмерные изображения возникли, как считает автор, в связи с возможностями использовать выступы и иные подобные детали рельефа стен и потолков пещер, когда, как, например, на плафоне Альтамиры, изображения на естественных выпуклостях создают иллюзию объема. Вряд ли это верно. Если бы Льюис-Уильямс был знаком с теорией Б.В. Раушенбаха о преобразовании трехмерного изображения в двухмерную плоскость (1980), он бы так не думал.

Заголовок главы 8 The Cave in the Mind трудно адекватно передать по-русски. Нам представляется, что по содержанию

ближе всего было бы "Одушевление пещеры". По мнению автора, пещера своей темнотой и таинственностью производила на древних людей не менее сильное впечатление, чем на современных. В их сознании она была особым миром, другой реальностью, порождающей ощущение пребывания в мире духов. Состояние шаманского транса сопровождалось воображаемыми яркими картинами. Так возникала потребность зафиксировать их на стенах пещеры и таким образом "прокладывалась тропинка в неизвестность" (с. 209).

Использование рельефа для создания иллюзии объемных изображений, а также возможность к ним прикоснуться, на что, по мнению автора, указывают отпечатки ладоней на стенах пещер, – все это порождало впечатление реальности. Игра света и тени от каменных ламп и/или факелов "оживляла" изображения, которые то появлялись, то исчезали по желанию человека и создавали у него ощущение власти над ними. Особая пещерная акустика, использование музыкальных инструментов в сочетании со слуховыми галлюцинациями способствовали более глубокому переходу к измененному состоянию сознания. Комбинированный эффект создавал в сознании человека вполне правдоподобную иллюзию пещерного мира духов.

В главе 9 "Пещера и общество" автор рассматривает изображения в пещерах Ляско и Габийю. По его мнению, в них отражены две формы шаманизма: коллективная и индивидуальная. Льюис-Уильямс считает, что вход в пещеру олицетворяет вход в мир духов. Габийю – небольшая пещера, где исполнять ритуалы мог один человек, рассказывающий сородичам о своих видениях. Ляско – крупная пещера со сложной топографией. У старого входа и в некоторых галереях ритуалы могли совершаться коллективно несколькими шаманами (возможно, представителями разных групп, участвующих в сезонных ритуалах). В глубинных полостях пещеры камлали одиночные "искатели видений".

К сожалению, автор не знаком с данными сибирской этнографии, которые могли бы значительно обогатить его гипотезу. Например, А.Ф. Анисимов пишет о родовом обряде эвенков (*шингкэлавун*), который в давние времена исполнялся всеми эвенками коллективно у родовых святынь – священных скал "*бугады*", о коллективном строительстве специального шаманского чума (другого мира – *буга*), где хранились вырезанные из бересты фигурки животных (будущая добыча). По окончании ритуальных действий шаман покидал этот чум. Анисимов считает, что истоком шаманизма был тотемизм, и большое значение имеет приобретение шаманом звериной души, шаманские духи – тотемы древних родов эвенков (1958. С. 28–37, 213). Г.Н. Грачева, так же как и Льюис-Уильямс, считает, что шаман был вынужден противопоставлять свои представления о мире консервативным верованиям соплеменников и искать компромисс между ними (1983. С. 144–146). Л.П. Потапов упоминает древнетюркские шаманские моления в адрес "родительской пещеры" (1991. С. 86). Количество подобных аналогий может быть умножено. Н.А. Алексеев приводит ряд примеров поведения людей как в процессе подготовки к посвящению в шаманы, так и в реализации шаманских функций, во многом похожих на то, о чем пишет Льюис-Уильямс (1984. С. 107–187).

В главе 10 "Пещера и конфликт" речь идет о том, что одним из важных свойств личности шамана должно быть умение выразить свои истинные или мнимые ощущения в состоянии транса. Сородичи ожидали от "шамана-художника" предсказуемых действий и поступков, обусловленных высокой ролью традиций. Но шаманы не хотели быть как все и в то же время полностью выразить себя тоже не могли, поэтому выбирали средний путь, создавали новое "я", которое могло существовать лишь в тесной связи с остальным коллективом. Образ "раненого человека" в палеолитическом искусстве олицетворяет соматические галлюцинации шамана (боль, страдания, смерть-перевоплощение), возможно, испытываемые им во время посвящения. Этими изображениями шаманы пытались отделить себя от остальных, показать свою уникальность. Они использовали эти изображения, чтобы попытаться изменить строго установленные каноны, представить собственные ощущения, собственную религиозную, социальную и политическую значимость. Здесь же автор подчеркивает значение социальной сущности конфликта между личностью шамана и сородичами для создания и закрепления в традиции новых образов.

В заключение отметим, что Льюис-Уильямс предлагает весьма правдоподобную на настоящий момент гипотезу происхождения изобразительной деятельности. Способность к созданию изображений он считает качественно новой ступенью развития человеческого сознания. Еще до рецензируемой книги эта гипотеза была сформулирована в другой работе, написанной совместно с Ж. Клоттом (Clottes, Lewis-Williams, 1996). Данная гипотеза весьма созвучна уже высказанному в нашей печати предположению, условно названному гипотезой "информационного порога" (Шер, 1990; 1997; 2000; Sher, 1998 и др.).

Вместе с тем не отвергая идеи об определенной роли шаманского транса в этом явлении, трудно согласиться с тем, что он был главным стимулом к появлению изобразительной деятельности. Европейские и американские коллеги весьма отрицательно встретили гипотезу Льюиса-Уильямса (The Concept of Shamanism…, 2001; Chamanismes et arts…, 2006, а также множество журнальных статей). Думается, что чрезмерная критичность этих публикаций не вполне оправдана. Истина лежит, как всегда, где-то посредине. Вряд ли можно считать изобразительную деятельность порождением только шаманизма, как считает Льюис-Уильямс. Сам шаманизм и связанная с ним магия, как это убедительно показал С.Н. Давиденков, были порождены полубессознательным стремлением древнего человека избавиться от невротического стресса (1947; 1975). И шаманизм, и изобразительная деятельность являются определенными видами знакового поведения, и оба они были сформированы высоким уровнем "устройства" системы высшей нервной деятельности *Homo sapiens sapiens*. Как показывают наблюдения над детьми, их изобразительная деятельность в раннем возрасте тесно связана с развитием речи и других средств коммуникации. Детское рисование можно рассматривать как своего рода модель возникновения первобытного искусства (Шер и др., 2004).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев Н.А. Шаманизм тюркоязычных народов Сибири (опыт ареального сравнительного исследования). Новосибирск, 1984.

Анисимов А.Ф. Религия эвенков. М.; Л., 1958.

Вишняцкий Л.Б. Проблема происхождения искусства в современной науке // Первобытное искусство (проблема происхождения). Кемерово; Никалс, 1998.

Грачева Г.Н. Традиционное мировоззрение охотников Таймыра. Л., 1983.

Давиденков С.Н. Эволюционно-генетические проблемы в невропатологии. Л., 1947.

Давиденков С.Н. Психофизиологические корни магии // Природа. 1975. № 8.

Миллер А.А. Первобытное искусство // История искусств всех времен и народов. Вып. 1. Л., 1929.

Пиотровский Б.Б. Первобытное искусство // Первобытное общество. М., 1932.

Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. Л., 1991.

Раушенбах Б.В. Пространственные построения в живописи. М., 1980.

Столяр А.Д. Происхождение изобразительного искусства. М., 1985.

Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980.

Шер Я.А. К вопросу об истоках первобытного искусства // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М., 1990.

Шер Я.А. Происхождение искусства: одна из возможных гипотез // ВДИ. 1997. № 1.

Шер Я.А. Первобытное искусство: факты, гипотезы, методы и теория // Археология, этнография, антропология Евразии. 2000. № 2.

Шер Я.А., Вишняцкий Л.Б., Бледнова Н.С. Происхождение знакового поведения. М., 2004.

Chamanismes et arts préhistoriques. Vision critique / Sous la dir. de Lorblanchet M., Le Quellec J.-L., Bahn P. et al. Paris, 2006.

Clottes J., Lewis-Williams D. Les chamanes de la préhistoire: text intégral, polémique et réponses. Paris; Seuil, 1996.

Sher J.A. Les origines de l'art: une hipotése, état de la question // Bulletin de la Société Préhistorique Française. 1998. № 4.

The Concept of Chamanism: uses and abuses / Eds Francfort H.-P., Hamayon R. in col. with Bahn P. Budapest, 2001.

Zubrow E. The demographic modelling of Neanderthal extinction // The Human Revolution: Behavioural and Biological Perspectives on the Origin of Modern Humans / Eds Mellars P., Stringer C. Edinburgh, 1989.

Кемеровский государственный университет

Я.А. Шер, Ю.С. Волкова

Эрлих В.Р. СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ КАВКАЗ В НАЧАЛЕ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА: ПРОТОМЕОТСКАЯ ГРУППА ПАМЯТНИКОВ / Отв. ред. В.Б. Ковалевская. Ин-т археологии РАН; ГМИНВ. М.: Наука, 2007. 430 с. ISBN 978-5-02-035536-1

В археологическом изучении древностей раннего железного века Северного Кавказа произошло значительное событие – впервые на суд научной общественности представлена капитальная монография, посвященная протомеотским древностям. На протяжении ряда лет многими отечественными специалистами-кавказоведами, в том числе весьма авторитетными, успешно проводились исследования соответствующих памятников, круг которых постепенно стал весьма обширным. Никто, однако, кроме автора рецензируемой книги, так и не отважился взять на себя комплексную интерпретацию всего того большого пласта источников, которые представляют протомеотский феномен в целом, хотя предшественники В.Р. Эрлиха (Н.В. Анфимов, И.С. Каменецкий, Э.С. Шарафутдинова, Л.К. Галанина, П.А. Дитлер, А.М. Ждановский, И.И. Марченко, Е.А. Беглова, Н.Г. Ловпаче, Л.М. Носкова, А.А. Сазонов и др.), конечно, внесли огромный вклад в подготовку фундамента для его нынешнего обобщающего труда.

Несомненна большая актуальность исследования В.Р. Эрлиха, своевременность обращения археолога к изучению историко-культурной ситуации в таком значимом районе Кавказа, как Прикубанье, в период, когда здесь шло формирование племенных общностей, сыгравших серьезную роль в будущих этногенетических процессах.

Во введении и главе I автор определяет цель и задачи работы, методологические основания для ее выполнения, характеризует научную новизну, которая представляется совершенно очевидной. Впечатляет источниковая база исследования, насчитывающая около 500 погребальных комплексов из 30 могильников, а также включающая материалы более 10 поселений. Автор очерчивает территориальные рамки монографии, характеризует климатические условия изучаемого ареала, в том числе в древности. Все это позволило В.Р. Эрлиху вполне правомерно сформулировать основную рабочую гипотезу своего труда – о возникновении протомеотской группы памятников в связи с миграцией степного населения на Левобережье Кубани в начале I тыс. до н.э. под воздействием экологического кризиса. Посмотрим теперь, как реализуется эта идея.

В главе I "Феномен меотской археологической культуры раннего железного века" В.Р. Эрлих обозначает два подхода к интерпретации памятников меотской культуры. Первый связан с пониманием меотов как единого этноса, второй подразумевает собирательность данного термина, под которым скрывались различные народы, как иранского, так и кавказского происхождения. Сам автор является приверженцем второго подхода, заявляя, что среди "носителей меотской археологической культуры… были как предки адыгских племен эпохи средневековья, так и, возможно, некоторые ираноязычные племена" (с. 11), в чем мы готовы с ним согласиться. В то же время данный подход почему-то не получил в работе последовательной реализации на протомеотском материале, вследствие чего в Заключении можно прочесть: "мы имеем дело с разными *культурными группами* (курсив наш. – *С.Д.*), имеющими тенденцию к сближению и нивелировке признаков" (с. 200).

Анализируя проблемы периодизации меотской культуры, исследователь выделяет особый переходный период формирования культуры раннего железного века и предлагает собственную схему, в которой протомеотский этап обозначен рамками VIII (конца IX) – середины VII в. до н.э. Полагаем, что в полемике с А.М. Ждановским и И.И. Марченко, отнесшими к протомеотскому (древнемеотскому) периоду памятники VIII–VII и VI вв. до н.э., прав В.Р. Эрлих. Он справедливо указывает на то, что в рассматриваемые отрезки времени имели место различные исторические ситуации, разные системы связей и т.п., что обусловливало определенные *качественные различия* между археологическими объектами предскифского и скифского времени, на фактическом материале доказанные далее, в главе X.

Глава II "Освоение железа и переход к раннему железному веку в Средиземноморье и Циркумпонтийской зоне" является одной из ключевых в общем авторском замысле. Она имеет методическое значение для рассмотрения особенно-

стей освоения на Северном Кавказе железа, игравшего огромную роль в историко-культурных, социо-политических и иных процессах в среде автохтонного населения в довольно широком территориальном контексте. Наиболее важным, принципиальным, имеющим большое научное значение выводом автора, вытекающим из данной главы, является заключение (уже получившее признание у специалистов) о том, что переход к железному веку на Северном Кавказе происходил под влиянием двух традиций обработки черного металла: восточноевропейской и закавказской. Они выделяются не только морфологически, но и технологически, на данных микроструктурного исследования изделий из железа и стали (с. 20–24). Это положение автора уже находит подтверждение в неопубликованных пока материалах из Центрального Предкавказья (могильник Клин-Яр III). В то же время в главе отражена не вся историография вопроса (Пикуль, 1967; Давудов, 1974; Котович, 1982; Арешьян, 1976. С. 87–99; Дударев, 1987. С. 20–35; Dudarev, 2004. P. 1–19). В частности, В.Р. Эрлих в поисках грани между эпохой бронзы и железным веком опирается на понятие Э. Снодграсса "рабочее железо", т.е. железо, выполняющее основные технологические функции. Однако до Э. Снодграсса подобные взгляды уже высказывали В.Г. Чайлд, Б.А. Колчин и др. (Колчин, 1975. С. 9). Говоря о железорудной базе населения Северо-Западного Кавказа, В.Р. Эрлих верно указывает на относительную бедность высококачественными рудами северо-западных склонов этого горного массива, но подчеркивает, что область с множеством железорудных проявлений выделяется в соседней Абхазии. Хотим указать автору на то, что на Тамани известно крупное месторождение железной руды, запасы которого оценивались в начале 30-х годов XX в. в 10 млн. тонн (Дударев, 1989. С. 113). С другой стороны, примечательна ссылка В.Р. Эрлиха на мнение Н.Н. Тереховой, согласно которому базой для восточноевропейской (степной) традиции освоения черного металла на Кубани могли быть болотные руды. Однако где они находились на Северо-Западном Кавказе в древности, неизвестно. В то же время в Колхиде, параллели с материалами которой не раз (и вполне правомерно) стремится установить автор, факты заболачивания (а значит, и наличия подобных руд) известны с древности – Гиппократ в V в. до н.э. сообщал об интенсивном развитии в этом регионе прибрежных болот (Джанелидзе, 1980. С. 98). Встречаются в главе и дискуссионные моменты. Например, автор утверждает, что древнейшие железные изделия в восточном ареале кобанской культуры появляются в первой половине VIII в. до н.э. Вместе с тем они, как и инкрустация железом бронзовых изделий, фиксируются здесь в захоронениях Сержень-Юрта (погр. 42, 46, 70), датируемых В.И. Козенковой с конца X по конец IX в. до н.э. (Козенкова, 2002. С.128). Впрочем, эти недочеты не меняют общего, безусловно, положительного впечатления от главы.

В главе III рассмотрены "Памятники финальной бронзы на Северо-Западном Кавказе". Анализ их весьма важен для автора с точки зрения поисков истоков протомеотских древностей. В.Р. Эрлих очень хорошо охарактеризовал сложность ситуации с "протомеотским субстратом", показав его размытость и аморфность (с. 33), отсутствие конкретного археологического содержания понятия "прикубанская культура", что подтверждается и недавним исследованием А.Л. Пелиха (2003). В то же время определенная преемственность между протомеотскими памятниками и погребальными, но особенно бытовыми объектами финальной бронзы, все же выявляется исследователем. В этом смысле заслуживает внимания еще одна "рабочая гипотеза" В.Э. Эрлиха, опирающаяся на разработки А.Л. Пелиха. Она представляет собой попытку связать западный центр прикубанского очага металлургии и металлообработки с поселениями равнинного центрального Закубанья (Чишхо, Пшикуйхабль, Пшишское и др.) и видеть в нем основу производства степного варианта протомеотской группы памятников (с. 32). В конечном итоге автор прав, указывая, что появление протомеотских грунтовых могильников следует рассматривать все же как *инновацию* эпохи перехода к раннему железному веку.

Исходя из сказанного, значение главы III наиболее рельефно выражается в том, что она наглядно демонстрирует специфику ситуации на Северо-Западном Кавказе в эпоху перехода от бронзы к железу. В Центральном и Северо-Восточном Предкавказье мы наблюдаем в это время *непрерывность* историко-культурных процессов. В изучаемом же автором регионе имеет место *скачок*, даже *взрыв*, связанный с возникновением протомеотского феномена. Он-то во многом и "путает карты" исследователям как в выяснении существа генезиса местных памятников эпохи раннего железа, так и, особенно, в отношении определения их нижнего рубежа.

Глава IV «Памятники "перехода" к раннему железному веку на Северо-Западном Кавказе (протомеотская группа памятников)» посвящена обзору погребальных и бытовых объектов. Прежде всего автор стремится определиться с термином "протомеотская культура". Он считает, что данный термин неправомерен ввиду значительной разнородности памятников, и предлагает определение "протомеотская группа памятников", которое должно обозначать новообразование – археологическую культуру в период ее формирования (с. 34). Этот подход сам по себе в принципе логичен, особенно если учесть то обстоятельство, что В.Р. Эрлих подразумевает *этническую неоднородность* протомеотских древностей. Разделение на варианты внутри рассматриваемой группы проделано им на основе тщательного анализа не только погребального обряда, но всех составляющих материальной культуры. Ученый внимательно выявляет связи носителей каждого варианта с внешним миром, раскрывая специфику их контактов с населением Закавказья, причерноморских степей и Центральной Европы и одновременно освещая пути складывания вещевого комплекса той или иной группировки протомеотских памятников. Локальные варианты, выделенные автором, в принципе достаточно близки нашему членению, предложенному в соавторстве с А.Л. Пелихом (Дударев, Пелих, 1997. С. 6–9). Главное отличие состоит в том, что В.Р. Эрлих выделяет памятники приморско-абинского варианта, группируемые в два "куста" (с. 36), в то время как мы относим могильники Абинский, Черноклен и др. к подгруппе внутри *центрального варианта*. При этом мы согласны с В.Р. Эрлихом, Е.А. Бегловой и другими исследователями в том, что могильники абинской подгруппы имеют ряд черт, сходных с погребальной обрядностью прибрежных черноморских некрополей. Подчеркивая основательность разработки В.Р. Эрлихом локальных вариантов протомеотской группы, мы все же не можем согласиться с его заключением о том, что именно "из предгорий Закубанья… новочеркасская традиция начинает распространяться в равнинную часть Закубанья и дальше в Степь и Лесостепь юга Восточной Европы" (с. 50). Нам кажется, что имеет место явное преуменьшение роли западнокобанских памятников Центрального Предкавказья в сложении предскифской воинской культуры юга Восточной Европы. Впрочем, справедливости ради нужно сказать, что эта роль в последующих главах монографии оценена автором по достоинству.

В главе V "Погребальный обряд протомеотских могильников" дается скрупулезный разбор погребальных традиций протомеотов для каждого из выделяемых В.Р. Эрлихом вариантов. Он призван наглядно подтвердить высказанный автором ранее тезис об *инновационном характере* протомеотских грунтовых могильников. Объективно эту цель можно считать достигнутой. Феномен протомеотского обряда в итоге предстает перед читателем как сложное явление, отражающее синтез самых различных факторов – ландшафтно-географического, этнокультурного, социально-политического, гендерного и др., хотя автор, стремясь к осторожности, не всегда до конца отчетливо фиксирует проявление того или иного фактора. Выявляя локальные черты обрядности, В.Р. Эрлих несколько обошел вниманием ее общую характеристику, в связи с чем соотношение тех или иных погребальных параметров в целом по протомеотской группе в работе не представлено. Позволим себе также высказать и несколько частных замечаний к главе. Автор выделяет пять групп погребений в могильнике Фарс/Клады, и мы приветствуем эту его попытку как вполне удачную, однако вправе были бы рассчитывать на то, что исследователь попытается сравнить свое ранжирование с опытом других коллег-кавказоведов, как отечественных, так и зарубежных (Ковалевская, 1983. С. 18–34; Белинский и др., 2001. С. 45–59; Reinhold, 2007). Выясняя процент воинских захоронений в могильнике Фарс/Клады, В.Р. Эрлих отмечает, что из 44 грунтовых погребений оружие содержалось в 21 могиле, что составляет 48%. «Если к ним добавить и еще такие мужские признаки, как "оселок", "нож", "уздечка", "лошадь", – пишет автор, – то этот процент возрастет до 61.5%» (с. 64). Но ведь могилы с "уздечкой" и "лошадью" *уже входят* в число указанных комплексов с оружием (с. 21). Как же их можно добавлять к данному числу? И что это за погребения? В.Р. Эрлих ничего о них не пишет. Что же касается ножей и оселков, то они являются в целом довольно четкими индикаторами *мужских*, но далеко не всегда *воинских* могил.

Тем не менее в целом мы высоко оцениваем главу V, которая является основательным вкладом в изучение погребальной обрядности протомеотов.

В небольшой главе VI рассматриваются бытовые и культовые памятники протомеотского периода. Изложенный материал, особенно в части исследования прототипов меотских святилищ, представляет несомненный интерес. Правда, автор почему-то обошел вниманием важный вопрос о стратиграфии поселения Красногвардейское II, которая, полагаем, имеет большое значение для хронологии протомеотской группы в целом. Не отрицая атрибутирование автором некоторых комплексов вещей как "ритуальных кладов", мы хотели бы указать, что вряд ли стоит все клады с территории кобанской культуры (культурно-исторической общности) относить к их числу (с. 71).

Особый интерес представляет глава VII "Материальная культура протомеотских памятников". Она является основной в монографии. Глава отличается фундаментальностью, широтой и системностью анализа, в поле зрения автора находятся самые разнообразные стороны материальной культуры местного населения начала эпохи железа (керамическая и бронзовая посуда, оружие, орудия труда и т.д.). В.Р. Эрлих демонстрирует прекрасное владение огромным материалом, который получил в его работе четкую и весьма компетентную культурно-хронологическую интерпретацию, отличающуюся оригинальностью, интересными исследовательскими находками. Сказанное не означает, впрочем, что мы согласны со всеми выводами и наблюдениями В.Р. Эрлиха. Считаем неудачной формулировку "птицеголовый скипетр с дополнительным образом хищника" по отношению к предмету из погр. 14 могильника № 1 на Кисловодской мебельной фабрике (с. 88). Фрагмент псалия черногоровского типа из протомеотского слоя поселения Красногвардейское II, являющийся важным хроноиндикатором, нельзя, как делает автор на с. 68, соотносить с образцом из Кубанского могильника. Как показывает сам В.Р. Эрлих уже на с. 123, форма отверстий у этих вещей совершенно различна. На с. 132 ошибочно говорится о том, что крестовидная бляшка-пуговица с арочной петлей на обороте найдена в погр. 11а Белореченского 2-го могильника (ср.: Дударев, 2004. С. 65. Рис. 6).

Глава VIII "Протомеотские бронзы – традиции и инновации" посвящена изучению химического состава бронзовых изделий Северо-Западного Кавказа времени перехода между эпохами бронзы и железа. Рассматриваемые в ней данные спектрального анализа 120 предметов – высокоинформативной и представительной серии – позволяют автору более веско и аргументированно проследить связи протомеотской группы памятников с колхидской и кобанской культурами, углубить характеристику специфики развития технологии местной цветной металлургии, которая, несмотря на интенсивные контакты с соседями, отмечена менее высоким уровнем развития.

Большую важность имеет глава IX "Проблемы относительной и абсолютной хронологии протомеотских памятников". Хронологическая схема, предложенная В.Р. Эрлихом, по составу своих временных горизонтов, а также отдельных ведущих хроноиндикаторов в целом не противоречит нашим подходам к периодизации памятников Северного Кавказа предскифского периода (Дударев, 1991; 1995; 1998; 1999). Большая и полезная работа, проделанная автором книги, еще раз убеждает в том, что, несмотря на немалые проблемы в предскифской хронологии Северного Кавказа и Восточной Европы, которые невозможно обойти без ущерба для решения вопросов культурно-исторического развития населения этих регионов (Махортих, 2008), и сложность хронологической структуры конкретных опорных памятников нет убедительных оснований радикально пересматривать позиции, например, классических новочеркасских памятников или даты келермесского этапа, как это делает А.И. Иванчик (2001. С. 115). Его взгляды В.Р. Эрлих подверг справедливой и объективной критике, показав несостоятельность подобных попыток. В то же время в главе есть и определенная неувязка, которая касается выяснения времени возникновения протомеотской группы. В.Р. Эрлих вполне позитивно отнесся к верхней датировке белозерского горизонта в Прикубанье X в. до н.э. Но нижняя дата протомеотских памятников удревняется им, в лучшем случае, до конца IX в. до н.э. Возникла никак не фиксируемая и не объясняемая автором лакуна. Между тем если обратиться к стратиграфии поселения Красногвардейское II, мы увидим, что между кобяковским и протомеотским слоями *не было стерильной прослойки*. По этому поводу Э.С. Шарафутдинова пишет об "очень незначительном хронологическом разрыве между существованием обоих поселений" и задает вопрос "может быть, этот разрыв совсем отсутствовал?" (1989. С. 47). В таком случае формально, на материалах данного поселения, указанная лакуна почти заполняется. В этом-то и состоит значение Красногвардейского II для хронологии памятников Кубани эпохи перехода от бронзы к железу. Таким образом, проблема нижней границы протомеотских памятников является объективно весьма сложной и требующей накопления новых материалов.

В главе X "Историческая роль протомеотского периода", которую можно отнести к числу творческих удач автора, В.Р. Эрлих рисует яркую и убедительную картину внешних связей протомеотской группы памятников, на фактическом материале показывает невозможность объединения протомеотского и раннемеотского периодов и, наконец, стремится "развести" между собой понятия "меотская археологическая культура" и "раннескифская культура" путем замены последнего на понятие "раннескифский культурный комплекс" (с. 199).

В Заключении, возвращаясь к своей первоначальной "рабочей гипотезе", автор подводит итоги исследования, указывая на то, что прослеженные им сложные культурно-исторические и иные процессы на Северо-Западном Кавказе в начале раннего железного века так или иначе являются отражением миграции земледельческо-скотоводческого населения из степей. Эта миграция, как показывают параллельные многолетние и основательные исследования С.В. Махортых (2008), послужила мощным фактором культурообразующих процессов в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе. Мы бы дополнили автора в том смысле, что указанная миграция, приведшая к существенному разрыву с прежними традициями и придавшая новационность самому протомеотскому феномену, поставила разрозненные группы местного населения перед необходимостью интегрироваться, востребовать весь свой потенциал и резко усилить связи не только со степными, но и традиционными кавказскими историческими партнерами – племенами Центрального Предкавказья, а также Закавказья, особенно Колхиды, и населением причерноморской береговой полосы.

Подводя итоги рецензии, необходимо сказать, что автор книги смог дать развернутую, объективную в своих основных чертах, исторически достоверную характеристику формирования протомеотской общности, показал ее геоландшафтные и историко-культурные особенности, детально продемонстрировал локальное районирование, выявив специфику как конкретных памятников, так и их групп. В.Р. Эрлих выступил как весьма способный, внимательный и компетентный систематизатор материальной культуры протомеотов, заложив основы ее будущей (как хотелось бы надеяться) каталогизации. Культурный комплекс протомеотов в монографии В.Р. Эрлиха предстает перед нами как сложное, многокомпонентное, синкретическое образование, имеющее широкие культурно-хронологические параллели, которое невозможно оценивать одномерно и упрощенно. Те же дискуссионные моменты и недочеты, которые есть в каждой крупной работе, нисколько не отражаются на общей высокой оценке труда В.Р. Эрлиха. Перед нами – фундаментальное и оригинальное научное произведение, которое вносит весомый вклад в изучение проблем археологии и истории Северо-Западного Кавказа и всего Северо-Кавказского региона в целом в эпоху раннего железа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арешьян Г.Е. Железо в культуре Древней Передней Азии и бассейна Эгейского моря (по данным письменных источников) // СА. 1976. № 1.

Белинский А.Б., Дударев С.Л., Харке Х. Об опыте социального ранжирования мужских погребений предскифской эпохи могильника Клин-Яр III // ДА. 2001. № 3–4.

Давудов О.М. Культуры Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала, 1974.

Джанелидзе Ч.П. Палеогеография Грузии в голоцене. Тбилиси, 1980.

Дударев С.Л. Некоторые аспекты проблемы освоения железа населением Северного Кавказа // Археология и вопросы хозяйственно-экономической истории Северного Кавказа. Грозный, 1987.

Дударев С.Л. О железорудных месторождениях Предкавказья (историко-археологический аспект) // Природно-ресурсный потенциал горных районов Кавказа. Грозный; Сочи, 1989.

Дударев С.Л. Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. Грозный, 1991.

Дударев С.Л. К проблеме взаимодействия племен Северного Кавказа с ранними кочевниками в предскифскую эпоху. Армавир, 1995.

Дударев С.Л. К вопросу о месте "киммерийских" комплексов из Западной Азии в системе хронологических и культурных связей Причерноморья, Кавказа и восточных районов Евразии // ВДИ. 1998. № 4.

Дударев С.Л. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху. Армавир, 1999.

Дударев С.Л. Белореченский 2-й могильник – памятник эпохи раннего железа Кавказских Минеральных вод // Матер. и исследов. по археологии Северного Кавказа. Вып. 3. Армавир, 2004.

Дударев С.Л., Пелих А.Л. О некоторых особенностях протомеотского погребального обряда // Четвертые чтения по археологии Средней Кубани. Армавир, 1997.

Иванчик А.И. Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. М., 2001.

Ковалевская В.Б. Воинские погребения раннескифского времени кобанского могильника Уллубаганалы в Карачаево-Черкесии // Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1983.

Козенкова В.И. У истоков горского менталитета: могильник эпохи поздней бронзы – раннего железа у аула Серженьюрт, Чечня // Матер. по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. 3. М., 2002.

Колчин Б.А. Проблемы изучения технологии древнейших производств // Очерки технологии древнейших производств. М., 1975.

Котович В.Г. Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана. М., 1982.

Махортих С.В. Культура та історія кіммерійців Північного Причірномор'я: Автореф. дис. ... д-ра іст. наук. Київ, 2008.

Пелих А.Л. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки и его место в системе межкультурных связей эпохи поздней бронзы Кавказа и Юго-Восточной Европы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2003.

Пикуль М.И. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967.

Шарафутдинова Э.С. Двуслойное поселение Красногвардейское II – памятник эпохи поздней бронзы – начала раннего железа на Кубани // Меоты – предки адыгов. Майкоп, 1989.

Dudarev S.L. The Mastering of Iron-Working by the Peoples of the Northern Caucasus (Soviet and Russian Historiography of the Second Half of the 20th Century) // Ancient West&East. Iss. 3.1. Leiden; Boston, 2004.

Reinhold S. Die Spätbronze- und frühe Eisenzeit im Kaukasus. Universitätsforschungen zur Prähistorischen Arhäologie. Bd. 144. Bonn, 2007.

Армавирский государственный педагогический университет *С.Л. Дударев*

НОВАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО АРХЕОЛОГИИ ТАДЖИКИСТАНА (2005–2007 гг.)

Включенные в данный обзор публикации содержат информацию о результатах археологических исследований, проводившихся на территории Республики Таджикистан в 1986–2005 гг. Они носят в основном характер научных отчетов и имеют широкий хронологический диапазон – от нижнего палеолита до позднего средневековья.

Археологические работы в Таджикистане. Вып. XXVI. Душанбе; Худжанд, 2005. 519 с.

Сборник открывает статья Н.Н. Негматова, который дает обзор полевых работ Северо-Таджикистанской археологической экспедиции (СТАКЭ) и информирует о торжествах, посвященных 2500-летию города Худжанда, которое отмечалось в 1986 г. Автором также характеризуются этапы формирования архаического Худжанда. А.К. Мирбабаев описывает памятники водопользования Худжанда и его округи, датируемые разным временем. Он приводит легенды и поверья, связанные с водой у местного населения. П.Т. Самойлик суммирует результаты археологических раскопок, проводимых на территории, примыкающей к цитадели Худжанда, публикует керамические материалы, относимые им к VIII в. до н.э. – IX в. н.э. О.М. Никитина рассматривает археологические находки, полученные в ходе подготовительных к реставрации работ на мавзолее шейха Муслихиддина в Худжанде. Результаты изучения мавзолеев Северного Таджикистана публикуют С.М. Мамаджанова, Р.С. Мукимов.

Отдельные монетные находки и семь кладов, найденных в разные годы на городище Калаи Кахкаха в пос. Шахристан, явились предметом изучения Д. Давутова. Они датируются автором статьи VI–XIX вв. Н.Н. Негматов обратился к результатам археологических раскопок городища Калаи Кахкаха I–III, отождествляемого им со столицей Уструшаны, полемизируя при этом с другими исследователями, помещающими столицу владения в районе нынешнего Уратюбе.

Продолжились многолетние исследования на городище Мугтепа. В пределах раскопа открыта круглая оборонительная башня и остатки строения, которое автор заметки Н.Т. Рахимов считает “храмовым”. Им же публикуются материалы раскопок раннесредневекового замка Каппатепа, расположенного около сел. Табошар. А.А. Абдуразаков и Н.Т. Рахимов приводят результаты химических анализов стеклянных изделий из этого замка. В.А. Жуков и Н.Т. Рахимов сообщают об итогах охранных раскопок на памятниках Северного Таджикистана, в частности места находки погребения в деревянном гробу близ сел. Карасакол. Оно датируется авторами II–IV вв. н.э. Н.Т. Рахимов публикует перечень научных и научно-популярных монографий и статей по истории и культуре Худжанда с 1954 до 1986 г.

Сотрудники Пенджикентской экспедиции вели раскопки поселения энеолита–ранней бронзы Саразм, могильника эпохи бронзы Тепаи Камар и городища древнего Пенджикента. Во время исследований поселения Саразм было найдено богатое захоронение молодой женщины. Г. Майтдинова и А. Исаков публикуют реконструкцию ее одежды. А.И. Исаков, А.Р. Раззоков приводят итоги раскопок поселения Саразм в 1986 г., которые позволили авторам заключить, что жилая застройка велась здесь в виде изолированных массивов. Среди находок есть печать и целые керамические изделия. В могильнике раскопано 14 захоронений носителей культур степной бронзы. Б.И. Маршак, А.М. Беленицкий, В.И. Распопова информируют о работах, проведенных на нескольких объектах древнего Пенджикента. Самые интересные находки были сделаны в храме II – алебастровая скульптура богини и два серебряных медальона с изображением эллинистического правителя.

Отдельный блок образуют статьи сотрудников Южно-Таджикистанской археологической экспедиции. В.А. Ранов и А.Г. Амосова знакомят с итогами раскопок нижнепалеолитической стоянки Каратау I, приводят размеры вскрытых площадей палеопочв, характеризуют каменный инвентарь, датировка которого (200000 лет) установлена при помощи термолюминесцентных анализов. А.Х. Юсупов и Т.Г. Филимонова проводили поиски памятников каменного века на берегах Нурекского водохранилища. Из публикации их отчета следует, что среди находок есть изделия, датируемые концом нижнего палеолита–гиссарским неолитом. Т.Г. Филимонова сообщает о результатах раскопок стоянки Харкуш, открытой в верховьях одноименной реки. Полученные автором материалы относятся к концу верхнего палеолита–раннему мезолиту. Неолитическая стоянка на возвышенности Тепаи Гозиен в Гиссарской долине была открыта А.П. Окладниковым в 1948 г. А.Г. Амосова провела дополнительное ее изучение. В заметке исследовательница описывает серии стратиграфических раскопов и полученный материал.

Изучению поселения бронзового века Дахана в районе г. Нурек посвящена статья Л.Т. Пьянковой. Здесь были раскопаны остатки двух помещений, стены которых покоились на каменных фундаментах. Фрагменты найденной керамики относятся к кругу земледельческих культур Бактрии. Н.М. Виноградова продолжает исследования поселения эпохи бронзы Кангурттут. Вскрывались строительные остатки трех периодов, в том числе ямы, напоминающие кенотафы, с разнообразным инвентарем. Заметка С.А. Узянова посвящена раскопкам курганов в окрестностях совхоза Кангурт. Изученный им курган выделяется большими размерами и глубоким (7.3 м) дромосом. Очевидно, в древности он был ограблен. Металлографическое исследование 14 бронзовых изделий поселения Кангурттут провела И.Г. Равич; в результате выяснено, что эти вещи изготавливались из литых заготовок методом холодной ковки.

Раскопкам дворцового здания на цитадели городищ Дарбанд и Калаи Духтари Имлок посвящена заметка И.А. Маслова. Продолжал изучение раннесредневекового буддийского монастыря Хишттепа в Ховалингском районе М.М. Муллокандов. В храмовой части памятника найдены остатки настенной живописи с изображением шествия птиц и большое число вотивных моделей глиняных ступ двух типов. В раздел раннесредневековой археологии вошла и статья В.В. Радилиловского, в которой характеризуются исследования в верховьях р. Ширкент, в частности на поселении Харкуш. Дается описание архитектурных остатков, керамики, зооморфных терракот. На городище Кафиркала в Вахшской долине завершены раскопки второго городского жилого дома, датируемого второй четвертью VIII в. В отчете В.С. Соловьева определено назначение его помещений, характеризуются находки, в частности две бактрийские надписи. Э.Г. Гулямова вела работы на внешних стенах и в помещениях дворца на цитадели Хульбука. Найдены фрагменты разного ганча (алебастра), в том числе с надписями.

Ю.Я. Якубов и З. Гарифулина информируют о раскопках раннесредневекового замка Наврузшах II. Ими приведено описание стратиграфии памятника и раскопанных помещений. При подготовительных реставрационных работах в

позднесредневековых постройках в Гиссаре был получен значительный керамический материал. В статье П.Т. Самойлика дается его характеристика. Постройки этого же времени раскапывались в верхних слоях цитадели. М.А. Бубнова сообщает об изучении памятников разного времени на Восточном Памире: могильника Карадимур, поселения Карадимур II, кладбища баранов. А.Л. Абдуллаев, Т.М. Атаханов публикуют богатую коллекцию средневековой керамики, найденную при изучении Султанабадского городища на территории одноименного селения. Сборник завершает перечень монетных находок разного времени с территории Таджикистана, составленный Д. Давутовым.

Археологические работы в Таджикистане. Вып. XXX. Душанбе, 2005. 314 с.

Издание содержит главным образом материалы, полученные во время работ Южно-Таджикистанской археологической экспедиции.

Традиционно сборник открывают статьи, в которых речь идет об изучении памятников каменного века. В статье В.А. Ранова сообщается о вскрытии четырех–шести палеопочв лессово-почвенного разреза Оби-Мазар в Ховалингском районе. Автором приводятся три разных мнения об их выделении, характеризуется каменный инвентарь, датируемый нижним палеолитом. Изделия каменного века в разные годы были найдены на территории г. Душанбе. В 2002–2004 гг. Т.Г. Филимонова провела их новые поиски в северо-западной части города, на террасах рек Лучоб и Варзоб. В опубликованном исследовательницей отчете содержится обширный материал, датируемый поздним мустье–мезолитом. Т.У. Худжагелдиев издает материалы раскопок неолитической стоянки, открытой на территории эллинистического храма Окса на городище Тахти Сангин. Приводится стратиграфия раскопов, реконструируются природные условия региона в эпоху неолита, характеризуется каменный инвентарь. Во время работ на поселении Саразм открыта обжигательная гончарная печь удовлетворительной сохранности, датируется она автором отчета А.Р. Раззоковым поздним энеолитом. Характеризуются материалы, найденные при ее раскопках.

Были продолжены исследования на городище Тахти Сангин, они велись как в храме Окса, так и в городе. Об их результатах информирует статья А.П. Дружининой. Ю.Я. Якубов, осмотревший известное архитектурное сооружение в Айбеке (Афганистан, провинция Саманган), которое считается буддийской ступой, предполагает, что это храм – алтарь огня. В 2002–2003 гг. в рамках археологического изучения Душанбе А.Л. Абдуллаевым было заложено несколько шурфов и раскопов на территории Душанбинского городища. В его статье описаны стратиграфия памятника и полученные материалы, главным образом эллинистическая керамика. В это же время на Душанбинском городище работы вела М.А. Бубнова. В трех раскопах ею вскрыты слои XVI–XIX вв., сделаны различные находки, публикуемые в отчете. В заметке Е.П. Денисова сообщается о продолжении изучения курганов кушанского периода в Дангаринском районе. В 2004 г. продолжались раскопки в г. Кулябе и его окрестностях. В отчете Ю.Я. Якубова, Д. Довуди, Т.Г. Филимоновой, М.Р. Ахметзянова, А.С. Кулемина приводятся их результаты. Полученный материал датируется от эпохи неолита до позднего средневековья. М.А. Бубнова проводила раскопки на Восточном Памире в долинах рек Шоролю и Кальтатур, изучая могильники и каменные выкладки VI–V вв. до н.э.

Д. Довуди публикует материалы исследований средневекового г. Вашгирда. Здесь получена значительная коллекция керамики, датируемой III/II вв. до н.э. – XVII в. н.э. В двух отчетах В.С. Соловьева сообщается о раскопках жилого дома на городище Кафиркала в Вахшской долине, датируемого второй четвертью VIII в. Дом включал в себя четыре помещения жилого и хозяйственного назначения. О продолжающихся раскопках Хульбука сообщают Ю.Я. Якубов, Д. Довуди, А.С. Кулемин. Изучались фасады дворца и его внутренняя застройка. За его пределами вскрыта баня. Н.Н. Негматов кратко суммирует результаты работ Северо-Таджикистанской археологической экспедиции за 50 лет. Э.М. Орипов, Р.Т. Рахимов публикуют материалы раскопок на месте строительства нового историко-краеведческого музея в Худжанде, где выявлены культурные слои VI/IV вв. до н.э. – XVIII в. н.э. В завершающей части издания Т.Г. Филимонова опубликовала алфавитный указатель к сборникам "Археологические работы в Таджикистане", выпуски XXI–XXV, XXVII–XXX. Заканчивается книга сообщением о смерти Л.Т. Пьянковой.

Археологические работы в Таджикистане. Вып. XXXI. Душанбе, 2007. 279 с.

В сборник вошли в основном отчеты археологических отрядов, работавших на территории республики в 2005 г.

Ю. Якубов, Д. Давутов, Т.Г. Филимонова, М.Р. Ахметзянов, Х. Сафаров публикуют материалы раскопок археологических памятников г. Куляба и его пригородов. У кишлака Гелот изучалось неолитическое поселение и два погребения того же времени. В кишлаке Учкун исследовалось неолитическое поселение, могильник эпохи бронзы и захоронение эфталитского периода. На территории г. Куляба была заложена серия шурфов, в которых найдена керамика III/II вв. до н.э. – раннего средневековья. Раскопкам в Кулябе, в местности Калаи Чармгарони Поен, посвящена еще одна статья Д. Довуди, Ю. Якубова, Ш. Курбанова, Х. Сафарова. Найдена большая коллекция керамики разного времени.

Продолжались исследования и на поселении Саразм. В отчете А.Р. Раззокова, Ш.Ф. Курбанова, Г.Р. Каримовой сообщается об открытии нового святилища. На северных склонах Туркестанского хребта начала работу Таджикско-Германская археологическая экспедиция, в задачу которой входит изучение контактов между земледельцами и скотоводами этого региона. В отчете С. Штарка, Н. Рахимова приводятся данные о пунктах, где найдены разновременные следы человеческой деятельности. О продолжающихся раскопках дворцовых помещений на цитадели Хульбука информируют Ю.Я. Якубов, Т.У. Худжагелдиев, Т.Г. Филимонова, М. Ахметзянов. Материалы 3 из 11 педокомплексов разреза правого борта долины р. Обимазар в Ховалингском районе, исследованных В.А. Рановым, опубликованы Т.У. Худжагелдиевым. Датируются они 620–570 тыс. лет. М.А. Бубнова сообщает о раскопках курганов в долине р. Шоролю на Восточном Памире. Завершаются полевые отчеты статьей Б.И. Маршака, В.И. Распоповой, В.Г. Шкоды о раскопках городища и некрополя древнего Пенджикента в 1990 г.

Археология Таджикистана за последние годы понесла большие утраты – не стало Т.М. Атаханова, Э.Г. Гулямовой, Б.И. Маршака, В.А. Ранова, Б.Я. Ставиского. Их коллегами и учениками опубликованы некрологи и списки работ умерших исследователей.

Якубов Ю., Довуди Д., Филимонова Т. История Куляба с древнейших времен до наших дней. Душанбе, 2006. 262 с.

В монографии представлена история Хатлонской области и г. Куляба с эпохи каменного века до наших дней. Для характеристики древней и средневековой истории привлечены новые археологические материалы.

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина *В.С. Соловьев*

А.В. Жук. ВАСИЛИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ГОРОДЦЕВ В РЯЗАНСКИЙ ПЕРИОД ЕГО ЖИЗНИ, СЛУЖБЫ И НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. Омск: Изд-во ОМГУ, 2005. 536 с.

А.В. Жук – омский археолог и историограф русской археологии – известен своими статьями, часть которых в 1980-х – 1990-х годах посвящалась творческому наследию В.А. Городцова. Справедливо отмечая отсутствие научной биографии этого корифея, автор решил создать ее "предварительный вариант" (с. 7). Ради этого он обработал бóльшую часть литературы о Василии Алексеевиче[1] и много занимался архивными поисками в Московском Военно-историческом и Рязанском областном архивах, содержащих в основном материалы о начальных отрезках учебы и службы будущего великого археолога. Таким образом мы получили в исполнении А.В. Жука как бы первые главы полной биографии В.А. Городцова, которая все еще остается делом будущего.

Глав в книге три. Первые две описывают рождение и детство, учебу и военную службу этого уроженца Рязанщины. Детально охарактеризованы предки и родственники будущего ученого, включая двоюродных; быт и нравы провинциального духовенства (в тонах благостных); порядки в Рязанском духовном училище (которое В.А. Городцов закончил с низкими баллами, включая "четверку" по поведению) и в Рязанской же духовной семинарии (и ее аттестат у него вышел посредственным); возможности и этикет армейской службы, которую выбрал будущий археолог, поскольку "на заре туманной юности" ему не хватило успеваемости для поступления в университет. Подробно расписаны славные боевые пути и офицерские составы гренадерских частей, где служил В.А. Городцов: 12-го Астраханского полка, с которого он еще вольноопределяющимся в Рязани начал путь к подполковничьим погонам (потолок его офицерской карьеры), затем 11-го Фанагорийского полка, где он получил первый офицерский чин.

Только третья глава обращает наше внимание на "первые шаги В.А. Городцева[2] в изучении древностей". Именно она оправдывает появление столь объемистого тома, в ней содержатся сведения и соображения, откуда появился такой энергичный и удачливый археолог. Разведки и раскопки неолитических стоянок на дюнах Поочья, в родных ему местах, а также раскопки Борковского могильника послужили для В.А. Городцова "первым классом" его археологической практики. А.В. Жук характеризует всех тех, кто помогал Василию Алексеевичу постепенно профессионализировать увлечение древностями на рубеже 1880-х – 1890-х годов. Среди его предшественников, учителей и партнеров по разысканию местных древностей отмечены и рязанцы (по месту тогдашнего жительства) Л.С. Голицын [3], А.В. Селиванов, А.И. Черепнин, и столичные ученые, начиная с А.С. Уварова, А.П. Богданова, В.И. Сизова.

В состав главы введены развернутые очерки рязанской археологии с начала XIX в. по 1870-е годы; середины 1880-х годов; второй половины 1880-х – начала 1890-х годов. Можно подумать, периодизация провинциальных раскопок судьбоносно предвещала рождение светила отечественной археологии… Впрочем, такого рода "микроисториография" посвоему поучительна для современных представителей науки о древностях, чьи знания о предшественниках нередко слишком лапидарны.

В рецензируемой работе учтены почти вся печатная "городцовиана" и значительный массив архивных документов, большая часть которых открыта и введена в научный оборот автором книги. Треть текста составляют документальные приложения – подборка метрик, аттестатов, послужных списков семинариста, юнкера, наконец, подполковника В.А. Городцова. Наряду с этим ценным материалом документальная концовка монографии перегружена формулярами нескольких его начальников и сослуживцев и такими, по сути, уже явно лишними справками, как мистические толкования имени "Василий" по П.А. Флоренскому[4], список детей императора Александра II, текст воинской присяги того времени и тому подобные частности. Становление личности ученого отчасти поясняют лишь некоторые приложенные к тексту книги документы – из архивов Рязанской ученой архивной комиссии да Московского Археологического общества.

Двойственное впечатление оставляют монархические пристрастия автора, а также его увлеченность военно-исторической тематикой. Это распространенное сегодня даже среди вполне мирных людей хобби оставило в тексте монографии многочисленные следы. С одной стороны, мне, как и, наверное, многим другим читателям, любопытно узнать в подробностях, как эволюционировала русская военная форма (с. 140–143); чем вооружали тогда офицеров (с. 144, 145); почему наганы вытеснили "Смит и Вессоны" (с. 171, 178); чем так хорош игольчатый штык (с. 179–181); о преимуществах русских саперов перед немецкими в обеих мировых войнах (с. 199, 200); эволюции понятия "рейнджер" в США и Британской империи (с. 211, 212); первых достижениях армейской кинологии (с. 220, 221); и прочая, и прочая по той же части. Офицерский старт биографии В.А. Городцова как

[1] Среди нескольких пробелов в библиографии издания отметим наиболее существенный – работы воронежца И.Е. Сафонова, в том числе его диссертацию "В.А. Городцов и изучение эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи" (2002).

[2] Автор начинает "Введение" в свою работу с дотошного разбора того частного обстоятельства (достойного в лучшем случае рядовой сноски), почему первоначальное написание фамилии героя – "Городцев" – сменилось на то, которое стало окончательным и привычным читателям – с огласовкой через "о". В заглавии книги тем не менее непонятно почему сохраняется архаичное именословие. И этот, и многие другие побочные экскурсы А.В. Жука вряд ли заинтересуют "специалистов в области археологии, этнологии и историографии" (с. 3), коим он адресует свою работу.

[3] В большом и довольно тщательном справочном аппарате монографии имеются некоторые неточности. Исправим те, что относятся к фигуре князя Л.С. Голицына. Он не мог иметь "степени магистранта римского права" (с. 243) за отсутствием таковой вообще. Магистрантом называли лицо, оставленное при кафедре университета для подготовки к сдаче магистерских экзаменов и соответствующей диссертации, с перспективой приват-доцентского и профессорского званий. Л.С. Голицына оставили в магистрантуре по двум кафедрам юридического факультета, но он, сдав магистерский экзамен по гражданскому праву, диссертацию защищать не стал, покинув университет ради службы по винодельческой части (см.: Ламан, Борисова, 2000). Дата кончины князя (у А.В. Жука – под знаком вопроса) загадки не представляет – 1915 г.

[4] Предположениям о том, почему Городцова назвали именно Василием, посвящено в книге 15 страниц.

будто дает основания для экскурсов насчет "выпушек, погончиков, петличек" и т.п. С другой стороны, для историографии археологии все эти подробности носят посторонний характер. Помещены они не в примечаниях, а внутри изложения. У. Эко называет такой писательский прием "сальгаризмом". Вот герои итальянского писателя Э. Сальгари "бегут по лесу, спасаясь от погони, и налетают на корень баобаба. Тут повествователь откладывает в сторону сюжет и начинает ботаническую лекцию о баобабе" (Эко, 2003. С. 44). Двигаясь в этом направлении, А.В. Жук неоднократно перемежает жизнеописание В.А. Городцова многостраничными опусами на самые разные темы. В текст второй главы введены, в частности, очерк геополитической ситуации в эпоху Александра II (с. 183–187), история экспедиций Генерального штаба в Азию (с. 188–192). Но то, что допустимо в популярной литературе, вряд ли уместно в издании с подзаголовком "монография" на титульном листе. Идя по такому пути, не слишком трудно было бы довести объем издания о "первых шагах ученого" до нескольких томов (например, описать меню в офицерской столовой, цены в магазинах, насколько модно одевалась супруга археолога и т.д.).

К теме монографии прямое отношение имеет только характеристика археологических занятий русских офицеров (далеко не всех, кстати говоря) того времени (с. 192–197). Заслуги на поприще раскопок полковников Н.Е. Бранденбурга (1839–1903) и Л.К. Ивановского (1845–1892), штабс-капитана С.С. Гамченко (1860–1934), генералов Г.А. Колпаковского (1819–1896) и А.В. Комарова (1830–1904) отмечены справедливо. Однако автором замалчиваются известные недостатки в деятельности некоторых военных-археологов, раскопавших тысячи курганов, как, в частности, тот же Ивановский, но оставивших разбор и издание массы находок на долю вполне штатского А.А. Спицына.

Подкупающе наивны некоторые новации авторской стилистики. Так, А.В. Жук упорно избегает определения "последний" – оно заменяется суеверной конструкцией "крайний по времени". Например, С.К. Гершельман – "крайний по времени окружной начальник штаба Городцова" (с. 15), Д.Ф. Трепов – "крайний по времени обер-полицмейстер Москвы" (с. 134) и т.д. В таком определении чувствуется затаенная надежда на восстановление этих постов когда-нибудь.

Отмеченные несоответствия жанра и содержания – лишний пример некоторой деградации научного книгоиздания, особенно в провинции: формального обозначения рецензента (в данном случае – светлой памяти профессора В.И. Матющенко) и отсутствия научного редактора у книги молодого автора.

Посвятив большую часть солидного тома сугубо внешним деталям биографии своего героя, автор вместе с тем миновал такие ее моменты, которые куда более существенны для истории науки. Правильно отмечена ключевая для обращения недавнего поповича и солдата в археологи роль Алексея Васильевича Селиванова (1851–1915), акцизного чиновника, а на досуге ревностного изыскателя рязанских древностей. Генеалогии и биографии А.В. Селиванова посвящен десяток страниц, но о его непосредственном общении с В.А. Городцовым читатель мало что узнает. Отмечена книга, которую сам Василий Алексеевич признавал своим первым учебником по археологии – "Доисторические времена" Д. Лёббока в переводе Д.Н. Анучина 1876 г. А вот что именно в содержании этой в общем компилятивной работы ориентировало будущего ученого на розыски родной старины, отмечено скороговоркой (с. 256). Между тем на рубеже позапрошлого и прошлого веков при объединении западного опыта и отечественных инициатив как раз завершалось становление археологической теории и практики в России. Определить пропорцию заимствований и инноваций, хотя бы на показательном городцовском примере, было бы любопытно.

По заключению автора, "церковь, армия, наука – вот та духовно-интеллектуальная триада, что сформировала личность В.А. Городцова как ученого" (с. 348). Наверное, это действительно так, только автор монографии видит и подробно излагает исключительно положительные стороны трех жизненных ипостасей человека, который почему-то из церкви ушел в армию, а оттуда – на музейную службу. Причем не дожидаясь логического завершения каждого биографического отрезка (незаконченная семинария; рассказы маститого археолога своим ученикам о генеральском чине, якобы вполне достижимом для него в прошлом). Кроме взаимной дополняемости его жизненных поприщ, наверняка существовали и противоречия между ними. Насколько такой опыт "компенсировал В.А. Городцову систематику высшей школы" (с. 349) – этот вопрос для читателя остается открытым.

Ю.М. Лотман как-то полушутя назвал известную книгоиздательскую серию ЖЗЛ "Жизнь замечательных святых". Авторы биографических сочинений склонны выстраивать их исключительно в панегирическом ключе. А.В. Жук не противится этой традиции. При всем бесспорном величии В.А. Городцова как исследователя и организатора науки его отношение к собратьям-археологам не всегда оказывалось безупречным. Он, как известно, допускал монополизацию "своих" районов и типов памятников; мог не упоминать о первооткрывателе памятника, привлекшего его внимание (Формозов, 2004. С. 122); не всегда отдавал должное своим предшественникам и учителям, например, занял место Д.Я. Самоквасова в Московском археологическом институте (Стрижова, 1991. С. 113, 114); отказался (в письме к П.С. Уваровой) написать некролог об этом заслуженном профессоре Московского университета, на чьи средства и под чьим руководством проводил свои первые масштабные раскопки Бельского городища и курганов вокруг него (Щавелёв, 1998. С. 163, 164, 197). Конечно, все это частности, не меняющие общей высокой оценки вклада В.А. Городцова в археологию, но А.В. Жуку стоило бы поискать детские и юношеские предпосылки сложного характера человека, по сути дела самоучкой достигшего высот науки.

Сделанные замечания к содержанию и стилю книги А.В. Жука не колеблют ее общей положительной оценки. Трудолюбивый и увлеченный темой автор, что называется, вложил душу в свою работу, которая станет заметной вехой осмысления огромного вклада Василия Алексеевича Городцова в отечественную и мировую археологию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ламан Н.К., Борисова А.Н. Князь Лев Сергеевич Голицын. Выдающийся русский винодел. М., 2000.

Сафонов И.Е. В.А. Городцов и изучение эпохи бронзы Восточноевропейской степи и лесостепи: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Воронеж, 2002.

Стрижова Н.Б. Московский археологический институт по материалам Отдела письменных источников Государственного Исторического музея // Очерки истории русской и советской археологии. М., 1991.

Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. М., 2004.

Щавелёв С.П. Историк Русской земли. Жизнь и труды Д.Я. Самоквасова. Курск, 1998.

Эко У. Заметки на полях "Имени розы". СПб., 2003.

Курский государственный медицинский университет *С.П. Щавелёв*

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2009, № 1, с. 186–188

ХРОНИКА

ПЕРВЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ПО АРХЕОЛОГИИ ЕВРАЗИИ (Турция, Измир. 21–23 мая 2007 г.)

В мае 2007 г. в пригороде г. Измира, Чешме, состоялся Первый Международный конгресс по археологии Евразии. Он был организован преподавателями факультета археологии Докузалийского университета при поддержке администрации провинции и мэрии г. Измира и некоторых турецких фирм. Президентом, главным инициатором и организатором конгресса был доцент Докузалийского университета С. Гюнери (Турция). Активную помощь в организации работы форума оказали преподаватели и студенты Кыргызко-Турецкого университета "Манас" (Бишкек, Кыргызстан). Заседания проходили в отеле "Илика" в г. Чешме, расположенном на берегу Чесменского залива Эгейского моря.

В работе конгресса приняли участие и выступили с докладами археологи, этнографы, историки, культурологи, искусствоведы и религиоведы из Абхазии, Азербайджана, Индии, Казахстана, Китая, Кыргызстана, России, США, Украины, Японии. Наибольшее количество участников было из России и Турции. В число рабочих языков конгресса наряду с английским и турецким был включен русский язык.

Работа конгресса открылась выступлением *С. Гюнери* (Турция) на первом пленарном заседании, который рассказал о трудностях, испытываемых турецкой археологической наукой при проведении исследований за пределами Турции. Выступавший выразил надежду на то, что работа и научные результаты форума будут способствовать развитию изучения археологии Евразии в Турецкой республике. С приветствиями в адрес конгресса выступили представители провинциальной и городской администрации Измира, которые отметили значение археологии для развития страны и региона. Были зачитаны приветствия известных ученых и общественных деятелей, присланные в адрес оргкомитета.

В дальнейшем заседания проходили в рамках двух секций, которые работали одновременно в соседних залах, названных в честь правителей кочевых империй средневековья "Бильге-каган-холл" и "Чингиз-хан-холл". Однако тематически обе секции не были скомпонованы по хронологическому, территориальному или иному принципу; археологическая тематика широко освещалась в них обеих.

На первом заседании в Бильге-каган-холле были наиболее полно представлены доклады российских участников. Выступление *Д.Г. Савинова* (Россия) было посвящено формированию древнетюркского предметного комплекса в эпоху Первого Тюркского каганата по материалам Среднего Енисея. По мнению докладчика, памятники древних тюрок этого периода изучены в Центральной Азии еще очень слабо. Сама древнетюркская культура, по его оценке, является многокомпонентной. Она вобрала в себя передовые элементы кочевнических культур, существовавших в степном поясе Евразии на рубеже эпохи раннего средневековья, и распространила их на сопредельные регионы. В качестве древнетюркских элементов в предметном комплексе и изобразительном искусстве таштыкской культуры в Минусинской котловине Д.Г. Савинов отметил ранние стремена, детали оформления седел, предметы поясной фурнитуры геральдического стиля, изображения панцирных воинов на тепсейских плакетках и изваяния с многофигурными композициями. Все эти предметы, а также гравированные изображения на костяных пластинах из Поволжья исследователь связывает с культурой ранних тюрок.

Среди докладов, посвященных изучению петроглифов древнетюркского времени в Саяно-Алтае, представляет интерес выступление *А.И. Мартынова* (Россия). В нем были проанализированы граффити с местонахождения Бичикту-Бом в Горном Алтае. Автор доклада выявил стилистические особенности, сюжетные и хронологические группы рисунков. В частности, им было предложено выделять изображения "раннего тюркского времени" и "периода кыргызской экспансии".

В выступлении *Г.В. Кубарева* (Россия) были продемонстрированы те же самые рисунки из Бичикту-Бома, а также изображения с местонахождений Жалгыз-Тобе, Чагана и некоторых других петроглифических памятников Горного Алтая.

Доклад *К. Белинской* (Россия) был посвящен рассмотрению материалов, характеризующих особенности женской субкультуры древних тюрок Саяно-Алтая. Докладчица проанализировала сведения средневековых письменных источников, изучила погребальные комплексы, изображения женщин на петроглифах, гравированных рисунках на костяных предметах и каменных изваяниях с территории всего Центрально-Азиатского региона. По материалам раскопок был выделен комплекс древнетюркских женских украшений, среди которых прослеживаются аналоги украшений традиционного алтайского женского костюма. Это выступление привлекло особое внимание турецких ученых.

Очень близкой по содержанию была тема доклада *Л.А. Китовой* (Россия), которая говорила о положении женщин в древнетюркском обществе, использовав те же самые письменные источники, что и предыдущая докладчица.

Доклад *Ю.С. Худякова* (Россия) был посвящен результатам исследований в области военного дела средневековых номадов Центральной Азии, древних тюрок и кыргызов. Сопровождавший выступление иллюстративный ряд продемонстрировал графические и предметные реконструкции комплексов вооружения древнетюркских и кыргызских панцирных всадников.

На заседании, проходившем в Чингиз-хан-холле, привлек внимание аудитории коллективный доклад украинских археологов, представленный *С.А. Беляевой* (Украина). Исследовательница рассказала о результатах совместных работ украинских и турецких ученых, проводивших раскопки турецких крепостей Аккерман и Очаков на юге Украины. В процессе этих работ были прослежены особенности архитектуры фортификационных сооружений и турецкой бани, собран обширный керамический материал, обнаружены турецкие курительные трубки и монеты XVII в. Докладчица

выделила "турецкий период" в развитии указанных городов, который обозначила в пределах с XIII по XVIII вв.

А.М. Досымбаева (Казахстан) рассказала о результатах своих исследований на поминальных комплексах средневековых номадов на местонахождениях Мерке и Жайсан в Семиречье. Докладчица изложила соображения о божественном пантеоне древних тюрок. По ее мнению, его олицетворяла чета Тенгри и Умай. Культ этих божеств, согласно предложенной в выступлении реконструкции, нашел отражение в оформлении поминальных памятников, изученных на юге Казахстана.

Б. Дениз (Турция) описал свою поездку по степям южного Казахстана, в ходе которой был изучен памятник Бекпакдала. По мнению выступавшего, в основе мусульманских культовых построек этнографического времени, в том числе мазаров, лежит конструкция разборной казахской юрты. Такое утверждение трудно принять, поскольку близкие купольные постройки были распространены не только в южном Казахстане, но и по всей Средней Азии, включая оседло-земледельческие оазисы, с эпохи развитого средневековья.

А.И. Соловьев и *И.В. Сальникова* (Россия) рассказали о развитии торговых и культурных связей тюркского кочевого населения с угорскими и самодийскими племенами лесостепных и таежных районов Западной Сибири в IX–XIII вв.

Е. Серитас (Турция) привел некоторые сведения о музыкальной культуре хуннов, почерпнутые в китайских письменных источниках эпохи Хань. Судя по его изысканиям, у хуннов музыкой и танцами занимались преимущественно женщины. Конечно, эти соображения носят предварительный характер.

Лю Син (Китай) рассказал о своей поездке по Монголии и продемонстрировал широко известные стелы с надписями с поминальных памятников из Бугута, Хушо-Цайдама, Цаган-Обо, а также надписи на скальном останце Тайхир-Чулу в долине р. Тамир. По мнению выступавшего, эти памятники свидетельствуют о пребывании хуннов, сяньби, жужаней и тюрок в Центральной Азии.

Несомненный интерес для специалистов по археологии средневековых номадов степного пояса Евразии представляло выступление *В. Отрощенко* (Украина), посвященное анализу материалов раскопок могилы знатного воина на р. Чингул. Докладчик интерпретировал этот памятник как захоронение половецкого хана. Результаты изучения комплекса готовятся к изданию украинскими и американскими учеными.

Доклад *К.Ш. Табалдиева* (Кыргызстан) был посвящен использованию домашних животных в погребальных и поминальных обрядах средневековых кочевников Тянь-Шаня. Полученный автором в ходе многолетних полевых исследований материал представляет несомненную важность для реконструкции заупокойной обрядности кочевого населения в периоды раннего и развитого средневековья.

В завершение заседания *Е. Акин* (Турция) продемонстрировал аудитории обеих секций короткометражный фильм, снятый в Кыргызстане, в котором была предложена попытка реконструировать обряд шаманского камлания у древних тюрок. На съемках были задействованы кыргызские профессиональные артисты и студенты Кыргызско-Турецкого университета "Манас", а в качестве реквизита использовались театральные костюмы. Реконструированный обряд отчасти напоминает камлание тувинских шаманов.

В последующие дни работы конгресса на обеих секциях также был сделан ряд интересных докладов и сообщений.

В докладе *К. Ибрагимзаде* и *В. Дмитриева* (Россия) были продемонстрированы экспонаты из представительной коллекции предметов турецкой культуры в собрании Русского этнографического музея.

Т. Осава (Япония) рассказал о древнетюркских рунических надписях и уйгурских городищах, которые ему удалось осмотреть в ходе экспедиционных поездок по Монголии и Саяно-Алтаю.

Выступление *Е. Тулунай* (Турция) было посвящено изучению некоторых памятников культуры этрусков на территории Аппенинского полуострова, которых докладчица именовала "азиатским народом".

В докладе *Г. Патрушевой* (Россия) говорилось о традиционных верованиях шорцев и казахов, которые были зафиксированы в ходе полевых этнографических исследований в Кемеровской и Омской областях.

Выступление *Б. Есбергеновой* (Казахстан) содержало сведения о петроглифах и каменных изваяниях на святилищах Мерке и Жайсан, рассмотренных в контексте сохранения культурного наследия Казахстана. Ранее об этих же памятниках говорилось в докладе А.М. Досымбаевой. Б. Есбергенова не сочла возможным выделить среди рассмотренных рисунков хронологические пласты, но связала их с каменными изваяниями древних тюрок.

В докладе *С. Ольсен* (США) были приведены материалы новейших раскопок на поселении Красный Яр раннего бронзового века в северном Казахстане. Автор доклада интерпретировала рассмотренные ею археологические находки как имеющие отношение к шаманизму и древним верованиям арийских народов.

В выступлении *Я.А. Шера* (Россия) говорилось о петроглифических памятниках долины Енисея, относящихся к разным хронологическим периодам и серьезно пострадавших в результате подъема уровня воды в Красноярском водохранилище.

К. Лемер (Канада) коснулся вопросов интерпретации ряда зооморфных сюжетов наскальных рисунков, исследованных на территории Казахстана, которые он связал с шаманизмом.

В сообщении *О.С. Советовой* (Россия) говорилось о некоторых сюжетах на петроглифах тагарской культуры в Минусинской котловине. По мнению выступавшей, сцены на скалах и каменных стелах оград тагарских курганов изображают не картины реальной жизни, а мифические сюжеты и потусторонний мир.

Л.С. Марсадолов (Россия) изложил разработанную им версию о миграции киммерийцев – древнего населения Анатолии, которому принадлежали памятники Гордиона, – в Горный Алтай. По мнению докладчика, наблюдается большое сходство между анатолийскими и горно-алтайскими курганами в конструкции курганных насыпей, могильных ям, срубов, наличии сопроводительных захоронений лошадей и формах некоторых вещей.

Доклад *К. Чугунова* (Россия) был посвящен сравнительному анализу курганов Аржан и Аржан-2, исследованных в Туве. Несмотря на значительные различия, отмеченные докладчиком, у этих двух памятников имеются сходные черты в конструкции надмогильных сооружений, заупокойной обрядности и сопроводительном инвентаре.

В докладе *Н.А. Боковенко* (Россия) говорилось о возможных путях миграций древних кочевников из Центральной Азии в Европу, которые прослеживаются по сходным

элементам ряда культур скифского времени, изученных в степном поясе Евразии.

С.С. Миняев (Россия) рассказал об итогах исследования кургана хуннской знати, проведенных им на памятнике Царам на юге Бурятии.

В докладе *В.Р. Эрлиха* и *В.Е. Маслова* были введены в научный оборот результаты раскопок кургана бронзового века на памятнике Уашихту I в Адыгее. В ходе работ было изучено несколько впускных захоронений и нарушенное погребение воина-колесничего, которое исследователи отнесли к культуре киммерийцев.

Большой интерес у аудитории вызвал совместный доклад *К. Линдуфф* и *С. Ольсен* (США), в котором были продемонстрированы новейшие материалы погребений сакского и средневекового времени из памятников Зангулак и Субеши в Синьцзяне. В этих комплексах полностью сохранились мумифицированные тела умерших людей, головные уборы, одежда, обувь, бронзовый втульчатый топор на длинной деревянной рукоятке, плеть, остатки мягкого седла и другие предметы из органических материалов.

Выступление *Е. Миклашевич* (Россия) было посвящено выделению "ажурного стиля" в петроглифике скифского времени в Центральной Азии. Докладчица предположила, что такой стиль мог первоначально возникнуть в виде аппликаций из кожи для украшения одежды и утвари, а в дальнейшем был использован при нанесении рисунков на поверхность скал.

Э. Усманова (Казахстан) рассказала о небольших фрагментах текстильных изделий, обнаруженных в ходе раскопок могильника Лисаковский андроновской культурной общности в Центральном Казахстане. Эти материалы были привлечены для реконструкции костюма древнего населения Казахстана.

В выступлении *К.И. Ташбаевой* (Кыргызстан) говорилось о работах по сохранению и изучению петроглифических памятников на территории Кыргызстана, которые в течение последних лет проводил Институт культурного наследия ЮНЕСКО. Основное внимание было уделено результатам работ на памятнике Саймалы-Таш.

Доклад *М. Баштюрка* (Турция) был посвящен анализу бронзовых топоров из районов Карса и Эрзерума на востоке Турецкой республики. Автор доклада рассмотрел большую серию аналогичных находок с памятников, исследованных на Кавказе.

А. Габелия (Абхазия) выступил с докладом, в котором были охарактеризованы история и основные результаты изучения античного города Диоскуриада (Себастополис) в Колхиде.

М. Гаджиев (Россия) рассказал о раскопках города-крепости Топрах-Кала в Дагестане, функционировавшего в период Сасанидского Ирана. Он привел данные о характере фортификационных сооружений и находках, обнаруженных в процессе исследования. Были продемонстрированы концевые накладки лука, булавки с навершием в виде ладони человека. Автор доклада сопоставил материалы раскопок с изображениями всадников на фресках Самарканда, на одной из которых представлено посольство из Чаганиана.

Представители научных центров из разных стран провели предварительное обсуждение итогов работы конгресса и планов организации подобных научных форумов в будущем. Был внесен ряд предложений по подготовке итоговой резолюции, очередности проведения и тематической направленности будущих конгрессов, созданию и деятельности постоянного координационного комитета, изданию научных трудов.

На заключительном пленарном заседании выступили руководители и участники некоторых секций: *Е.Н. Носов, Е.Г. Дэвлет, Ю.С. Худяков, Я.А. Шер* (Россия), *К.И. Ташбаева* (Кыргызстан), *А.М. Досымбаева* (Казахстан). Они отметили большой интерес среди специалистов разных стран к проблемам археологии Евразии, которые были затронуты в докладах и выступлениях на конгрессе, подвели итоги его работы и внесли предложения, касающиеся перспектив дальнейших исследований. Организаторы форума планируют издать доклады, прочитанные на его заседаниях.

Выступление *С. Гюнери* (Турция) завершило работу конгресса. В оглашенной им резолюции было заявлено, что следующий, Второй конгресс по археологии Евразии запланирован в 2010 г. в Турции в одном из городов на западе Анатолии. Его магистральной темой заявлена "Археология и этнокультурная история тюркских народов Евразии". Для координации работы по подготовке будущего конгресса был создан координационный совет под председательством С. Гюнери, в состав которого включены ученые из Азербайджана, Казахстана, Китая, Кыргызстана, России, Турции, Украины, Японии. Необходимость такой координации продиктована современным уровнем развития археологических исследований в области этнокультурной истории тюркских народов и необходимостью оперативного обмена информацией между учеными разных стран.

После завершения работы конгресса его участникам была предложена интересная культурная программа, включающая посещение музеев в г. Измир и античных памятников Эфеса и Трои.

В целом деятельность Первого конгресса по археологии Евразии была, несомненно, полезна всем его участникам в плане обмена информацией о результатах новейших исследований по археологии степного пояса и некоторых других историко-культурных регионов Евразийского континента. Проведение подобных форумов в дальнейшем будет способствовать развитию исследований и укреплению научных связей между археологами различных стран, изучающими проблемы археологии и этнокультурной истории древних и средневековых народов евразийских степей, Кавказа, Средней Азии и Ближнего Востока.

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск *Ю.С. Худяков*

МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ “КУРСКИЙ КРАЙ В ЭПОХУ РАННЕГО МЕТАЛЛА И СРЕДНИЕ ВЕКА” (Курск, 2007)

23–25 октября 2007 г. Курским государственным областным музеем археологии совместно с Курским государственным университетом была проведена межрегиональная научная конференция “Курский край в эпоху раннего металла и средние века”. Она посвящалась 75-летию со дня рождения Константина Федоровича Сокола (1932–1993 гг.), многие годы возглавлявшего археологическую практику студентов исторического факультета Курского педагогического института.

В работе конференции приняли участие 30 исследователей из различных регионов России (Санкт-Петербург, Москва, Брянск, Воронеж, Елец, Липецк, Тамбов, Курск, Калуга) и Украины (Харьков, Полтава). Были представлены следующие учреждения: Институт археологии РАН (Москва), Институт истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург), Курский государственный областной музей археологии, Государственная инспекция по охране объектов культурного наследия Курской области, Курский государственный университет, Курский областной краеведческий музей, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, Воронежский государственный университет, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, Харьковский национальный педагогический университет им. Г.С. Сковороды, Харьковский гуманитарно-педагогический институт, историко-культурный заповедник “Бельск”, Государственная дирекция по охране культурного наследия Липецкой области, Калужский областной художественный музей.

В начале конференции состоялось торжественное открытие выставки “Памяти Учителя”, на котором с приветственным словом к участникам обратился председатель комитета по культуре Курской области В.В. Рудской. С воспоминаниями о К.Ф. Соколе выступили его родные, друзья и коллеги.

В ходе рабочих заседаний были заслушаны и обсуждены 32 доклада, касающиеся различных аспектов истории Курского края и сопредельных регионов в I – середине II тыс. н.э.

Доклад *Н.А. Тихомирова* (Инспекция по охране наследия Курской области) “Поселение киевского времени у с. Лебяжье под Курском” был посвящен результатам исследования поселения Лебяжье 4, позволившим датировать памятник концом III – началом IV в. н.э. Анализ материала показал, что увеличение количества гончарной черняховской керамики на позднекиевских поселениях свидетельствует не столько о росте импорта престижной посуды, сколько об усилении влияния черняховских традиций вообще. В пользу этого вывода свидетельствуют также топография данного памятника, конструкция хозяйственной постройки, профилировка миски из жилища.

В докладе *О.А. Радюша* (Институт археологии РАН) “Находки римских монет на территории Курской области” были подробно проанализированы топографические особенности распространения в Курском Посеймье римских монет. Особое внимание уделено автором доклада монетам раннегуннского времени, важным для понимания событий, происходивших на северо-восточном пограничье черняховской культуры на последней стадии ее существования. Было высказано предположение, что связи местного населения с Римской империей, очевидно, не прекращались и в последней четверти IV – начале V в., в связи с чем многие ранее сложившиеся представления об этнокультурной ситуации позднеримского и раннегуннского времени в Посеймье требуют существенной корректировки. О.А. Радюш представил новейший свод кладов и единичных находок римских монет на территории Курской области.

В докладе *И.В. Зиньковской* (Воронежский государственный университет) “Раннесредневековые славянские могильники в верховьях Псла и Сейма” были подробно проанализированы планиграфия, погребальный обряд и инвентарь четырех курских грунтовых могильников колочинской культуры VI–VII вв. (Авдеево, Лебяжье-I, Княжий, Картамышево-2) со 184 погребениями по обряду кремации. Сравнение их с могильниками других регионов позволило выявить близость структур погребений колочинской, пражско-корчакской, тушемлинско-банцеровской культур, а также культуры псковских длинных курганов. Эта близость объясняется, по-видимому, не только спецификой обряда кремации, заключающейся в конвергентности многих его элементов и проявлений, но и этническим родством носителей указанных культур, обусловленным родственным компонентом, участвовавшим в их генезисе. Таким образом, колочинское население являлось органичной составной частью обширного этнокультурного массива Восточной Европы, непосредственно участвовавшего в процессе формирования восточнославянской общности во второй половине I тыс. н.э.

В докладе *С.И. Андреева* (Тамбовский государственный университет) “Памятники третьей четверти I тыс. н.э. Окско-Донской равнины” были обобщены результаты обследования группы памятников на территории Тамбовской области. Представлен подробный анализ керамического и вещевого материала поселений Никольское 1, 4 и 5, Коровий Брод, Красный Городок 2 и Кривец.

Четыре доклада были посвящены вопросам взаимодействия носителей салтовской культуры с представителями славянских культур Юго-Восточной Европы (колочинской, волынцевской и роменской).

Н.А. Тихомиров (Инспекция по охране наследия Курской области) в докладе “Могильник Лебяжье 3 под Курском” отметил, что на основе анализа керамического материала входивших в состав могильника волынцевского времени погребений его датировка второй половиной VIII в. может быть несколько расширена. Нижняя хронологическая граница существования памятника располагается где-то в первой половине VIII в., а верхняя заходит в начало IX в. Материалы могильника Лебяжье 3 позволяют полагать, что в конце VII – начале VIII в. происходит затухание колочинской и пеньковской культур, создаются условия для изменения старых и появления новых культурных элементов, заимствования иных традиций. Скорее всего, данные процессы проходили без сколько-нибудь заметной смены населения. При этом значение влияния салтовских традиций на материальную культуру Подесенья в VIII в. исследователями явно преувеличивается. В местном погребальном обряде нет элементов, характерных для хазарских могильников. Основная масса керамики имеет пеньковско-колочинские прототипы. Наличие в материалах памятников VIII в. салтовской посуды может быть не столько свидетельством усиления хазарского культурного влияния, сколько проявлением моды. Наиболее вероятно, что так называемые волынцевские древности являются “связующим звеном” между раннесредневековыми культурами колочинско-пеньковского облика, с одной стороны, и роменскими памятниками – с другой. В связи с этим наиболее

целесообразно применение к ним термина “памятники волынцевского культурно-хронологического горизонта”.

В.В. Колода (Харьковский национальный педагогический университет) в докладе “Взаимовлияние северянской и алано-болгарской керамических традиций конца I тысячелетия на Днепровском лесостепном левобережье” на примере керамических материалов из раскопок разноэтничных поселений (городищ Новотроицкое, Водяное, Мохнач и Большое, селищ Коробовы Хутора, Верхний Салтов и Червонный Шлях) подробно проанализировал взаимовлияние носителей салтовской и роменской археологических культур в указанном регионе. Исследователем был сделан вывод о том, что поселенческие материалы предоставляют значительную информацию о разнообразном взаимодействии этнокультурных и технологических традиций, в том числе демонстрируют синкретизм керамического комплекса и производства на памятниках контактной зоны в бассейне Северского Донца. Это свидетельствует не только о преимущественно мирном сосуществовании, но и о смешении в данном регионе указанных этносов на уровне семейно-брачных отношений.

Доклад *В.И. Квитковского* (Харьковский гуманитарно-педагогический университет) “К проблеме изучения и реконструкции салтовских жилищ лесостепной зоны (на примере поселения Коробовы Хутора Харьковской области)” был посвящен одной из жилых построек, обнаруженных на неукрепленном салтовском селище Коробовы Хутора. Автор доклада проанализировал планиграфические особенности данной постройки, позволившие реконструировать ее как жилище с каркасно-столбовой конструкцией стен и двускатной крышей, стропила которой своими внешними концами опирались на землю за пределами котлована. Размеры жилища, его форма и конструкция, расположение очага позволяют предположить, что оно принадлежало малой семье оседлого населения – алан, которые долго и в большом количестве проживали на этой территории. Находка обломка стремени в постройке позволяет говорить, что живший в ней человек был конным воином или же являлся осевшим кочевником.

В докладе *В.В. Приймака* (Историко-культурный заповедник “Бельск”, Полтавская обл.) “Проблемы изучения древностей Днепровского Левобережья VIII–XI вв.” был дан подробнейший обзор состояния изученности и публикации материалов волынцевских и роменских памятников этого региона на современном этапе. Большое место исследователь отвел проблемам изучения волынцевских древностей, особенно Битицкого археологического комплекса (Сумская обл., Украина), полемике со сторонниками разгрома Битицы варягами-“русью”, этнической интерпретации ямных погребений по обряду кремации Новотроицкого городища.

М.В. Веретюшкина (Курский государственный университет, НИИ археологии юго-востока Руси) в докладе “Становление и развитие земледелия в I – начале II тыс. н.э. на территории междуречья Сейма и Псла (по находкам пашенных орудий труда)” показала, что для славянского населения этого региона вплоть до последней четверти I тыс. н.э. было характерно земледелие с применением орудий без железных наконечников. Только в древностях волынцевского культурно-хронологического горизонта появляются первые находки наральников, которые становятся гораздо более многочисленными в роменское время. Источниковая база по вопросу дальнейшего совершенствования населением курских земель приемов обработки почвы заметно более скромная, однако можно предположить, что в XII–XIII вв. в междуречье Сейма и Псла начинается применение плуга, открывшее новые перспективы для развития пашенного земледелия.

Доклад *К.Ф. Сокола, А.В. Зорина, А.И. Пузиковой* (Курский государственный областной музей археологии, Институт археологии РАН) “Жерновецкий клад железных изделий роменского времени” ввел в научный оборот материалы хранящегося в фондах Курского государственного областного музея археологии клада сельскохозяйственных орудий, кузнечных заготовок и орудий труда конца X в., обнаруженного К.Ф. Соколом во время раскопок поселения Жерновец-3 в 1982 г. Исследователи датировали время сокрытия клада периодом не ранее второй половины – конца X в. и связали его с обитателями расположенного несколько севернее места находки позднероменского поселения.

Доклад *А.А. Чубура* (Брянский государственный университет) “Роменское селище Большая Долженкова 2 (к Своду памятников Курской области)” был посвящен результатам обследования обнаруженного автором небольшого роменского поселения, предположительно представлявшего собой хутор из одного–двух дворов, площадью до 0.8 га.

В докладе *В.В. Енукова* (Курский государственный университет, НИИ археологии юго-востока Руси) «Липинские курганы в контексте вопроса о “роменских ингумациях”» была рассмотрена группа ингумаций с роменской лепной керамикой. На основе анализа обрядности и погребального инвентаря доказана хронологическая и культурная преемственность между ранними и поздними захоронениями курганного могильника и определено, что комплексы с роменской посудой являются отражением сложных этнокультурных и демографических процессов в условиях освоения Русью новых территорий. Погребальный обряд рассматриваемого памятника обнаруживает тесную связь с обычаями населения Киевского Поднепровья, однако находки в захоронениях роменской керамики надежно фиксируют участие в формировании древнерусского населения Липино аборигенного компонента.

Р.С. Веретюшкин (Курский государственный университет, НИИ археологии юго-востока Руси) в докладе “К вопросу о взаимодействии роменской и древнерусской гончарных традиций” на примере раннекруговой керамики Липинского археологического комплекса показал наличие непосредственных контактов носителей роменской и древнерусской гончарных технологий и выдвинул две гипотезы, характеризующие процесс этого взаимодействия.

По первой – изученная керамика является роменским подражанием древнерусским сосудам. Достижение таких высоких показателей в характеристиках посуды может свидетельствовать о поступательном развитии керамического производства населения роменской культуры, постепенно освоившего гончарный круг. Судя по особенностям технологических приемов, приобщение к нему не могло пройти без влияния древнерусских гончаров и их продукции, в том числе и на уровне непосредственных контактов. Достигнув пика развития гончарного производства, роменское население было интегрировано в древнерусскую общность, сохранив на первых порах традиции как лепной, так и раннекруговой керамики. В последующем эти традиции были окончательно вытеснены древнерусской круговой посудой.

По второй – появление гончарной керамики стало результатом возможного проникновения древнерусского населения в роменскую общность, начавшегося в X в. Создавая керамическое производство на новой сырьевой базе, древнерусские мастера могли обращаться к местным рецептам либо в качестве эксперимента, либо исходя из соображений реализации продукции. После ликвидации в конце столетия племенной самостоятельности северян интеграционный процесс набирает силу, что приводит к массовому распро-

странению древнерусской круговой посуды. Однако лепная роменская керамика полностью не исчезает, что указывает на присутствие роменского компонента на древнерусских памятниках. Именно на эту часть населения могло быть ориентировано производство гончарной керамики с роменскими традициями составления формовочных масс.

Ряд докладов был посвящен различным категориям украшений древнерусского времени.

В.В. Енуков (Курский государственный университет, НИИ археологии юго-востока Руси) в докладе "К вопросу о динамике импорта сердоликовых бус на территорию Восточной Европы" проанализировал встречаемость разных типов сердоликовых бус в погребальных комплексах древнерусского времени. Исследователь уточнил хронологические границы бытования тех или иных видов бус и показал, что начальные и финальные стадии их поступления на Русь оказались более растянутыми во времени, нежели считалось раньше.

А.Г. Шпилев (Курский государственный областной музей археологии) в докладе "Лучевые и лопастные височные кольца Курского края (IX – начало XIII в.)" обобщил сведения о найденных на территории Курской области лучевых и лопастных кольцах и выделил два культурно-хронологических периода их бытования – северянский (2-я половина VIII – конец X в.) и древнерусский (конец X – 1-я половина XIII в.). Некоторые лучевые кольца 2-й половины IX в., вероятно, являются византийским импортом и использовались в качестве образцов при изготовлении местных украшений. Выявлен предположительный отрезок соприкосновения ареалов двух типов позднесеверянских лучевых колец (типа "Кветунь" и типа "Горналь") и зафиксирована смена позднероменских колец типа "Горналь" проволочными спиральными кольцами, ставшими одним из этноопределяющих украшений поздних северян в 1-й половине XI в. Исчезновение колец типа "Горналь", вероятно, явилось следствием окончательного включения южносеверянских земель в состав Древнерусского государства в середине 980-х – 990-х годов. Лучевые и лопастные височные кольца конца X – 1-й трети XIII в. фиксируют присутствие на курских землях переселенцев из других районов Древней Руси.

Доклад *В.Г. Пуцко* (Калужский областной художественный музей) "Крест-энколпион с эмалью с Липинского городища" был посвящен рассмотрению стилистических особенностей, типологии и техники изготовления обнаруженного на одном из памятников Курской области фрагмента уникального эмалированного наперстного креста-мощевика 1-й трети XIII в.

Н.Е. Чалых (Государственная инспекция по охране культурного наследия Липецкой области) в докладе "Новые находки изделий из лазурита на территории Древней Руси" были рассмотрены лазуритовые изделия и выявлена их связь с зоной распространения сердоликовых и хрустальных бус ранних форм, поступавших на территорию Руси и в Северную и Западную Европу в X – начале XII в. через Волжскую Болгарию по Великому Волжскому пути и сухопутному пути из Болгара в Киев.

Ю.В. Есикова (Елецкий государственный университет) в докладе "Древнерусские амулеты Верхнего и Среднего Дона" систематизировала новые находки амулетов, обнаруженных при изучении региональных памятников IX–XIV вв. Ряд изделий свидетельствует о влиянии на религиозные воззрения славянского населения Верхнего и Среднего Дона языческих традиций финно-угорского и салтово-маяцкого населения сопредельных территорий.

Р.Н. Перелетов (Елецкий государственный университет) в докладе "Дороги и волоки Доно-Деснинского междуречья VIII–XV вв." на основе анализа письменных, археологических и нумизматических источников попытался выявить специфику движения некоторых категорий товаров в различные периоды истории этого региона и уточнить направления движения торговых караванов на отдельных участках сухопутных и речных магистралей Доно-Деснинского междуречья.

В докладе *А.Г. Рагуштейна* (Курский государственный университет, НИИ археологии юго-востока Руси) "Судостроение Древней Руси" были подробно рассмотрены разные типы древнерусских судов, выявленные на основе анализа письменных и археологических источников. Уточнены возможности их использования в различных регионах, отмечено влияние северных технологий в кораблестроении Северо-Западной Руси.

Доклад *А.И. Пузиковой* (Институт археологии РАН) "Многослойное поселение Переверзево II в Посеймье" был посвящен результатам раскопок поселения, входящего в Переверзевский археологический комплекс (Золотухинский р-н Курской обл.). Отмечено наличие культурных слоев, относящихся к четырем историческим эпохам: бронзовому веку, скифскому времени, роменской культуре и позднему средневековью.

А.А. Иншаков (Елецкий государственный университет) в докладе "Новые данные о поселениях XII–XV вв. в нижнем течении р. Быстрая Сосна" сообщил о новых древнерусских памятниках на реках Паниковец и Свишня, что позволяет говорить о более широком освоении правобережья Быстрой Сосны, чем предполагалось ранее. Подведены итоги раскопок 2006 г. поселения 5 у с. Аргамач-Пальна, выявивших часть производственного комплекса XIV – начала XV в.

Г.Ю. Стародубцев и *А.В. Зорин* (Курский государственный областной музей археологии) в докладе «Предметы вооружения, воинского снаряжения и конской сбруи из раскопок городища "Царский Дворец"» проанализировали ряд находок, обнаруженных во время полевых исследований 2004–2007 гг. Материалы раскопок позволили предположить, что городище было основано в качестве пограничной крепости Великого княжества Литовского вскоре после восточного похода Ольгерда в 1362 г., а погибло в конце XIV – 1-й четверти XV в., во время борьбы северского князя Свидригайло Ольгердовича за власть в Великом княжестве Литовском.

В докладе *А.В. Зорина* и *А.Г. Шпилева* (Курский государственный областной музей археологии) "Курское городище, Городенское городище и Гусин брод (историческая топография и курско-рыльское пограничье в XIV–XV вв.)" ряд известных по письменным источникам XIV – XVII вв. пунктов Курского края был соотнесен с конкретными археологическими памятниками (Курское городище – городище у д. Дроняево, Городецкое городище – у с. Городенск и т.д.). Предположительно выявлен участок границы между Курской тьмой ордынского времени и Рыльским княжеством, сохранивший значение в качестве рубежа двух вассальных владений Великого княжества Литовского.

М.В. Целыковский (Елецкий государственный университет) в докладе "Керамика XVII в. из исторического центра г. Ельца" проанализировал позднесредневековую керамику, обнаруженную во время археологического исследования исторического центра города и его ближайшей округи. Докладчик определил типы сосудов, провел анализ состава теста и технологии производства, предложил датировку рассмотренной керамики в рамках конца XVI – начала XVIII в.

А.Н. Голотвин (Воронежский государственный университет) в докладе "Археологические источники в работах Д.Я. Самоквасова" проследил эволюцию взглядов исследователя на роль и значение археологических источников для постепенного обособления археологии от истории через определение ее предмета, что способствовало ее самоопределению как науки.

Курский государственный областной музей археологии *А.Г. Шпилев*